
РЕДАКТОРСКАЯ СТАТЬЯ

EDITORIAL

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 12 (458). Экономические науки. Вып. 75. С. 7—9.

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11201

ИЛЛЮЗИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В. И. Бархатов, Д. А. Плетнев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Система (и инженеры не дадут нам соврать) проверку на прочность, устойчивость, работоспособность должна проходить в условиях, гораздо менее благоприятных, чем нормальные условия ее функционирования. Запас прочности технических систем — 5—8—10-кратный по сравнению с обычными нагрузками. Однако для социально-экономических систем в их теперешнем состоянии, с их постоянным повышением ставок в глобальных конкурентных играх, с постоянным стремлением к росту, к инновациям, это условие неприменимо. Требования «супервайзера» — учредителя, надзорных органов, рынка — таковы, что государственные структуры, фирмы, иные структуры работают с постоянным напряжением сил, в предчувствии прорыва или в борьбе за выживание. Это явно ненормальное состояние для природных или техногенных систем является меж тем обычным состоянием для систем социально-экономических. И в этих условиях возможности остановиться, отдышаться, задуматься, взвесить «за» и «против», и принять выверенное решение практически не дается.

Но такова наша реальность, и изменить ее ни законами, ни иными способами невозможно. Однако такая реальность порождает системные сбои в восприятии реальности, что прямо влияет на принимаемые решения и может усугублять те проблемы, которые наделенные властью лица (и в частном, и в государственном секторе) пытаются решить. Нам видится, что одним из таких сбоев являются разделяемые большинством из этих лиц неверные по своей сути представления, которые мы обозначили как «иллюзии». И таких иллюзий можно назвать три.

Первая — иллюзия измеримости. Сегодня нет проблемы со сбором всевозможных данных, начиная от анализа информации соцсетей и заканчивая

обработкой данных камер, мобильных операторов, датчиков. Однако обработка и (особенно) интерпретация становятся тем слабым местом, которое перечеркивает всю мощь собранных массивов информации. Цены, доходы, умонастроения граждан остаются той же сложной для действительного понимания материей, что и были до эпохи Big Data. Однако, пребывая в плену иллюзии измеримости, чиновник может (и будет) принимать решения, основанные на этой ошибочной информации. Более того, даже если сам чиновник достаточно умен, чтобы понимать, что представленная информация не отражает действительного положения дел, но при этом все вокруг (начальство, коллеги, СМИ) пользуются ею как достоверной, он не будет ее компрометировать — себе дороже. Отдельным примером такого рода иллюзии являются показатели, закрепленные в документации национальных и федеральных проектов. Как только показатель становится частью KPI, эффективного контракта или дорожной карты, он перестает отражать реальное положение дел, а только лишь стремление чиновников выполнить соответствующее требование. Появился показатель «количество молодых ученых» — будут с мелкой сетью вылавливать всех, кто подходит по возрасту, и назначать «учеными». Появится показатель «выручка стартапов» — будут «назначать» стартапами все возможные бизнесы, вплоть до торговли велосипедами, лишь бы выполнить показатель. Квалифицированному специалисту не составит труда распорядиться почти любыми данными так, чтобы желаемый результат был достигнут, если от этого зависят доходы, карьеры и положение в обществе. Но «простых людей» не обманешь, и постоянное пребывание чиновников в плену такой иллюзии неизбежно отдалит их от решения проблем, интересных тем, кому они служат по закону. Фальшь чувствуется, и степень

доверия общества к власти, и так невысокая, будет снижаться и далее. Социально-экономическая система получает искаженную информацию, и, исходя из этого, принимает ошибочные решения.

Вторая иллюзия — иллюзия управляемости. Дорожные карты, национальные, федеральные и региональные проекты, иные документы стратегического планирования — это важный шаг вперед в сравнении с тем, как происходило стратегическое планирование в масштабах Российской Федерации еще лет десять назад. Однако, как убедительно показывает С. Ю. Глазьев, еще ни один генеральный, стратегический план (начиная с «удвоения ВВП») не достиг своих номинальных целей, и тем не менее каждый следующий план, стратегия все более амбициозны. Для их реализации собираются форумы, конференции, онлайн-панели, создаются мощные некоммерческие организации. И вся эта мощь создает впечатление, что и робототехника развивается, и ученые живут лучше, и с ЖКХ и школами на селе все более-менее хорошо. Совершенно логичная и правильная модель поведения любого чиновника — создавать вокруг себя образ контроля, и если при этом реальность не поддается контролю, она игнорируется и замалчивается, а кто с этим несогласен — оппозиция и фронда. Начальству многократно удобнее с такими подчиненными, кто не пребывает в состоянии перманентной неуверенности, в сомнениях, в рефлексии. Как капитаны на корабле в бурю, они не терпят вопросов и сомнений в правильности выбранного курса. Но такая модель, спасительная на короткой дистанции, на долгом пути порождает отчуждения капитана и команды, и система перестает быть управляемой при сохранении внешней видимости стабильности. Социально-экономическая система «думает», что предпринимает действия, но в действительности изменений не происходит вовсе или они незначительны. Как в известном анекдоте про лося: «Я все пью и пью, а мне все хуже и хуже». И такое положение дел подрывает доверие к способности управляющей системы при необходимости совершить требуемое действие. Обращаясь к классике, «хорош тот король, что отдает приказы, которые можно исполнить».

Третья иллюзия — иллюзия грамотности. Отчасти эта иллюзия, как и проблема, которую она скрывает, — следствие первых двух. В начале тысячелетия государственная служба (на уровне ключевых специалистов) была интересным местом

трудоустройства, со стабильным доходом и соцпакетом. Однако постепенное ускорение процессов и усиление бюрократического давления, с постоянной необходимостью давать десятки ответов «прямо сейчас», вкупе с плохо работающими социальными лифтами рисками стать случайной жертвой «разборок» разных групп влияния, приводит к вымыванию наиболее компетентных, ценящих себя и неготовых «прогибаться» сотрудников. А ведь именно они обеспечивали гибкость системы, амортизирующую откровенно глупые управленческие импульсы с верхних слоев и сохраняли жизнеспособность тех подсистем, за которые были ответственны. Сегодня же мы можем наблюдать результаты «неблагоприятного отбора», когда такие специалисты устали и ушли и на их место пришли активные, реактивные и исполнительные работники. Однако такого набора качеств явно недостаточно, чтобы выполнять все функции, которые были ранее закреплены за этим уровнем системы, и распорядения, приказы, поручения и прочее сыплются на голову нижестоящих чиновников и зависимых от них лиц, как из рога изобилия. Как результат, управляемая система перестает адекватно реагировать на сигналы от управляющей, справедливо считая их глупыми и неуместными.

Таким образом, принятие и реализация ключевых управленческих решений, от которых зависят благополучие, здоровье и жизнь людей, осуществляется под действием этих иллюзий. И даже если полагать, что само государственное управление осуществляется в интересах всего населения, то даже сей факт не будет гарантией того, что эта благая цель будет достигнута, поскольку решения будут опираться на ошибочную информацию, ошибочные представления и не вполне грамотных исполнителей. Какой выход из этой ситуации? Понимание озвученных выше иллюзий — уже важный шаг на пути к решению проблемы. И не нужно кивать на зарубежный опыт и стремиться к его воспроизводству. Еще свежи в памяти девяностые годы, когда именно заимствование чужих рецептов благополучия привело к уничтожению национальной экономической системы, последствия которого мы пожинаем до сих пор. А вот критический взгляд на себя со стороны еще никому не вредил. И для формирующейся и развивающейся в соответствии с обновленной Конституцией системы российской государственной власти такой взгляд точно будет полезен.

Сведения об авторах

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. ecoba@csu.ru

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 12 (458). Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 7—9.

ILLUSIONS OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE DIGITAL AGE

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ecoba@csu.ru

D. A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

THEORY AND METHODOLOGY

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 12 (458). Экономические науки. Вып. 75. С. 10—15.

УДК 332.1
ББК 65.050.22

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11202

О ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ

Д. С. Бенц

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ,
и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее.

Н. А. Бердяев (1874—1948), русский философ

Автор раскрывает эволюцию теорий регионального развития, увязывает таковые с теориями пространственного развития. В статье приведен обзор исследований как зарубежных, так и российских ученых, чье внимание сосредоточено на проблеме пространственного развития. Представлена критика принятой Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г. Раскрыты мнения российских ученых относительно противоречивости и отсутствия баланса между выравнивающей и стимулирующей политиками. Перечислены проблемы, освещаемые учеными-регионалистами, в частности проблемы оттока кадров из множества регионов, несбалансированности внутрирегионального и межрегионального развития, непонимания реальных «полюсов роста» и т. п.

Ключевые слова: *пространственное развитие, экономика региона, экономический рост, теории регионального экономического роста, конвергенция, центр и периферия.*

О пространственном развитии территорий ученые говорят не первое десятилетие. Сегодня многие пришли к пониманию, что экономический рост системы — будь то национальная экономика, регион или же муниципалитет — невозможен без эффективного пространственного развития.

Современные исследования — причем как зарубежных исследователей, так и российских — базируются на теориях регионального экономического роста, появившихся в XX в. и постепенно фундаментально занявших свои ниши в экономической теории. На базе этих же теорий сегодня происходит объяснение причин высокой разобщенности территорий и неэффективности их пространственного развития. Все зарубежные учения в области регионального роста и развития можно разделить на четыре направления: 1) неоклассические направления; 2) теории кумулятивного роста; 3) новые теории регионального роста; 4) прочие теории [23; 24]. Среди авторов неоклассических концепций стоит назвать Р. Барро, К. Сала-и-Мартина [3], Дж. Бортса, Дж. Стейна (Штейна) [4], Р. Холла, Ч. Джоунса [11], Г. Мэнкью, Д. Ромера, Д. Уэйла [15], Х. Зиберта [17], Р. Солоу [18], Т. Суона [19]. Эти теории базируются на производственной функции. Производственный потенциал территории обусловлен совокупностью факторов.

На базе модели Solow — Swan появилась концепция конвергенции территорий — экономики территорий в конечном итоге сходятся к единой траектории роста. Существуют как минимум две попытки объяснить, почему траектории сближаются. Первая попытка — это гипотеза σ -конвергенции: с течением времени различие (дисперсия) показателей роста и развития территории сокращается. Вторая гипотеза — гипотеза β -конвергенции. Согласно этой модели, темпы роста отстающих экономик (бедных территорий) выше, чем аналогичные величины богатых экономик.

Говоря о конвергенции региональных экономик, ученые в мире приходят к противоречивым результатам. С одной стороны, существуют исследования, доказавшие σ -конвергенцию [9]. Концепция σ -конвергенции утверждает существование единой траектории развития регионов. Сближение регионов в этой концепции объясняется возможностями регионов использовать научно-технологические блага в равной мере. А по модели R. Solow, инновационный фактор не требует ресурсов. Другие исследователи говорят об обратном.

Проблема «центр — периферия», являющаяся столь острой сегодня для российской экономики с ее огромной географией, была оформлена в кон-

цепцию еще в 1966 г. Дж. Фридманном. Эту концепцию принято относить к теориям кумулятивного роста. Согласно этой концепции, центр аккумулирует человеческие, финансовые, технологические ресурсы. А периферия, отличающаяся слабым развитием и замедленными модернизационными процессами, выступает источником ресурсов и потребителем инноваций [10]. Дж. Фридманн допускал существование и полупериферий, которые либо обладают высоким потенциалом и недотягивают до уровня центра, но способны перехватить лидерство при условии быстрого роста, либо же находятся географически близко к центру.

Согласно исследованиям G. Myrdal и A. Hirshman, на территориях с низким уровнем развития факторы производства, межрегиональные связи, федеральная политика направлены в пользу центра [12; 16], в то время как для территорий с более высоким уровнем развития тенденция разворачивается в обратном направлении. В итоге на территориях с более высоким уровнем дохода цели экономического роста и экономическая конвергенция регионов не конфликтуют. J. G. Williamson, в продолжение исследований G. Myrdal и A. Hirshman, изучая межрегиональные дифференциации, выдвинул идею о параболической зависимости межрегиональных диспропорций от уровня развития территории [20]. На ранних стадиях диспропорции нарастают, а затем нивелируются. Еще раньше к аналогичным выводам пришел и S. Kuznets, анализируя закономерности изменения доходов Великобритании, США и Германии [14].

Среди кумулятивных теорий роста называют также теорию Ф. Перру. Теория ученого определяет полюс роста как некий центр роста экономики. Равномерный рост не может наблюдаться всюду, он выше в полюсе роста. К таковым ученый отнес ведущую отрасль, либо группу отраслей, либо пространственную агломерацию [См.: 23]. Сегодня множество трудов российских исследователей акцентируют внимание на агломерационных эффектах. Тем временем о замедлении агломерационных процессов говорят А. Нещадин, А. Прилепин [31]. Налицо отток кадров из городов-ядер в Москву. Нарастить свое население смогли лишь пять городов-ядер, а именно Казань, Краснодар, Красноярск, Москва, Ростов-на-Дону. В трех городах численность населения практически не изменилась — в Екатеринбурге, Омске и Набережных Челнах. Остальные же агломерации потеряли в численности жителей. И несмотря на то, что об этих процессах указанные авторы

писали в 2010 г., описанные тенденции к 2021 г. сохранились.

Среди новых теорий регионального роста называют концепцию новой экономической географии П. Кругмана [13]. Фундаментально неравенство регионов обусловлено процессами концентрации, которые, в свою очередь, определяются факторами «первой природы» и факторами «второй природы». Первые — природные ресурсы, локация региона — не зависят от воли человека. Вторые факторы — институциональная среда, агломерационный эффект, человеческие ресурсы — связаны с деятельностью человека, общества и государства.

Существует ряд зарубежных ученых, чьи исследования сосредоточены на различиях российских регионов. О дифференциации доходов говорят D. Berkowitz и D. N. DeJong [5—7]. О малом бизнесе и его влиянии на неоднородность регионов — D. Berkowitz и J. D. Jackson [8]. R. Ahrend проводит количественную оценку региональных различий при помощи 40 показателей, разделяя последние на политические, институциональные, структурные, географические [1; 2].

Несмотря на множество имен ученых, посвятивших свои исследования пространственному развитию, пространственное развитие России, а также российских регионов в мировой литературе исследованы слабо. Россию отличают огромные просторы, с одной стороны. А с другой стороны, именно для России характерно большое количество промышленных регионов, причем старопромышленных, на которых базируется экономический рост многих регионов. Перейти на новый технологический уклад в одночасье для таковых не представляется возможным, а тем временем именно на промышленности держится экономика многих регионов.

В России принята Стратегия пространственного развития на период до 2025 г., однако ее фокус нацелен на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения. Внутрирегиональные же различия не являются предметом управленческого воздействия и отдаются на откуп регионам [25]. Однако, по мнению Н. В. Зубаревич, именно сбалансированность внутрирегионального, территориального пространственного развития является залогом успешного роста и развития как региональных, так и национальной экономики. Говоря о проблеме регионального неравенства, Н. В. Зубаревич делает акцент на необходимости эффективных институтов, которые могут двигать регионы к росту и развитию.

Согласно принципу субсидиарности, при наличии двух находящихся в непосредственной иерархии уровней власти, способных выполнять одну и ту же функцию, таковую должен исполнять тот уровень, что ближе к населению. В России же федерализм всегда выигрывал у регионализма [25]. Среди двух политик с противоположными целями — выравнивающей и стимулирующей — в России всегда была в приоритете выравнивающая, хотя такая, как правило, характерна для более развитых стран, отмечает автор. При этом наряду с большими федеральными затратами на реализацию выравнивающей политики страна придерживается геополитического ориентира — ориентира на снижение рисков децентрализации. Реализация геополитического приоритета также сопряжена с высокими затратами. Ни выравнивающая, ни стимулирующая политики, по мнению автора, не дали долгосрочных положительных итогов. Решать вопросы поляризации регионов нужно сочетанием политики поддержки конкурентных преимуществ региона с мерами выравнивающей политики. Н. В. Зубаревич сформулировала шесть приоритетов пространственной стратегии. Во-первых, нужно отказаться от чрезмерных затрат на поддержание геополитических приоритетов, которые сильно наращивают бюджетные риски. По мнению автора, на сегодня дотации Крыма, Дальнего Востока и Северного Кавказа крайне высоки. Конечно, автор не спорит, что поддержка указанных территорий необходима, но дисбаланс пропорций налицо. Во-вторых, требуется внедрение механизма упрощения системы федеральной поддержки. Объем трансфертов нужно сократить, а удельный вес транспарентной (формульной) дотации, нацеленной на выравнивание бюджетной обеспеченности, увеличить. В-третьих, нужно найти оптимальные пропорции между выравнивающей и стимулирующей составляющими. Нужно переориентироваться с поддержки экономического сектора на поддержку социальных нужд жителей — эта логика должна распространяться на менее развитые территории. Важно поддерживать воспроизводство именно человеческого потенциала. В-четвертых, нужно вернуть крупным агломерациям изъятые ресурсы и полномочия. Это можно и нужно сделать в рамках двухэтапной децентрализации (центр — регионы, регионы — муниципалитеты). Агломерационные преимущества — вот, что нужно использовать для развития регионов. Учитывая, что каждый пятый человек сегодня живет в крупных городах, можно делать вывод о неплохой доступности образования. Однако

пока человеческий потенциал не стал той движущей силой, которая поведет регионы к быстрому росту. Барьеры инфраструктурные, политические, экономические — вот что мешает развитию человеческого потенциала. Следующий момент: акцент нужно делать на конкурентных преимуществах региона. Нельзя заставлять регионы развиваться и расти директивно. Государственные инвестиции должны быть нацелены на развитие инфраструктуры: городской, транспортной. Это нужно для реализации функции опорных точек территориального развития.

И, наконец, нужно наращивать мобильность населения. Стимулирование переезда в малые города и сельскую местность не дает своих плодов. Инвестирование в инфраструктуру агломераций приведет к росту концентрации населения вблизи крупных рынков труда. И тогда крупные агломерации смогут стать точками развития.

Изучая вопросы динамики межрегионального неравенства, Е. А. Коломак отмечает существование тенденций пространственной концентрации экономической активности, причем эта тенденция сопровождается высокой скоростью межрегиональной дивергенции [26]. Тенденция пространственной концентрации для нашей страны накладывается на смещение этой самой концентрации на запад. Среди движущих сил указанной тенденции автор называет объемы регионального рынка, доступность выхода на внешние рынки, уровень диверсификации регионального рынка. По автору, межрегиональное неравенство обусловлено различиями на уровне микроэкономических механизмов взаимодействия экономических агентов, а не природными ресурсами, климатическими условиями и географическими характеристиками. Центростремительные и центробежные силы «центра — периферии» формируют пространственную структуру экономики с высоким уровнем поляризации. В итоге ядром национальной экономики становятся регионы с высоким уровнем диверсификации производства и большим объемом рынка. А в зоне периферии функционируют предприятия, занятые производством традиционных товаров. Отрасли с высоким уровнем положительного эффекта масштаба демонстрируют пространственную концентрацию. Остальные отрасли могут быть рассредоточены по регионам.

В целях роста эффективности мониторинга результатов государственного управления в пространственно-временном разрезе Г. Ю. Гагарина, Е. И. Дзюба, Р. В. Губарев, Ф. С. Файзуллин пред-

приняли попытку разработать альтернативную методику мониторинга результатов государственного управления [22]. Методика включает следующие этапы: 1) формирование системы из 30 частных показателей; 2) осуществление процедуры нормализации значений частных показателей с помощью метода паттерна; 3) при условии равнозначности показателей расчет индекса социально-экономического развития регионов России за 2011—2015 гг.; 4) кластеризация субъектов РФ в зависимости от уровня социально-экономического развития на основе нейросетевых технологий (самоорганизующихся карт Кохонена). Авторы предложили пять кластеров: регионы с социально-экономическим развитием выше среднего; среднего уровня; ниже среднего; низкого уровня; очень низкого уровня. В первый кластер попали Москва, Санкт-Петербург, Тюменская область, Сахалинская область. Челябинская же область определена авторами в третий кластер — ниже среднего уровня развития.

Еще на этапе формирования проекта Стратегии пространственного развития РФ П. А. Минакир подверг такую критику, указав на противоречия методологических подходов стратегии и современных представлений в области пространственной экономики [29]. Национальное экономическое пространство в стратегии рассматривается как простой набор не связанных между собой ни иерархически, ни кооперационными взаимосвязями замкнутых идеальных экономик. Стратегия не учитывает межсистемные связи, межрегиональные агломерационные и интеграционные эффекты, блокирует эффекты специализации. Критикуя окончательный проект стратегии, П. А. Минакир говорит о том, что в стратегии явно перепутан простой город с определенной численностью населения с неким «полюсом роста» [30]. Кроме того, усиление агломерационных эффектов и становится результатом

реализации концепции полюсов роста, что, в свою очередь, противоречит идеи если не выравнивания, то сокращения межрегиональных различий.

Непосредственно в Челябинской области не так много ученых, кто прямо или косвенно занимается вопросами пространственного развития. В. И. Бархатовым, Ю. Ш. Капкаевым, Д. А. Плетневым исследованы характеристики центра и периферии [21]. Новая нормальность, отличительным признаком которой принято считать сближение темпов экономического роста стран с развитой и развивающейся экономикой, укладывается в концепцию выравнивания показателей роста «центра» и «периферии». Для регионов Уральского федерального округа характерен почти синхронизированный экономический рост. Однако среднемесячная зарплата центра почти полуторакратно превышает уровень периферий. Согласно авторам, среди регионов Урала к периферии отнесены Челябинская и Курганская области. При этом Курганская область и вовсе демонстрирует крайне низкие значения заработной платы. Если анализировать инвестиции, то инвестиции центра замедляются начиная с 2011 г., периферия же демонстрирует рост — после 2018 г. Можно сказать, исследования авторов в какой-то степени в очередной раз доказали существование β -конвергенции.

Несмотря на большой массив исследований, посвященных и социально-экономическому развитию региональных систем в целом и пространственному развитию в частности, на сегодня осталась незаполненной лакуна относительно драйверов роста эффективности пространственного развития, а также связи этих драйверов с ресурсным обеспечением региона. Потому автор и планирует далее глубоко проработать вопрос пространственного развития Челябинской области, найти драйверы роста эффективности такового.

Список литературы

1. Ahrend R. Speed of Reform, Initial Conditions or Political Orientation? Explaining Russian Regions' Economic Performance // *Post-Communist Economies*. 2005. Vol. 17, no. 3. P. 289—317.
2. Ahrend R. Can Russia sustain strong growth as a resource based economy? // *CESifo Forum*. 2008. № 9 (2). P. 3—8.
3. Barro R., Sala-i-Martin X. Technological Diffusion, Convergence, and Growth // *Journal of Economic Growth*. 1997.
4. Borts G. H., Stein J. I. Economic Growth in a Free Market. 1964.
5. Berkowitz D., DeJong D. N. Accounting for Growth in Post-Soviet Russia // *Regional Science and Urban Economics*. 2002. Vol. 32, no. 2. P. 221—239.
6. Berkowitz D., DeJong D. N. Policy Reform and Growth in Post-Soviet Russia // *European Economic Review*. 2003. Vol. 47, no. 2. P. 337—352.

7. Berkowitz D., DeJong D. N. Entrepreneurship and Post-Socialist Growth // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2005. Vol. 67, no. 1. P. 25—46.
8. Berkowitz D., Jackson J. D. Entrepreneurship and the Evolution of Income Distributions in Poland and Russia // *Journal of Comparative Economics*. 2006. Vol. 34, no. 2. P. 338—356.
9. Carluer F., Sharipova E. The Unbalanced Dynamics of Russian Regions: Towards a Real Divergence Process // *East-West Journal of Economics and Business*. 2004. Vol. 7, no. 1. P. 11—37.
10. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. 1966. 279 p.
11. Hall R., Jones Ch. Why do some countries produce so much more output per worker than others? // *Quarterly Journal of Economics*. 1999. P. 83—116.
12. Hirshman A. The Strategy in Economic Development. 1958
13. Krugman P. R. Geography and Trade. 1991. 156 p.
14. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *The American Economic Review*. 1955. Vol. XLV, no. 1. P. 1—28.
15. Mankiw G., Romer D., Weil D. A. Contribution to the Empirics of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1992. Vol. 107. P. 407—438.
16. Myrdal G. Economic Theory and Underdeveloped Regions. 1957.
17. Siebert H. Regional Economic Growth Theory and Policy. 1969.
18. Solow R. A. Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. 1956. Vol. 70. P. 65—94.
19. Swan T. Economic Growth and Capital Accumulation // *Economic Record*. 1956. Vol. 32, no. 2. P. 334—361.
20. Williamson J. G. Regional Development and the Process of National Development: A Description of the Patterns // *Economic Development and Cultural Change*. 1965. Vol. 13. P. 1—84.
21. Бархатов В. И., Капкаев Ю. Ш., Плетнев Д. А. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // *Социум и власть*. 2019. № 5 (79). С. 65—82.
22. Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов / Г. Ю. Гагарина, Е. И. Дзюба, Р. В. Губарев, Ф. С. Файзуллин // *Экономика региона*. 2017. Т. 13, № 4. С. 1080—1094.
23. Гаджиев Ю. А. Зарубежные новые теории регионального экономического роста и развития // *Часопис економічних реформ*. 2014. № 3 (15). С. 105—113.
24. Гаджиев Ю. А. Зарубежные теории регионального экономического роста и развития // *Экономика региона*. 2009. № 2 (18). С. 45—62.
25. Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // *Мир новой экономики*. 2017. № 2. С. 46—57.
26. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 132—150.
27. Стратегия пространственного развития России: ожидания и реалии / Е. А. Коломак, В. А. Крюков, Л. В. Мельникова, В. Е. Селиверстов, В. И. Суслов, Н. И. Суслов // *Регион: экономика и социология*. 2018. № 2 (98). С. 264—287.
28. Михеева Н. Н. Анализ дифференциации социально-экономического положения российских регионов // *Проблемы прогнозирования*. 1999. № 5. С. 91—102.
29. Минакир П. А. Национальная стратегия пространственного развития: добросовестные заблуждения или намеренные упрощения? // *Пространственная экономика*. 2016. № 3. С. 7—15.
30. Минакир П. А. «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // *Пространственная экономика*. 2018. № 4. С. 8—20.
31. Нещадин А., Прилепин А. Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // *Общество и экономика*. 2010. № 12. С. 121—139.

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 10—15.

ON SPATIAL DEVELOPMENT OF TERRITORIES

D. S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The author shows the evolution of theories of regional development, links these with theories of spatial development. The article provides an overview of the research of both foreign and Russian scientists, whose attention is focused on the problem of spatial development. The author demonstrates the criticism of the adopted Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the period up to 2025. The opinions of Russian scientists on the contradiction and lack of balance between levelling and stimulating policies have been revealed. The problems covered by regional scientists are listed, in particular, the problems of personnel outflows from many regions, imbalances in intraregional and interregional development, lack of understanding of real “growth poles,” etc.

Keywords: *spatial development, regional economy, economic growth, theories of regional economic growth, convergence, center and periphery.*

References

1. Ahrend R. (2005) *Post-Communist Economies*, vol. 17, no. 3, pp. 289—317.
2. Ahrend R. (2008) *CESifo Forum*, vol. 9 (2), pp. 3—8.
3. Barro R., Sala-i-Martin X. (1997) *Journal of Economic Growth*.
4. Borts G. H., Stein J. I. (1964). *Economic Growth in a Free Market*.
5. Berkowitz D., DeJong D. N. (2002) *Regional Science and Urban Economics*, vol. 32, no. 2, pp. 221—239.
6. Berkowitz D., DeJong D. N. (2003) *European Economic Review*, vol. 47, no. 2, pp. 337—352.
7. Berkowitz D., DeJong D. N. (2005) *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, vol. 67, no. 1, pp. 25—46.
8. Berkowitz D., Jackson J. D. (2006) *Journal of Comparative Economics*, vol. 34, no. 2, pp. 338—356.
9. Carluer F., Sharipova E. (2004) *East-West Journal of Economics and Business*, vol. 7, no. 1, pp. 11—37.
10. Friedmann J. (1966) *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. 279 p.
11. Hall R., Jones Ch. (1999) *Quarterly Journal of Economics*, pp. 83—116.
12. Hirshman A. (1958) *The Strategy in Economic Development*.
13. Krugman P. R. (1991) *Geography and Trade*. 156 p.
14. Kuznets S. (1955) *The American Economic Review*, vol. XLV, no. 1, pp. 1—28.
15. Mankiw G., Romer D., Weil D. A. (1992) *Quarterly Journal of Economics*, vol. 107, pp. 407—438.
16. Myrdal G. (1957) *Economic Theory and Underdeveloped Regions*.
17. Siebert H. (1969) *Regional Economic Growth Theory and Policy*.
18. Solow R. A. (1956) *Quarterly Journal of Economics*, vol. 70, pp. 65—94.
19. Swan T. (1956) *Economic Record*, vol. 32, no. 2, pp. 334—361.
20. Williamson J. G. (1965) *Economic Development and Cultural Change*, vol. 13, pp. 1—84.
21. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkaev Iu. Sh. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].
22. Gagarina G. Ju., Dzhuba E. I., Gubarev R. V., Fajzullin F. S. (2017) *Ekonomika regiona*, vol. 13 (4), pp. 1080—1094 [in Russ.].
23. Gadzhiev Ju. A. (2014) *Chasopis ekonomichnih reform*, no. 3 (15), pp. 105—113 [in Russ.].
24. Gadzhiev Ju. A. (2009) *Ekonomika regiona*, no. 2 (18), pp. 45—62 [in Russ.].
25. Zubarevich N. V. (2017) *Mir novoj ekonomiki*, no. 2, pp. 46—57 [in Russ.].
26. Kolomak E. A. (2013) *Voprosy ekonomiki*, no. 2, pp. 132—150 [in Russ.].
27. Kolomak E. A., Krjukov V. A., Mel'nikova L.V., Seliverstov V. E., Suslov V. I., Suslov N. I. (2018) *Region: ekonomika i sociologija*, no. 2 (98), pp. 264—287 [in Russ.].
28. Miheeva N. N. (1999) *Problemy prognozirovaniya*, no. 5, pp. 91—102 [in Russ.].
29. Minakir P. A. (2016) *Prostranstvennaja ekonomika*, no. 3, pp. 7—15 [in Russ.].
30. Minakir P. A. (2018) *Prostranstvennaja ekonomika*, no. 4, pp. 8—20 [in Russ.].
31. Neshhadin A., Prilepin A. (2010) *Obshchestvo i ekonomika*, no. 12, pp. 121—139 [in Russ.].

МИРОВАЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

WORLD, NATIONAL AND REGIONAL ECONOMY

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 12 (458). Экономические науки. Вып. 75. С. 16—26.

УДК 338.1
ББК 65.050.22

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11203

ПРОТИВОРЕЧИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Ю. О. Климова

Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия

Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0007 «Обеспечение конкурентоспособности регионов в условиях научно-технологических изменений и цифровизации экономики»

Одним из важных условий, которое способствует эффективному функционированию инновационной деятельности, выступает благоприятная институциональная среда. Однако на сегодняшний день существует проблема, заключающаяся в рассогласованности институционального регулирования научно-технологического развития между федеральным и региональным уровнями. Цель исследования — выявление противоречий институционального регулирования научно-технологического и инновационного развития регионов и определение путей их устранения. В статье раскрыты теоретико-методологические аспекты рассматриваемой проблемы. На основании анализа нормативных документов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в сфере управления научно-технологическим и инновационным развитием выявлены противоречия в институциональном регулировании федерального уровня и уровня субъектов РФ. В заключительной части статьи обозначены меры по устранению выявленных рассогласований.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, инновационная деятельность, инновации, регион, институциональная среда.

Важным условием, способствующим экономическому росту и повышению конкурентоспособности страны, является научно-технологическое развитие. В его основе лежат фундаментальная и прикладная наука, технологии, производство инновационной продукции и т. д. [10]. Одним из индикаторов, характеризующих степень вовлеченности компаний в инновационную деятельность, является инновационная активность. Так, по состоянию на 2019 г. инновационная активность российских организаций составила 9,1 %. Аналогичный показатель в Канаде — 79,3 %, в Швейцарии — 72,6 %, в Норвегии — 71 %, в Бельгии — 68,1 % и т. д. Наряду с этим следует подчеркнуть, что если в странах с высоким уровнем инновационной активности за последние десять лет наблюдается рост значений данного индикатора, то в России происходит обратная тенденция (за период с 2010 по 2019 г. снижение на 0,4 п. п.). Статистические данные пока-

зывают, что по этому показателю Россия в 7—8 раз отстает от стран-лидеров¹. Сложившаяся ситуация свидетельствует о необходимости активизации и стимулирования развития научно-технологической и инновационной деятельности, в которой важную роль играет государство. Одной из главных функций государственного управления является формирование благоприятной институциональной среды посредством разработки нормативных положений и правил, выраженных в нормативно-правовых актах (НПА).

Значение нормативного регулирования сферы науки и инноваций подчеркивается в трудах различных исследователей. Так, например, автор работы [2] отмечает, что эффективная реализация государством своих функций в научно-технологической сфере возможна исключительно при на-

¹ Индикаторы инновационной деятельности: 2021: стат. сб. (<https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/465578843.pdf>).

личии правовой базы, отвечающей современным условиям инновационного развития. В исследовании [18] делается акцент на том, что организация инновационной деятельности в России базируется на правилах и механизмах управления, регламентированных законодательством. В работе [1] отмечается, что формирование действенного механизма правового регулирования инновационной деятельности является фактором повышения конкурентоспособности инновационной экономики.

В связи с этим анализ состояния институциональной среды, которая направлена на формирование благоприятных условий для научно-технологического развития, как фактора, определяющего эффективное развитие и функционирование общества, является актуальным.

Цель исследования заключается в выявлении противоречий институционального регулирования научно-технологического и инновационного развития регионов и в определении путей их устранения. Цель определила необходимость решения следующих задач: 1) рассмотреть теоретико-методологические аспекты проблемы противоречий в нормативно-правовых актах; 2) выявить противоречия в нормативном регулировании научно-технологического и инновационного развития на федеральном и региональном уровнях; 3) обозначить меры по устранению выявленных в нормативно-правовых актах расхождений; 4) сформулировать выводы и определить перспективы исследования.

Научная новизна работы заключается в выявлении и систематизации противоречий институционального регулирования научно-технологического и инновационного развития регионов на основании анализа нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, а также в разработке рекомендаций по их устранению.

При проведении исследования использовалась совокупность научных методов. Статистический метод применялся для анализа основных показателей научно-технологического и инновационного развития субъектов РФ. Метод сравнительного анализа был использован для сопоставления отдельных положений региональных НПА федеральным нормативным документам с целью выявления в них различий, а также для изучения научной литературы при исследовании теоретико-методологических аспектов рассматриваемой проблемы. На основе методов обобщения и синтеза предложены рекомендации по устранению выявленных противоречий.

Необходимо отметить, что настоящее исследование направлено на анализ НПА субъек-

тов Сибирского федерального округа (СФО) и Дальневосточного федерального округа (ДФО). Выбор регионов этих федеральных округов связан с большим объемом изучаемых нормативных источников, в связи с чем проводимый в статье анализ НПА субъектов СФО и ДФО является одним из этапов исследовательской работы.

В качестве информационной базы выступили НПА субъектов СФО и ДФО, которые анализировались с использованием справочной правовой системы «КонсультантПлюс». Основными федеральными НПА, с которыми осуществлялось сопоставление региональных НПА на предмет наличия противоречий, являются Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996¹, Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 01.12.2016², а также Паспорт национального проекта «Наука», утвержденный президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018³.

Прежде чем перейти к анализу нормативных документов, представляется необходимым привести краткую характеристику изменения некоторых индикаторов в области научно-технологического и инновационного развития субъектов СФО и ДФО за период с 2005 по 2019 г. Так, например, положительные тенденции наблюдаются в СФО по таким показателям, как число организаций, выполняющих НИОКР, доля затрат на НИОКР в ВРП, а также количество разработанных передовых технологий. Противоположная ситуация прослеживается по следующим индикаторам: численность персонала, занятого НИОКР в СФО (снижение на 11,5%), инновационная активность (снижение на 0,2 п. п.). Аналогичная тенденция прослеживается и в ДФО. За период с 2005 по 2019 г. количество организаций, чья деятельность связана с НИОКР, и число разработанных передовых технологий

¹ Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/).

² Указ Президента РФ «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 01.12.2016 № 642 (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>).

³ Паспорт национального проекта «Наука» (утвержден Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам) от 24.12.2018 № 16 (<http://static.government.ru/media/files/vCAoi8zEXRVsuy2Yk7D8hvQbpbUSwO8y.pdf>).

выросло, однако произошло сокращение численности персонала, занятого НИОКР на 9,7%, доли затрат на НИОКР, а также инновационной активности — на 0,2 п. п. (табл. 1).

Как уже отмечено, важное условие, способствующее повышению уровня инновационной активности, стимулированию развития научно-технологической деятельности — сформированная благоприятная институциональная среда. Обязательным признаком нормативного регу-

лирования является системность и согласованность между различными уровнями [17]. Поэтому представляется целесообразным провести анализ НПА субъектов СФО и ДФО на предмет выявления противоречий федеральным НПА в сфере регулирования научно-технологической и инновационной деятельности.

С нашей точки зрения, необходимо акцентировать внимание на том, что в правоприменительной практике используется термин не «противоречие»,

Таблица 1

**Относительные изменения
показателей научно-технологического и инновационного развития
субъектов СФО и ДФО (2019 г. к 2005 г.)**

Показатели Федеральные округа / регионы	Численность персонала, за- нятого НИОКР, на 10 тыс. чел. населения	Число организаций, выполняющих НИОКР	Доля затрат на НИОКР в ВРП, п. п.	Число разработанных передовых технологий	Инновационная активность, п. п.
<i>СФО</i>	88,5	109,7	0,22	210,5	-0,2
Республика Алтай	73,6	150,0	-0,03	н.д.	-10,7
Республика Тыва	109,7	166,7	0,05	н.д.	н.д.
Республика Хакасия	37,9	300,0	-0,02	н.д.	-8,3
Алтайский край	96,2	105,7	0,05	150,0	2,8
Красноярский край	106,7	116,7	0,56	253,3	0,2
Иркутская область	86,4	125,7	-0,03	75,0	-4,8
Кемеровская область	84,2	103,4	0,03	16,7	-1,9
Новосибирская область	83,0	97,5	-0,38	95,2	2,0
Омская область	49,6	97,7	-0,04	166,7	2,2
Томская область	111,5	112,5	1,55	1366,7	-2,3
<i>ДФО</i>	90,3	132,5	-0,20	108,3	-0,2
Республика Бурятия	83,5	164,7	0,14	н.д.	-1,5
Республика Саха (Якутия)	80,6	150,0	-0,09	н.д.	-1,2
Забайкальский край	92,3	180,0	-0,04	27,3	-2,1
Камчатский край	75,5	113,3	-0,75	н.д.	6,0
Приморский край	92,8	102,4	-0,29	н.д.	1,3
Хабаровский край	119,2	125,8	0,06	10,0	-8,9
Амурская область	64,5	141,7	0,07	н.д.	3,8
Магаданская область	110,7	142,9	-1,18	н.д.	7,1
Сахалинская область	88,2	125,0	-0,30	233,3	-1,2
Еврейская АО	н.д.	200,0	н.д.	н.д.	0,4
Чукотский АО	н.д.	250,0	н.д.	н.д.	н.д.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.

а «юридические коллизии», однако в законодательстве определение ему не дается. В этой связи важно рассмотреть подходы к определению понятий «противоречие» и «юридические коллизии» с целью понимания того, какой терминологией пользоваться в дальнейшем исследовании. В словаре Д. Н. Ушакова противоречие трактуется как мысль или положение, несовместимые с другим, его опровергающие [16]. В статье Т. Н. Карасевой противоречие определяется как положение, при котором одно (мысль, действие) исключает другое, то есть речь идет об определенной несовместимости [7]. Как отмечает Ф. С. Сосенков, противоречие — это наличие логически противоположных или противоречивых мыслей об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время и в одном и том же отношении [15].

Изучение подходов к термину «юридические коллизии» показало, что в большинстве случаев исследователи трактуют его как противоречие в толковании между отдельными правовыми нормами, регулируемыми одни и те же или смежные общественные отношения (табл. 2).

Таким образом, анализ научной литературы свидетельствует о том, что рассматриваемые понятия в целом отождествляются и термин «противоречие» является определением для «юридических коллизий». Разница в том, что если первое — это общее понятие для толкования несовместимых положений в чем-либо, то второе — это противоречия именно в области права. В этой связи в нашей работе мы будем рассматривать данные понятия как синонимичные. Поскольку задача нашего ис-

следования состоит в выявлении противоречий в институциональном регулировании научно-технологического развития РФ и субъектов РФ, то применительно к ней под этим термином понимается выявление разного рода разночтений, связанных с несогласованностью положений внутри правовых актов, определяемых при соотношении НПА регионов с НПА федерального уровня. Кроме этого, с нашей точки зрения, к противоречиям следует отнести и определенную недосказанность, неполноту некоторых элементов НПА.

Как отмечено выше, согласованность между положениями нормативных документов субъектов РФ и федеральных НПА является обязательным признаком благоприятной институциональной среды. О необходимости соответствия норм НПА различных уровней указано в ч. 4, ст. 76 Конституции РФ, где отмечается, что законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам¹. Кроме этого, в ч. 3, ст. 22 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» подчеркивается, что акты высшего должностного лица субъекта РФ, акты высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ не должны противоречить Конституции РФ, федеральным законам, принятым по предметам ведения РФ и предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, указам Президента РФ, постановлениям

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/).

Таблица 2

Подходы к определению понятия «юридические коллизии»

Автор	Определение
В. А. Лебедев, О. В. Анциферова	Противоречие между правовыми нормами, принципами, толкованиями [9]
С. Н. Касаткин, Н. А. Лушина	Противоречие, несоответствие между различными юридическими предписаниями, правовыми нормами [8]
Н. В. Ямалетдинова	Расхождение между положениями НПА или иных источников права, регламентирующих одни и те же либо смежные общественные отношения [19]
П. Х. Махмудов	Противоречие между правовыми нормами, регулируемыми сходные общественные отношения, закрепленные в Конституции России, федеральном законодательстве, с одной стороны, и в основных законах субъектов Федерации — с другой [11]
Л. А. Морозова	Нормы НПА, противоречащие друг другу [12]

Источники: [8; 9; 11; 12; 19].

Правительства РФ, конституции (уставу) и законам субъекта РФ¹.

Однако в настоящее время проблема несоответствия положений региональных НПА федеральным сохраняется. Так, в работе [13] отмечается, что российское законодательство считается иерархической системой законодательных актов, действующих на территории страны, в которых имеется неограниченное количество конфликтующих между собой норм. О распространенности данного явления в юридической практике и его существенном влиянии на стабильность правовой регламентации указано в работе [6]. Автор исследования [19] подчеркивает, что объемная по своему содержанию система законодательства содержит несогласованные, противоречивые и конкурирующие правовые нормы.

На сегодняшний день Министерство юстиции РФ ведет работу по приведению региональных НПА в полное соответствие с федеральными нормативными документами. О том, что такие корректировки необходимы, свидетельствует статистика. В 2019 г. ведомство выявило 3769 нормативных правовых актов субъектов РФ, противоречащих федеральному законодательству. После этого почти 3600 документов (94%) таких актов были приведены в соответствие с действующим законодательством страны. Аналогичная работа проводилась и годом ранее. Из 3892 актов, проверенных в 2018 г., были приведены в соответствие 3515. Кроме этого, по данным федерального регистра НПА субъектов РФ, по состоянию на 23 апреля 2021 г. в нем содержится 1477 документов с нарушениями федерального законодательства².

Проблема несоответствия институционального регулирования посредством НПА между различными уровнями присутствует и в нормативных документах, направленных на управление научно-технологической и инновационной деятельности. В этой связи настоящее исследование направлено на выявление противоречий положений НПА федерального и регионального уровней в данной сфере.

На основе ранее разработанного алгоритма [17]

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» от 06.10.1999 № 184-ФЗ (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/17c37d5317085b754cb0605ffc6b36b50e6bd9ab/).

² Минюст в прошлом году выявил 3800 несоответствий местных законов федеральным (<https://rg.ru/2020/04/24/miniust-v-proshlom-godu-vyiavil-3800-nesootvetstvij-mestnyh-zakonov-federalnym.html>).

был проведен анализ по выявлению рассогласований в система НПА, а также выделены основные категории противоречий (терминология, субъекты научно-технологической политики, полномочия органов государственной власти, финансовое обеспечение научной, научно-технической и инновационной деятельности и т. д.). Анализ НПА субъектов СФО и ДФО показал, что наиболее часто встречаются разночтения в части терминологии, полномочий органов государственной власти субъектов РФ в области научно-технологической политики, формирования и функционирования фондов поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, а также информационного обеспечения (табл. 3).

Таблица 3

Категории противоречий в НПА субъектов СФО и ДФО

Категория	Регион
Терминология	Республика Тыва, Алтайский край, Новосибирская область, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Приморский край, Еврейская автономная область
Полномочия органов государственной власти субъектов РФ в области формирования и реализации государственной научно-технологической политики	Республика Тыва, Алтайский край, Республика Саха (Якутия)
Фонды поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности	Красноярский край
Информационное обеспечение научной и (или) научно-технологической деятельности	Республика Саха (Якутия)

Источник: составлено автором на основе данных справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (<http://www.consultant.ru/law/review/reg/>).

Терминология. Наиболее часто встречаемыми терминами, в рамках рассмотрения которых проявляются противоречия, являются «инновация», а также «инновационный проект». Так, например, в региональном НПА при определении термина «инновации» отсутствует тезис о том, что это не только товар, работа или услуга, но и сам процесс создания того или иного продукта. Аналогичная ситуация наблюдается с трактовкой термина «инновационный проект» в НПА субъектов, в которых отсутствует описание его главной характери-

стики — высокий уровень риска. При этом в ФЗ («О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996) данный факт подчеркивается. Некоторые рассогласования в региональных НПА выявлены и при определении понятий «грант» и «инновационная деятельность». Например, в отличие от федеральных НПА в НПА субъектов СФО и ДФО отсутствует информация о том, что гранты могут предоставляться международными организациями. Наряду с этим при определении понятия «инновационная деятельность» не содержится сведений о том, что это не только деятельность, направленная на реализацию созданного в результате ее продукта, но и деятельность, связанная с созданием инфраструктуры, и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что понятные правовые условия научно-технической и инновационной деятельности могут быть созданы только при единообразном толковании связанных с ее осуществлением терминов субъектами правотворчества всех уровней. Разнообразие в толковании одного и того же термина может негативно сказываться на четкости, точности, а главное — на однозначности изложения мысли законодателя [5]. В этой связи разночтения в понятийном аппарате НПА ведут к ошибочным позициям правоприменителей, что может являться препятствием при осуществлении научно-технической и инновационной деятельности.

Полномочия органов государственной власти субъектов РФ в области формирования и реализации государственной научно-технологической политики. Анализ НПА показал, что данная категория противоречий встречается в нормативных документах субъектов СФО и ДФО наиболее часто. Так, например, в некоторых региональных НПА при перечислении полномочий органов государственной власти в области формирования и реализации государственной научно-технологической политики отсутствует ряд компетенций, обозначенных в ФЗ, среди которых финансирование научной и (или) научно-технической деятельности за счет средств федерального бюджета; выбор приоритетных направлений развития науки, технологий и техники; установление системы экономических и иных льгот в целях стимулирования научной и (или) научно-технической деятельности и использование ее результатов; охрана прав интеллектуальной собственности и т. д.

С нашей точки зрения, противоречия, касающиеся полномочий органов государственной власти субъектов РФ, являются одними из серьезных факторов, препятствующих формированию и ре-

ализации государственной научно-технической политики. Правовая неопределенность в отношении полномочий региональных органов власти может оказать негативное воздействие на инновационные процессы, субъектам которых сложно определить объем своих прав и обязанностей, что приводит к ошибочным правовым взглядам и действиям.

Фонды поддержки научной, научно-технической, инновационной деятельности. Как отмечено в федеральном НПА, одной из главных задач функционирования таких фондов является финансовое обеспечение исследований и разработок. Однако в некоторых региональных НПА среди основных направлений деятельности указываются только отбор перспективных направлений научных исследований, организация и проведение фундаментальных исследований по актуальным проблемам, проведение научных мероприятий, информационное обеспечение.

Информационное обеспечение научной и (или) научно-технологической деятельности. В содержании федеральных нормативных документов предусмотрен комплекс мер, связанных с информационным обеспечением научной, научно-технологической деятельности (создание федеральных информационных фондов и систем в области науки и техники, осуществляющих сбор, государственную регистрацию, аналитическую обработку, хранение и доведение до потребителей научной и технической информации, содействует изданию научной и научно-технической продукции и др.). При этом в некоторых региональных НПА данный раздел исключен. Этот факт свидетельствует о том, что согласно данному НПА субъекты научно-технической и инновационной деятельности не могут воспользоваться правом на информационное обеспечение.

Таким образом, проведенный анализ содержания НПА субъектов РФ показал, что наибольшее количество противоречий федеральных нормативных документов выявлено в Республике Тыва, Республике Саха (Якутия), а также в Алтайском крае. Следует отметить, что противоречия категории «Терминология» встречаются наиболее часто. Проблема, связанная с понятийным аппаратом, заключается в несоответствии терминологии некоторых региональных НПА федеральным, касающихся научной и инновационной деятельности. С нашей точки зрения, наиболее серьезным противоречием является категория «Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области формирования и реализации государственной научно-технической политики»,

которое также встречается достаточно часто, что может привести к рассогласованности в направлениях деятельности.

Среди исследователей называются различные причины, которые обуславливают появление противоречий в институциональном регулировании (на основе НПА) научно-технологической деятельности на федеральном и региональном уровнях. В работе [14] отмечается, что во многих регионах России НПА в области научно-технической и инновационной деятельности были разработаны и введены в действие до принятия в 1996 г. ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». Вследствие этого законодательные акты субъектов оказались разработаны самостоятельно регионами РФ, что привело к разночтениям. В исследовании [3] указано, что отличительной особенностью современного этапа проводимой в регионах России инновационной политики является стремление администраций регионов более тесно увязать ее с реальными возможностями конкретного региона. Следствием этого является то, что при разработке НПА региональные законодатели исходят из потребностей и условий, сложившихся в конкретном субъекте Федерации. Автор труда [15] выделяет две основные причины возникновения противоречий. Во-первых, несоответствие законодательства субъектов РФ федеральному законодательству объясняется тем, что на первоначальном этапе становления РФ субъекты при наличии слабости федерального центра законодательно урегулировали многие вопросы общефедерального значения самостоятельно. Во-вторых, отсутствие согласованных принципов разделения власти порождает противоречия между центром и регионами, обуславливает несоответствие регионального и федерального законодательства.

Выявленные в ходе анализа региональных НПА противоречия могут являться фактором, который сдерживает развитие научно-технологической и инновационной деятельности. Данный факт свидетельствует о необходимости внесения коррективов в нормативные документы субъектов РФ.

Как показало исследование НПА СФО и ДФО, прежде всего необходимо привести в соответствие с федеральными нормативными актами понятийный аппарат. Трактовка в НПА субъектов таких терминов, как «инновация», «инновационный проект», «грант» и «инновационная деятельность», отличаются от того толкования, которое представлено в ФЗ. В этой связи необходимо обеспечить единообразие в трактовке вышеназванных терминов. Поскольку

НПА субъектов основываются на федеральных актах, при определении тех или иных понятий необходимо ориентироваться на ФЗ. Так, например, термин «инновация» должен трактоваться не только как товар, работа или услуга, но также и как процесс или метод создания продукта. При определении понятия «инновационный проект» следует подчеркнуть его важную характеристику — высокий уровень риска. Толкование термина «грант» необходимо дополнить тем, что он может предоставляться международными организациями. Понятие «инновационная деятельность» должно определяться не только как деятельность, направленная на реализацию созданного в результате инновационной деятельности продукта, но и на создание инфраструктуры, а также на обеспечение ее деятельности.

Наряду с этим, как отмечено выше, в перечне полномочий органов государственной власти, обозначенных в НПА субъектов СФО и ДФО отсутствуют следующие полномочия: финансирование научной и (или) научно-технической деятельности за счет средств федерального бюджета; организация научно-технического прогнозирования; создание, реорганизация, ликвидация федеральных государственных научных организаций; выбор приоритетных направлений развития науки, технологий и техники; охрана прав интеллектуальной собственности и т. д. При этом в федеральном НПА они указаны. Применительно к нашему случаю это может означать, что поскольку в региональных НПА не закреплены данные полномочия, то этого права субъекты не имеют. Решение данной проблемы видится в приведении перечня полномочий органов государственной власти субъектов РФ в соответствие с тем, который указан в ФЗ. Кроме этого, для того чтобы не указывать в НПА субъекта весь список полномочий, возможно использование формулировки «Осуществление иных полномочий, установленных ФЗ», которая устанавливает соответствие регионального законодательства федеральному. Так, например, такая формулировка обозначена в Законе Кемеровской области «О государственной научно-технической политике Кемеровской области и об организации научной и (или) научно-технической деятельности»¹.

Наряду с этим выявлено противоречие категории «Фонды поддержки научной, научно-техни-

¹ Закон Кемеровской области «О государственной научно-технической политике Кемеровской области и об организации научной и (или) научно-технической деятельности» от 13.01.2003 № 120-ОЗ (<https://docs.cntd.ru/document/990303676>).

ческой, инновационной деятельности», которое заключается в том, что в региональном НПА указано, что задачей таких фондов является отбор перспективных направлений научных исследований, организация и проведение фундаментальных исследований по актуальным проблемам, проведение научных мероприятий и т. д. В ФЗ подчеркивается, что важной задачей таких фондов является финансирование сферы исследований и разработок. В этой связи необходимо внести корректировки в законодательство субъектов, учитывающее финансовое обеспечение НИОКР как одну из функций формирования фондов.

Представляется необходимым, чтобы каждый НПА субъекта, который регулирует научно-техническую деятельность, содержал раздел «Информационное обеспечение научной и (или) научно-технической деятельности», касающийся предоставления возможности создания федеральных информационных фондов и систем в области науки и техники, осуществляющих сбор, государственную регистрацию, аналитическую обработку, хранение и доведение до потребителей научной и технической информации, доступности информации, права на ее приобретение и т. д.

Следует отметить, что подобные разночтения встречаются в субъектах РФ и других федеральных округов (Центральный, Северо-Западный, Южный федеральные округа и др.), что требует гармонизации положений региональных НПА в соответствии с федеральными. В этой связи представляется целесообразным обозначить некоторые направления по решению данной проблемы.

Прежде всего необходимо избегать чрезмерной федеральной законотворческой активности. Как отмечает В. Б. Исаков, многие НПА изменяются и дополняются уже через несколько месяцев или даже недель после их принятия. Причина происходящего заключается не в изменчивой социальной практике, а в изначально заниженных требованиях к принимаемым законопроектам. В результате их применения обнаруживается множество «дыр» [4]. Соответственно, при подготовке НПА требуется ориентироваться не только на текущую ситуацию, но и на перспективу, что позволит предотвратить частое редактирование отдельных пунктов федеральных нормативных документов. Снижение законотворческой активности на уровне федерации приведет к ее снижению и на региональном уровне, что позволит избежать постоянного пересмотра НПА, влекущего за собой появление в них противоречий.

Следует отметить, что органом исполнительной власти, который осуществляет выработку государственной политики, нормативно-правовое регулирование, а также координирует деятельность в этой сфере, является Министерство юстиции. В этой связи, с нашей точки зрения, видится целесообразным формирование при данном министерстве комиссии по координации законодательной деятельности, одна из функций которой будет заключаться в анализе состояния законодательного процесса. Важной задачей комиссии должно являться проведение экспертной оценки на предмет наличия противоречий между положениями региональных и федеральных НПА, которая должна предшествовать принятию того или иного закона. По результатам проведения экспертизы составляется экспертное заключение о соответствии регионального НПА федеральному. В случае наличия разночтений Министерству юстиции следует поручить профильным департаменту или отделу, входящим в его структуру, подготовить проект правового акта, нацеленный на устранение противоречий в НПА разных уровней.

Также имеет смысл реализация предложения Правительства РФ о наделении Министерства юстиции правом через суд оспаривать региональные НПА, противоречащие ФЗ, что позволит сформировать правовые рычаги для более оперативного приведения региональных и федеральных актов в соответствие с федеральным¹.

Необходимо подчеркнуть, что для обеспечения соответствия ФЗ региональных НПА может быть недостаточно вышеназванных предложений. Важно также установить дополнительные меры ответственности для законодательных органов государственной власти субъектов РФ в случае неоднократных, повторяющихся разночтений в законодательстве разных уровней. Следует отметить, что меры ответственности предусмотрены ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», в котором указано о возможности досрочного прекращения полномочий законодательного органа и высшего должностного лица субъекта РФ².

¹ Минюст сможет обжаловать в суде региональные законы (<https://rg.ru/2020/04/09/miniuist-smozhet-obzhalovat-v-sude-regionalnye-zakony.html>).

² ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ (<https://docs.cntd.ru/document/901744603>).

Следует отметить, что эффективность НПА определяется не только соответствием положений нормативных документов федерального и регионального уровней. Простое декларирование каких-либо принципов не дает ожидаемого результата. Необходимо, чтобы они в действительности реализовывались. Для этого видится целесообразным организовать систему мониторинга со стороны органов власти, научного сообщества, институтов гражданского общества, общественных организаций, деятельность которых должна быть направлена на анализ, обобщение и прогноз исполнения НПА как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Таким образом, государственная поддержка научно-технической и инновационной деятельности играет значительную роль в условиях усиления конкуренции и оказывает большое влияние на модернизацию российской экономики. Одной из главных функций государственного управления является формирование благоприятной институциональной среды посредством разработки нормативных положений и правил, выраженных в НПА. Однако, как показал анализ, существуют противоречия в НПА разных уровней, что может являться препятствием при реализации научно-технологической политики в субъектах РФ. Предлагаемые мероприятия направлены, во-первых, на устранение имеющихся разночтений в НПА регионального и федерального уровней; во-вторых, на предупреждение возникновения противоречий на начальном этапе формирования законопроекта, предотвращение

вступления в законную силу НПА, создающих несогласованность в законодательстве; в-третьих, для систематически повторяющихся случаев нарушений предусмотрены меры ответственности. Обозначенные мероприятия по предотвращению и предупреждению разночтений в НПА федерального и регионального уровней, с нашей точки зрения, должны применяться стабильно и последовательно. Гармонизация положений региональных НПА в соответствии с федеральными создаст условия для эффективного стимулирования развития научной, научно-технической и инновационной деятельности в субъектах РФ.

Следующие этапы исследования направлены на анализ НПА субъектов других федеральных округов, а также на разработку механизма предотвращения появления разночтений в НПА разного уровня. Материалы исследования могут быть использованы научными сотрудниками, аспирантами и студентами, занимающимися проблемами научно-технологического и инновационного развития. Представленное исследование вносит вклад в расширение теоретических аспектов изучаемой проблемы институциональной несогласованности разных уровней. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенные рекомендации по решению обозначенной проблемы могут быть использованы федеральными и региональными органами власти при разработке новых и корректировке уже действующих НПА с целью исключения или устранения противоречий в положениях законодательства на федеральном уровне и уровне субъекта РФ.

Список литературы

1. Басова А. В. Механизм правового обеспечения инновационной деятельности на федеральном и субфедеральном уровнях // *Baikal Research Journal*. 2021. № 1. С. 1—11.
2. Гумеров Л. А. Потенциал права в реализации функций государства в научно-технологической сфере: проблемы и перспективы // *Ученые записки казанского университета*. 2017. Т. 159. С. 333—340.
3. Иванов А. Стимулирование инновационного развития российских регионов // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2013. № 5. С. 112—116.
4. Исаков В. Б. Проблемы обеспечения единства законодательства Российской Федерации. URL: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/3540058/chapter/6c6b7b008a1d99d95b775e76a363097a/> (дата обращения 13.09.2021).
5. Кабатаева К. Т. Единство юридической терминологии и системный подход к правовой терминологии // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2013. № 8. С. 71—74.
6. Кайтукаева Д. М., Касаткин С. Н. О понятии и делении юридических коллизий // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. 2020. № 1. С. 168—172.
7. Карасева Т. Н. Проблема устранения противоречий законодательных актов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству // *Общественные науки. Политика и право*. 2013. № 3 (27). С. 56—65.

8. Касаткина С. Н., Лушина Н. А. Темпоральные юридические коллизии // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2018. № 1. С. 139—146.
9. Лебедев В. А., Анциферова О. В. Обеспечение единства законодательной системы Российской Федерации. М., 2005. 223 с.
10. Мазилев Е. А., Шэн Фанфу. Научно-технологическое развитие: опыт России и Китая. Вологда: ВолНЦ РАН, 2020. 150 с.
11. Махмудов П. Х. Содержание категории «юридическая коллизия» // Этнос и право. 2019. № 4. С. 1—8.
12. Морозова Л. А. Проблемы типологии юридических коллизий (современная трактовка) // Lex Russica (Русский Закон). 2017. № 6. С. 32—38.
13. Пирожкова Е. С. Юридические коллизии в российском законодательстве // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 1. С. 114—118.
14. Салицкая Е. А. Законодательное регулирование научной и инновационной деятельности: опыт субъектов РФ // Управление наукой и наукометрия. 2015. № 18. С. 111—137.
15. Сосенков Ф. С. Проблема соответствия нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральному законодательству // Вестник ВГАВТ. 2005. № 15. С. 74—80.
16. Толковый словарь Ушакова Д. Н. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 15.09.2021).
17. Устинова К. А., Ефремов И. А. Алгоритмический подход к выявлению противоречий федеральному законодательству в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации о науке // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 12. С. 2947—2962.
18. Хусаинова Л. Ф. Правовое регулирование инновационной деятельности в Российской Федерации // Трибуна ученого. 2020. № 11. С. 479—489.
19. Ямалетдинова Н. В. Юридические коллизии: пути преодоления // Вестник Института права БашГУ. 2020. № 2. С. 15—21.

Сведения об авторе

Климова Юлия Олеговна — младший научный сотрудник Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия. j.uschakowa2017@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 16—26.*

CONTRADICTIONS IN THE INSTITUTIONAL REGULATION OF SCIENTIFIC, TECHNOLOGICAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF REGIONS AND WAYS TO ELIMINATE THEM

Y. O. Klimova

Vologda Scientific Center RAS, Vologda, Russia. j.uschakowa2017@yandex.ru

One of the important conditions that contributes to the effective functioning of innovation activity is a favorable institutional environment. However, today, there is a problem consisting in the inconsistency of the institutional regulation of scientific and technological development between the federal and regional levels. The purpose of the study is to identify contradictions in the institutional regulation of scientific, technological and innovative development of regions and to determine ways to eliminate them. The article reveals the theoretical and methodological aspects of the problem under consideration. Based on the analysis of the regulatory documents of the Siberian and Far Eastern Federal Districts in the field of management of scientific, technological and innovative development, contradictions in the institutional regulation of the federal level and the level of the constituent entities of the Russian Federation were revealed. In the final part of the article, measures are indicated to eliminate the identified discrepancies.

Keywords: *scientific and technological development, innovation activity, innovation, region, institutional environment.*

References

1. Basova A. V. (2021) *Baikal research journal*, no. 1, pp. 1—11 [in Russ.].
2. Gumerov L. A. (2017) *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta*, no. 159, pp. 333—340 [in Russ.].
3. Ivanov A. (2013) *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*, no. 5, pp. 112—116 [in Russ.].
4. Isakov V. B. Problemy obespecheniya edinstva zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Problems of ensuring the unity of the legislation of the Russian Federation]. Available at: <https://constitution.garant.ru/science-work/modern/3540058/chapter/6c6b7b008a1d99d95b775e76a363097a/>, accessed 13.09.2021 [in Russ.].
5. Kabataeva K. T. (2013) *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, no. 8, pp. 71—74 [in Russ.].
6. Kaitukaeva D. M., Kasatkin S. N. (2020) *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*, no. 1, pp. 168—172 [in Russ.].
7. Karaseva T. N. (2013) *Obshchestvennye nauki. Politika i pravo*, no. 3 (27), pp. 56—65 [in Russ.].
8. Kasatkina S. N., Lushina N. A. (2018) *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii*, no. 1, pp. 139—146 [in Russ.].
9. Lebedev V. A., Antsiferova O. V. (2005) *Obespechenie edinstva zakonodatel'noj sistemy Rossijskoj Federacii* [Ensuring the unity of the legislative system of the Russian Federation], Moscow, 223 p. [in Russ.].
10. Mazilov E. A., Sheng Fanfu (2020) *Nauchno-tekhnologicheskoe razvitie: opyt Rossii i Kitaya* [Scientific and technological development: the experience of Russia and China], Vologda, VolNTs RAN. 150 p. [in Russ.].
11. Makhmudov P. Kh. (2019) *Etnos i pravo*, no. 4, pp. 1—8 [in Russ.].
12. Morozova L. A. (2017) *Lex russica (Russkij Zakon)*, no. 6, pp. 32—38 [in Russ.].
13. Pirozhkova E. S. (2017) *Vestnik nauchnoj associacii studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, no. 1, pp. 114—118 [in Russ.].
14. Salitskaya E. A. (2015) *Upravlenie naukoy i naukometriya*, no. 18, pp. 111—137 [in Russ.].
15. Sosonkin F. S. (2005) *Vestnik VGAVT*, no. 15, pp. 74—80 [in Russ.].
16. *Tolkovyj slovar' Ushakova D. N.* [Explanatory dictionary of Ushakov D. N.], available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 15.09.2021) [in Russ.].
17. Ustinova K. A., Efremov I. A. (2020) *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, no. 12, pp. 2947—2962 [in Russ.].
18. Khusainova L. F. (2020) *Tribuna uchenogo*, no. 11, pp. 479—489 [in Russ.].
19. Yamaletdinova N. V. (2020) *Vestnik Instituta prava BashGU*, no. 2, pp. 15—21 [in Russ.].

МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА

В. Н. Бердникова

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Государственное регулирование рынка недвижимости в России осуществляется в целях повышения доступности жилья, роста рынка первичного строительства, снижения административных барьеров, защиты прав собственников и т. д. Приоритетность этих целей во многом определяется макроэкономической ситуацией. Имевшие место кризисы на рынке жилья в период 1998—2014 гг. показали, что выбор методов государственного воздействия напрямую зависит от причин и особенностей протекания этапа неопределенности в экономике. В статье проведен анализ трех кризисов на российском рынке жилья, исследованы их схожесть и различия, дана оценка эффективности реализованных антикризисных программ. Установлено, что экономические рычаги поддержки или оживления первичного рынка недвижимости являются быстродейственной и результативной мерой, но требующей предварительной комплексной проработки с учетом макроэкономических процессов и их тенденций. Антикризисные программы, основанные на неэкономических методах воздействия на рынок, менее оперативны, имеют небольшую отдачу и выборочность во влиянии.

Ключевые слова: кризис на рынке недвижимости, ценовой пузырь, государственное регулирование рынка недвижимости, антикризисные меры, государственные программы.

В современных нестабильных экономических условиях перед государством ставятся новые актуальные задачи, среди которых — поддержка особо пострадавших от пандемии сфер экономической деятельности, помощь незащищенным слоям населения, стимулирование отдельных отраслей экономики. В 2020 г. особую государственную поддержку получил рынок первичной недвижимости, когда впервые была обозначена не стратегически важная социальная задача, такая как обеспечение доступным жильем широких слоев населения, а поддержка и стимулирование строительной отрасли. Удастся ли избежать в ближайшие год-два стагнации на российском рынке недвижимости, в условиях ослабления внутренней экономики и значительного роста стоимости недвижимости, обусловленного мягкой монетарной политикой Банка России? Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо исследовать происхождение, природу и особенности протекания кризисов на рынке недвижимости.

Научные публикации последних лет, посвященные регулированию рынка недвижимости, поднимают разные актуальные проблемы. Например, можно выделить научные статьи, посвященные фундаментальным особенностям становления и развития рынка недвижимости. Существенный вклад в исследование этих вопросов внесли такие ученые, как Г. А. Горенбургов, П. Г. Грабовый, В. А. Горемыкин, В. Э. Ресин и др. Особо при-

стальное внимание уделяется государственному регулированию рынков недвижимости с учетом региональных аспектов в работах А. Н. Асаула, Н. Г. Горшкова, М. К. Старовойтова, С. Г. Стерника и др. Экономические вопросы развития, моделирования и прогнозирования рынка недвижимости глубоко раскрываются в исследованиях, проводимых С. А. Астафьевым, И. Н. Анисимовой, Н. П. Бариновым, С. В. Грибовским и др.

Что же касается проблемы развития рынков недвижимости в условиях неопределенности и рисков, преобладающая часть ученых исследуют исключительно конъюнктурные рыночные изменения и их последствия и мало изучают механизмы и формы государственного управления рынком недвижимости в кризисный период. Есть работы, в которых делается упор на то, что проявление ценовых скачков и провалов на инертном рынке недвижимости является одним из важных индикаторов кризисного состояния в экономике [6; 12]. Ряд ученых исследуют предпосылки зарождения, а после формирования и разрыва ценового пузыря на рынке недвижимости в период предкризисных и кризисных состояний в экономике, когда на первоначальном этапе формируется повышенный интерес к инвестиционным активам со стороны обладателей финансовых ресурсов, — провоцирующий рост рыночных цен. Этот избыточный интерес называют накопленной ошибкой в поведении участников рынка, при идентификации которой соотносятся

темпы роста цен на жилье и темпы роста платежеспособного спроса населения. Следовательно, ценовой пузырь на жилищном рынке продолжает оставаться рыночной силой, трудно поддающейся оценке и почти не подвластной управлению [1; 11].

Однако несдерживаемые ценовые процессы на рынке недвижимости способны привести к существенно негативным последствиям для экономики в целом. Достаточно обратиться к опыту США, где после кризиса 2008 г. миллионы людей стали безработными, обесценились активы и сбережения. В условиях экономического кризиса государство может выступать тем институтом, который способен применить различные формы управления рынком недвижимости, направленные на его стабилизацию или стимулирование. Заметим, что экономические и финансовые кризисы имеют разные особенности протекания, что, в свою очередь, требует различных эффективных управленческих инструментов.

Инструменты государственного управления рынком недвижимости можно объединять по разным признакам: по объему финансирования, широте охвата, основным бенефициарам, продолжительности и эффективности влияния в острой фазе кризиса и т. д. Особенно пристальное внимание классификации методов государственной поддержки рынка недвижимости уделено в статье О. П. Кузнецовой, Д. Ю. Смирнова, В. В. Кузнецова, которые выделяют три группы методов управления [5]:

— по улучшению жилищных условий отдельной категории граждан;

— субсидированию процентных ставок по ипотечным кредитам, взятым отдельными категориями граждан;

— созданию современного рыночного механизма финансирования рынка недвижимости.

Использование конкретных методов управления зависит от макроэкономической ситуации и фазы развития рынка недвижимости, однако представляет научный интерес проблема классификации методов государственного воздействия на рынок недвижимости исключительно в кризисный период или в самом его начале, когда в поддержке в той или иной степени нуждаются все институциональные единицы. Заметим, что ученые фиксируют отсутствие стратегической государственной политики в области регулирования и на международных рынках недвижимости, что также дополняет эту сферу неопределенностью, отражается на ожиданиях инвесторов, приводит к волатильности цен на жилье и формированию не обеспеченных доходами ценовых пузырей [14; 15].

Государственное регулирование рынка недвижимости в период кризисных процессов сводится к одному: идентификация проблемы и разработка эффективных инструментов поддержки или стимулирования отдельных отраслей или в целом экономики. Для сохранения баланса в экономике область влияния реализуемых форм регулирования должна быть широкой и, не ограничиваясь отдельными слоями населения или отдельными бизнес-структурами, должна оказывать воздействие на большинство участников рыночного оборота недвижимости. Также можно обозначить опосредованные, более мягкие рычаги, которые направлены на решение каких-то иных государственных задач, но которые в конечном счете способны поддержать рынок недвижимости (табл. 1).

Таблица 1

Антикризисные методы государственного регулирования рынка недвижимости

Метод	Фаза	Содержание
<i>Прямые</i>		
Введение запретов, связанных с функционированием рынка недвижимости	Формирование ценового пузыря	+ Снижение затоваренности рынка, охлаждение ажиотажа – Рост недвижимости в длительной перспективе, обусловленный ограничениями
Выкуп в государственную собственность объектов недвижимости	Кризис	+ Формирование платежеспособного спроса на первичном рынке, сохранение финансовой устойчивости девелоперов – Дороговизна метода поддержки первичного рынка, ограниченный круг девелоперов
Реализация государственных целевых программ на федеральном уровне	Кризис	+ Оживление спроса, поддержка финансовых институтов и девелоперов – Направленность на отдельную группу лиц
<i>Косвенные</i>		
Мягкая монетарная политика Центрального банка	Кризис	+ Снижение ставок по ипотеке, повышение платежеспособного спроса, дешевизна метода поддержки – Неконтролируемый рост цен на первичном рынке
Гибкая система налогообложения	Кризис	+ Оживление товарооборота на рынке – Выпадающие доходы из бюджета

Примечание: составлено автором.

Начиная с периода своего становления в постсоветской России рынок недвижимости пережил несколько кризисов, которые принципиально отличаются своим зарождением, течением, послед-

ствиями, а также методами государственного воздействия на рынок (табл. 2).

Поскольку государственная поддержка рынка недвижимости в 1998 г. не осуществлялась, так как это был переходный период и первоочередными были макроэкономические проблемы, остановимся подробнее на формах государственного воздействия на рынок недвижимости, которые имели место в 2008 и 2014 гг.

Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г., утвержденная Правительством РФ, обозначила следующие государственные приоритеты: поддержка системообразующих предприятий, отдельных отраслей экономики (сельское хозяйство, машиностроение, оборонно-промышленный, транспортный и лесопромышленный комплексы) и финансовой системы страны. На обеспечение жильем всех ветеранов Великой Отечественной войны было выделено 35 млрд руб., была предоставлена возможность семьям, имеющим государственный сертификат на материнский (семейный) капитал, с 2009 г. направлять его на улучшение жилищных условий (погашение основного долга и уплату процентов по ипотечным кредитам), не дожидаясь достижения вторым ребенком возраста трех лет, в размере 26,3 млрд руб. В это же время было принято решение об увеличении суммы имущественного вычета при исчислении НДФЛ при покупке жилья с 1 млн до 2 млн руб. Также экономический кризис оказал

влияние на повышение степени государственного участия в сфере жилого строительства в части обеспечения жильем военнослужащих и их семей, обеспечения жильем ветеранов войны и жителей сельской местности [4; 7].

Данные меры носили исключительно социальный характер, поддержку получили отдельные группы населения, а значит, прямое государственное регулирование рынка недвижимости в 2008 г. не осуществлялось. Несмотря на точечный характер помощи, рынок недвижимости в период кризиса вслед за российской экономикой достаточно легко восстановился. Этому способствовали очень быстрый рост стоимости нефти, начавшийся в 2010 г., и соответствующий прирост доходов населения (рис. 1). Так, к 2011 г. цена за баррель нефти стала составлять 108,66 долл., а рынок жилья в целом в России почти вернулся к докризисным значениям. Особенностью этой фазы развития стала вторая волна падения цен на недвижимость в 2011 г., которая сформировалась после удовлетворения отложенного спроса.

Развитое финансирование строительства жилья за счет средств инвесторов имеет существенные риски для девелоперов, поэтому в 2009 г. строительные организации, извлекающие прибыль заранее, по системе «ап-фронт», нарастили темпы ввода жилья. Было введено 64,1 млн кв. м общей площади жилых помещений против 61,2 млн годом ранее. Следует отметить, что также в кризисный период,

Таблица 2

Особенности протекания кризисных процессов на российском рынке недвижимости

Основные характеристики	Годы максимального падения рынка		
	1998	2008	2014
Отправная точка	Технический дефолт	Ипотечный кризис в США	Падение курса национальной валюты
Доходы населения	Резкое сокращение под влиянием девальвации	Снижение под влиянием мировой рецессии	Медленное проседание доходов
Цены на рынке недвижимости	Падение на активных рынках до 30 %	Падение на активных рынках до 20 %	Стагнация либо слабый рост
Ипотечное кредитование	Не развито	Кризис ликвидности, приостановка кредитования	Незначительное снижение ставок, субсидирование ипотеки
Первичный рынок	Слаборазвит	Достройка начатых проектов, заморозка новых	Постоянный рост себестоимости строительства
Вторичный рынок	Заморозка рынка	Стагнация в сегменте	Пониженный спрос
Последствия для рынка	Зарождение массового строительства и длительное восстановление	Быстрое восстановление	Инертное состояние
Государственная поддержка	Отсутствует	Поддержка отдельных категорий населения — субъектов рынка недвижимости	Софинансирование строительства объектов по государственным программам

Примечание: составлено автором.

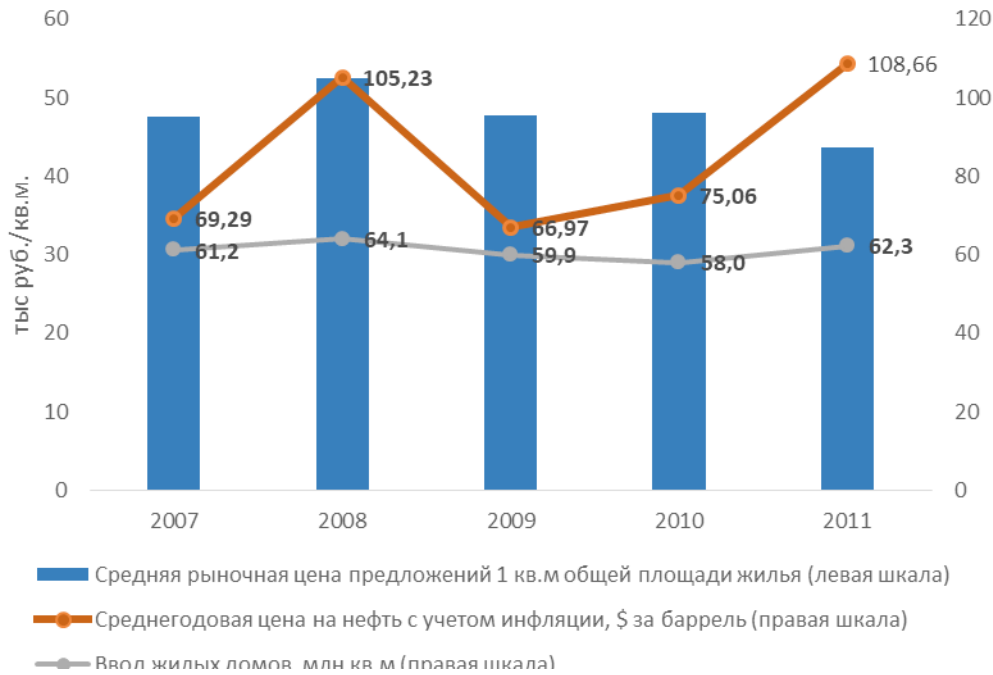

Рис. 1. Цены предложения на первичном рынке жилья по РФ и на нефтяном рынке

Источник: составлено автором на основе данных информационного агентства ТАСС (<https://tass.ru/>) и Федеральной службы государственной статистики (https://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/housing/tab7.htm).

характеризующийся падением спроса, ростом инфляции и удорожанием ипотечного кредитования, девелоперы отложили старт новых проектов [3].

Толчком к кризису 2014 г. стало резкое ослабление национальной валюты по отношению к иностранным, чему предшествовало введение экономических санкций и стремительное снижение мировых цен на нефть. Этот кризис был в какой-то степени ожидаемым, так как накопившиеся структурные проблемы в экономике, такие как сырьевая зависимость и высокая стоимость источников финансирования, не были решены [13]. В течение двух лет после начала кризиса в декабре 2014 г. курс рубля проявлял волатильность, доходы населения стагнировали. В условиях ухудшившейся внешней конъюнктуры кризис на рынке жилья затянулся на годы, стоимость недвижимости регрессировала, в то время как себестоимость строительства росла. Недвижимость стала инвестиционно менее привлекательной и больше рассматривалась как актив, позволяющий сохранить накопления (рис. 2). Средняя доходность из года в год проседала; так, в 2016 г. по отношению к 2013 г. она снизилась на 18%, составив 8,26% и приблизившись к уровню средневзвешенной процентной ставки по депозитам в рублях свыше 1 года, которая, по данным ЦБ РФ, упала до уровня 8,28% [10].

Начиная с 2015 г. правительство проводило активные антикризисные действия по поддержке

первичного рынка недвижимости. Из-за ухудшения макроэкономической ситуации ипотечное кредитование стало менее доступным, сократилось количество заявок на ипотечные кредиты, переносились сроки подписания кредитных договоров, поэтому основной мерой стало субсидирование ипотечных ставок по кредиту [2]. Для этих целей в федеральном бюджете была обозначена сумма в размере 20 млрд руб. в рамках федеральной целевой программы «Жилище». В результате удалось стимулировать спрос на ипотечные кредиты, которые предоставлялись по ставке 13% в период 01.03.2015—01.03.2016, а кредитным организациям компенсировались выпадающие доходы субсидиями из бюджета [9].

Также была предусмотрена адресная поддержка отдельных категорий населения:

- заемщики по ипотечным жилищным кредитам (займам), оказавшиеся в сложной финансовой ситуации в связи со снижением дохода семьи;
- заемщики, имеющие обязательства по ипотечным жилищным кредитам (займам), выданным в иностранной валюте, платежи по которым выросли вследствие снижения курса рубля.

Были установлены механизмы реструктуризации задолженности на срок до 12 месяцев, обозначена процентная ставка на уровне не выше 12% годовых, а количество заемщиков составило примерно 22,5 тыс. чел. [8].

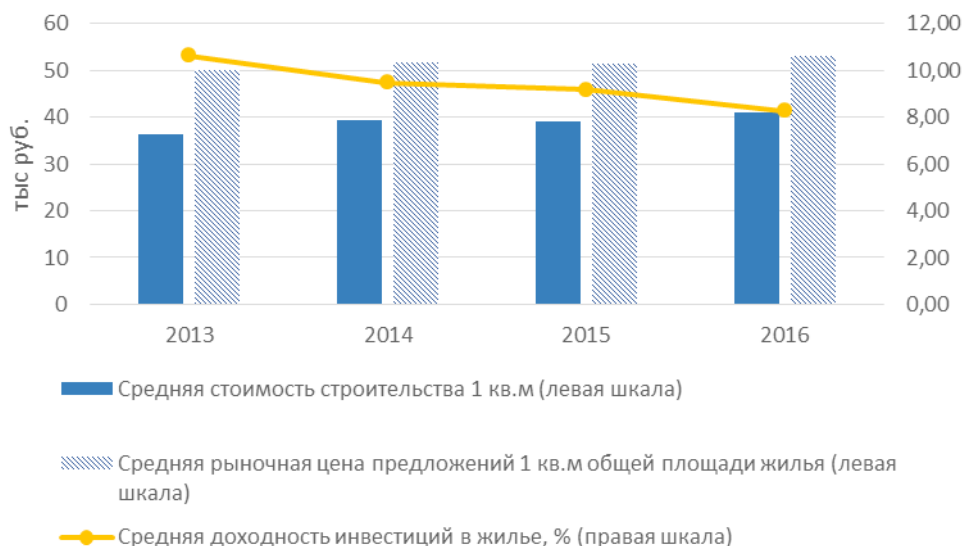

Рис. 2. Доходность инвестиций в жилье в России (2013—2016)

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/folder/14458>), аналитических отчетов портала Domofond.ru (<https://www.domofond.ru/tseny-na-nedvizhimost/reports>), данных портала «Росриэлт» (<https://rosreal.ru/cena/200>).

Анализ трех кризисов на рынке жилья в России показал, что все они протекали по-разному и государственное регулирование также отличалось: либо полное невмешательство, либо разработка и реализация соответствующих государственных программ, либо административные послабления в отношении оборота недвижимости.

По рис. 3 очевидно, что кризису на рынке недвижимости в 2008 г. предшествуют высокие темпы роста стоимости и реальных располагаемых доходов населения. Отметим, что в 2014 г. темпы были несущественными (рис. 3). Обращает на себя внимание рост цены предложения на рынке в период пандемии в 2020 г. на 24 % относительно предыдущего года,

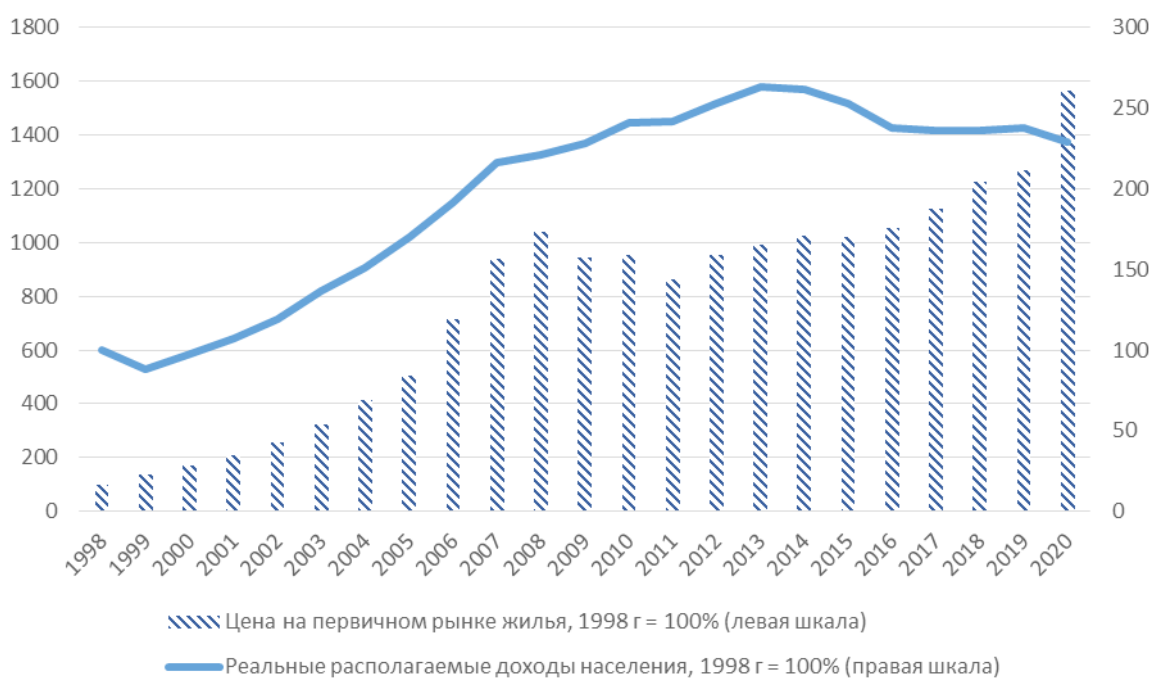

Рис. 3. Цены предложения на первичном рынке жилья по РФ

Источник: данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (<https://www.fedstat.ru/indicator/31452>), Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/folder/14458>).

при этом реальные располагаемые доходы сокращаются на 6,5%. Основной вклад в ценовые сдвиги на рынке жилья внесли мягкая монетарная политика Банка России, запуск ипотечной программы в новостройках под 6,5% и ситуация неопределенности из-за распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которая привела к ажиотажному спросу на рынке недвижимости. Однако разнонаправленность в движении рыночной цены и доходов населения свидетельствует о том, что сценарий дальнейшего развития рынка недвижимости будет отличаться от трех предыдущих кризисов.

Проанализируем макроэкономические тенденции с начала 2021 г., которые продолжают свое влияние на рынок недвижимости (табл. 3).

Таблица 3

Тенденции макроэкономических индикаторов и рынка недвижимости

Индикатор	Изменения
<i>Поддерживающие рынок недвижимости</i>	
Цена на нефть марки Brent	Начавшееся в ноябре 2020 г. восстановление цен наблюдается в течение шести месяцев (прирост +52%). Прогноз — рост цены на нефть и рост рынка недвижимости
Льготная ипотека	Продленная до 1 июля 2021 г. ипотека в регионах исчерпала себя, высокие объемы еще сохраняются в крупных городах. Прогноз — постепенное насыщение спроса
Доходность банковских вкладов	Низкая доходность по депозитам оттолкнула инвесторов, которые стали вкладываться в надежные активы — недвижимость. Прогноз — возврат значения ключевой ставки к допандемийному уровню
<i>Давящие на рынок недвижимости</i>	
Издержки девелоперов	Инфляционные процессы, дефицит кадров и строительных материалов, сформировавшийся вследствие пандемии, влекут рост себестоимости строительства. Прогноз — рост стоимости строительства
Доходы населения	Доходы снижаются последние годы, дисбаланс нарастает. Прогноз — рост закредитованности населения, выход на рынок залоговых объектов

Примечание: составлено автором.

Проведенное исследование кризисов на рынке жилья в России показало, что в разные периоды государством применялись разные формы воздействия.

Самый ощутимый эффект от государственной поддержки просматривается в случаях применения экономических рычагов влияния, когда спрос оживлялся во многом благодаря антикризисным программам льготного ипотечного кредитования для приобретателей жилья на первичном рынке. Это дорогостоящая мера, но оперативная и обеспечивающая определенный отклик со стороны покупателей. Так, в 2014—2015 гг. в условиях сдержанного роста доходов населения и пессимистических настроений реальный спрос показал медленное восстановление после затяжного кризиса. Также текущая ситуация на рынке недвижимости еще раз подтвердила беспрецедентную значимость ипотеки как наиболее мощного инструмента сохранения активности на рынке первичного строительства.

Остальные методы воздействия на рынок менее эффективны. Например, реализованная в регионах в 2008 г. поддержка системообразующих предприятий строительной отрасли и выкуп жилья у девелоперов во введенных или почти введенных домах для государственных нужд носили локальный характер, ценовые предложения государства не всегда соответствовали запросам со стороны застройщиков, поэтому они и не стали стимулом к восстановлению рынка недвижимости.

Особенно активное действенное государственное регулирование рынок недвижимости ощутил в 2020 г., когда использовались рыночные методы управления, являющиеся дорогостоящими для бюджета и имевшие негативное последствие, — неоправданный рост стоимости жилья, который стал еще одним подтверждением того, что подобные рычаги воздействия — самые оперативные. В связи с этим есть смысл применения их при наступлении следующих кризисов, но только после конвертации в более продуманный продукт, который сможет мягко влиять на рынок недвижимости, не допуская его ценовых перекосов, например, с помощью дифференциации антикризисных мер по категориям населения, территориям, обозначение более жестких условий заемщикам и др.

Список литературы

1. Алексеев А. О., Торсунова Н. А., Казимиров И. А. Оценка риска возникновения экономического пузыря на рынке жилой недвижимости города Иркутска // Вестник ИргТУ. 2013. № 1 (72). С. 149—161.
2. Бердникова В. Н. Ипотека как инструмент финансирования инвестиционно-строительного процесса // Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития: материалы Пятой Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. 2018. С. 72—74.

3. Бердникова В. Н. О влиянии строительства на экономику региона // Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития: материалы Шестой Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. 2019. С. 93—100.
4. Бусов В. И. Финансирование рынка жилой недвижимости в современных условиях кризиса // Вестник университета. 2015. № 7. С. 159—161.
5. Кузнецова О. П., Смирнов Д. Ю., Кузнецов В. В. Методы государственной поддержки рынка недвижимости и их классификация // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 2. С. 108—116.
6. Максимов С. Н. Российский рынок недвижимости в условиях экономического кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2009. № 4. С. 10—17.
7. Носкова Е. В., Моисеенко И. В. Сравнительный анализ состояния и тенденций развития рынка жилой недвижимости в период кризиса и посткризисный период // Региональная экономика: теория и практика. 2011. № 37. С. 29—39.
8. Постановление Правительства РФ от 20 апреля 2015 г. № 373 «Об основных условиях реализации программы помощи отдельным категориям заемщиков по ипотечным жилищным кредитам (займам), оказавшихся в сложной финансовой ситуации, и увеличении уставного капитала акционерного общества «ДОМ.РФ». URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 03.05.2021).
9. Постановление Правительства РФ от 13 марта 2015 г. № 220 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам)». URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 03.05.2021).
10. Средневзвешенные процентные ставки по кредитным и депозитным операциям в рублях без учета ПАО Сбербанк. URL: https://old.cbr.ru/statistics/pdco/int_rat/ (дата обращения 11.05.2021).
11. Стерник Г. М., Стерник С. Г. Типология рынков недвижимости по склонности к образованию ценовых пузырей // Имущественные отношения в РФ. 2009. № 8 (95). С. 31—53.
12. Тетушкин В. А. Исследование рынка недвижимости в условиях экономического кризиса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 40. С. 37—52.
13. Ушакова Н. А., Хурматуллина Н. М. Тенденции развития рынка недвижимости России в условиях экономического кризиса // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. № 43. С. 191—196.
14. Aye G., Matthew W. C., Gupta R. The Effect of Economic Uncertainty on the Housing Market Cycle // Journal of Real Estate Portfolio Management. 2019. Vol. 25, iss. 1. Pp. 67—75.
15. Sen Wang, Yanni Zeng, Jiaying Yao, Hao Zhang. Economic policy uncertainty, monetary policy, and housing price in China // Journal of Applied Economics. 2020. Vol. 23, iss. 1. Pp. 235—252.

Сведения об авторе

Бердникова Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. wkoshman@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 27—34.*

METHODS AND RESULTS OF STATE REGULATION OF THE REAL ESTATE MARKET DURING THE CRISIS

V. N. Berdnikova

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, wkoshman@rambler.ru

State regulation of the real estate market in Russia is carried out to increase the availability of housing, the growth of the primary construction market, reduce administrative barriers, protect the rights of owners, etc. Their priority is determined by the macroeconomic situation. The crises in the housing market in the period 1998—2014 showed that the choice of methods of state influence depends on the causes and features of the current stage of uncertainty in the economy. The article analyzes three crises in the Russian housing

market, examines their similarities and differences. The assessment of the current processes in the real estate market due to COVID restrictions in the economy is also given.

Keywords: *the crisis in the real estate market, the price bubble, state regulation of the real estate market, anti-crisis measures, state programs.*

References

1. Alekseyev A. O. (2013) *Vestnik IrGTU*, no. 1, pp. 149—161 [in Russ.].
2. Berdnikova V. N. (2018) *Problemy ekonomiki i upravleniya stroitel'stvom v usloviyah ekologicheski orientirovannogo razvitiya*, no. 1, pp. 72—74 [in Russ.].
3. Berdnikova V. N. (2019) *Problemy ekonomiki i upravleniya stroitel'stvom v usloviyah ekologicheski orientirovannogo razvitiya*, no. 1, pp. 93—100 [in Russ.].
4. Busov V. I. (2015) *Vestnik universiteta*, no. 7, pp. 159—161 [in Russ.].
5. Kuznetsova O. P. (2019) *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*, vol. 4, no. 2, pp. 108—116 [in Russ.].
6. Maximov S. N. (2009) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 4, pp. 10—17 [in Russ.].
7. Noskova E. V. (2011) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 37, pp. 29—39 [in Russ.].
8. Ob osnovnykh usloviyah realizatsii programmy pomoshchi otdel'nym kategoriyam zaemshchikov po ipotechnym zhilishchnym kreditam (zajmam), okazavshihsvya v slozhnoy finansovoy situatsii, i uvelichenii ustavnogo kapitala akcionernogo obshchestva “DOM.RF” [About the main conditions of implementation of the program of assistance to certain categories of borrowers on mortgage housing loans who find themselves in a difficult financial situation, and an increase in the authorized capital of the joint-stock company “DOM.RF”]. Available at: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>, accessed 03.05.2021 [in Russ.].
9. Ob utverzhdenii Pravil predostavleniya subsidij iz federal'nogo byudzheta rossijskim kreditnym organizatsiyam i akcionernomu obshchestvu “DOM.RF” na vozmeshchenie nedopoluchennykh dohodov po vydannym (priobretennym) zhilishchnym (ipotechnym) kreditam (zajmam) [On approval of the Rules for Granting Subsidies from the federal budget to Russian Credit Organizations and joint-stock Company “DOM.RF” on compensation of the lost income on the issued (acquired) housing (mortgage) loans]. Available at: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>, accessed 03.05.2021 [in Russ.].
10. Srednevzveshennye procentnye stavki po kreditnym i depozitnym operatsiyam v rublyah bez ucheta PAO Sberbank [Weighted average interest rates on credit and deposit operations in rubles excluding Sberbank]. Available at: https://old.cbr.ru/statistics/pdco/int_rat/, accessed 03.05.2021 [in Russ.].
11. Sternik G. M. (2009) *Imushchestvennye otnosheniya v RF*, no. 8, pp. 31—53 [in Russ.].
12. Tetushkin V. A. (2016) *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, no. 40, pp. 37—52 [in Russ.].
13. Ushakova N. A. (2015) *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*, no. 43, pp. 191—196 [in Russ.].
14. Aye G., Matthew W. C., Gupta R. (2019) *Journal of Real Estate Portfolio Management*, vol. 85, no. 1, doi: 10.1080/10835547.2019.12090024.
15. Sen Wang, Yanni Zeng, Jiaying Yao, Hao Zhang. (2020) *Journal of Applied Economics*, vol. 23, no. 1.

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ РЕГИОНОВ (ЦЕНТР — ПЕРИФЕРИЯ)

В. И. Бархатов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Концепция «центр — периферия», разработанная для мировой экономики, сегодня является рабочей схемой и для анализа межрегиональной специализации и дифференциации в России. В статье представлены результаты исследования основных трендов развития социально-экономических систем регионов России в контексте концепции «центр — периферия», выполненного на материалах регионов Приволжского федерального округа. Выделены три группы регионов: «Центр», «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя». Особенностью анализа является использование как абсолютных, так и приростных показателей. Основное внимание сосредоточено на таких показателях, как валовой региональный продукт, инвестиции в основной капитал, величина прожиточного минимума и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума. Доказано, что межрегиональная дифференциация со временем усиливается, приводя к утрате регионами периферии своего потенциала и их неспособности к саморазвитию.

Ключевые слова: *региональная экономика, центр — периферия, социально-экономическая система, Приволжский федеральный округ.*

В современных условиях развитие социально-экономических систем (как национальной экономики, так и отдельных регионов) происходит в условиях обострения противоречий. Они накапливались в последние десятилетия и носят многоуровневый характер. Особо следует отметить противоречия между национальными экономиками, когда группа развитых стран пытается сдерживать рост экономического и производственного потенциала России, Китая, других стран, вводя произвольно и постоянно различные санкции. Влияние этих санкций не ограничивается национальным уровнем, а спускается и на уровень отдельных регионов, сдерживая и их социально-экономическое развитие. Нарастает противоречие эволюционного развития потенциала регионов и его ограничения внешними силами. Разрешение этого противоречия нам видится в развитии собственной производственной базы, которая позволила бы заместить ранее импортируемые товары, внезапно подорожавшие или ставшие недоступными к приобретению. Импортозамещение может стать (и в ряде случаев становится) для регионов импульсом для развития производственного и экономического потенциалов. Степень позитивного воздействия разрешения этого противоречия на региональную экономику различна и неоднозначна. Она определяется тем, насколько экономика региона связана с экспортными операциями, насколько сильно региональные корпорации заимствовали иностранный капитал и ориентировались на привлечение новых технологий в региональную

экономику. Ввиду того что национальная экономика есть результат взаимосвязи и взаимодействия региональных социально-экономических систем, и на национальном уровне влияние будет сильным.

Ограничение экспортного потенциала регионов уменьшает возможности роста и развития этих социально-экономических систем. В этом же направлении воздействуют на развитие и рост региона условия «новой нормальности» [1], которые сопровождают переход от одного технологического уклада к укладу более высокого порядка. В этих условиях возникает и развивается ряд противоречий, связанных со сменой технологического уклада. Если национальная экономика в целом неспособна разрешить противоречия данного рода и не создает предпосылок ее разрешения на региональном уровне, то вся социально-экономическая система и ее части могут откатываться на своеобразные периферийные зоны. Они могут терять конкурентоспособность и преимущества по отношению к развитым странам, которые могут оказывать и санкционное давление в области технологического развития.

В статье представлены результаты исследования основных трендов развития социально-экономических систем регионов России в контексте концепции «центр — периферия», выполненного на материалах регионов Приволжского федерального округа.

Статья является отражением развития авторской позиции по вопросу изучения межрегиональной дифференциации, ранее представленной в работах [1]—[3].

В национальной и региональных экономиках для разрешения этих противоречий необходимо формировать научный капитал, способный создавать и развивать новые технологии в границах трендов развития научно-технологического прогресса. Темпы роста экономик регионов зависят не только от противоречий между странами, но и от развития противоречий между центром и периферией на региональном уровне. Противоречия в названных границах имеют разную степень развития. Вполне очевидно, что национальная экономика представляет собой единство национального центра, регионов-центров и периферийных регионов. При этом их единство подвержено влиянию как внутренних, так и внешних факторов.

Не преуменьшая роли федерального центра, необходимо отметить, что развитие национальной экономики зависит от успехов именно региональных центров и периферий, тех отношений и факторов развития, которые формируются на этом уровне. И здесь же, в пределах единства центра и периферии, развиваются и противоречия по поводу движения и перераспределения ресурсов. При этом сложившееся распределение ресурсов может по-разному влиять на развитие региональных центров и периферий, позволяя формировать технологическое, научное, человеческое ядро, способное развивать и преобразовывать региональную социально-экономическую систему.

Выделенные выше противоречия влияют на направление движения ресурсов для развития производственного и экономического комплексов. Совокупность ресурсов центра может способствовать развитию производительных сил в регионах-центрах и периферийных регионах. Происходит ли при этом формирование новых центров в регионах, устраняются ли диспропорции в развитии регионов? Вследствие того что все регионы различаются по уровню технологического развития и стадии перехода к новому технологическому укладу, развиваются противоречия в системе национального центра, региональных центров и периферий. Разрешение противоречий связано с расширением пространственного размещения производств, связанных с новым технологическим укладом. Концентрация всех ресурсов на ограниченном пространстве центра обрекает все остальные регионы на стагнацию. Без перехода к новому технологическому укладу периферия не имеет достаточных ресурсов (прежде всего инвестиционных и инновационных), позволяющих преобразовать территорию, изменить

ее социально-экономический облик, перевести ее статус из периферии в центр.

В последнее время названное противоречие обостряется сильнее, что связано с оттоком населения от периферии в центр. Производственный и экономический потенциал периферийных регионов обедняется. Наиболее активная часть населения, обладая интеллектуальным потенциалом, востребованным в центре, мигрирует туда [4]. И, поскольку сегодня главным фактором развития является именно человеческий капитал [5; 6], его вымывание с территории есть потенциально критическая утрата с далеко идущими последствиями. В любом случае концентрация любых видов ресурсов на ограниченном пространстве центров имеет негативные последствия для всей социально-экономической системы страны, хоть и не отражается явно в валовых показателях. При этом со временем противоречие не разрешается, а, напротив, усугубляется, происходит снижение производственного и экономического потенциала. Все большее количество регионов теряют свой сложившийся десятилетиями потенциал, и периферийных регионов становится все больше. На производственный и экономический потенциал влияют противоречия, которые развиваются внутри названной системы: национальный центр — региональный центр — периферия. От степени их обострения во многом зависит эффективность развития [См.: 2].

К противоречиям этого типа следует отнести прежде всего противоречия собственников капитала по линии «центр региона — периферия», в которых субъектами выступают собственники капитала центра и собственники капитала периферийных зон. Во-вторых, возникает «классическое» противоречие между собственниками капитала и наемными работниками. Совокупность собственников капитала, которых мы обозначаем как региональные и периферийные элиты, определяет, насколько успешно идет развитие территории. Вкладывая капитал в те или иные сферы деятельности, они влияют на формирование того или иного технологического уклада на территории. Проблемой для региональных центров и периферий становится то, насколько экономические интересы элит на территориях совпадают с запросами развития этих территорий. Если элиты слабо мотивированы на рост региона, не видя в этом особых для себя перспектив, то проблемы не разрешаются, а, напротив, нарастают.

В регионах сложилась тенденция использования не собственного, но в первую очередь заемного капитала для развития производства. Ставка на заем-

ный капитал снижает мотивацию и вовлеченность у местных экономических элит. Главным субъектом развития становятся деперсонализированные финансовые структуры, находящиеся, как правило, в центре. И по этой причине вместо притока капитала на территорию имеет место его отток в виде выплаты кредитов. Финансовая политика должна смещаться в сторону использования финансового капитала как источника наращивания производственного и экономического потенциала.

Нельзя оставить в стороне противоречия, связанные с использованием природно-климатических ресурсов [7]. Возникают проблемы, связанные с формированием и распределением ренты от использования природных ресурсов, в том числе абсолютной и дифференциальной ренты, связанной с качеством земли в регионах. Эффективное управление названными ресурсами может увеличивать или уменьшать потенциал регионов.

Вследствие того что экономический и производственный потенциал развивается в условиях формирования институциональных отношений, возникают противоречия, связанные с влиянием норм и правил центра и периферий. Возникающие проблемы, связанные с постоянно появляющимися возмущающими факторами в экономике регионов, требуют реакции в виде новых законов и иных юридических норм. Это ведет к изменению повседневных функций субъектов управления регионами. Разрешение этих противоречий связано с постоянной модернизацией институциональной системы, то есть норм и средств обеспечения соблюдения функционирующих норм.

При разрешении противоречий, возникающих как в социально-экономической системе в целом, так и в отдельных частях (центральных и периферийных регионах), необходимо развивать способность сохранять эффективное взаимодействие и взаимосвязь внутри системы и с внешней средой. Разрешение противоречий возможно благодаря объединению ресурсов центра и периферий, а также их обмену. Центральные регионы получают синергетический эффект от такого объединения, и они должны делиться этим эффектом с периферийными регионами. В условиях возникновения, развития, обострения противоречий цель центров региона и периферий — не рост потенциала регионов, а стремление эффективного использования накопившихся ресурсов.

Приведенные противоречия, возникающие в социально-экономической системе региональных центров и периферий, сопровождаются асимметрией

развития регионов. Асимметрия сводится к диспропорциям в развитии разных регионов, неравномерности развития, дивергенции, дифференциации, дезинтеграции экономической системы регионов [См.: 8—10]. Асимметрия выступает как всеобщая закономерность неравномерного характера движения. Она находит свое отражение во взаимодействии регионов-центров и периферийных регионов. Развивающиеся негативные процессы в экономике регионов, возникновение, развитие и разрешение противоречий, асимметрия региональных экономик находят отражение в движении ряда показателей социально-экономического развития. В движении этих показателей просматриваются тенденции использования производственного и экономического потенциала, провалы и периоды кризисных явлений, стагнации, роста показателей, отражающих совокупность экономических отношений, взаимодействие системы в целом и ее частей [См.: 11—12]. Динамика трендов отражает отклонение показателей региона-центра и периферий. Также важным фактором социально-экономического развития регионов является эффективная структура региональных экономик [См.: 13—15], что может отразиться на росте их производственного и экономического потенциала.

В качестве показателей, отражающих противоречия, влияющие на тренд социально-экономического развития, могут рассматриваться: валовой региональный продукт, прирост валового регионального продукта, инвестиции в основной капитал, прирост инвестиций в основной капитал, прирост индекса промышленного производства, объем инновационных товаров, работ и услуг, валовой региональный продукт на душу населения, объем инновационной активности организаций к общему объему организаций, степень износа основных фондов, удельный вес убыточных организаций, затраты на инновационную деятельность организаций, величина прожиточного минимума, среднедушевые денежные доходы населения, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, прирост численности населения субъектов центра и периферии за период 1999—2019 гг.

Анализ трендов развития социально-экономических систем проведен на примере центров и периферий Приволжского федерального округа за период 1999—2019 гг. Используются данные Росстата о валовом внутреннем продукте, инвестициях в основной капитал, прожиточном минимуме и доле населения с доходами ниже прожиточного минимума. Для всех показателей рассчитаны цепные темпы прироста.

Синтетическим показателем развития социально-экономических систем регионов является валовой региональный продукт. В Приволжском федеральном округе были выделены пять центров: Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область. В период 1999—2019 гг. во всех названных регионах наблюдался рост валового регионального продукта. Лидером роста со значительным отрывом была Республика Татарстан. В период 1999—2019 гг. кривые роста отражают как точки максимального роста, так и точки падения валового регионального продукта в периоде. Динамика валового регионального продукта субъектов Приволжского федерального округа отражена на рис. 1.

Кривые повторяют циклическую кривую развития социально-экономических систем. С 1999 по 2008 г. наблюдался равномерный подъем, 2009 г. — провал как следствие кризиса 2008 г., с 2010 по 2019 г. кривые движения имеют различный уровень наклона, что свидетельствует о колебаниях валового регионального продукта. Это отражает трансформацию социально-экономических систем Приволжского федерального округа. При оценке движения трендов валового регионального продукта необходимо рассмотреть отклонения показателя от центра (лидера) — Республики Татарстан, где рост валового регионального продукта носил более равномерный

характер, в то время как прирост валового регионального продукта в период с 2000 по 2019 г. представляет циклические кривые, где подъемы чередуются со спадами.

Взяв за базу прирост валового регионального продукта региона-центра (Республика Татарстан), проанализируем отклонения в ряде точек кривой. Так, в 2000 г. отклонения валового регионального продукта в Республике Башкортостан было $-23,2\%$, соответственно Пермский край $-39,6\%$, Нижегородская область $26,2\%$, Самарская область $-38,8\%$. В год финансового кризиса 2009 г. при базе (центр Республика Татарстан) прирост валового регионального продукта составил $-4,4\%$, и соответственно: в Республике Башкортостан $-12,8\%$, Пермском крае $-11,1\%$, Нижегородской области $-7,1\%$, Самарской области $-16,5\%$. Наиболее крупное падение прироста валового регионального продукта произошло в Республике Башкортостан, Пермском крае, Самарской области, что может свидетельствовать о накоплении противоречий во всей их структуре. Произошло накопление асимметрий. Пик прироста валового регионального продукта в центре Приволжского федерального округа приходится на 2011 г. Лидер прироста — Пермский край. Прирост составил $34,8\%$; соответственно в Республике Татарстан $20,4\%$, Республике Башкортостан $23,9\%$, в Нижегородской области $18,1\%$, Самарской области $19,9\%$. С 2012 г. проис-

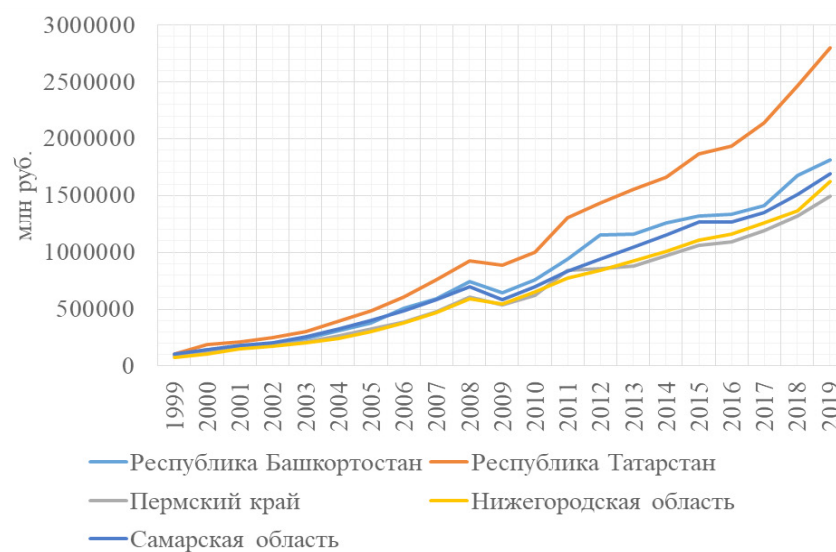

Рис. 1. Валовой региональный продукт субъектов ПФО по группе «Центр» в 1999—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

ходит снижение во всех центрах, но особо прирост уменьшился в Республике Башкортостан, не превысив 1,2%, в Пермском крае 2,3%, тогда как прирост соответственно был в Республике Татарстан 8%, Нижегородской области 9,9%, Самарской области 11,9%.

С 2015 г. наблюдался прирост. В 2016 г. провал прироста валового регионального продукта колебался по центрам в пределах от 0,4 до 5,1% в Нижегородской области. С 2017 по 2019 г. происходит рост прироста. В 2019 г. колебания прироста происходило в пределах от 8,1% в Республике Башкортостан до 18,6% в Нижегородской области. Прирост валового регионального продукта во всех центрах с 2009 по 2019 г. был существенно ниже периода 2000—2009 гг.

Происходящие трансформации сопровождались падением производства, проблемами на финансовом рынке, снижением эффективности использования всех видов ресурсов. Противоречия, порождаемые в этот период, невозможность при наличии определенных ресурсов разрешить их

снижали прирост валового регионального продукта центров. Для тренда характерен колебательный процесс в пределах максимума и минимума.

Специфика социально-экономической системы определяет ее колебания в соответствии с находящимися в ее распоряжении производственным и экономическим потенциалом (рис. 2).

Валовой региональный продукт регионов ближней периферии Приволжского округа в период с 1999 по 2019 г. имел положительный тренд роста. Ближняя периферия — Удмуртская Республика, Оренбургская область, Саратовская область (рис. 3).

Лидером по приросту является Оренбургская область. Тренд на определенных участках кривой имеет разный наклон кривой роста. С 1999 по 2008 г. наблюдается равномерный рост. В период с 2009 по 2010 г. — падение, с 2010 по 2019 г. — рост; и падение роста валового регионального продукта в 2018 г.

Прирост валового регионального продукта ближней периферии в период 2000—2019 г. представляет

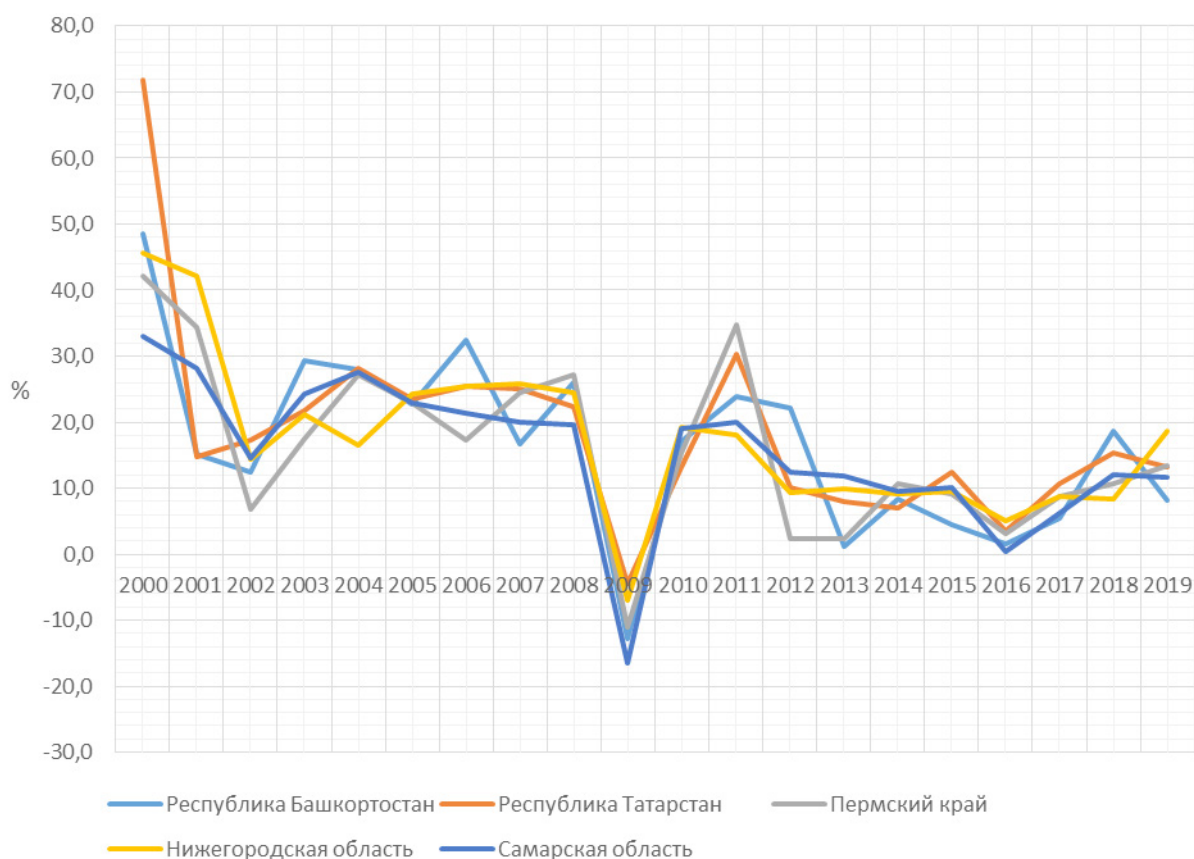

Рис. 2. Прирост ВРП субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

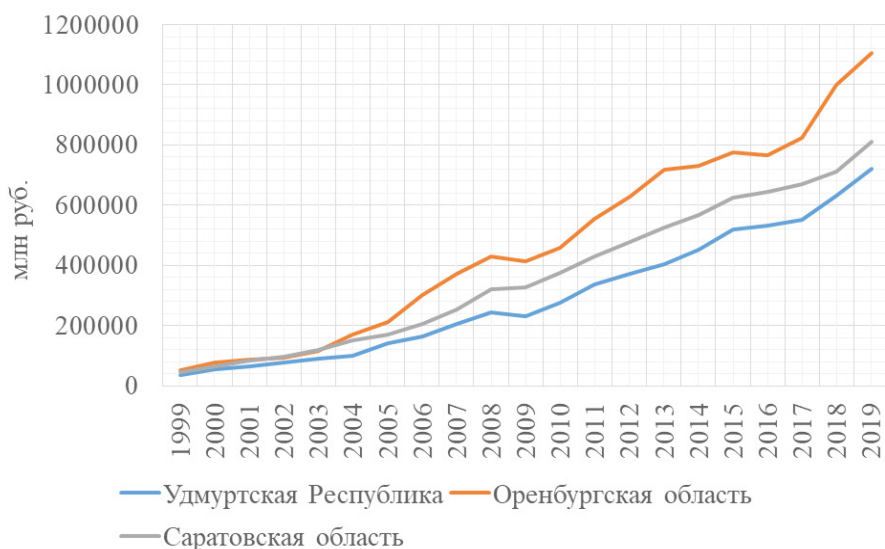

Рис. 3. Валовой региональный продукт по субъектам ПФО по группе «Периферия ближняя» в 1999—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

циклическую кривую, рост сопровождается падением (рис. 4). Прирост в 2001 г. колебался в пределах: Удмуртская Республика — 54,1%, соответственно Оренбургская область — 48%, Саратовская — 44%. В период кризиса 2010 г. наблюдался отрицательный прирост: Удмуртская Республика –5%, Оренбургская область –3,9%, Саратовская область –1,4%. В 2020 г. прирост составил: Удмуртская Республика — 19,3%, Оренбургская область —

10,6%, Саратовская — 13,9%. Колебания по субъектам невелики в отличие от субъектов-центров.

Движение и тренды валового регионального продукта по группе «Периферия дальняя» с 1999 по 2019 г. изображены на рис. 5. В группе «Периферия дальняя» выделим следующие субъекты: Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская область, Пензенская область, Ульяновская область.

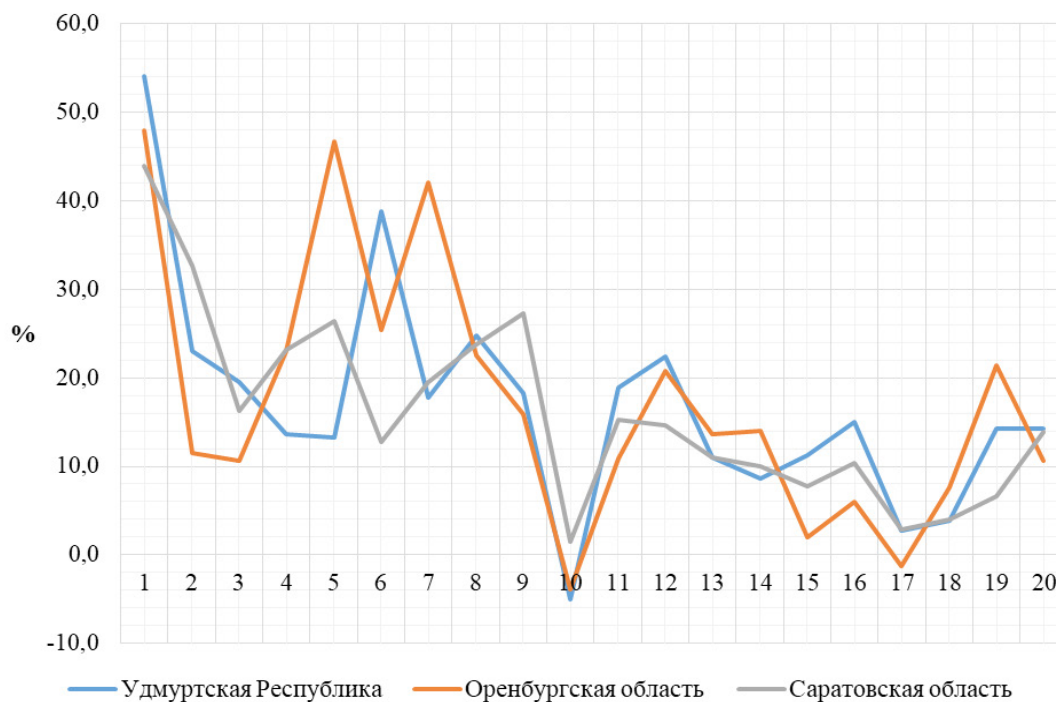

Рис. 4. Прирост валового регионального продукта субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

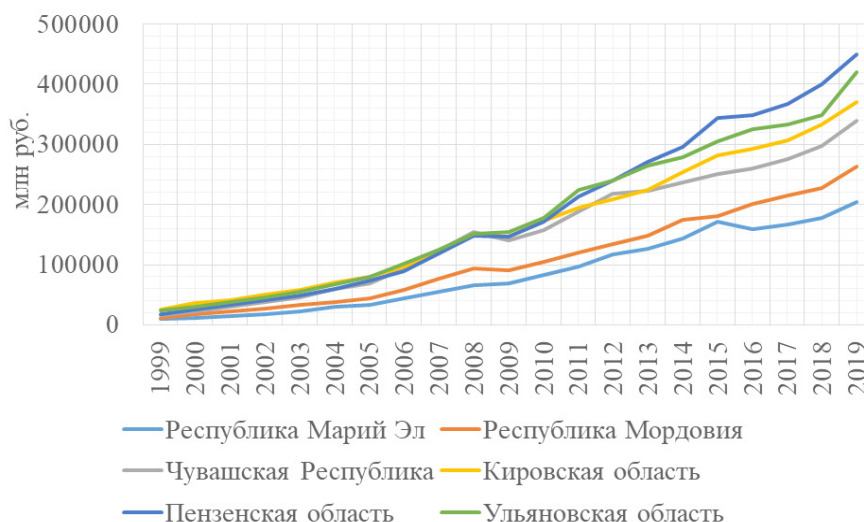

Рис. 5. ВРП субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 1999—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

В период с 1999 по 2019 г. наблюдался рост валового регионального продукта во всех входящих в группу регионах. Он существенно не отличается от движения трендов субъектов группы «Центр» и «Ближняя периферия». С 1999 по 2008 г. кривые имеют примерно одинаковый наклон и не наблюдается высокого роста и изменений. Однако рост валового регионального продукта прирастает неравномерно. Лидер роста валового регионального продукта по группе «Периферия дальняя» — Республика Марий Эл. В 2009, 2015, 2018 гг. в рамках тренда происходит снижение валового регио-

нального продукта, что соответствует движению циклической кривой развития региональных экономик. В этот период падение роста носит не абсолютный, а относительный характер в периоде.

Определенный интерес движения трендов представляют тренды прироста валового регионального продукта в группе «Периферия дальняя» субъектов Приволжского федерального округа в период с 2000 по 2019 г. Тренды всех субъектов группы носят циклический характер с чередующимися пиками как роста, так и падения (рис. 6). Пики прироста валового регионального продукта в субъектах группы

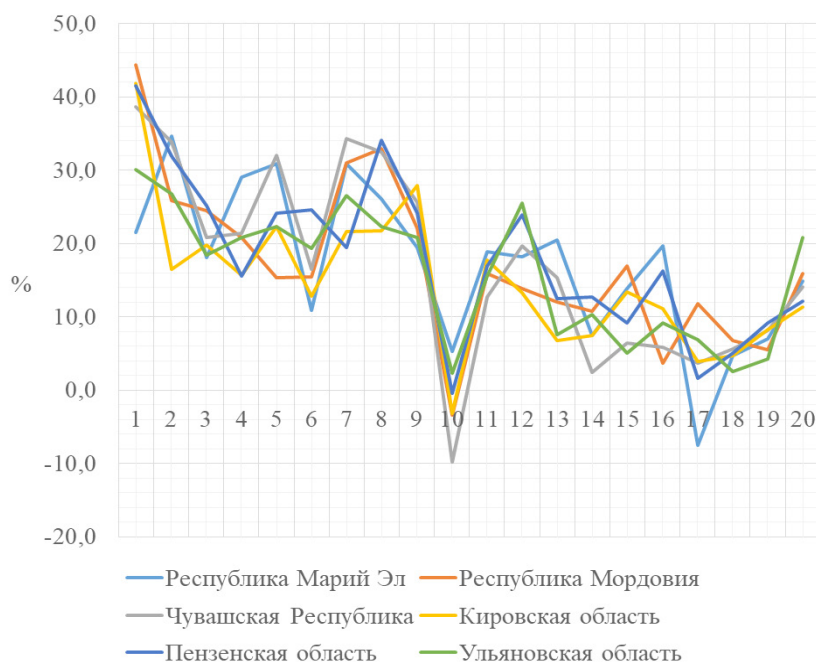

Рис. 6. Прирост ВРП субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

приходится на 2002, 2005, 2008, 2012, 2016, 2020 гг. Падение прироста сохранялось в 2006, 2010, 2017 гг. Особый провал прироста валового регионального продукта произошел в 2010 г. В Республике Марий Эл прирост составил 5,3 %, Республике Мордовия –3,4 %, Чувашской Республике –9,8 %, Кировской области –3,2 %, Пензенской области –0,5 %, Удмуртской Республике 2,4 %. Наибольшее падение было в Чувашской Республике.

Прирост по всем группам увеличился в 2019 г. В центре и перифериях обоих типов наблюдаются одинаковые тренды движения валового регионального продукта.

Проблема в пределах роста и падения в различные периоды цикличности обусловлена совокупностью взаимодействующих факторов в регионе и естественного различия, а также назревшими на этом фоне противоречиями. От скорости их разрешения зависит как рост валового регионального продукта, так и его прирост в периоде.

В разрешении противоречий в техническом базисе, трансформации технологических укладов экономики регионов особую роль играют инвестиции в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа в период с 2000 по 2019 г. (рис. 7).

По группе «Центр» Приволжского федерального округа наращивание инвестиций особо быстрыми темпами происходило в Республике Татарстан. Существует значительный разрыв в объемах инвес-

тиционных вложений в ее экономику. Для этих вложений характерен равномерный тренд, без особых пиков и падений, что нельзя не учитывать при инвестиционных вложениях в основной капитал регионов. Тренды носят циклический характер: пики и впадины повторяют движение циклической кривой развития экономики регионов в 2000—2019 гг. Тренды корректируются с ростом и приростом валового регионального продукта по субъектам центра.

Инвестиции в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия ближняя» представлены на рис. 8. Лидер по росту инвестиций в основной капитал — Оренбургская область, отстает в этой группе субъектов Удмуртская Республика. Тренды представлены циклическими кривыми и повторяют циклическую кривую развития экономик регионов.

Тренды инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия дальняя» изображены на рис. 9. Прирост объемов инвестиций в основной капитал наблюдается в период 2000—2013 гг., а начиная с 2014 г. и по 2019 г. происходит их сокращение или замедление по группе «Периферия дальняя». Особенно это заметно по инвестициям в основной капитал Ульяновской области (рис. 9). Сформированные тренды динамики инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия дальняя»

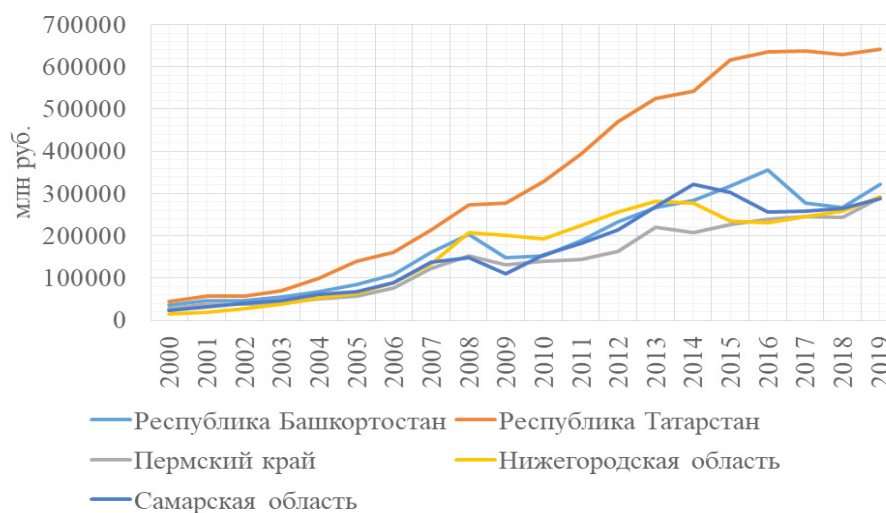

Рис. 7. Инвестиции в основной капитал субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

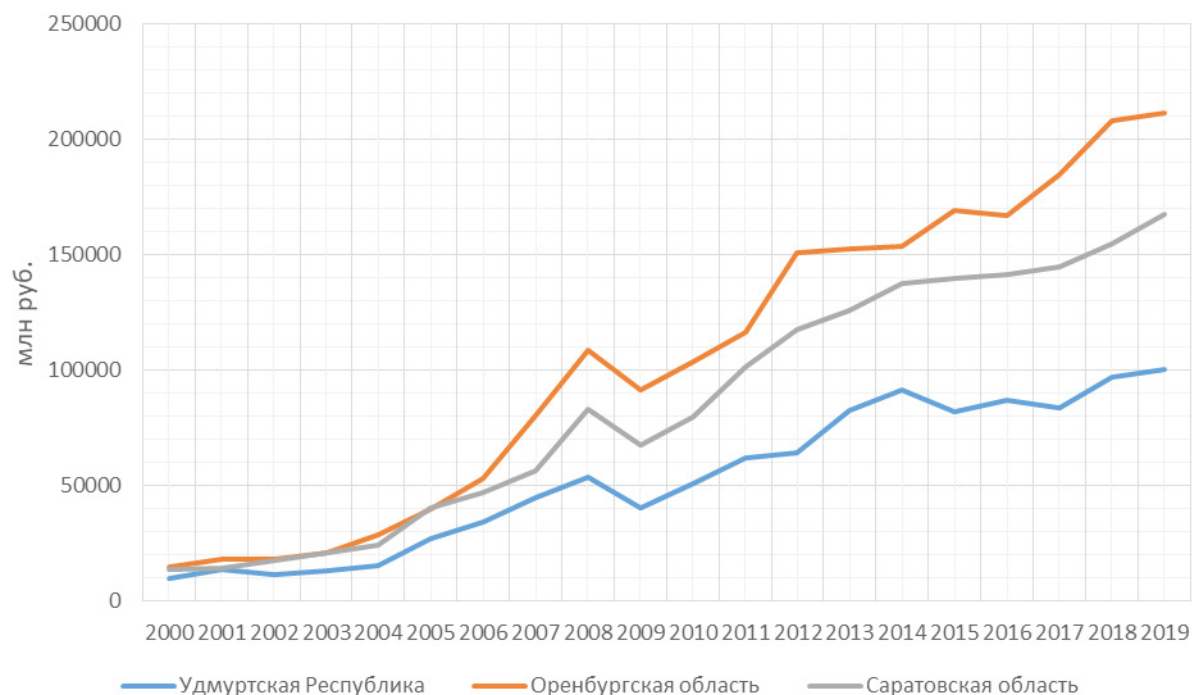

Рис. 8. Инвестиции в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

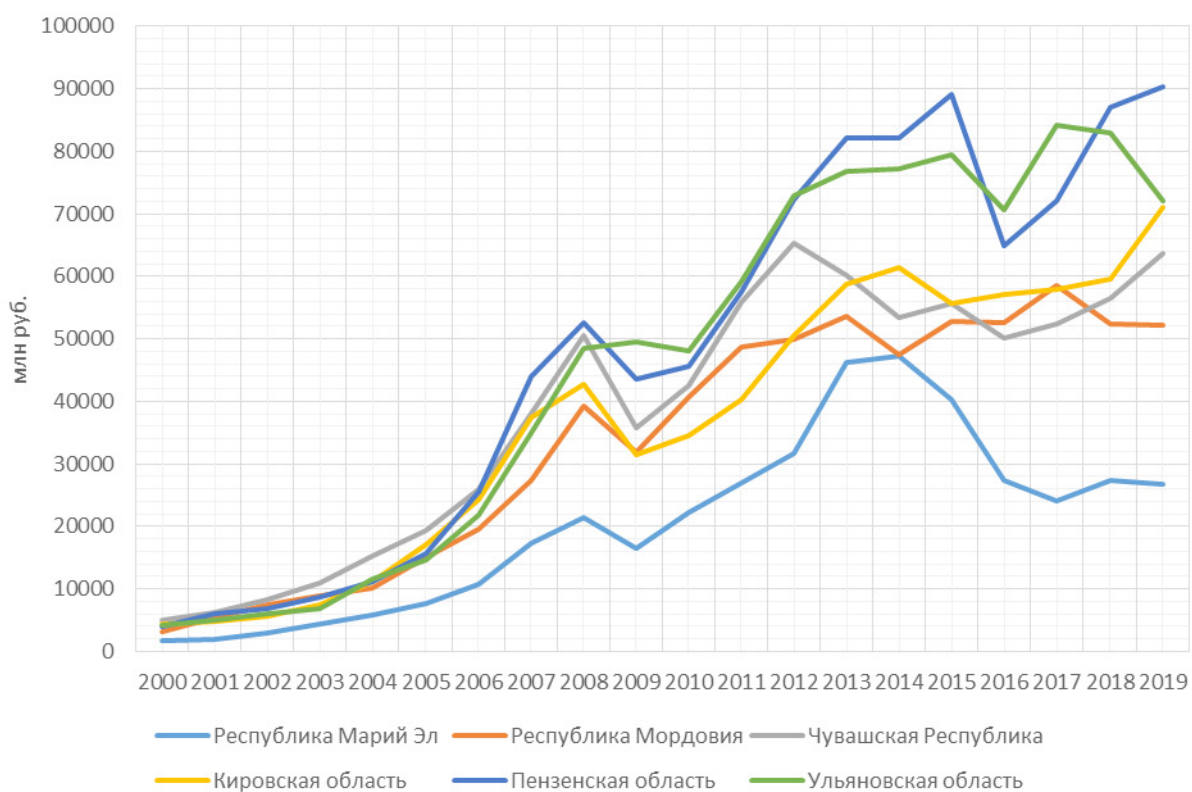

Рис. 9. Инвестиции в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

свидетельствуют об обострении противоречий в технологическом базисе вследствие снижения темпов обновления средств производства, их морального и физического износа, что уменьшает эффективность технического и технологического потенциала субъектов Приволжского федерального округа по данной группе.

Тренды прироста инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Центр» с 2000 по 2019 г. представлены на рис. 10. Падение прироста инвестиций в основной капитал по субъектам было характерно в 2008 г., соответственно: Республика Башкортостан $-27,3\%$, Республика Татарстан $-1,6\%$, Пермский край $-13,2\%$, Нижегородская область $-4,8\%$, Самарская область -25% ; сокращение прироста в пределах минус 25—27,3% было характерно для двух субъектов — Республики Башкортостан и Самарской области. В 2010 г. падение на 4,8% сохранялось в Нижегородской области. Падение повторилось и в 2014 г. и составило в итоге $-1,4\%$, в 2015 — $15,1\%$, в 2016 — 13% . В 2014 г. падение прироста происходило в Пермском крае и составило $5,4\%$. Отрицательные значения прироста

были и в 2018 г., а именно в Республике Татарстан ($-1,2\%$) и в Пермском крае ($-1,2\%$).

При значительном приросте инвестиций в основной капитал в субъектах группы «Центр» минимальный прирост на $1,8\%$ был в Республике Татарстан.

Тренды роста инвестиций в основной капитал субъектов Приволжского федерального округа по группе «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя» представлены на рис. 11 и 12.

Тренды прироста инвестиций в основной капитал показывают четкое их следование за циклической кривой развития экономики регионов с 2000 по 2019 г. Периоды кризисов, оживления и подъема совпадали и с трендами прироста инвестиций в основной капитал по всем группам субъектов Приволжского федерального округа. Провалы наблюдаются в период финансового и технологического кризиса 2008 и 2014 гг., по ряду регионов снижение прироста инвестиций происходит в 2018—2019 гг. Так, в Республике Марий Эл прирост сокращается на 24% , в Ульяновской области — на $13,2\%$. Низкий прирост инвестиций характерен и для Оренбургской области ($1,7\%$), Удмуртской Республики ($3,6\%$).

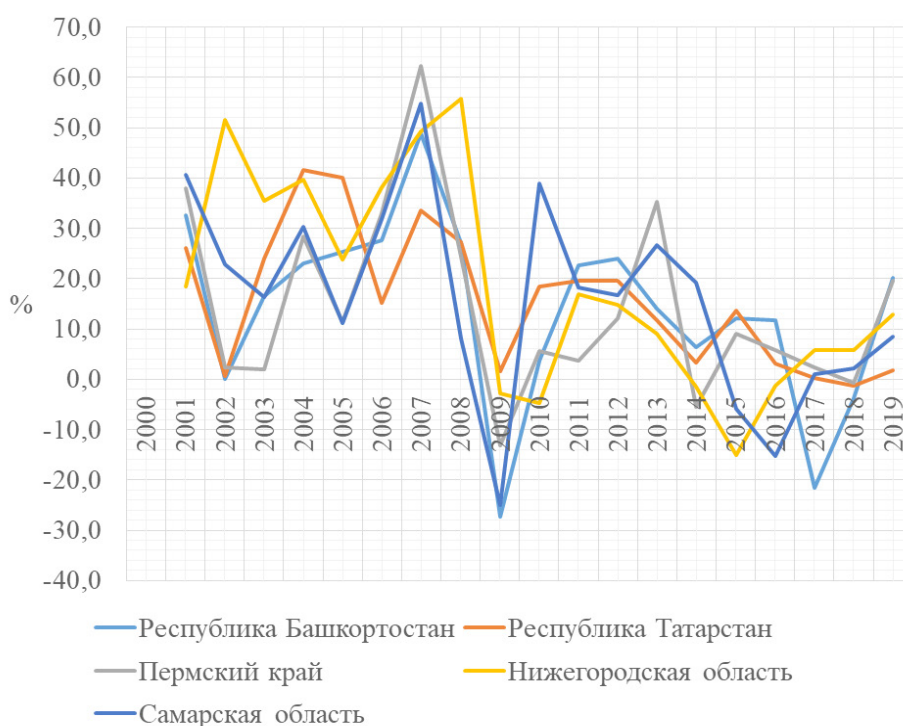

Рис. 10. Прирост инвестиций в основной капитал субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рис. 11. Прирост инвестиций в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рис. 12. Прирост инвестиций в основной капитал субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Снижение инвестиций в основной капитал не способствует обновлению средств производства в регионе, а самое главное, наоборот, замедляет переход от одного технологического уклада к другому, более высокому. Это свидетельствует о росте противоречий в технологической сфере, невозможности на основе низкой ресурсной базы создавать условия их разрешения. Как итог — рост сменяется стагнацией экономик периферий. Отсутствие и небольшое перемещение капиталов от центров к перифериям носит локальный характер вследствие определенной обособленности экономик регионов. Государственные капиталовложения в сложившихся условиях направляются, как правило, в центры, а периферии испытывают острую нехватку капитала, так как их экономический потенциал неспособен в достаточном объеме аккумулировать капитал для развития и роста.

В связи с этим возникают пространственные зоны, развивающиеся на базе ограниченных ресурсов, их проблемы не разрешаются, а идет их

усугубление. Минимальные ресурсы региона и минимальное вложение капитала привели к минимальному приросту уровня жизни на этих территориях. Периферийные территории без привлечения капитала центров обеспечить переход к росту, новому технологическому укладу в полной мере не могут.

Развитие, рост производственного, природно-климатического, экономического, технологического и человеческого потенциала находят отражение в росте богатства населения и его бедности. Доказано, что самое острое противоречие возникает, развивается в отношениях между богатыми и бедными. Поддержание социального мира — основное назначение субъектов в пространственном поле России. Степень бедности отражается в тренде движения величины прожиточного минимума с 2000 по 2019 г. по группам «Центр», «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя» (рис. 13—15).

Анализ трендов движения величины прожиточного минимума по субъектам ПФО по всем

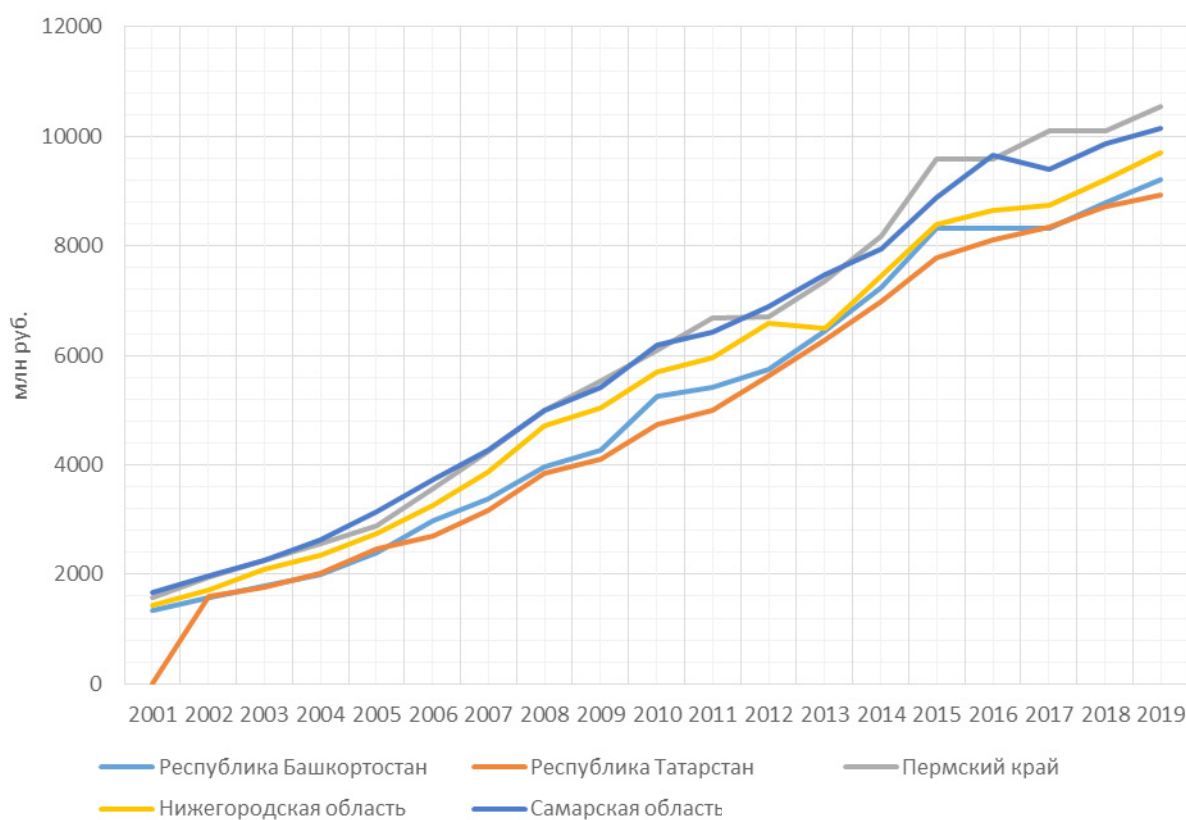

Рис. 13. Величина прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

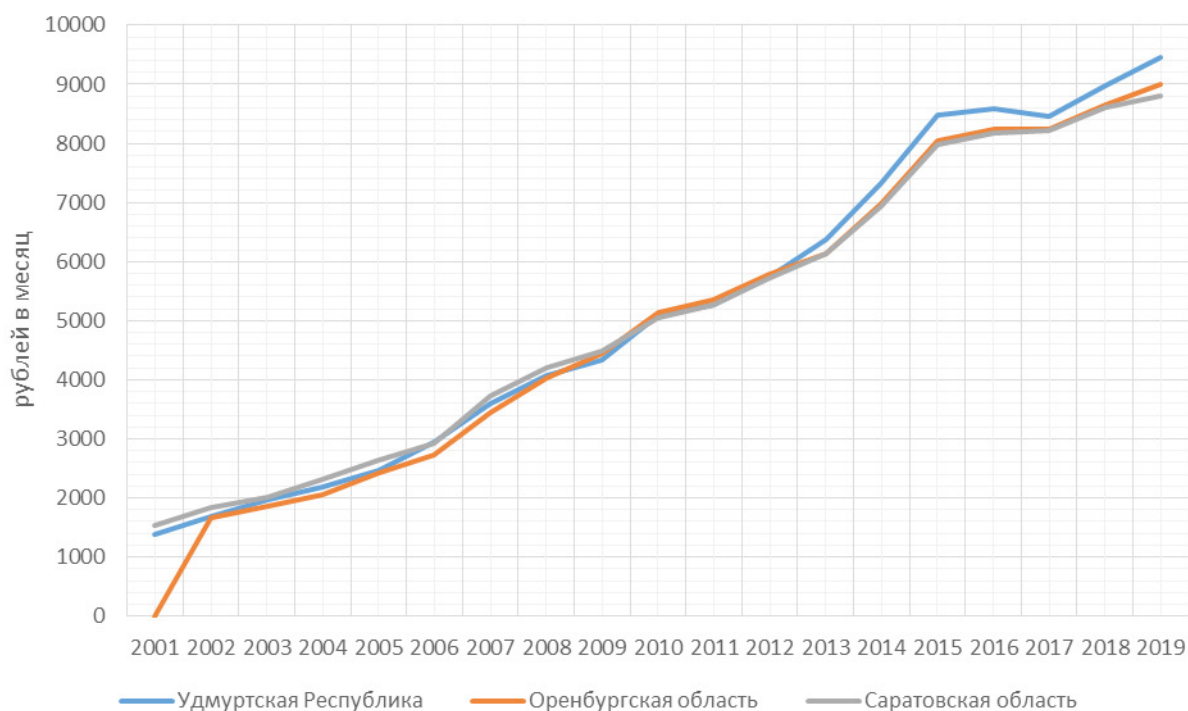

Рис. 14. Величина прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

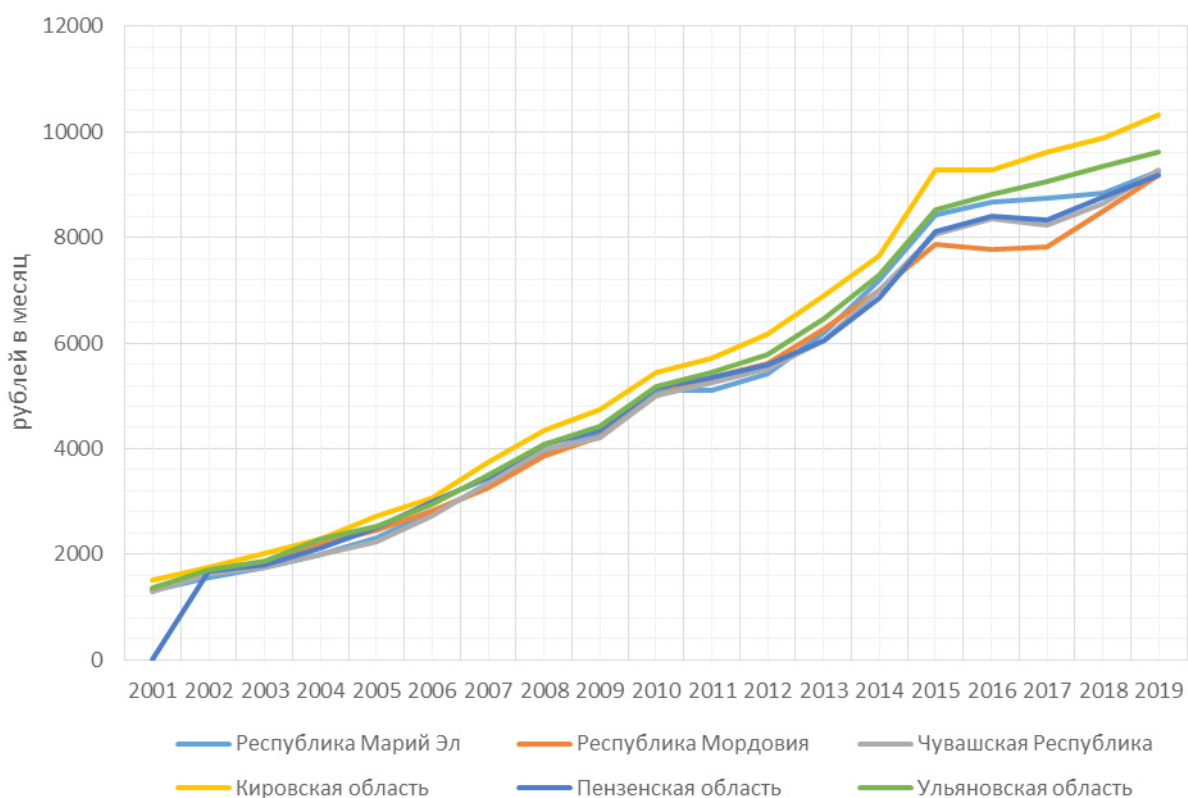

Рис. 15. Величина прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.
Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

группам выявил тенденцию к росту. В центре, перифериях колебания данного показателя — в пределах от 10 556 руб. (Пермский край) до 8892 руб. (Оренбургская область). Эти минимум и максимум приходится на 2019 г. По мере роста потенциала регионов растет и величина прожиточного минимума. Здесь проблема не в самом уровне прожиточного минимума, а в его достаточности. Величина прожиточного минимума не обеспечивает нормального воспроизводства большей массы населения регионов, не позволяет удовлетворять не только первичные потребности, а даже не позволяет удовлетворять потребности более низового порядка, что сильно сказывается на покупательном спросе и покупательном паритете.

Утрата технологической самоидентичности и самостоятельности отдельных регионов привела к утрате рабочих мест, а следовательно, и к обнищанию населения этих территорий. Величина прожиточного минимума должна не гарантировать

процесс простого воспроизводства рабочей силы в пределах ограниченного потребления, а выходить за эти пределы.

В дополнение к величине прожиточного минимума материальное положение индивидов отражает тренд и доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группам «Центр», «Периферия ближняя» и «Периферия дальняя» (рис. 16—18). За период с 2000 по 2019 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась в среднем с 42 % (Пермский край) до 13,9 %. В 2000 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума для субъектов группы «Центр» сократилась. Нижняя точка в тренде (группы «Центр» принадлежит Республике Татарстан. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума соответственно 33,2 % (2001) и 6,9 % (2019).

В субъектах «Периферия ближняя» доля населения с доходами ниже прожиточного минимума

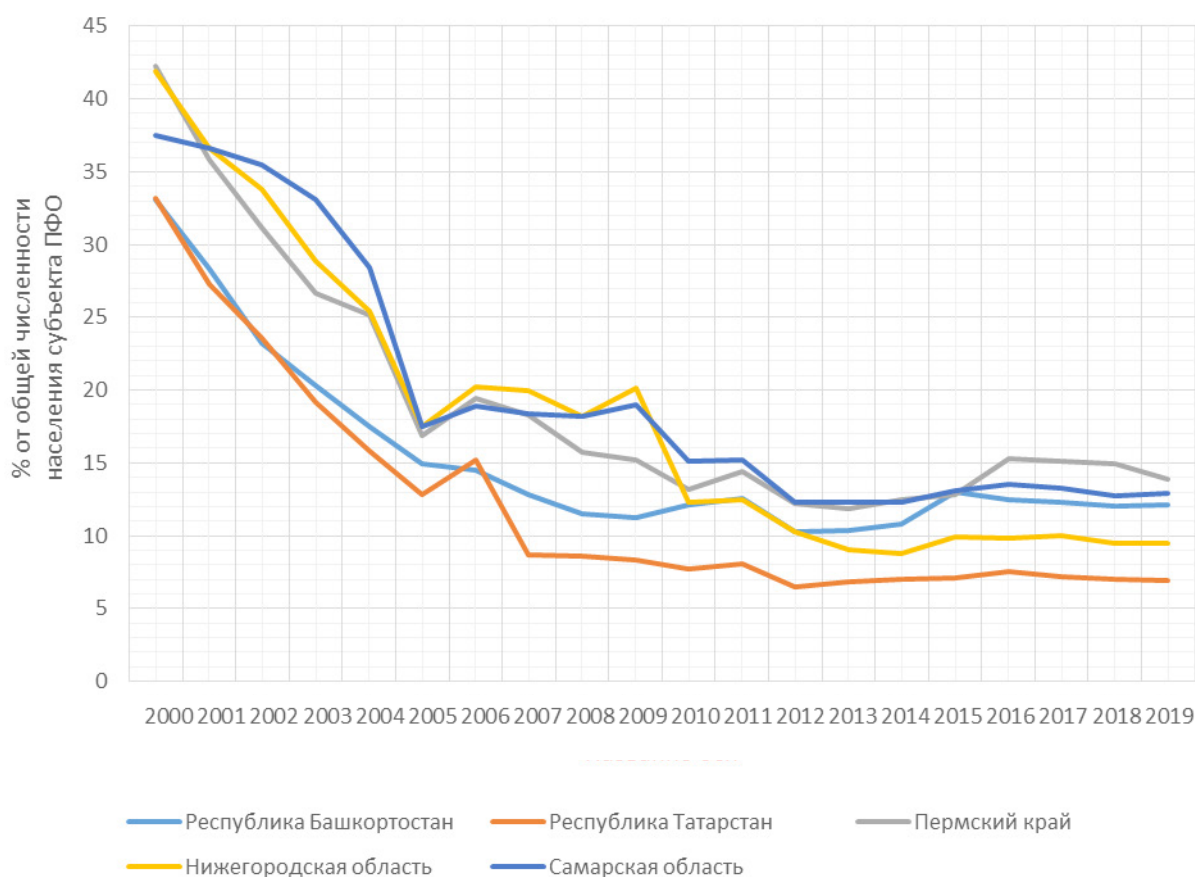

Рис. 16. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Центр» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

Рис. 17. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия ближняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата

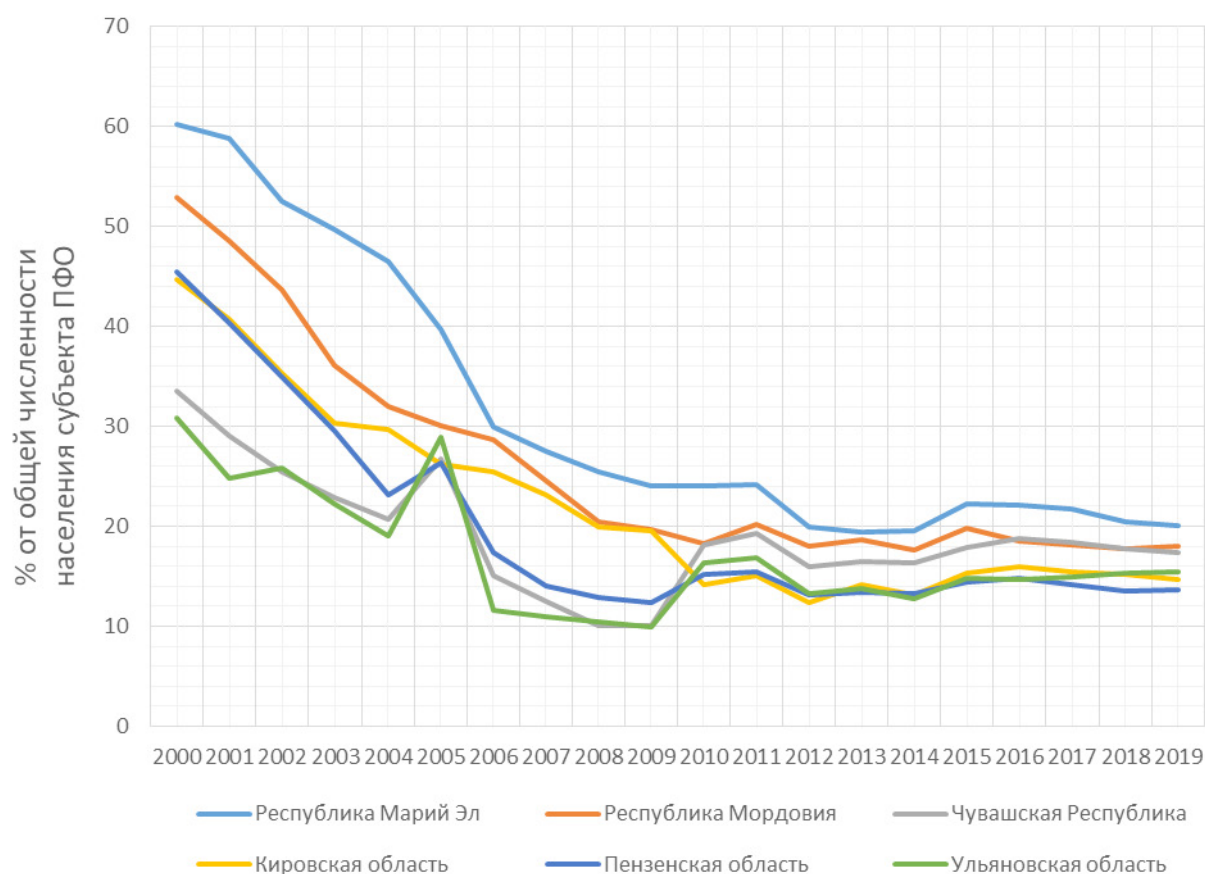

Рис. 18. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума субъектов ПФО по группе «Периферия дальняя» в 2000—2019 гг.

Источник: составлено автором на основе данных Росстата.

колебалась в 2000 г.: Удмуртская Республика — 35%, Оренбургская область — 68,4%, Саратовская область — 42,2%, соответственно в 2020 г. — 12,4; 14,3; 15,5%. Дальняя периферия в 2000 г. — Республика Марий Эл — 60,2%, Республика Мордовия — 52,9%, Чувашская Республика — 33,6%, Кировская область — 44,7%, Пензенская область — 45,5%, Ульяновская область — 30,9%. В 2020 г. соответственно — 20,3; 18; 17,4; 14,7; 13,6; 15,5%.

Как правило, тренд более высокий по доли населения с доходами ниже прожиточного минимума находится в субъектах «Дальняя периферия», что подтверждает взаимозависимость потенциалов «центров» и «периферий», оказывающих влияние на проживающих на этой территории.

Пространственное развитие регионов настоятельно требует выравнивания социально-экономического состояния регионов, укрепления взаимодействия потенциалов «центров» и «периферий», обеспечения перелива капитала не только в направлении «центр — центр», но и в направлении «центр — периферия». Такого рода

распределения обеспечат закрепление человеческого капитала не только в центрах, но в перифериях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что тренды развития регионов центра и регионов периферии существенно различаются. Кроме того, и внутри групп регионов наблюдается расслоение. Переход из одной группы регионов в другую затруднителен, поскольку, несмотря на поддержку населения периферийных регионов со стороны государства, их покупательная способность, а как следствие, и инвестиционная привлекательность таких регионов крайне низки. Анализ таких групп перспективен, он может дополняться как вширь (на все российские регионы), так и вглубь (по большому кругу показателей). Особо важно понять, какие драйверы (внутренние и внешние) способны переломить ситуацию и содействовать выравниванию социально-экономического развития российских регионов на более высоком уровне (то есть приближению периферийных регионов к регионам-центрам).

Список литературы

1. Бархатов В. И. Тренды развития регионов в условиях «новой нормальности» и «новой реальности» // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 9 (431). С. 43—56.
2. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
3. Pletnev D., Barkhatov V. Life quality in the center and periphery of the Urals and the Volga regions // E3S Web of Conferences. Ser. Ural Environmental Science Forum “Sustainable Development of Industrial Region”, UESF, 2021. 2021. Vol. 258. Ст. № 07044.
4. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Ситковский А. М. Оценки качества жизни и социальных приоритетов развития территорий // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 11 (433). С. 38—47.
5. Плетнев Д. А., Басырова Д. М. Влияние университетской науки на развитие регионов России // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 41—59.
6. Гордеев С. С., Зырянов С. Г., Иванов О. П., Кочеров А. В. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 48—55.
7. Эрдыниева Н. И., Беломестнов В. Г. Природно-ресурсный потенциал региона как основа его конкурентоспособности (на примере Республики Бурятия) // Вестник ВСГУТУ. 2011. № 4 (35).
8. Лебедева Ю. Н. Теоретические подходы к классификации асимметрии информации как экономического феномена // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3: Экономика. Экология. 2011. Т. 3, вып. 1. С. 25—30.
9. Жуланов Е. Е. Управление социально-экономической асимметрией регионов как фактор экономического роста // УБС. 2011. № 32. С. 131—154.
10. Румянцев Н. М., Леонидова Е. Г. Проблемы асимметрии структурных сдвигов в региональной экономике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 6. С. 169—183.

11. Вереникин А. О., Волошин Д. И. Теория многоуровневой экономики в контексте современной экономической мысли // Проблемы прогнозирования. 2004. № 1. С. 29—47.
12. Беломестнов В. Г., Ябжанова Т. Г. Потенциал развития экономики региона // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2015. № 2.
13. Лукин Е. В. Структурные сдвиги в региональной экономике (на материалах Вологодской области) // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.2.
14. Лукин Е. В., Ускова Т. В. Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11, № 6. С. 26—40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2.
15. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27—34.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. ieo-science@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 35—52.*

DEVELOPMENT TRENDS OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS OF REGIONS (CORE-PERIPHERY)

V. I. Barkhatov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ieo-science@csu.ru

The concept of “core-periphery”, developed for the world economy, is today a working scheme for the analysis of interregional specialization and differentiation in Russia. The article presents the results of a study of the main trends in the development of socio-economic systems of Russian regions in the context of the concept of “core-periphery”, carried out on the materials of the regions of the Volga Federal District. Three groups of regions are identified: “Core”, “Near periphery” and “Far periphery”. A feature of the analysis is the use of both absolute and incremental indicators. The main focus is on indicators such as gross regional product, investment in fixed assets, the size of the subsistence level and the proportion of the population with incomes below the subsistence level. It has been proved that interregional differentiation increases over time, which leads to the loss of the regions of the periphery of their potential and their inability to self-development.

Keywords: *regional economy, core-periphery, socio-economic system, Volga Federal District.*

References

1. Barkhatov V. I. (2019) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 9 (431), pp. 43—56 [in Russ.].
2. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Капкаев Ю. Ш. (2019) *Society and Power*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].
3. Pletnev D., Barkhatov V. (2021) *E3S Web of Conferences. Ser. Ural Environmental Science Forum” Sustainable Development of Industrial Region”*, vol. 258 [in Russ.].
4. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Sitkovsky A. M. (2019) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 11 (433), pp. 38—47 [in Russ.].
5. Pletnev D. A., Basyrova D. M. (2021) *Socium and power*, no. 1 (87), pp. 41—59 [in Russ.].
6. Gordeev S. S., Zyryanov S. G., Ivanov O.P., Kocherov A. V. (2015) *Society and Power*, no. 2 (52), pp. 48—55 [in Russ.].
7. Erdynieva N. I., Belomestnov V. G. (2011) *Vestnik VSSTU*, no. 4 (35), pp. 27 [in Russ.].
8. Lebedeva Yu.N. (2011) *Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology*, vol. 3, iss. 1, pp. 25—30 [in Russ.].

9. Zhulanov E. E. (2011) *UBS*, no. 32, pp. 131—154 [in Russ.].
10. Rumyantsev N. M., Leonidova E. G. (2020) *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 13, no. 6, pp. 169—183 [in Russ.].
11. Verenikin A. O., Voloshin D. I. (2004) *Problems of Forecasting*, iss. 1, pp. 29—47 [in Russ.].
12. Belomestnov V. G., Yabzhanova T. G. (2015) *Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management*, no. 2 [in Russ.].
13. Lukin E. V. (2018) *Questions of territorial development*, no. 5 (45) [in Russ.].
14. Lukin E. V., Uskova T. V. (2018) *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 11, no. 6, pp. 26—40 [in Russ.].
15. Ivanter V., Porfiriev B., Shirov A. (2018) *Problems of management theory and practice*, no. 3, pp. 27—34 [in Russ.].

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Н. А. Лебедева

Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия

Транспортная система является одним из факторов экономического развития регионов страны. Учитывая значительную территорию России, железнодорожный транспорт приобретает особое стратегическое значение. Особенно важно его развитие в приграничных территориях страны, таких как Северо-Западный федеральный округ, обладающий значительным геостратегическим потенциалом. Проблемы в функционировании железнодорожного транспорта в таком макрорегионе могут оказывать негативное влияние на его социально-экономическое развитие. Поэтому целью данного исследования является выявление проблем развития железнодорожного транспорта в СЗФО. Для их выявления были проанализированы история развития и текущее состояние двух главных железных дорог — Октябрьской и Северной. Это позволило определить следующие проблемы: высокий износ основных фондов, малая пропускная способность дорог, недостаточное применение высокоскоростного транспорта, небольшая доля электрифицированных железнодорожных путей. Основные действия для решения выявленных проблем предпринимаются органами государственной власти и государственной компанией ОАО «РЖД».

Ключевые слова: *Северо-Западный федеральный округ, Северная железная дорога, железнодорожный транспорт, Октябрьская железная дорога.*

Введение

Для России, учитывая ее огромную площадь, а также неравномерное распределение ресурсов, развитие транспортной системы имеет колоссальное значение. В случае сферы материального производства ее развитие во многом зависит от наличия и устойчивости функционирования развитой транспортной системы, обеспечивающей грузопотоки [2; 15]. В общем объеме грузооборота на 2019 г. по всей России преобладают трубопроводный (47%) и железнодорожный (46%) транспорт (рис. 1).

Железнодорожный транспорт имеет особенно важное значение для приграничных территорий, например для Северо-Западного федерального округа — макрорегиона, имеющего общую границу с несколькими европейскими странами, а также обладающего геостратегическим потенциалом. Это обусловлено его условиями эксплуатации, меньшими денежными затратами на перевозку грузов и пассажиров на дальние расстояния, большой грузоподъемностью. Проблемы в функционировании транспорта здесь могут оказать негативное влияние на развитие как макрорегиона, так и страны в целом.

Поэтому целью работы является выявление проблем развития железнодорожного транспорта в Северо-Западном федеральном округе.

Историческая справка развития железнодорожного транспорта в Северо-Западном федеральном округе

Для выявления проблем развития железнодорожного транспорта в Северо-Западном федеральном округе предлагается изучить историю развития его двух главных железнодорожных путей — Северной, обеспечивающей связи Архангельской области с Республикой Коми и Ярославской областью, и Октябрьской, соединяющей Мурманскую область, Санкт-Петербург и Москву.

Северная железная дорога

Первые пути данной магистрали были заложены в 1868 г. по направлению Шуйско-Ивановскому. Однако современное название она приобрела в 1953 г. при объединении Ярославской и Северной железных дорог [4].

Создание этой железной дороги было взято на себя Обществом Московско-Ярославской железной дороги. Строительство велось без привлечения иностранного капитала и поддержки государства. В первую очередь была построена дорога по соединению Москвы и Сергиева Посада, а затем линия от Ярославля через Вологду до Архангельска [10; 11].

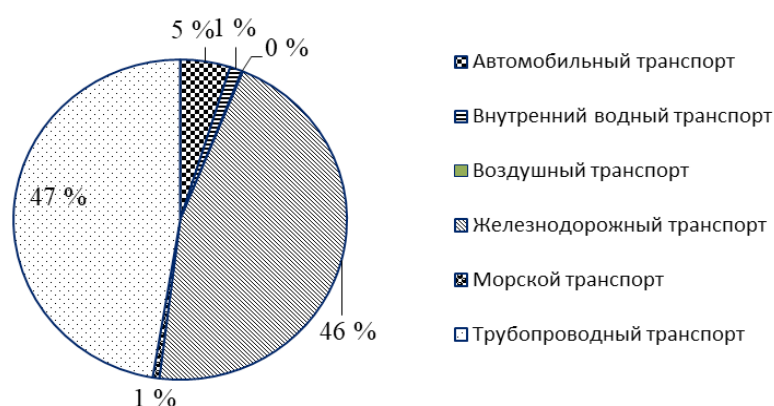

Рис. 1. Доля видов транспорта по грузообороту в России в 2019 году, %
Источник: Росстат.

Железнодорожный транспорт в 1914—1918 гг. обрел стратегическое значение для страны, так как он обеспечивал мобилизацию по переброске личного состава, продовольствия и военных грузов для тыла и фронта. К 1914 г. в России обострилась нехватка северных железнодорожных путей, которые стали основным связующим звеном между центральными регионами и Севером. Так, в России имелось только 13 железнодорожных линий, около половины из которых были двухпутные. Для сравнения: в Германии к российским границам подходили 32 железнодорожные линии, 14 из которых были двухпутными [4; 11].

Северная железная магистраль проходила через территории Москвы, Ярославля, Вологды и Архангельска. Поддержка военными грузами обеспечивалась через морской порт Архангельска [11]. Поэтому для распределения и доставки этих грузов было необходимо подготовить железные дороги к реализации бесперебойного сообщения. Но в то время была выявлена еще одна проблема — низкая пропускная способность данных путей: 200 вагонов в сутки. Причиной этому послужила узкоколейная железная дорога от Ярославля до Архангельска и большой износ данных путей. Средняя скорость движения поездов по таким дорогам составляла 13 км/ч. Также важной проблемой для того времени стала маловместимость вагонов [9; 11].

Наблюдалась и другая важная магистральная проблема — отсутствие железнодорожного моста через Волгу, что создавало разрыв на пути следования, а возобновление движения происходило по ее левому берегу от станции Урочь [8]. Однако этот разрыв был ликвидирован благодаря введению

Николаевского моста, который позволил обеспечить непрерывное движение поездов в северные регионы России.

Использование железнодорожных путей в начале войны было осложнено и значительным износом основных фондов, а именно неудовлетворительным состоянием паровозного парка, требующего капитального ремонта. Совокупность всех этих факторов во многом сдерживала объемы перевозок. Рост необходимости грузовых перевозок привел к таким негативным последствиям, как срывы поставок, портились некоторые отдельные виды грузов и т. д.

В 1915 г. переброска дополнительных единиц подвижного состава позволила увеличить вывоз товаров. Однако на отдельных участках ситуация вскоре повторилась [Там же].

Поэтому для устранения такой ситуации и увеличения пропускной способности железнодорожных путей было принято решение о перешивке узкой колеи на широкую, что осуществлялось на линии Ярославль — Архангельск с конца 1915 г. В том же году переустройство пути осуществлялось на участке от станции Вологда до станции Нядома, движение на котором было запущено в 1916 г. Данные мероприятия позволили нарастить объемы перевозок и увеличить пропускную способность магистрали до 600 отправляемых вагонов в сутки [8; 11].

Условия войны вынуждали не останавливать грузопоток, в результате чего строительство широкой колеи проходило параллельно имеющейся узкой. Такое строительство позволило устроить 13 новых переездов на линии Вологда — Архангельск [11].

Обеспечение военных стало первостепенной задачей для железных дорог, вследствие чего Ярославская и Северная магистрали перешли на военный график перевозок. Для увеличения пропускной способности железных дорог и военного грузооборота стали ограничиваться пассажирские перевозки и вводились резервные паровозы, которые позволили обеспечить устойчивую работу северных дорог [9].

Военное положение изменило грузопотоки и структуру грузооборота. Если в довоенное время основными грузами были лесные ресурсы, полезные ископаемые и прочее, то в военное время стали перевозить воинские эшелоны, а также население, покидающее опасные территории. Обеспечение бесперебойного передвижения грузов для фронта стало главной задачей для железнодорожников. Имеющиеся железнодорожные магистрали позволяли обеспечивать войска. Несмотря на авианалеты и разрешения данной магистрали, перебой в движении поездов составляли не более 8 часов.

Таким образом, в период войны Северная железная дорога представляла собой довольно развитую железнодорожную магистраль. К завершению Первой мировой войны основными проблемами для Северной железной дороги являлись: изношенность основных фондов, малая пропускная способность железнодорожных путей, отсутствие заводов по строительству поездов, разрывы на путях.

В настоящее время этот железнодорожный путь обеспечивает связь центра и севера Российской Федерации, проходя через Ярославль и Вологду

до Архангельска. Дойдя до поселка городского типа в Архангельской области — Коноши эта магистраль делится на два направления: до Архангельска и Котласа. От Котласа она проходит через всю Республику Коми за Северный полярный круг.

Площадь обслуживания Северной железнодорожной магистрали составляет более 1 млн км². До многих населенных пунктов Ивановской, Ярославской, Архангельской, Костромской и Вологодской областей можно добраться только по данной дороге [9].

Развернутая длина этого железнодорожного пути составляет 8643,2 км, из них эксплуатируется только 5956,3 км, а электрифицировано около 1965,6 км. Основными видами продукции, перевозимыми по данной дороге, являются: лесные ресурсы, нефтепродукты, черные металлы. Доли объемов перевезенных видов грузов по данному направлению представлены на рис. 2.

Общий объем перевезенных грузов в 2020 г. по железнодорожному транспорту составляет более 64 млн т.

Октябрьская железная дорога

Открытие данной дороги пришлось на 1923 г. Во время Великой Отечественной войны этот путь обеспечивал Карельский и Ленинградский фронты с помощью доставки импортных грузов из Мурманска [6; 12].

В настоящее время Октябрьская железная дорога занимает 2-е место по объемам инвестиций в развитие железных дорог в целом по России.

Рис. 2. Структура объемов перевозки различных видов грузов по Северной железной дороге за 2020 г. Источник: РЖД.

В 2010 г. РЖД затратили 42 млрд руб. на модернизацию данной железной дороги. В 2020 г. для этих же целей было выделено 61,3 млрд руб. Одними из наиболее крупных проектов инвестиционной программы РЖД явились:

- ввод высокоскоростных поездов с максимальной скоростью 200 км/ч на участке Санкт-Петербург — Бусловская — Госграница. Это направление является одним из важнейших международных сообщений, обеспечиваемых Северо-Западным федеральным округом и Финляндией;

- реконструкция участка Мга — Гатчина — Веймарн — Ивангород и железнодорожных подходов к порту Усть-Луга.

Также были запущены электрические высокоскоростные поезда «Аллегро» на международном сообщении с Финляндией. Время следования поезда по данному маршруту составляет 3 ч 30 мин [3; 6].

При реконструкции участка железной дороги для обеспечения высокоскоростного движения было обновлено 292 км путей с заменой множества объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта [9; 12].

Однако в настоящее время на территории СЗФО мало маршрутов, обеспечиваемых высокоскоростными поездами. Поэтому РЖД собираются организовать движение скоростных поездов для грузопотоков в обход маршрута Санкт-Петербург — Лосево — Каменногорск — Выборг, осуществляющего скоростное движение пассажирских составов. Поэтому железнодорожная компания РЖД планирует строительство однопутного участка Лосево — Каменногорск

общей протяженностью 68 км, а также модернизацию подводящих участков Соснова — Лосево и Каменногорск — Выборг. Вклад денежных средств для развития данного направления обеспечивается Инвестиционным фондом РФ [3; 13].

Для создания условий максимального роста объемов перевозок на подходах к международному порту (Усть-Луга) производится реконструкция участка Мга — Гатчина — Веймарн — Ивангород Северной железной дороги.

Основными грузами, перевозимыми по Октябрьской железной дороге, являются лесные ресурсы, нефтепродукты, черные металлы (рис. 3). Общий объем грузов перевезенных по данной дороге, составляет более 102 млн т в 2020 г.

Таким образом, история работы двух главных железных дорог СЗФО показала их геостратегическую значимость в развитии страны и обусловила необходимость их дальнейшего развития.

Результаты исследования

Для выявления проблем функционирования железнодорожного транспорта СЗФО на современном этапе развития необходимо проанализировать показатели, характеризующие работу его элементов (подвижного состава, инфраструктуры). Так, для подвижного состава это его наличие, износ основных средств, срок использования железнодорожных локомотивов, скорость передвижения и т. д. Для транспортной инфраструктуры это протяженность эксплуатируемых путей, электрифицированных путей, их плотность, ширина колеи, количество полос и т. д. [16].

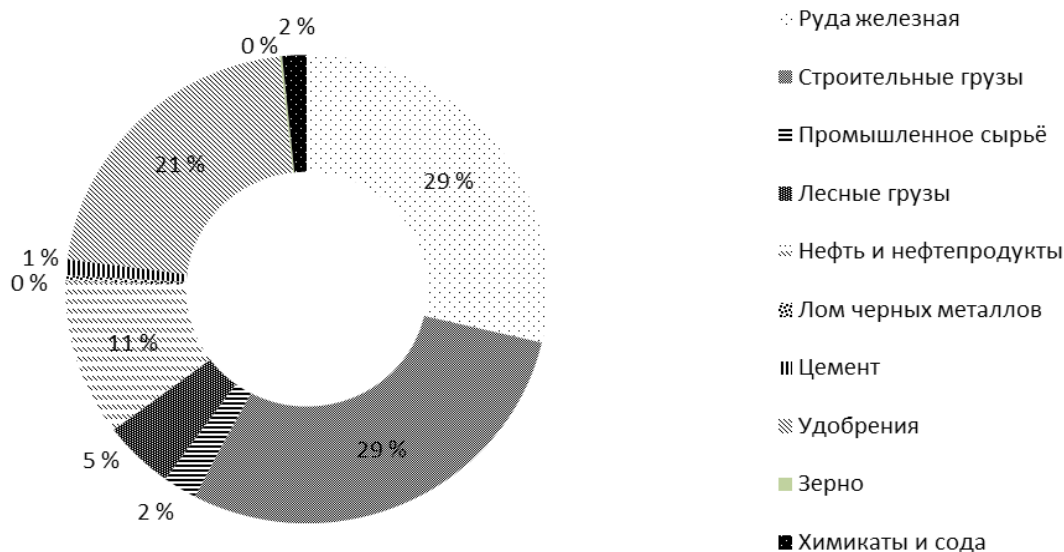

Рис. 3. Структура объемов перевозки различных видов грузов по Октябрьской железной дороге за 2020 г.

Источник: РЖД.

Также индикаторами развитости железнодорожного транспорта являются показатели его работы (объем грузоперевозок, пассажироперевозок, пропускная способность дорог и т. д.), время в пути, время на погрузку/разгрузку, грузонапряженность [Там же].

Таким образом, приведенные выше показатели позволяют определить текущий уровень развития

железнодорожного транспорта, выявить его достаточность и проблемы.

За последние 20 лет на всей территории СЗФО не наблюдается значительных изменений в протяженности железнодорожных путей (рис. 4). Соответственно, и плотность их также осталась практически неизменной (табл. 1).

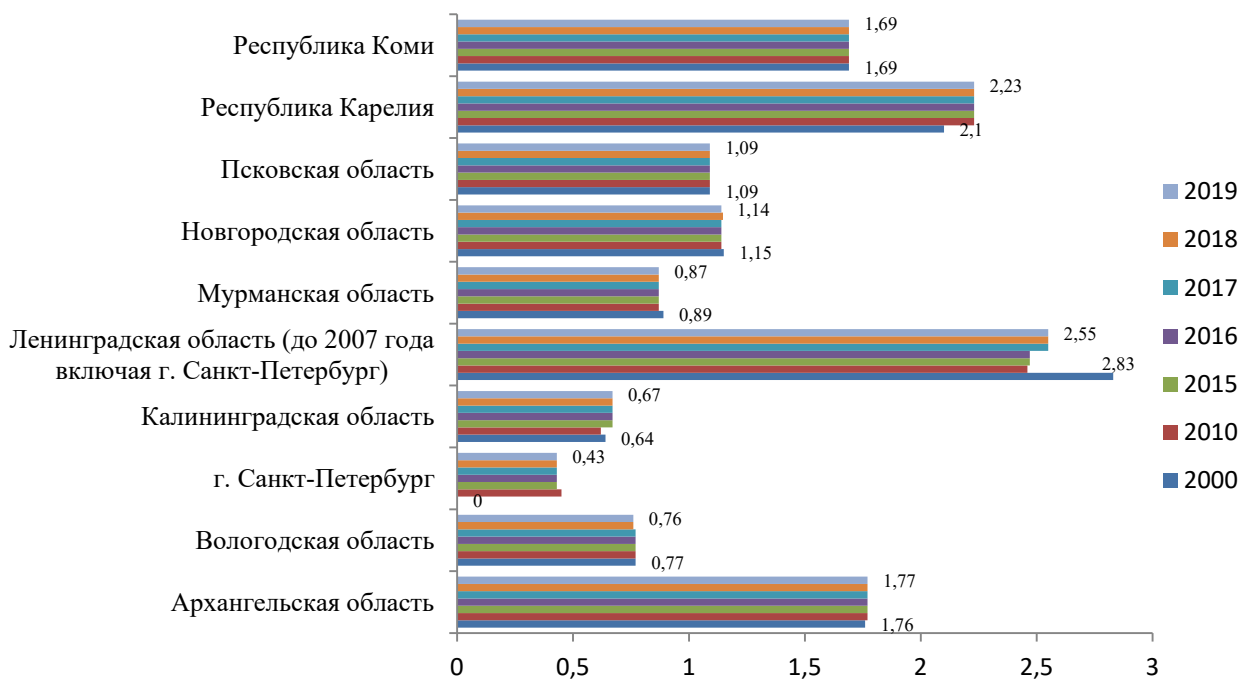

Рис. 4. Протяженность эксплуатируемых железнодорожных путей в СЗФО за 2000—2019 гг.

Источник: Росстат.

Таблица 1

Плотность железнодорожных путей сообщения, км/1000 км²

Субъект	Годы								2019 г. к 2000 г., %
	2000	2010	2015	2016	2017	2018	2019		
Российская Федерация	50	50	50	50	51	51	51	102	
Северо-Западный федеральный округ	77	78	78	78	78	78	78	101	
Республика Карелия	122	123	123	123	123	123	123	101	
Республика Коми	41	41	41	41	41	41	41	99	
Архангельская область	30	30	30	30	30	30	30	100	
Вологодская область	53	53	53	53	53	53	53	100	
Калининградская область	423	409	442	442	442	442	442	105	
Ленинградская область (до 2007 г. включая Санкт-Петербург)	330	293	295	295	304	304	304	92	
Мурманская область	61	60	60	60	60	60	60	98	
Новгородская область	207	210	210	210	210	210	210	101	
Псковская область	198	197	197	197	197	197	197	99	
Санкт-Петербург	Н/Д	3204	3076	3076	3082	3082	3082	—	

Источник: Росстат.

Стоит отметить, что, несмотря на большую территорию России и ее регионов, плотность железнодорожных путей сообщения здесь сопоставима с аналогичным показателем за рубежом. Так, на Украине плотность железных дорог составляет 36 км/1000 км², во Франции — 54, в Канаде — 4,7; в Дании — 61 км/1000 км². Низкий уровень густоты железнодорожного полотна на Украине и в Канаде объясняется преимущественным использованием автомобильных транспортных средств, число которых за последние несколько лет заметно выросло [5; 7].

При рассмотрении объема отправок грузов железнодорожным транспортом общего пользования, можно заметить его увеличение практически во всех регионах СЗФО, за исключением Республики Коми, Санкт-Петербурга и Ленинградской области (рис. 5).

В отличие от положительной динамики отправок грузов тенденция пассажироперевозок более пессимистична (табл. 2).

Наибольшее сокращение отправок пассажиров наблюдается в следующих регионах: Псковская область (на 81%), Вологодская область (74), Мурманская область (68), Архангельская область (63), Республика Карелия (61), Ленинградская область (на 54%).

Средние скорости движения поездов составляют 60—90 км/ч, в то же время на некоторых маршрутах свою деятельность реализуют высокоскоростные поезда [17]. Например, маршрут Санкт-Петербург — Москва, на котором используются высокоскоростные поезда «Ласточка» и «Сапсан», развивающие скорость до 250 км/ч [14]. Также на маршруте Санкт-Петербург — Хельсинки курсирует высокоскоростной поезд «Аллегро», развивающий скорость до 200 км/ч [3].

Таким образом, работа железнодорожного транспорта больше направлена на перевозку грузов, чем на пассажироперевозки.

Развитие транспортной системы регионов во многом зависит от инвестиций, представленных в табл. 3.

Из представленных данных видно, что на территории СЗФО идет увеличение объема инвестиций в транспортную систему в целом по макрорегиону по сравнению с 2005 г. В нескольких регионах наблюдается существенный рост данного показателя: Мурманская область — в 3,5 раза, Ленинградская область и Новгородская область — в 2 раза. Наибольшее сокращение данного показателя наблюдается в Республике Коми — на 70,12%, Архангельской области — на 43,6%, Псковской области — на 27,45%.

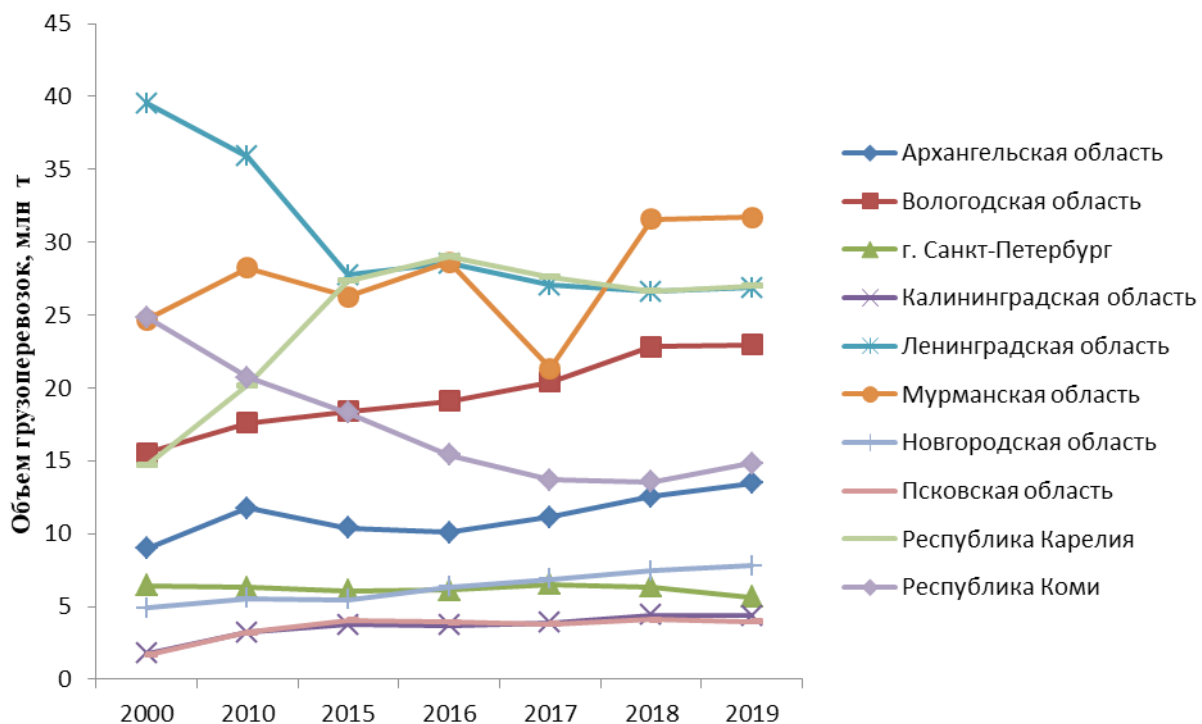

Рис. 5. Объем отправок железнодорожным транспортом в Северо-Западном федеральном округе, млн т

Источник: Росстат.

Таблица 2

Отправление пассажиров железнодорожным транспортом общего пользования, млн чел.

Субъект	Годы							2019 г. к 2000 г., %
	2000	2010	2016	2017	2018	2019		
Российская Федерация	1418,78	946,51	1039,990	1121,28	1160,43	1201,480	85	
Северо-Западный федеральный округ	185,97	108,35	98,140	98,11	103,82	111,500	59	
Архангельская область	8,85	4,61	3,210	3,12	3,17	3,230	37	
Вологодская область	6,14	3,24	1,540	1,51	1,56	1,610	26	
Санкт-Петербург	81,15	60,56	57,650	57,85	61,26	66,170	82	
Калининградская область	8,71	2,84	3,260	3,36	4,21	5,180	59	
Ленинградская область	63,09	27,71	26,590	26,52	27,66	28,830	46	
Мурманская область	2,29	1,04	0,670	0,66	0,69	0,720	32	
Новгородская область	2,82	1,49	1,160	1,15	1,19	1,250	45	
Псковская область	5,44	2,28	0,754	0,73	0,83	1,056	19	
Республика Карелия	3,62	1,54	1,190	1,18	1,24	1,440	39	
Республика Коми	3,85	3,05	2,110	2,03	2,01	2,020	52	

Источник: Росстат.

Таблица 3

Инвестиции в транспортную систему по регионам СЗФО в сопоставимых ценах 2019 г., млрд руб.

Субъект	Годы							
	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019	2019 г. к 2005 г., %
Российская Федерация	2631,43	4291,59	3621,47	3002,51	2415,92	2622,58	2660,33	101,10
Северо-Западный федеральный округ	407,55	557,90	340,80	547,20	392,33	590,05	476,43	116,90
Республика Карелия	12,74	11,40	7,33	4,06	5,37	8,07	8,57	67,24
Республика Коми	67,91	104,90	69,69	106,05	36,18	32,98	20,29	29,88
Архангельская область	33,57	21,42	11,17	22,61	26,75	26,09	18,93	56,40
Ненецкий автономный округ	3,87	0,32	0,27	0,96	1,21	1,59	2,86	73,91
Вологодская область	74,49	38,32	14,49	37,27	46,24	58,68	71,27	95,68
Калининградская область	11,94	20,78	18,03	18,10	36,90	45,49	14,67	122,91
Ленинградская область	87,90	230,08	65,58	71,88	100,21	211,60	182,38	2 раза
Мурманская область	11,65	8,89	15,68	23,00	25,06	51,48	41,33	3,5 раза
Новгородская область	9,43	23,74	34,44	47,66	44,90	25,76	18,93	2 раза
Псковская область	2,58	6,84	2,41	2,51	1,95	1,90	1,54	59,66
Санкт-Петербург	95,92	88,95	101,99	214,02	69,12	127,80	98,53	102,72

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

Также вкладываемые инвестиции в развитие транспорта направлены в большей степени на развитие трубопроводного транспорта, так как экономика нашей страны является экспортно-сырьевой, и именно этот вид транспорта обеспечивает большую долю ВВП России (рис. 6).

На втором месте по объему инвестиций находится железнодорожный транспорт, который имеет большое значение для развития экономики, так как он способен перевозить большое количество грузов на дальние расстояния.

Для развития железнодорожного транспорта в настоящее время реализуется Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры сроком до 2030 г. В рамках этого плана предлагаются мероприятия, направленные на создание условий железнодорожной инфраструктуры, обеспечивающих повышение пропускной способности дороги, увеличение транспортной подвижности грузов и населения [1].

Другими мероприятиями, направленными на решение основных проблем железнодорожного

Рис. 6. Доля инвестиций в развитие видов транспорта в их общем объеме в 2019 г., %

Источник: Транспорт России: стат. сб. 2020 г.

транспорта являются проекты ОАО «Российские железные дороги». В 2020 г. с целью развития железнодорожных подходов к морским портам было завершено строительство третьего главного железнодорожного пути на участке Вологда-I — Вологда-II длиной 1,5 км, а также создан мост через реку Содему. Также РЖД ведет проект по развитию железнодорожных мостов на участке Обозерская — Маленга и подготовку к развитию станций Коноша-I, Буй, Лоста.

Также ведутся работы по обновлению системы энергоснабжения Северной железной дороги. На ряде электрифицированных участков в Архангельской и Ярославской областях обновлена контактная сеть. Тем не менее большая часть этого железнодорожного пути, около 67%¹, остается неэлектрифицированной.

В Архангельске на ряде участков были проведены работы по замене 16 опор совмещенного железнодорожно-автомобильного моста через Северную Двину. Также ведутся работы по модернизации линий связи и автоматики на ряде участков в Архангельской области.

В рамках проведенных мероприятий было капитально отремонтировано более 200 км пути. На линии Чум — Лабитнанги были реконструированы железнодорожные пути с укреплением основания.

Инвестиции ОАО «РЖД» позволили запустить вокзал в Сосногорске и реконструировать вокзал в Иванове.

Наибольшая часть денежных средств для Октябрьской железной дороги была направлена на модернизацию и замену изношенных железнодорожных путей и устройств, обновления парка подвижного состава, реализацию и освоение ресурсосберегающих технологий.

¹ Инновационный дайджест о Северной железной дороге (http://www.rzd-expo.ru/regions/Northern_Railway/).

Продолжились проводимые в 2019 г. работы по строительству участка Мурманск — Волховстрой, Мурманск — Оленегорск и строительство для них второго пути. Создание и реконструкция этих участков необходимы для увеличения провозной способности железной дороги. Данные мероприятия выполняются в рамках постановления Правительства РФ по обеспечению доступности к международному стратегически важному морскому порту Мурманск.

В 2019 г. были закуплены 35 ед. тягового подвижного состава (электропоезда постоянного и переменного тока), а также 12 составов высокоскоростных электропоездов «Ласточка». Объем инвестиций в обновление парка подвижного состава составил около 12 млрд руб.

Также в 2020 г. ведется работа по реализации проекта «Развитие направления Дмитров — Сонково — Мга». Этот проект направлен на осуществление прогнозируемого объема перевозок грузов в порты Финского залива. На данном направлении в настоящее время наблюдается существенно более низкий уровень пропускной способности. Этот проект предусматривает на участке Мга — Кириши усиление устройств энергоснабжения, а также реконструкцию развязов, станций и прочих сооружений.

До 2025 г. планируется переключение части поездопотока — 45 пар грузовых поездов с направления Вологда — Волховстрой — Мга на Сосновское направление.

Проводимые мероприятия по минимизации и ликвидации негативных явлений текущего состояния железнодорожной системы направлены на реконструкцию железнодорожных путей и закупку подвижного состава.

На наш взгляд, решению проблем железнодорожного транспорта, помимо представленных мер, также способствовали бы усиление вза-

имодействия участников логистического кластера Северо-Запада России и включение в их число Северной железной дороги — филиала ОАО «РЖД»¹.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что определенные показатели работы же-

¹ Список участников логистического кластера Северо-Запада России (<https://spbcluster.ru/wp-content/uploads/2021/04/Reestr-uchastnikov-logisticheskogo-klastera-dlya-sajta-14.04.2021.pdf>).

лезнодорожного транспорта СЗФО, пассажиро- и грузоперевозок имеют те же тренды, что и 50—70 лет назад: грузоперевозки растут, отправление пассажиров — уменьшается. Текущее состояние железнодорожного транспорта в силу значительного износа основных фондов и недостаточности инвестиций, несмотря на их значительный объем, все так же требует проведения соответствующей государственной политики по его развитию.

Список литературы

1. Бочков П. В. Пути совершенствования железнодорожного транспорта и его влияние на развитие экономики Уральского федерального округа // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 3. С. 34—42.
2. Выгнанов А. А., Гришина Н. В. Тенденции развития мировой транспортной системы: консп. лекций. 2017. 126 с.
3. Лавриненко П. А. Развитие высокоскоростного железнодорожного транспорта — фактор экологизации продукции высокотехнологичной промышленности России // Российский экономический журнал. 2017. № 1. С. 89—97.
4. Лебедев А. В. Становление и развитие Северной железной дороги во второй половине XIX — начале XX в. Ярославль, 2009. 252 с.
5. Лебедева Н. А. Тенденции развития транспортной системы регионов Северо-Западного федерального округа // Общество, экономика, управление. 2020. Т. 5, № 4. С. 23—29. DOI 10.24411/2618-9852-2020-15404.
6. Октябрьская железная дорога // Железнодорожный транспорт. 2011. № 1. С. 33—36.
7. Пономарева Т. К., Фассахов М. А. Железнодорожный транспорт России: состояние и перспективы развития // Вестник экономики и менеджмента. 2020. № 1. С. 29—34.
8. Рязанцев Н. П. Северные железные дороги в годы первой мировой войны // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2018. № 1. С. 21—26.
9. Северная железная дорога // Железнодорожный транспорт. 2011. № 1. С. 41—43.
10. Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914—1922 гг.). 2009. 320 с.
11. Смирнов Я. А. Северные железные дороги в период первой мировой войны // История и перспективы развития транспорта на севере России. 2020. № 1. С. 52—57.
12. Степов В. В., Зиннер В. И. Основные направления деятельности Октябрьской железной дороги в области организации скоростного и высокоскоростного движения // Транспорт Российской Федерации. 2009. № 6 (25).
13. Сулакшин Т. С. Проблемы развития железнодорожного транспорта в России // Вестник транспорта. 2012. № 6. С. 6—9.
14. Ульянов Н. Когда наши поезда поедут быстро? // Эксперт. 2020. № 51. С. 24—28.
15. Проблемы экономического роста территории / Т. В. Ускова, Е. В. Лукин, Т. В. Воронцова, Т. Г. Смирнова // Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
16. Чалый В. А. Проблемы и перспективы развития железнодорожного транспорта Северо-Запада России // Инновационная наука. 2015. № 12-1. С. 330—331.
17. Честнов П. Е. Развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта как метод укрепления национальной экономики // ТДР. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-infrastruktury-zheleznodorozhnogo-transporta-kak-metod-ukrepleniya-natsionalnoy-ekonomiki> (дата обращения 20.08.2021).

Сведения об авторе

Лебедева Надежда Анатольевна — инженер-исследователь отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах Вологодского научного центра Российской академии наук, Вологда, Россия. nadezhdalebedeva1@mail.ru

PROBLEMS OF RAILWAY TRANSPORT DEVELOPMENT IN THE NORTH-WESTERN FEDERAL DISTRICT

N. A. Lebedeva

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia. nadezhdalebedeva1@mail.ru

The transport system is one of the factors of economic development of the country's regions. Given the significant territory of Russia, rail transport is of particular strategic importance. Its development is especially important in the border areas of the country, such as the North-Western Federal District, which has significant geostrategic potential. Problems in the functioning of railway transport in such a macroregion can have a negative impact on its socio-economic development. Therefore, the purpose of this study is to identify the problems of railway transport development in the Northwestern Federal District. To identify them, the history of development and the current state of the two main railways — Oktyabrskaya and Severnaya — were analyzed. This made it possible to identify the following problems: high depreciation of fixed assets; low road capacity, insufficient use of high-speed transport, a small proportion of electrified railways. The main actions to solve the identified problems are taken by state authorities and the state company JSC "Russian Railways".

Keywords: *North-Western Federal District, railway transport, Northern Railway, Oktyabrskaya Railway.*

References

1. Bochkov P. V. (2009) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 3, pp. 34—42 [in Russ.].
2. Vygnanov A. A., Grishina N. V. (2017) *Tendencii razvitiya mirovoj transportnoj sistemy* [Development Trends of the World Transport System] [in Russ.].
3. Lavrinenko P. A. (2017) *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 89—97 [in Russ.].
4. Lebedev A. V. (2009) *Stanovlenie i razvitie Severnoj zheleznoj dorogi vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v.* [Formation and development of the Northern Railway in the second half of the XX — early XX century] Yaroslavl [in Russ.].
5. Lebedeva N. A. (2020) *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*, vol. 5, no. 4, pp. 23—29 [in Russ.].
6. Oktyabr'skaya zheleznyaya doroga (2011) *Zheleznodorozhnyj transport*, no. 1, pp. 33—36 [in Russ.].
7. Ponomareva T. K., Fassahov M. A. (2020) *Vestnik ekonomiki i menedzhmenta*, no. 1, pp. 29—34 [in Russ.].
8. Ryazancev N. P. (2018) *Istoriya i perspektivy razvitiya transporta na severe Rossii*, no. 1, pp. 21—26 [in Russ.].
9. (2011) *Zheleznodorozhnyj transport*, no. 1, pp. 41—43 [in Russ.].
10. Senin A. S. (2009) *Zheleznodorozhnyj transport Rossii v epohu vojn i revolyucij (1914—1922 gg.)* [in Russ.].
11. Smirnov Ya. A. (2020) *Istoriya i perspektivy razvitiya transporta na severe Rossii*, no. 1, pp. 52—57 [in Russ.].
12. Stepov V. V., Zinner V. I. (2009) *Transport Rossijskoj Federacii*, no. 6 (25) [in Russ.].
13. Sulakshin T. S. (2012) *Vestnik transporta*, no. 6, pp. 6—9 [in Russ.].
14. Ul'yanov N. (2020) *Ekspert*, no. 51, pp. 24—28 [in Russ.].
15. Uskova T. V., Lukin E. V., Voroncova T. V., Smirnova T. G. (2013) *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of economic growth of the territory]. Vologda, ISERT RAN [in Russ.].
16. Chalyj V. A. (2015) *Innovacionnaya nauka*, no. 12-1, pp. 330—331 [in Russ.].
17. Chestnov P. E. (2013) *TDR*, no. 2 [in Russ.].

ОСОБЕННОСТИ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Е. С. Силова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Развитие и совершенствование местного самоуправления невозможно без четкого финансового механизма, позволяющего муниципалитетам иметь собственную доходную базу в виде разнообразного имущества и извлекать из нее соответствующие доходы. На муниципальном уровне осуществляются многие важные процессы обеспечения жизнедеятельности государства, уровень и степень развития муниципального управления характеризуют вовлеченность граждан в процесс управления, уровень развитости демократических процедур. Финансовое обеспечение местного самоуправления является сложным механизмом, который нуждается в совершенствовании. Изучение особенностей финансового обеспечения местного самоуправления — важный элемент стратегического анализа института местного самоуправления, необходимый для дальнейшей разработки стратегии в отношении финансирования муниципального управления. Цель данной работы — выявить особенности финансового обеспечения регионов России, а также исследовать особенности финансирования муниципалитетов Республики Крым. Результатами работы стали выявленные особенности финансового обеспечения института муниципального управления в целом и местного самоуправления Республики Крым.

Ключевые слова: *местное самоуправление, бюджет, особенности местных бюджетов, финансовое обеспечение местного самоуправления.*

Реальная независимость местного самоуправления, которое является отдельным институтом, не входящим в состав системы государственного управления и обеспечивающим реализацию местных интересов населения, должна обеспечиваться наличием собственных муниципальных финансов, которые представляют собой финансовую основу местного самоуправления. По мнению В. А. Слепова, В. Б. Шубы, В. К. Бурлачкова, муниципальные финансы в узком смысле слова — «это формирование и использование денежных доходов, находящихся в распоряжении органов местного самоуправления и необходимых для реализации их функций» [12]. По мнению А. М. Бабица и Л. Н. Павловой, местные финансы — это набор экономических отношений, одним из участников которых является орган местного самоуправления, которые складываются по поводу образования и использования средств местного бюджета и местных внебюджетных фондов в интересах населения конкретного муниципального образования и организуются муниципальными финансово-кредитными институтами [11]. Существует значительное число исследований, в рамках которых в той или иной мере внимание уделяется различным аспектам финансирования местного самоуправления. Среди отечественных ученых и специалистов, работавших над исследованием финансовых

основ местного самоуправления и межбюджетных отношений, следует назвать А. М. Бабица [11], А. Н. Баланова [2], М. В. Васильеву [4], О. В. Врублевскую [5], О. И. Карепину [8], И. В. Кивико [9], А. Л. Кудрина [10] и др. Вместе с тем отметим, что многие вопросы финансового обеспечения местного уровня власти остаются нерешенными. Зависимость многих муниципальных бюджетов от вышестоящих, увеличение трансфертной составляющей межбюджетных отношений, неэффективность муниципальной финансовой системы — это те проблемы, которые требуют дальнейшего научного поиска и практических мер по проведению системной политики. Для более четкого и научно обоснованного выстраивания финансовой стратегии в отношении муниципального управления необходимо изучение особенностей финансового обеспечения системы местного самоуправления. Таким образом, перейдем к их исследованию.

Первой особенностью является высокая дотационность местных бюджетов, зависимость от межбюджетных трансфертов из вышестоящих бюджетов. Данные, подтверждающие эту особенность, приведены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, собственные доходы в местных бюджетах составляют около 65 %, при этом за рассматриваемый период произошло

Таблица 1

Основные параметры местных бюджетов в России

Показатель	На 01.01.2010	На 01.01.2018
Общий объем поступивших в местные бюджеты доходов	2 388,0 млрд руб.	3 845,7 млрд руб.
Собственные доходы местных бюджетов, в том числе	1 805,3 млрд руб. (75,6 %)	2 504,8 млрд руб. (65,1 %)
Налоговые и неналоговые доходы	963,3 млрд руб. (53,4 %)	1 392,8 млрд руб. (55,6 %)
Для справки: налоговые доходы	39,9 %	44,8 %
Межбюджетные трансферты без учета субвенций	842,0 млрд руб. (46,6 %)	1 112,0 млрд руб. (44,4 %)
Для справки:		
дотации	21,2%	342,3 млрд руб. (14,0 %)
субсидии	29,4%	594,7 млрд руб. (24,2 %)
субвенции	40,9%	1 340,9 млрд руб. (54,7 %)
иные межбюджетные трансферты	8,5%	173,6 млрд руб. (7,1 %)

Источник: данные Министерства финансов РФ (https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/).

существенное — на 10% — снижение этой доли. Доля межбюджетных трансфертов — около 45%, при этом наиболее существенная доля из них приходится на субвенции (имеют целевой характер). Такая высокая зависимость местных бюджетов ставит вопрос о реальной независимости местного самоуправления как отдельного института, не входящего в систему государственной власти.

Второй особенностью является проблема несоответствия передаваемых на местный уровень полномочий и расходной части местного бюджета. Е. С. Шугрина указывает в своих работах, что существует значительное количество «скрытых» полномочий, так называемых нефинансируемых мандатов (полномочия передаются ненадлежащим образом, что лишает муниципальные образования возможности получения финансирования), а также отсутствует четкая методика расчета необходимых для финансирования полномочий средств у Минфина России [15; 16]. В результате формируется дефицит местного бюджета, данные о размере которого можно увидеть в табл. 2.

В результате возникает проблема дефицита местных бюджетов и увеличения их кредиторской задолженности и долговых обязательств. Как видно из представленных в табл. 2 данных, почти в три раза муниципальный долг вырос за восемь лет, то есть финансовое состояние российских муниципальных образований непрерывно ухудшается.

Таблица 2

**Основные параметры расходов
местных бюджетов
(по данным Минфина России), млрд руб.**

Показатель	На 01.01.2010	На 01.01.2018
Общий объем расходов местных бюджетов	2 440,3	3 882,2
В том числе расходы на решение вопросов местного значения	1 857,7 (76,1 %)	2 541,3 (65,4 %)
Размер дефицита	52,4	36,5
Кредиторская задолженность	40,6	25,7
Долговые обязательства муниципальных образований	133,4	368,0

Источник: данные Министерства финансов РФ (https://www.minfin.ru/ru/performance/regions/monitoring_results/Monitoring_local/results/).

Кроме того, негативным фактором является снижение расходов на собственно решение вопросов местного значения (с 76 до 65%). Долговые обязательства муниципальных образований возросли: 85,5% долговых обязательств приходится на долю городских округов, 12,3% — на долю муниципальных районов; 1,7% — на долю городских поселений; 0,5% — на долю сельских поселений.

Третьей особенностью финансового обеспечения местного самоуправления является устойчивая тенденция привлечения населения и обществен-

ности к решению финансовых проблем муниципалитетов и решению вопросов местного значения. Набирают оборот новые формы подобного сотрудничества, в том числе краудфандинг, инициативное бюджетирование, самообложение граждан. Это новые формы привлечения средств, которые пока не урегулированы законодательством, но в некоторых территориях успешно применяются. В своем анализе современной практики А. Буриличев называет такие цифры по привлечению средств местными бюджетами: от 200 тыс. до 500 тыс. привлекают муниципальные проекты [3]. Это позволяет реализовать интересные проекты по благоустройству, развитию волонтерства, благотворительности, строительству социально значимых объектов. О. В. Харитонов, Т. Н. Бугаева описывают опыт привлечения через специальные платформы финансирования муниципальными властями Москвы и Крыма [14].

Четвертой особенностью является зависимость доходов местных бюджетов от типа муниципального образования. А. И. Золотко в своей кандидатской диссертации приводит следующие данные, подтверждающие этот тезис. Доля доходов (налоговых и неналоговых) городских и сельских поселений составляет 48 %, бюджетов муниципальных районов — значительно меньше — 24 %, в городских округах с развитой промышленностью — около 60 % [7]. Таким образом, разнообразие видов муниципалитетов приводит к их финансовой дифференциации. Укрепление собственной доходной базы — главная задача модели финансового обеспечения местного самоуправления. Большое значение здесь имеют также действия самих представителей муниципалитетов по ее созданию и развитию.

Далее рассмотрим особенности финансового обеспечения местного самоуправления в Республике Крым. Этот объект мы рассматриваем в связи с определенной новизной, но крайней важностью процессов становления местного самоуправления и развития финансовой системы обеспечения данного института. Д. Н. Зелинский подчеркивает влияние развития данного института на развитие региона в целом [6].

Первой особенностью финансового обеспечения местного самоуправления в Республике Крым будем считать переходный характер многих процессов, происходящих в системе местного самоуправления данной территории. В соответствии со ст. 19 Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую

Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» на территории Крыма стали формироваться органы местного самоуправления. В переходный период перед республикой остро встали вопросы сохранения кадрового потенциала для работы в новых условиях, проблема перестройки всей системы управления в соответствии с законодательством и сложившейся практикой РФ, важным вопросом стали переобучение и переквалификация кадрового состава управленцев. В течение переходного периода в республике проделан огромный объем работы, в том числе по инвентаризации имущества, находящегося в муниципальной собственности, по приведению местного законодательства к стандартам РФ, по перерегистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Второй особенностью является то, что сами муниципальные образования существенно отличаются по формам и уровню экономического развития, соответственно, обладая чаще всего недостаточными финансовыми базами для развития местного самоуправления.

В табл. 3 приведены данные о количестве муниципальных образований в республике и их видах, а также о количестве муниципальных предприятий и банков. Как видно из представленных данных, преобладающей формой муниципальных образований является сельское поселение (250 из 279). Также важно отметить, что большинство из них участвуют в межмуниципальной кооперации. В Республике Крым насчитывается 179 муниципальных унитарных предприятий, при этом большая часть из них (94) находится в 11 городских округах, а также 4 муниципальных банка.

Диспропорции в муниципальном развитии проявляются в том, что основная часть промышленного производства сосредоточена в трех многофункциональных центрах: Симферополе, Керчи и Феодосии — и двух монопрофильных городах, градообразующие предприятия которых относятся к химической промышленности, — Армянске и Краснопереконске. Более 50 % сельскохозяйственного производства размещается в пяти муниципальных образованиях: Красногвардейском (более 15 % общего объема сельхозпродукции), Джанкойском (10—15 %), Симферопольском (около 10 %), Нижнегорском и Сакском (по 5—10 %) районах. Около 95 % потока туристов приходится на городские округа Ялты, Алушту, Феодосию,

Евпаторию, Саки, Керчь, Ленинский и Сакский районы.

Серьезные дисбалансы в развитии муниципалитетов приводят к усилению диспропорций в развитии, так как ресурсы перераспределяются в пользу более крупных экономических центров, остальные же территории остаются отсталыми. Это приводит к отставанию социального развития, демографическим проблемам, миграции.

В табл. 3 приведены данные о численности населения в муниципальных образованиях.

Одной из серьезных проблем организации местного самоуправления в Крыму является недостаточность финансового обеспечения мелких муниципалитетов уровня поселений с небольшим населением. В 152 из 250 поселений недостаточно населения (менее 3 тыс. чел.), эти бюджеты целиком дотационны и не могут эффективно решать вопросы местного значения.

Третьей особенностью является изменение экономических условий функционирования региональной и муниципальных экономик республики. Это нашло отражение в существенной потере некоторых рынков сырья и сбыта, изменении всех логистических цепочек, нарушении энерго- и водоснабжения, неурегулированности системы учета муниципального имущества (например, отсутствие кадастровой оценки имущества приводит к сложностям с расчетом налогов на муниципаль-

ное имущество). Также важно отметить, что крымская экономика до сих пор находится под санкционным давлением, ослаблено международное сотрудничество с республикой. Например, водная изоляция очень серьезно повлияла на работу сельскохозяйственных предприятий, и, хотя удалось посредством строительства артезианских скважин избежать остановки производства и массовых увольнений, тем не менее существенно изменились затраты. Проблема недопуска на территорию ведущих банков, сотовых операторов, розничных ретейлеров оказывает существенное негативное влияние на региональную экономику.

Четвертой особенностью является преобладание программно-целевого метода управления территорией Республики Крым. Одним из ключевых документов, создавших институциональную базу для использования данного метода, следует считать Постановление Правительства Российской Федерации от 11.08.2014 № 790 (ред. от 29.11.2016) «Об утверждении федеральной целевой программы “Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года”» [1]. Основная цель данного метода — интеграция экономики региона в экономическую систему России, при этом анализ данных в указанном документе свидетельствует о том, что основные социально-экономические показатели Республики Крым несколько отстают от среднероссийских. Среди приоритетов

Таблица 3

**Сведения о численности населения
муниципальных образований (МО) Республики Крым**

Численность постоянного населения в МО, чел.	Всего МО	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Городские округа
	279	14	4	250	11
1 до 100	0	0	0	0	0
101 до 300	0	0	0	0	0
301 до 1 тыс.	15	0	0	15	0
1 тыс. до 3 тыс.	147	0	0	147	0
3 тыс. до 5 тыс.	54	0	0	54	0
5 тыс. до 10 тыс.	20	0	1	19	0
10 тыс. до 30 тыс.	20	1	3	11	5
30 тыс. до 50 тыс.	9	5	0	0	4
50 тыс. до 100 тыс.	8	7	0	0	1
100 тыс. до 300 тыс.	5	1	0	4	0
300 тыс. до 500 тыс.	1	0	0	0	1
500 тыс. до 1 млн	0	0	0	0	0
Более 1 млн	0	0	0	0	0

Источник: Федеральная служба статистики (https://crimea.gks.ru/list_of_municipalities).

находятся развитие инфраструктуры на территории Крыма, решение задач водо- и энергоснабжения, развитие туристических и рекреационных кластеров. Вторым важным документом в рамках данного подхода является Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 г. (далее — Стратегия), которая разработана Советом министров Республики Крым и утверждена Законом Республики Крым от 01.01.2017 № 352-ЗРК/217. Главной стратегической целью в Стратегии ставится развитие человека и достижение высокого уровня жизни [13]. Тремя основными целями являются: победа в борьбе за человеческий капитал, победа в борьбе за инновации и инвестиции. Стратегическое планирование активно внедряется на муниципальном уровне — там разрабатываются также стратегии развития муниципальных образований на долгосрочную перспективу.

Пятой особенностью является влияние на финансовое состояние и бюджетную систему Республики Крым режима свободной экономической зоны, установленной до 2039 г. Особенности режима являются налоговые льготы, льготные ставки социальных взносов, возможность применения процедуры свободной таможенной зоны, что позволяет привлечь на территорию региона больше инвестиционных ресурсов. Особенно интересны для инвесторов объекты в туристическо-рекреационной сфере. Однако, несмотря на это, пока регион существенно отстает по объему привлеченных инвестиций от других регионов в составе Южного федерального округа. Основными проблемами являются: высокие административные барьеры, неурегулированность земельных отношений, неразвитость банковской инфраструктуры и санкционный режим.

Таким образом, по итогам исследования нами выявлены следующие особенности финансового обеспечения местного самоуправления. Первой

особенностью является высокая дотационность местных бюджетов, зависимость от межбюджетных трансфертов из вышестоящих бюджетов. Второй особенностью является проблема несоответствия передаваемых на местный уровень полномочий и расходной части местного бюджета. Третьей особенностью является устойчивая тенденция привлечения населения и общественности к решению финансовых проблем муниципалитетов и решению вопросов местного значения. Четвертой особенностью является зависимость доходов местных бюджетов от типа муниципального образования. Также выявлены особенности финансового обеспечения местного самоуправления в Республике Крым. Первой особенностью финансового обеспечения местного самоуправления в Республике Крым будем считать переходный характер многих процессов, происходящих в системе местного самоуправления данной территории. Второй особенностью является то, что сами муниципальные образования существенно отличаются по формам и уровню экономического развития, соответственно, обладая чаще всего недостаточными финансовыми базами для развития местного самоуправления. Третьей особенностью является изменение экономических условий функционирования региональной и муниципальных экономик республики. Четвертой особенностью является преобладание программно-целевого метода управления территорией Республики Крым. Пятой особенностью является влияние на финансовое состояние и бюджетную систему Республики Крым режима свободной экономической зоны, установленной до 2039 г. Особенности режима являются налоговые льготы, льготные ставки социальных взносов, возможность применения процедуры свободной таможенной зоны, что позволяет привлечь на территорию региона больше инвестиционных ресурсов.

Список литературы

1. Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года»: пост. Прав-ва Рос. Федерации от 11.08.2014 № 790.
2. Баланов А. Н. Муниципальные финансы и пути повышения эффективности муниципального управления // Оригинальные исследования. 2021. Т. 11, № 3. С. 68—76.
3. Буриличев А. Краудфандинг поможет профинансировать проект и сэкономить средства бюджета // Практика муниципального управления. 2019. № 12.
4. Васильева М. В. О концепции государственного и муниципального финансового контроля // Финансы и кредит. 2009. № 44 (380). С. 14—24.
5. Врублевская О. В., Николаева В. А., Попова М. И. Развитие бюджетно-учетных технологий в государственном секторе. СПб., 2007.

6. Зелинский Д. Н. Местное самоуправление в Республике Крым и его взаимодействие с государственными органами власти // Новый юридический вестник. 2020. № 6 (20). С. 1—3. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/171/5225/> (дата обращения 08.11.2021).
7. Золотько А. И. Финансовое обеспечение местного самоуправления (на примере муниципальных образований субъекта РФ): дис. ... канд. экон. наук. М., 2012.
8. Карепина О. И. Обеспечение сбалансированности региональных бюджетов в контексте сокращения финансовой асимметрии в условиях финансовой нестабильности // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 9. С. 113—128.
9. Кивико И. В., Малис Н. И. Налоговый потенциал Республики Крым // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 3. С. 48—59.
10. Кудрин А. Л. Теоретические и методологические подходы к реализации сбалансированной и эффективной бюджетной политики: дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. 424 с.
11. Павлова Л. Н., Бабич А. М. Бюджетной политике — комплексный подход // Государственная служба. 2000. № 1 (7). С. 105—112.
12. Слепов В. А., Шуба В. Б., Бурлачков В. К. Развитие межбюджетных отношений на уровне муниципальных образований: особенности современного этапа // Вестник Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. 2008. № 1 (19). С. 43—50.
13. Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года: утв. Законом Респ. Крым от 01.01.2017 № 352-ЗРК/217.
14. Харитоновна О. В., Бугаева Т. Н. Краудсорсинг в государственном и муниципальном управлении: сущность и перспективы использования // Вестник евразийской науки. 2020. № 2, т. 12.
15. Шугрина Е. С. Законодательство о местном самоуправлении: анализ состояния и тенденции развития // Муниципальное право. 2014. № 4. С. 2—19.
16. Шугрина Е. С. Местные бюджеты как финансовая основа для осуществления полномочий органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 69—76.

Сведения об авторе

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 63—69.*

FEATURES OF LOCAL GOVERNMENT FINANCIAL SUPPORT

E. S. Silova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

The development and improvement of local self-government is impossible without a clear financial mechanism that allows municipalities to have their own income base in the form of a variety of property and to extract appropriate income from it. At the municipal level, many important processes of ensuring the life of the state are carried out, the level and degree of development of municipal administration characterizes the involvement of citizens in the management process, the level of development of democratic procedures. The financial provision of local self-government is a complex mechanism that needs to be improved. Studying the peculiarities of financial support for local self-government is an important element of the strategic analysis of the institute of local self-government, necessary for the further development of a strategy for financing municipal government. The purpose of this work is to identify the peculiarities of financial support for the regions of Russia. The results of the work were identified features in the context of municipal administration in general and local self-government of the Republic of Crimea.

Keywords: *local self-government, budget, peculiarities of local budgets, financial support of local self-government.*

References

1. Ob utverzhdenii federal'noj celevoj programmy "Social'no-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolya do 2020 goda" [On approval of the federal target program "Social and economic development of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol until 2020"]. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11.08.2014 № 790 [in Russ.].
2. Balanov A. N. (2021) *Original'nye issledovaniya*, vol. 11, no. 3, pp. 68—76 [in Russ.].
3. Burilichev A. (2019) *Praktika municipal'nogo upravleniya*, no. 12 [in Russ.].
4. Vasil'eva M. V. (2009) *Finansy i kredit*, no. 44 (380), pp. 14—24 [in Russ.].
5. Vrublevskaya O. V., Nikolaeva V. A., Popova M. I. (2007) Razvitie byudzhethno-uchetnyh tekhnologij v gosudarstvennom sektore [Development of Fiscal Technologies in the Public Sector]. St. Petersburg [in Russ.].
6. Zelinskij D. N. (2020) *Novyj yuridicheskij vestnik*, no. 6 (20), pp. 1—3 [in Russ.].
7. Zolot'ko A. I. (2012) Finansovoe obespechenie mestnogo samoupravleniya (na primere municipal'nyh obrazovanij sub'ekta RF) [Financial support of local self-government (on the example of municipal formations of a subject of the Russian Federation). Abstract of thesis]. Moscow [in Russ.].
8. Karepina O. I. (2016) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 9, pp. 113—128 [in Russ.].
9. Kiviko I. V., Malis N. I. (2020) *Finansovyj zhurnal*, vol. 12, no. 3, pp. 48—59 [in Russ.].
10. Kudrin A. L. (2018) Teoreticheskie i metodologicheskie podhody k realizacii sbalansirovannoj i effektivnoj byudzhethnoj politiki [Theoretical and methodological approaches to the implementation of a balanced and effective budget policy. Thesis]. Moscow. 424 p. [in Russ.].
11. Pavlova L. N., Babich A. M. (2000) *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 1 (7), pp. 105—112 [in Russ.].
12. Slepov V. A., Shuba V. B., Burlachkov V. K. (2008) *Vestnik Rossijskoj ekonomicheskoy akademii im. G. V. Plekhanova*, no. 1 (19), pp. 43—50 [in Russ.].
13. Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya Respubliki Krym do 2030 goda [Strategy of social and economic development of the Republic of Crimea until 2030]. Utverzhdena Zakonom Respubliki Krym ot 01.01.2017 goda № 352-ZRK/217 [in Russ.].
14. Haritonova O. V., Bugaeva T. N. (2020) *Vestnik Evrazijskoj nauki*, no. 2, vol. 12 [in Russ.].
15. Shugrina E. S. (2014) *Municipal'noe pravo*, no. 4, pp. 2—19 [in Russ.].
16. Shugrina E. S. (2018) *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, no. 11, pp. 69—76 [in Russ.].

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОЖИДАЕМОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ В МИРЕ

В. А. Штунь

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Как известно, демографические показатели имеют определенное влияние на экономическое развитие государства. Актуальной проблемой человечества всегда был поиск способов продления времени жизни. Продолжительность жизни важна для развития экономического потенциала страны. Цель исследования — показать, какие факторы являются значимыми при влиянии на продолжительность жизни, и выразить это влияние количественно. В статье приведен обзор литературы по теме, эмпирически определены объясняющие переменные исходя из их принадлежности к различным группам, на основе данных из открытых источников построена линейная регрессионная модель с использованием метода наименьших квадратов. В результате выявлены как факторы, которые имеют влияние на продолжительность жизни, так и факторы, не имеющие никакого влияния из предполагаемого списка. Представлены факторы по убыванию эффекта на увеличение продолжительности жизни. Даны рекомендации по увеличению продолжительности жизни или снижению негативного на нее влияния.

Ключевые слова: *ожидаемая продолжительность жизни, демография, мировая экономика, регрессионная модель, смертность, вакцинация, выбросы загрязняющих веществ, медицина, здоровье, население.*

Введение

Одним из ключевых показателей уровня жизни страны является здоровье населения. Более того, здоровье напрямую влияет на трудовые ресурсы и, как следствие, на экономическое развитие государства, в связи с чем возникает вопрос о количественном измерении здоровья для поиска путей повышения его уровня. Одним из показателей, предложенных учеными, является понятие ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении — число лет, которое в среднем предстояло бы прожить человеку из поколения родившихся при условии, что на протяжении всей жизни этого поколения по возрастной смертности останется на уровне того года, для которого вычислен показатель [1]. Показатель ОПЖ рассчитывается на основе таблицы смертности по фактическим данным об умерших и является, скорее, показателем смертности, имея к ней обратную зависимость [2]. Таким образом, ОПЖ является показателем дожития, что может косвенно характеризовать и уровень здоровья населения. Следовательно, ОПЖ может быть и индикатором социально-экономических условий проживания, отображая уровень развития медицины страны, а также качество жизни, так как, например, он является одной из составляющих расчета индекса человеческого развития, исполь-

зуемого ООН для измерения уровня развитости государства [3].

Представляет интерес узнать, какие в точности факторы влияют на продолжительность жизни. Ученые имеют противоречия насчет того, факторы какой группы влияют на ОПЖ. Так, А. Г. Вишневецкий выступал за то, что продолжительность жизни является биологическим процессом, независимым от внешних социальных обстоятельств [4]. С другой стороны, Б. С. Хорев наглядно показал, как изменилась продолжительность жизни в связи с демографическим переходом, вызванным кризисом 1990-х гг. в России [5]. При этом ВОЗ считает, что социально-экономическое положение граждан имеет большее влияние, чем индивидуальные факторы здоровья [6]. Также считается, что вредные привычки сильнее влияют на продолжительность жизни, чем уровень медицины. Таким образом, рационально проверить, влияют ли внешние факторы на ожидаемую продолжительность жизни, посредством смертности. Сделать это можно с помощью построения регрессионной модели и грамотного подбора объясняющих факторов.

Существует множество исследований российских авторов на тему ожидаемой продолжительности жизни по регионам России. В большинстве из них выделяются отдельные группы показателей. Среди них ученые посчитали прежде всего значи-

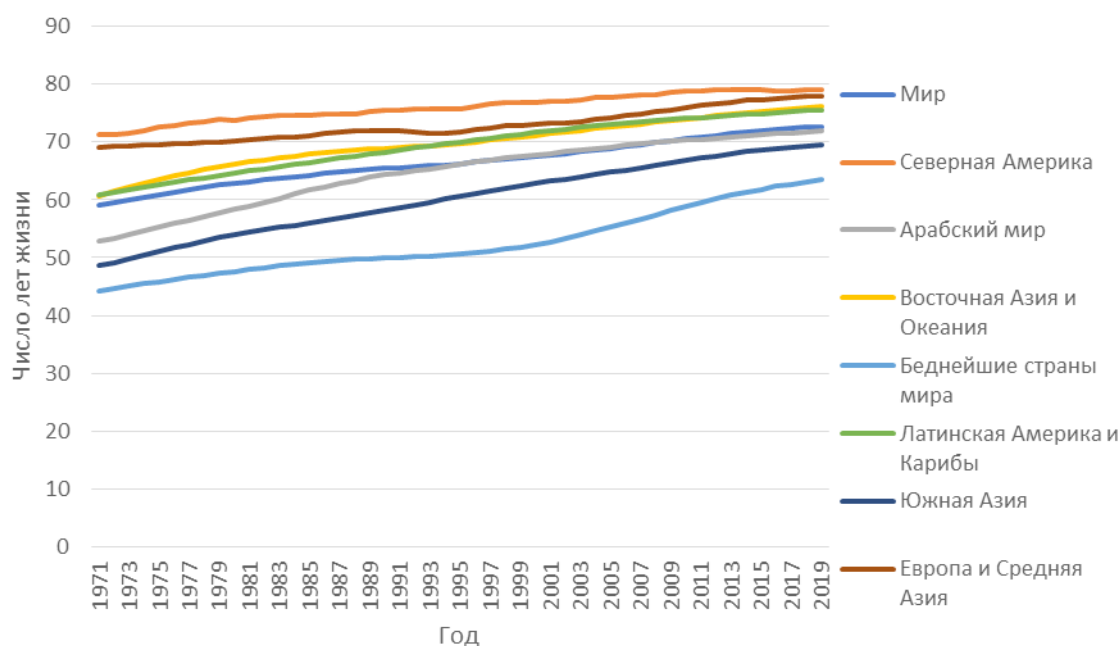
мыми уровень экономического развития и расходы на здравоохранение [7]. Неожиданным оказался вывод об отрицательной связи между ОПЖ и величиной прожиточного минимума. Такая связь объясняется тем, что при повышении прожиточного минимума повышается и стоимость жизни, что ведет к невозможности достойного ее поддержания беднейшим слоям населения [8]. Среди прочего, группируются показатели экологической среды, образования, природно-климатических факторов. Значимыми из них в России оказались только экономические, медицинские и социальные факторы [1]. В дополнение весомыми факторами оказались такие, как плотность автомобильных дорог и уровень безработицы [9]. Как и ожидалось, показатель потребления алкоголя на душу населения имеет положительную связь с коэффициентом смертности [10]. Так, например, при одномоментном прекращении потребления населением крепких алкогольных напитков ожидаемая продолжительность жизни возрастет до 71,9 года, при фактическом значении 71,2 года на момент 2015 г. [11]. Таким образом, на основе этих исследований мы можем увидеть специфичные именно для России факторы, влияющие на продолжительность жизни. Кроме того, в наиболее развитых странах мира было выявлено влияние неравенства доходов посредством коэффициента Джини [12]. Цель же нашего исследования — опираясь на российские исследования, определить факторы влияния на продолжитель-

ность жизни на общемировом уровне. Прежде чем сделать это, необходимо узнать специфику поведения показателя в динамике. Рассмотрим динамику продолжительности жизни по разным регионам мира за последние 50 лет (см. рисунок ниже).

Как мы можем видеть, все регионы мира имеют схожую тенденцию к росту ОПЖ, что представляет собой положительное явление и дает основания полагать и о росте факторов, влияющих на ОПЖ. Наиболее высокую ОПЖ имеют страны Северной Америки и Европы, наименьшую же — беднейшие страны мира, что дает нам предпосылки предполагать о существовании взаимосвязи между богатством государства и ОПЖ его граждан. Проверим, какие факторы влияют на ОПЖ в мировом масштабе.

Материалы и методы исследования

После того как мы рассмотрели ОПЖ в динамике, следует рассмотреть влияние разнообразных факторов, опираясь на кросс-секционные данные, когда модель должна быть построена на основе выборки, где элементами являются значения показателей всех стран на макроуровне. На основе предыдущих исследований были эмпирически подобраны следующие группы показателей: экономические, социальные, медицинские, популяционные и экологические. Данные были взяты из открытой базы статистических данных Всемирного банка [13]. Из-за неполноты некоторых показателей была составлена сокращенная выборка из 126 различных стран мира за 2018 г. База

Динамика ожидаемой продолжительности жизни по разным регионам мира за последние 50 лет

Источник: [13].

исследования представляет собой набор пространственных данных и состоит из показателей 33 стран Азии, 40 стран Европы, 12 стран Северной Америки,

11 стран Южной Америки, 26 стран Африки и 4 стран Австралии и Океании. Полный список показателей с принадлежностью по группам приведен в табл. 1.

Таблица 1

Показатели, использованные для построения модели

Группа показателей	Наименование показателя	Оригинальное название показателя в базе Всемирного банка	Обозначение в модели
Экономические	ВВП на душу населения по ППС в текущих ценах, долл.	GDP per capita, PPP (current international \$)	gdp
	Уровень безработицы, %	Unemployment, total (% of total labor force)	unemp
	Коэффициент Джини	Gini index (World Bank estimate)	gini
	Обеспеченность населения электроэнергией, %	Access to electricity (% of population)	elec
Социальные	Доля населения, использующего источники очищенной воды, соответствующей всем стандартам, %	People using safely managed drinking water services (% of population)	water
	Доля населения, использующего базовые санитарные удобства, %	People using at least basic sanitation services (% of population)	sanit
	Длительность обязательного образования, лет	Compulsory education, duration (years)	edu
	Потребление алкоголя на душу населения (литров чистого спирта, люди старше 15 лет)	Total alcohol consumption per capita (liters of pure alcohol, projected estimates, 15+ years of age)	alc
	Доля курильщиков во взрослом населении, %	Prevalence of current tobacco use (% of adults)	tobacco
Популяционные	Численность населения страны, чел.	Population, total	pop
	Урбанизация, %	Urban population (% of total population)	urb
	Темп прироста населения страны, %	Population growth (annual %)	poptemp
	Доля населения возрастом старше 65 лет, %	Population ages 65 and above (% of total population)	old
Медицинские	Расходы на здравоохранение (в процентах от всех государственных расходов)	Domestic general government health expenditure (% of general government expenditure)	helthexp
	Процент вакцинированных от коклюша, дифтерии и столбняка, %	Immunization, DPT (% of children ages 12—23 months)	imDPT
	Процент вакцинированных от гепатита В, %	Immunization, HepB3 (% of one-year-old children)	imHEB3
	Процент вакцинированных от кори, %	Immunization, measles (% of children ages 12—23 months)	immeasles
	Заболееваемость туберкулезом на 100 000 чел.	Incidence of tuberculosis (per 100,000 people)	tuber
	Заболееваемость ВИЧ, %	Prevalence of HIV, total (% of population ages 15—49)	HIV
Экологические	Выбросы CO ₂ , т/чел.	CO ₂ emissions (metric tons per capita)	co2
	Выбросы оксида азота, тыс. т в эквиваленте CO ₂	Nitrous oxide emissions (thousand metric tons of CO ₂ equivalent)	no
	Загрязненность воздуха частицами PM _{2.5} , среднегодовые значения, мкг/м ³ на кубический метр	PM _{2.5} air pollution, mean annual exposure (micrograms per cubic meter)	pol
Объясняемая переменная	Ожидаемая продолжительность жизни, лет	Life expectancy at birth, total (years)	lexp

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка [13].

Таким образом, наше предположение состоит в том, что все из перечисленных факторов имеют влияние на ожидаемую продолжительность жизни. Для проверки этого предположения была построена регрессионная модель с помощью метода наименьших квадратов. Для построения модели использовался статистический пакет STATA MP 14.0.

Результаты и обсуждение

В результате построения регрессионной модели путем последовательного добавления объясняющих переменных и исключения незначимых коэффициентов при переменных была получено финальное уравнение:

$$Lexp = 46,68 + 0,046 * water + 0,25 * helthexp + 0,099 * elec + 0,000082 * gdp + 0,106 * imDPT + 0,254 * old - 0,178 * alc - 0,156 * co2.$$

Модель имеет высокую объясняющую способность, так как коэффициент детерминации равен 0,8783, следовательно, 87,83 % поведения ОПЖ объясняется приведенными факторами. К тому же модель в целом является значимой, гипотеза об одновременном равенстве всех коэффициентов нулю отвергается. Увидеть это и информацию о значимости коэффициентов можно в табл. 2.

Мы можем видеть, что все коэффициенты за исключением коэффициентов перед переменными *alc* и *co2* являются значимыми на 1%-ном уровне, оставшиеся же коэффициенты — на 5%-ном. Интерпретируем эти коэффициенты. Каждый процент населения, имеющего доступ к качественной питьевой воде, прибавляет к ОПЖ 0,04 года жизни, что объясняется тем, что некачественная вода является источником многих смертельных болезней и может навредить организму, поэтому соблюдение качества воды является необходимым условием здоровья людей. Каждый дополнительный процент в расходах государства на здравоохранение добавляет 0,25 года к ОПЖ, таким образом, расходы на здравоохранение действительно имеют эффект, как и качество медицинских услуг. Каждый процент обеспеченности электричеством повышает ОПЖ на 0,09 года; показатель обеспеченности электричеством является прямым отражением качества жизни и развитости страны, продвинутая медицина, спасающая жизни, без электричества просто невозможна. Каждый доллар в ВВП на душу населения повышает ОПЖ на 0,00008 года. ВВП является показателем экономического развития государства, соответственно, более развитые страны могут предоставить безопасные условия проживания для своих граждан сохраняя и прод-

Таблица 2

Тестирование на значимость коэффициентов и модели в целом

Переменные	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижняя граница 95% доверительного интервала	Верхняя граница 95% доверительного интервала
Water	0,0467245	0,0145112	3,22	0,002	0,0179858	0,0754632
Helthexp	0,2530527	0,0491845	5,14	0,000	0,1556454	0,3504600
elec	0,0998810	0,0200118	4,99	0,000	0,0602487	0,1395132
gdp	0,0000812	0,0000149	5,46	0,000	0,0000517	0,0001107
imDPT	0,1055221	0,0384506	2,74	0,007	0,0293726	0,1816716
old	0,2543762	0,0578867	4,39	0,000	0,1397347	0,3690178
alc	-0,1786050	0,0854628	-2,09	0,039	-0,3478596	-0,0093504
co2	-0,1561552	0,0671076	-2,33	0,022	-0,2890584	-0,0232520
const	46,6880900	3,1492590	14,83	0,000	40,4511500	52,9250400

Примечание: составлено автором.

левая их жизни. Каждый процент вакцинированных от коклюша, дифтерии и столбняка повышает ОПЖ на 0,1 года, таким образом, наглядно видна эффективность вакцинации от опасных болезней. Каждый процент населения старше 65 лет повышает ОПЖ на 0,25 года, что может быть связано с тем, что чем больше продолжительность жизни, тем больше в населении людей пожилого возраста. Каждый употребленный литр спирта снижает продолжительность жизни на 0,17 года, что наглядно показывает его отрицательный эффект на смертность. Каждая выброшенная тонна газа CO_2 на человека снижает продолжительность жизни на 0,15 года, а следовательно выбросы углекислого газа являются фактором, ухудшающим экологическую обстановку, влияя на здоровье людей отрицательным образом. К удивлению, коэффициент при переменной tobacco оказался незначимым, что можно объяснить неравенством в употреблении табака между полами: было выявлено, что в среднем доля курящих мужчин превышает аналогичную долю женщин почти в 3 раза, что может сказаться на нашей модели, нивелируя отрицательный эффект от табака для мужчин. Также незначимыми оказались и коэффициенты перед другими переменными выбросов вредных веществ в атмосферу, что может объясняться их высокой коррелированностью между собой, так как при выделении углекислого газа при сжигании топлива выделяются как диоксид азота, так и мелкодисперсные частицы [14], такое соотношение приводит к высокой мультиколлинеарности. Таким образом, все три фактора понижают ОПЖ, и действуют они в комплексе, сильнее всего из них влияет

углекислый газ. Аналогичная ситуация наблюдается и для вакцинации от разных болезней: государства предпочитают вакцинировать население от большинства опасных болезней одновременно. Показатели заболеваемости от туберкулеза и ВИЧ не оказывают серьезного влияния на ОПЖ, поэтому не включаются в модель и являются незначимыми. Экономические показатели безработицы и неравенства по доходам, как и продолжительность образования, не оказывают значимого влияния на ОПЖ на мировом уровне. Численность населения страны, так же как и ее прирост, тоже никак не коррелирует с продолжительностью жизни.

Рассмотрим регрессию на отсутствие частых проблем при построении регрессии, выявим, наблюдается ли совершенная и частичная мультиколлинеарность. Узнаем, какую тесноту имеет взаимосвязь переменных между собой. Для этого рассмотрим корреляционную матрицу (табл. 3). Все коэффициенты корреляции являются значимыми на 5%-ном уровне значимости.

Из табл. 3 видно, что наиболее всего на ОПЖ влияет доступ к чистой воде, а значит, можно считать этот фактор самым значительным, обеспеченность электричеством и количество пожилых людей также имеют высокую взаимосвязь с ОПЖ. При этом мы можем видеть, что сами переменные не имеют высокой степени корреляции между собой: коэффициент не превышает значения в 0,71 между переменными old и alc, old и water, water и elec, а это означает, что сильной связи между показателями нет и сильной мультиколлинеарности наблюдаться не будет. Это подтверждается и показателем VIF (табл. 4).

Таблица 3

Корреляционная матрица переменных модели

	lexp	gdp	co2	old	alc	elec	helthexp	imDPT	water
lexp	1,00								
gdp	0,72	1,00							
co2	0,50	0,69	1,00						
old	0,76	0,60	0,32	1,00					
alc	0,42	0,43	0,19	0,70	1,00				
elec	0,76	0,45	0,43	0,53	0,21	1,00			
helthexp	0,67	0,51	0,31	0,57	0,43	0,43	1,00		
imDPT	0,56	0,40	0,38	0,36	0,18	0,41	0,36	1,00	
water	0,83	0,69	0,60	0,71	0,43	0,70	0,56	0,46	1,00

Примечание: составлено автором.

Таблица 4

**Значения VIF
для каждой переменной**

Переменная	VIF
water	4,03
old	3,87
gdp	3,03
co2	2,42
alc	2,16
elec	2,13
helthexp	1,68
imDPT	1,36
Среднее	2,59

Примечание: составлено автором.

Показатель VIF не превышает условного порогового значения 7 ед. ни для одной переменной, а значит, мы можем утверждать, что как совершенной, так и сильной мультиколлинеарности не наблюдается и модель не искажается из-за этого явления. Также тест Бреуша — Пагана показал наличие гетероскедастичности в модели, что привело к смещенности стандартных ошибок. Данная проблема была устранена использованием робастных стандартных ошибок с поправкой на гетероскедастичность, поэтому t-статистики для проверки значимости коэффициентов являются истинными. Автокорреляции в модели не выявлено, так как используются пространственные данные. Спецификация модели является правильной, так как RESET-тест Рамсея отверг гипотезу об опущенных переменных в модели. При этом математическое ожидание остатков близко к нулю, а остатки имеют нормальное распределение по тесту Харке — Бера, а значит, наша регрессия соответствует условиям Гаусса — Маркова, таким образом, подобранные оценки являются наилучшими.

Заключение

Таким образом, с помощью построения регрессионного уравнения нам удалось выявить факторы, сильнее всего влияющие на ожидаемую продолжительность жизни на макроуровне. Наиболее важ-

ную составляющую имеет доступ к качественной и очищенной воде, с ним же коррелирует и доступ к санитарным удобствам. Важную роль играет обеспеченность населения электричеством, а также экономическое развитие государства. Поэтому для снижения смертности граждан государства должны в первую очередь делать упор на предоставление населению чистой воды и санитарных удобств, налаживать электроснабжение и добиваться экономического роста. Доля пожилых людей также отчасти объясняет ожидаемую продолжительность жизни. Немаловажную роль в повышении ОПЖ имеют такие медицинские факторы, как расходы государства на здравоохранение и вакцинация от опасных болезней. Таким образом, для повышения ОПЖ государствам следует повышать уровень вакцинации, а также улучшать качество оказываемых медицинских услуг путем повышения расходов из государственного бюджета на данную область. К факторам, снижающим ОПЖ, относятся потребление алкоголя и выбросы углекислого газа, следовательно, следует, насколько это возможно, снижать воздействие этих составляющих. Особенное внимание следует обратить на снижение выбросов углекислого газа, так как совместно с ним выбрасываются такие опасные вещества, как диоксид азота и мелкодисперсные частицы пыли, которые имеют совокупный эффект на здоровье. Никакого влияния на мировом уровне не оказывают уровень неравенства населения по доходам и уровень безработицы, население страны и темпы его прироста, урбанизация и длительность обязательного образования, хотя, как показывают исследования, в отдельных странах они могут иметь значение, как и уровень употребления табака. Таким образом, нам удалось построить регрессионную модель с высокой объясняющей способностью и дать рекомендации на ее основе. Следует сказать, что хотя и наше исследование неидеально, оно не учитывает половых различий, проведено на сокращенной выборке, тем не менее дает обобщенные рекомендации и объяснения поведения ОПЖ, применимые для всего населения на макроуровне.

Список литературы

1. Теплых Г. В. Выявление факторов ожидаемой продолжительности жизни в регионах России: анализ панельных данных // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 7.
2. Бессонова Л. П., Шеменев М. А. Методические подходы к оценке ожидаемой продолжительности жизни населения // Медицина: теория и практика. 2020. № 3.

3. Горбунова О. Н., Гегамян М. А. ИЧР: методологии расчета, показатели и индикаторы // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 3 (049).
4. Миронов Б. Н., Вишневецкий А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее // Советская этнография. 1984. № 1. С. 162—164.
5. Хорев Б. С., Хорева О. Б. О демографическом кризисе в России // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125, № 2. С. 53.
6. Обзор социальных детерминант и разрыва по показателям здоровья в Европейском регионе ВОЗ: заключительный доклад. URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/251959/Review-of-social-determinants-and-the-health-divide-in-the-WHO-European-Region-FINAL-REPORT-Rus.pdf.
7. Колосницына М. Г., Коссова Т. В., Шелунцова М. А. Факторы роста ожидаемой продолжительности жизни: кластерный анализ по странам мира // Демографическое обозрение. 2019. № 1.
8. Меркушова Н. И. Статистический анализ ожидаемой продолжительности жизни населения // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 4(126). С. 102—106.
9. Бойцов С. А., Самородская И. В., Ватолина М. А. Взаимосвязь ожидаемой продолжительности жизни с показателями, влияющими на качество жизни, по данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг» // Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2014. № 2 (16).
10. Кашепов А. В. Экономические факторы смертности и ожидаемой продолжительности жизни. Социально-трудовые исследования. 2019, № 37 (4). С. 20—32. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-37-4-20-32.
11. Крылова В. В. Моделирование ожидаемой продолжительности жизни и перспективы ее роста в России // Хроноэкономика. 2017. № 4 (6).
12. Losses of expected lifetime in the United States and other developed countries: Methods and empirical analyses / V. Shkolnikov, E. Andreev, Zh. Zhang, J. Oeppen, J. Vaupel // Demography. 2011. № 48 (1). P. 211—239. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-1-03.
13. World development indicators databank // World bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.
14. Исследование загрязнения мелкодисперсной пылью воздуха придорожных территорий / А. Н. Васильев, А. Л. Гараев, Р. С. Кагриев, Е. Ю. Козловцева // ИВД. 2020. № 3 (63).

Сведения об авторе

Штунь Валентин Алексеевич — студент кафедры международной экономики и менеджмента Института экономики и управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. valsht12@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 70—77.

MODELLING OF LIFE EXPECTANCY IN THE WORLD

V. A. Shtun

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. valsht12@yandex.ru

As it known, demographic indicators have a certain impact on the economic development of the state. The search for ways to extend the life span has always been an urgent problem of mankind. The purpose of the study is to show which factors are significant in influencing life expectancy and to express this influence quantitatively. A review of the literature on the topic is given, explanatory variables are empirically determined, a linear regression model is made using the OLS method. As a result, both factors that have an impact on life expectancy and those that do not have any influence were identified. Recommendations are given for increasing life expectancy or reducing the negative impact on it.

Keywords: life expectancy, demography, world economy, regression model, mortality, vaccination, pollutant emissions, medicine, health, population.

References

1. Teplyh G. V. (2013) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 7 [in Russ.].
2. Bessonova L. P., Shemenev M. A. (2020) *Medicina: teorija i praktika*, no. 3 [in Russ.].
3. Gorbunova O. N., Gegamjan M. A. (2013) *Social'no-jekonomicheskie javlenija i processy*, no. 3 (049) [in Russ.].
4. Mironov B. N., Vishnevskij A. G. *Sovetskaja jetnografija*. 1984, no. 1, pp. 162—164 [in Russ.].
5. Horev B. S., Horeva O. B. (1993) *Izvestija Russkogo geograficheskogo obshhestva*, vol. 125, no. 2 [in Russ.].
6. Obzor sotsial'nykh determinant i razryvov po pokazatelyam zdorov'ya v Yevropeyskom regione VOZ: okonchatel'nyy otchet [Review of social determinants and the health divide in the WHO European Region: final report]. Available at: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0004/251959/Review-of-social-determinants-and-the-health-divide-in-the-WHO-European-Region-FINAL-REPORT-Rus.pdf, accessed 14.10.2021 [in Russ.].
7. Kolosnycyna M. G., Kossova T. V., Sheluncova M. A. (2019) *Demograficheskoe obozrenie*, no. 1 [in Russ.].
8. Merkusheva, N. I. (2015) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta*, no. 4 (126), pp. 102—106 [in Russ.].
9. Bojcov S. A., Samorodskaja I. V., Vatolina M. A. (2014) *Medicinskie tehnologii. Ocenka i vybor*, no. 2 (16) [in Russ.].
10. Kashepov A. V. (2019) *Social'no-trudovye issledovanija*, no. 37 (4), pp. 20—32 [in Russ.].
11. Krylova V. V. (2017) *Hronojekonomika*, no. 4 (6) [in Russ.].
12. Shkolnikov V., Andreev E., Zhang Zh., Oeppen J., Vaupel J. (2011). *Demography*, no. 48(1), pp. 211—239.
13. Bank dannykh pokazateley mirovogo razvitiya [World development indicators databank]. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, accessed 14.10.2021.
14. Vasil'ev A. N., Garaev A. L., Kagriev R. S., Kozlovceva E. Ju. (2020) *IVD*, no. 3 (63) [in Russ.].

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Ю. Ш. Капкаев, П. Р. Кадыров

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Современное состояние мировой экономической системы охарактеризовано поисками новых точек роста. В связи с этим в статье проводится анализ существующих подходов к развитию территорий, этимологический анализ существующей терминологии по проблематике территориального развития, а также анализ группы показателей социально-экономического развития регионов Уральского и Приволжского федеральных округов с целью группировки входящих в них субъектов по квартильному принципу. Предложено группировать субъекты Уральского и Приволжского федеральных округов на группы: «явный лидер», «авангард», «периферия 1 (отстающие)», «периферия 2 (аутсайдеры)». Исследования данного направления в последующем позволят сформировать институциональный и инфраструктурный каркас единого экономического пространства Уральского и Приволжского федеральных округов. Идея единого экономического пространства заключается в эффективном взаимодействии периферийных территорий с крупными городскими агломерациями, в рамках которого будет происходить интенсивный обмен деятельностью и ресурсами.

Ключевые слова: *экономическое развитие, структура экономики, экономическая активность, УрФО, ПрФО.*

Последнее десятилетие двадцатого века внесло в историю современной России поистине интереснейшие вехи. Смена общественно-экономической формации на стыке веков установила новую систему координат в мировом политическом и экономическом пространстве для современной России. Радикальный переход от командно-административной экономической системы к системе рыночной привел к кардинальным изменениям процесса управления самым крупным территориальным государством на планете. Процесс перехода сопровождался достаточно высоким уровнем снижения роли централизованного регулирования регионального развития, что не могло не привести к логическому следствию — усилению и ускорению конкуренции субъектов Федерации между собой за разного рода ресурсы.

Нужно понимать, что при командно-административной экономической системе неравномерное территориальное распределение факторов производства (труд — земля — капитал) посредством кооперации с множественными разветвленными территориально, но увязанными в единый процесс внутри союзного государства удавалось нивелировать. Другое дело — рыночная экономическая система, функционирование которой осуществлялось совершенно по иным принципам.

Собственно, на основе рыночных принципов сформировалась такая система, в рамках которой

кооперационные связи эффективного перераспределения факторов производства между территориями были утрачены, что выразилось в высокой конкуренции в процессе территориального разделения труда за трудовые ресурсы, государственные и частные финансовые потоки, а также размещение крупных производств [2]. Все это привело к увеличению диспропорций между разнородными территориями и, как следствие, либо к полному вымиранию (в технологическом, социальном и технологическом смысле) удаленных от административного центра территорий, либо же к их длительной стагнации.

Актуальность исследования проблем территориального развития субъектов Российской Федерации сегодня приобретает новые черты. Политические, экономические и технологические вызовы современности ставят все новые и новые задачи перед российской экономикой, здесь важной составляющей является структура этой экономики, на какие элементы она раскладывается, насколько оптимальна и эффективна доля той или иной отрасли в общем значении валового внутреннего продукта, а какой она должна быть завтра и что значит оптимально, какие параметры оптимальности существуют и какой запас прочности они имеют [1]. Ответы на данные вопросы целесообразно будет начать с исследования теории вопроса, то есть с анализа современных точек зрения на проблемы развития разнородных по составу факторов производства территорий.

Основным объектом территориального развития при федеративной форме правления является административно-территориальное образование — субъект Федерации. Все субъекты Федерации на основе различного рода факторов (географическое расположение, экономическая профилизация — машиностроение, сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и др.) объединены в федеральные округа.

Современные теоретико-методологические подходы к территориальному развитию можно разделить на несколько направлений (системный, комплексный, административно-территориальный, территориально-хозяйственный, территориально-географический, социальный и др.).

Представители системного направления территориального развития подразумевают под территорией сложноорганизованную социально-экономическую систему, которая состоит из различных подсистем и основу развития которой составляет взаимодействие процессов самоорганизации и организации. Академик А. Г. Гранберг трактует содержание субъекта Федерации как «определенную территорию, отличающуюся от других территорий по ряду признаков и обладающую некоторой целостностью, взаимосвязанностью составляющих ее элементов» [8]. По мнению профессора В. И. Бархатова, регион — это есть целостная система, которая имеет внутренне разделение, основанное на неравномерном распределении определенных рода факторов производства. Вопрос развития такого рода территорий заключается в структурном определении точек роста, вокруг которых должен сформироваться научно-производственный комплекс, включающий в себя определенную разветвленную кооперацию крупного, малого и среднего бизнеса [3].

Представители административно-территориального направления территориального развития в качестве ключевого звена территориального развития видят группы субъектов Федерации. С позиции направления развитие территории рассматривается в группировке субъектов Федерации в определенных административных границах (федеральный округ, субъект РФ, муниципальные образования). Данный подход является основой при определении понятия «регион» в Указе Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Вопросам анализа ключевых показателей социально-экономического развития субъектов РФ для их группировки посвящена рабо-

та профессора В. И. Бархатова, доцента Д. С. Бенц, Ю. Ш. Капкаева, Е. С. Силовой [5].

Профессор В. И. Бархатов считает, что обновление основного капитала ведет к появлению новых технологий и переходу к новому экономическому укладу, росту производительности труда, что в конечном итоге создает предпосылки роста конкурентоспособности внутри региона, внутри федерального округа и внутри государства. Изменения в технологическом способе производства позволяют осуществить переход к новой реальности на основе новой структуры производства и конвергентных технологий. Конкурентоспособность регионов предполагает новую траекторию развития, основанную на базе новых факторов экономического роста. Также в рамках углубленного исследования ключевых показателей социально-экономического развития Уральского федерального округа профессор В. И. Бархатов предлагает не ссылаться вслепую на новые условия, а анализировать их всесторонне с использованием многофакторного анализа. Сегодня специфика УрФО такова, что рабочей силы здесь не становится больше, а даже и происходит ее уменьшение, и нельзя закрывать глаза на такую динамику. Вероятно, можно и не паниковать, говоря об оттоке кадров из регионов Урала, а ссылаться на некий «серый» рынок труда. Можно выдвинуть гипотезу о том, что регионы Урала демонстрируют рост неучтенной численности рабочей силы. Но ни отток, ни формирование «серого» рынка труда не могут со временем сказаться положительно на региональном экономическом росте [4].

Также по итогам большого сравнительного исследования ключевых показателей социально-экономического развития регионов УрФО и ПрФО профессор В. И. Бархатов приходит к выводу, что региональная структура российской экономики в условиях новой нормальности продолжает оставаться неравномерной, и степень неравномерности, которую можно охарактеризовать в терминах центра и периферии, со временем нарастает.

Доцент Д. С. Бенц в цикле научных работ, посвященных развитию Уральского макрорегиона, в качестве ключевого фактора риска видит падение численности рабочей силы и среднегодовой численности занятых. За три последних года Уральский макрорегион потерял 1% (с 13 до 12%) в общем значении занятых в России, что является опасной и негативной тенденцией для промышленного региона. Также Д. С. Бенц, говоря о структуре экономики, предлагает, что нужно упомянуть и о профилизации и размере бизнеса, представленного в УрФО, в своих

исследованиях предлагает сформировать некий бизнес-портрет регионов Урала:

— крупный, в том числе промышленный, бизнес сосредоточен в Тюменской области;

— Свердловская область является лидером в плане присутствия в регионе среднего и малого бизнеса, в том числе промышленного, — отсюда напрашивается гипотеза о более благоприятной институциональной среде для взращивания такового;

— в Тюменской области доминирует добывающая промышленность, причем все самые крупные предприятия занимаются добычей сырой нефти;

— лидером в обрабатывающих производствах выступает Челябинская область — как по стоимостному объему, так и в удельных весах; объемы выпуска обрабатывающей промышленности Челябинской области превышают аналогичный показатель Свердловской области на 12,8% [6].

Доцент Д. С. Бенц в ряде работ анализирует процесс синхронизации экономик соседних территорий, в частности Свердловской и Челябинской областей. Проверилась гипотеза о том, что синхронизирующий эффект является основой успешной интеграции.

Количественно синхронизирующий эффект автор оценивал при помощи коэффициента парной корреляции темпов роста. Была доказана тесная связь в отношении динамики валового регионального продукта, физического объема валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал, затрат на технологические инновации, объема выбросов в атмосферу. Самой тесной связью оказалась в отношении темпов роста среднедушевых доходов населения. Самой низкой — в отношении темпов роста стоимости основных фондов и численности занятых.

Важной составляющей исследования территориального развития является определение с терминологией процессов, на основе которых будет проведен анализ ключевых групп показателей социально-экономического развития, а на их основе — группировка определенных субъектов РФ [10].

Анализ отечественной экономической литературы по проблематике территориального развития можно выделить множественную терминологию, описывающую определенные тенденции, закономерности и изменения. В табл. 1 приведена сгруппированная терминология, используемая в научных

Таблица 1

Этимологическая группировка терминологии, описывающей территориальное развитие

Дифференциация	
— понимается как объективное состояние неоднородности экономического пространства в результате неравномерного социально-экономического развития территориальных единиц, проявляющееся в различиях по определенным социальным и экономическим параметрам [15]	
Блок определений, характеризующих процесс роста региональных различий	Блок определений, характеризующих наличие объективных различий между территориями в уровне и параметрах развития
Асимметрия — свойство закономерных, направленных некачественных изменений основных социально-экономических характеристик муниципальных образований, при котором процесс воздействия комплекса внутренних и внешних факторов не в равной степени затрагивает эти характеристики, обуславливая устойчивое во времени и пространстве увеличение отличий между ними (или по отношению к некоему стандарту) и проявляющееся в различных уровнях социально-экономического развития муниципальных образований и изменяющих тренд развития и структуру региона [12; 13]	Неравенство — различия в уровнях развития, занятости, доходов населения, условиях предпринимательства и т. д. [7]
Поляризация — степень отрыва центров роста — региональных столиц от остальных населенных пунктов (условно обозначим их термином «периферия») [16]	Неравномерность — состояние экономического развития конкретного региона, характеризующееся высокой дифференциацией различных социально-экономических показателей на уровне административно-территориальных образований данного субъекта Федерации [8]
	Диспропорция — несбалансированность в развитии отдельных отраслей, взаимосвязанных фаз производства, порождающая нарушение норм хода процесса воспроизводства [9]

Источник: составлено автором на основе данных [7]—[9], [12], [13], [15], [16].

исследованиях по проблематике территориального развития. Группировка проводилась по этимологическому принципу.

На основе существующих подходов к дифференциации территорий сформируем рабочую гипотезу: для понимания причины и факторов неравномерности территориального развития предлагается использовать систему рейтинговых оценок субъектов на основании определенных рейтинговых факторов для последующего сопоставления рейтингов с целью выявления значения каждого фактора [11].

Анализ показателей социально-экономического развития и на его основе рейтингование субъек-

тков с последующим группированием проведем на примере субъектов Уральского федерального округа (УрФО) и Приволжского федерального округа (ПрФО). В качестве ключевых показателей будем использовать: валовой региональный продукт на душу населения, объем инвестиций в основной капитал на душу населения, численность населения, численность рабочей силы.

Основным критерием группировки субъектов именно УрФО и ПрФО, по нашему мнению, являются отраслевая структура и определенное профилирование экономик субъектов данных федеральных округов. На рис. 1 приведена развернутая

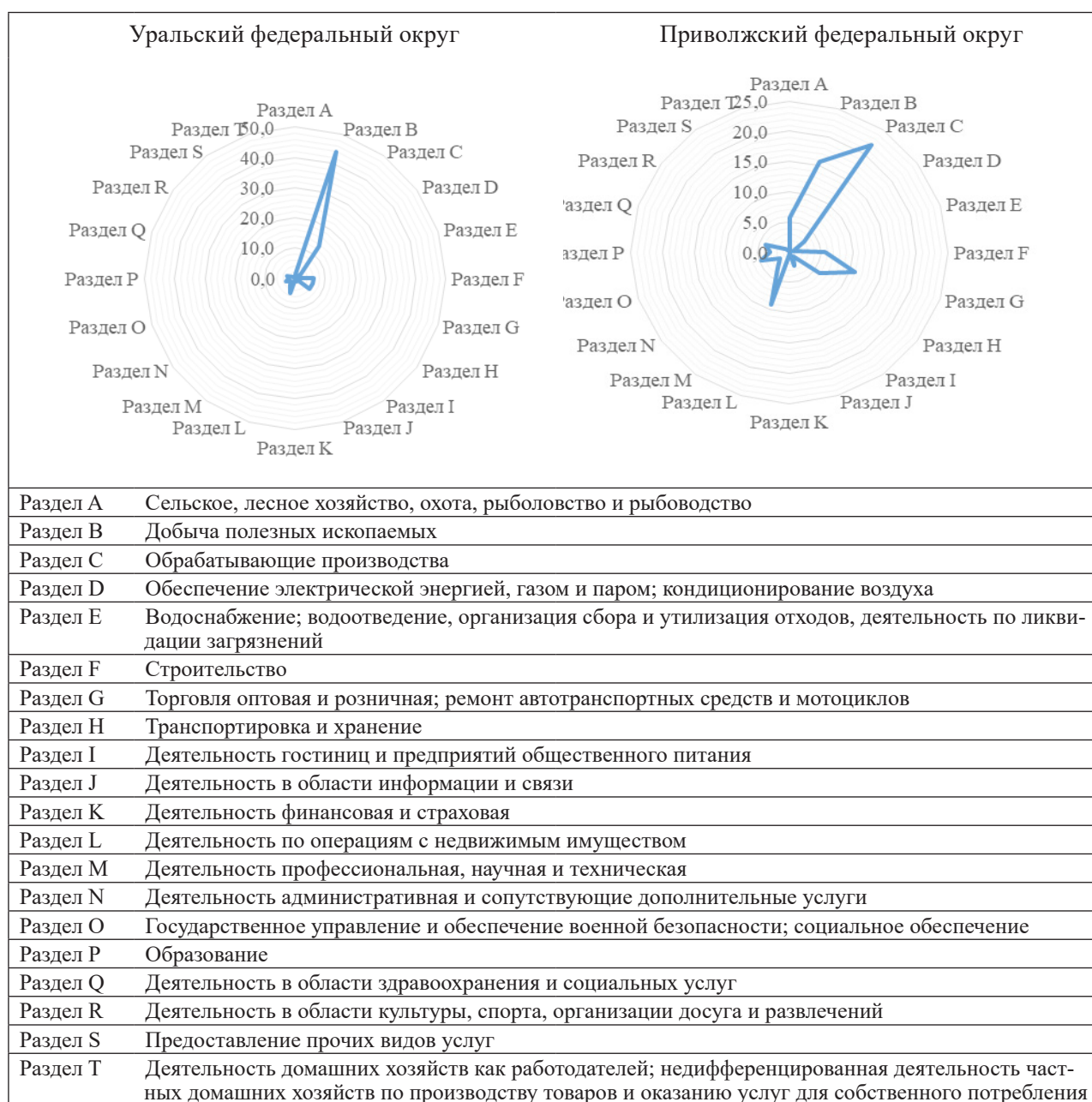

Рис. 1. Отраслевая структура валового регионального продукта УрФО и ПрФО на 2020 г, %
 Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.»

отраслевая структура валового регионального продукта УрФО и ПрФО на 2020 г.

Анализируя структуру валового регионального продукта, можно сделать вывод о высокой схожести в профилизации экономики. Так, ведущими отраслями экономики УрФО выступают группа В (44,1%) и группа С (13,3%). Профилизация экономики ПрФО выглядит более сбалансированной, но локомотивными отраслями выступают (как и в УрФО) группа С (21,9%) и группа В (15,7%), также авангардную тройку дополняет группа G (10,9%).

Профилизация экономики ПрФО практически в точности повторяет отраслевую структуру ва-

лового регионального продукта в целом по России (рис. 2), что может говорить о ее сбалансированности и весомом вкладе в развитие экономики страны (рис. 3).

Валовой региональный продукт в разрезе федеральных округов подтверждает тезис, высказанный ранее о весомости вклада экономики УрФО и ПрФО в общем объеме национальной экономики. Но если данный показатель проанализировать в приведенном соотношении, то есть на душу населения, то УрФО — безоговорочный лидер, а ПрФО находится лишь на 6-м месте (рис. 4).

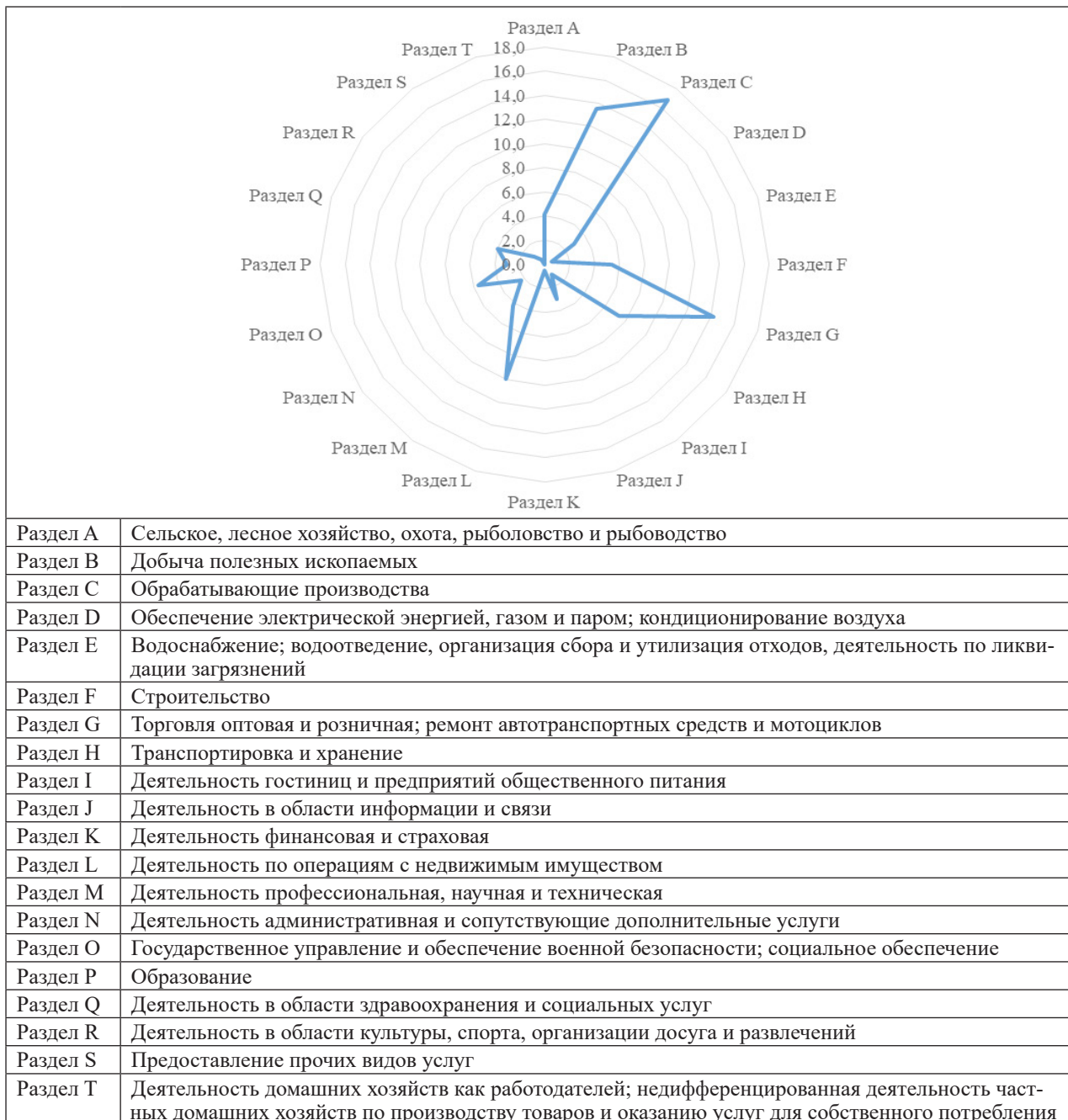

Рис. 2. Отраслевая структура российской экономики на 2020 г., %

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

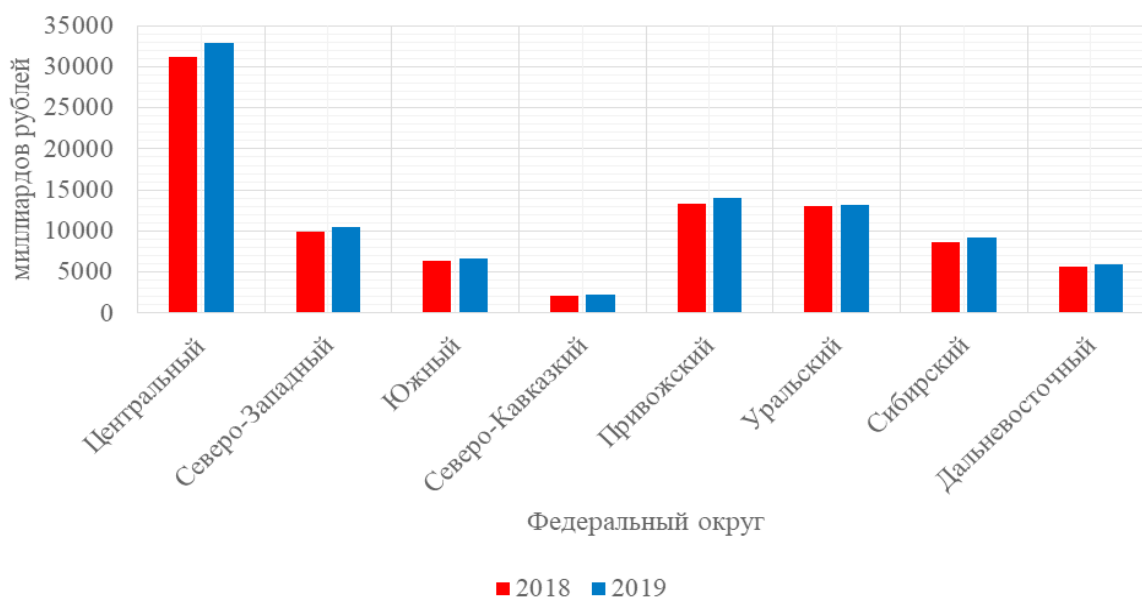

Рис. 3. Валовой региональный продукт по федеральным округам РФ, млрд руб.

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2020 г.»

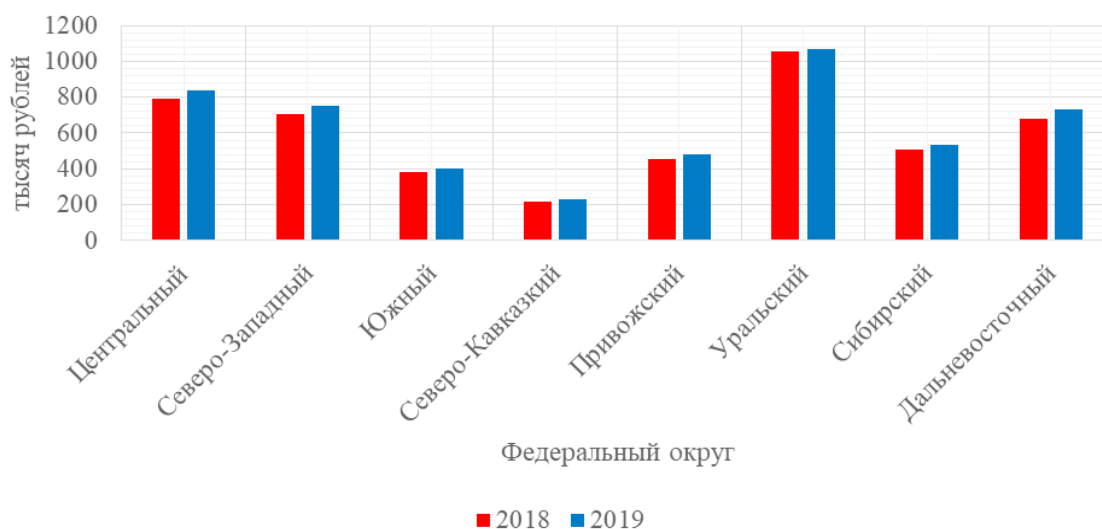

Рис. 4. Валовой региональный продукт на душу населения по федеральным округам РФ, тыс. руб.

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2020 г.»

Результаты сравнительного анализа регионов УрФО и ПрФО по показателю «валовой региональный продукт» / «валовой региональный продукт на душу населения» позволяют нам условно разделить все регионы на группы. Если смотреть данные показатели в динамике по всем регионам, то общая динамика будет положительной, тренд будет растущий. Но если мы группируем и проведем качественный анализ динамики данного

показателя с привязкой к отраслевой структуре валового регионального продукта, то мы сможем в каждой группе увидеть движущие экономические силы [14].

В каждом из анализируемых федеральных округов на основе проведенного анализа динамики валового регионального продукта можем группировать входящие в ФО субъекты. Условно предлагаем ввести следующие группы: «явный

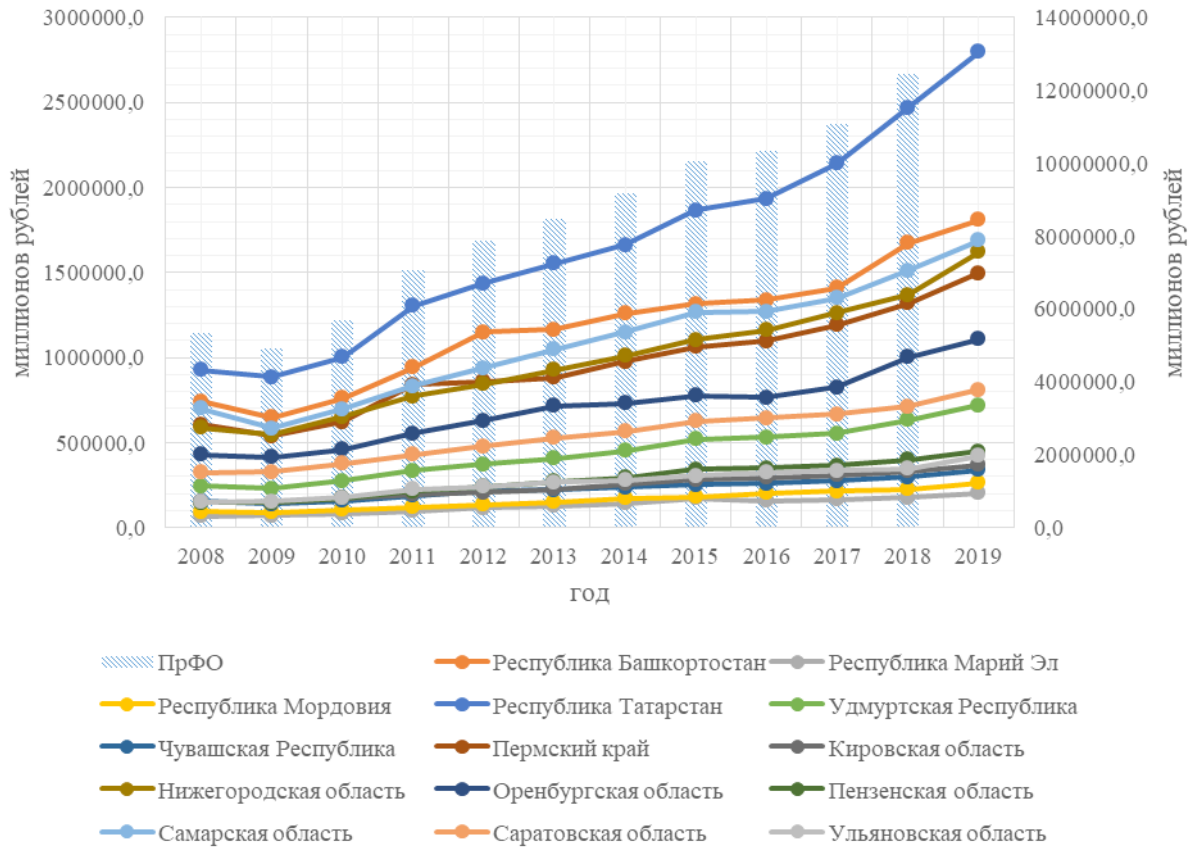

Рис. 5. Динамика валового регионального продукта по субъектам ПФО РФ за 2008—2019 гг.
 Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

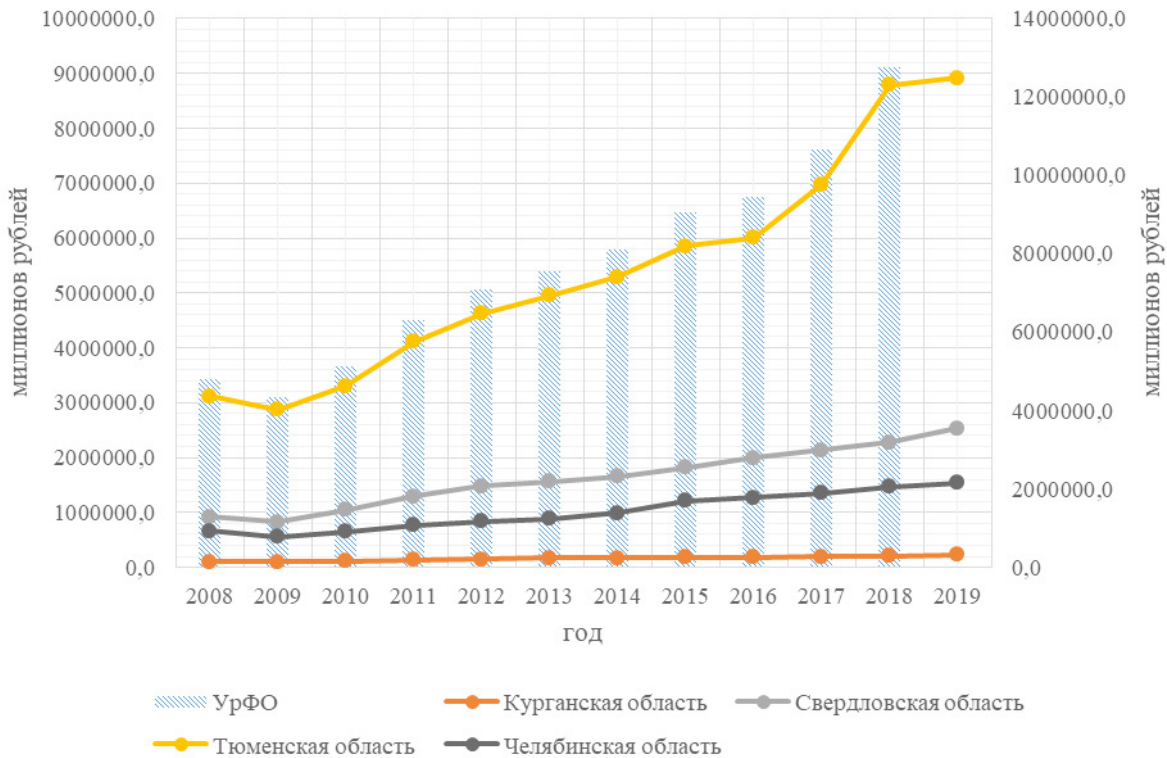

Рис. 6. Динамика валового регионального продукта по субъектам ПФО РФ за 2008-2019 гг.
 Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

лидер», «авангард», «отстающие», «аутсайдеры» (табл. 2).

Анализ соотношения показателей численности населения и численности рабочей силы по субъектам УрФО и ПрФО показывают, что доля рабочей силы (экономически активного населения) от общей численности населения находится

в диапазоне от 47 до 55%. Но группировка на четырехквартильную структуру имеет иной вид.

На основе данной методики был проведен анализ субъектов Уральского федерального округа и Приволжского федерального округа по группе показателей, куда вошли валовой региональный продукт, инвестиции в основной капитал, численность

Таблица 2

Группировка субъектов УрФО и ПрФО по показателю «валовой региональный продукт»

Статус в группировке	Название субъекта	
	ПрФО	УрФО
Явный лидер	Республика Татарстан	Тюменская область
Авангард	Республика Башкортостан Самарская область Новгородская область Пермский край	Свердловская область
Периферия 1 (отстающие)	Оренбургская область Саратовская область Удмуртская Республика	Челябинская область
Периферия 2 (аутсайдеры)	Пензенская область Ульяновская область Кировская область Чувашская Республика Республика Мордовия Республика Марий Эл	Курганская область

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

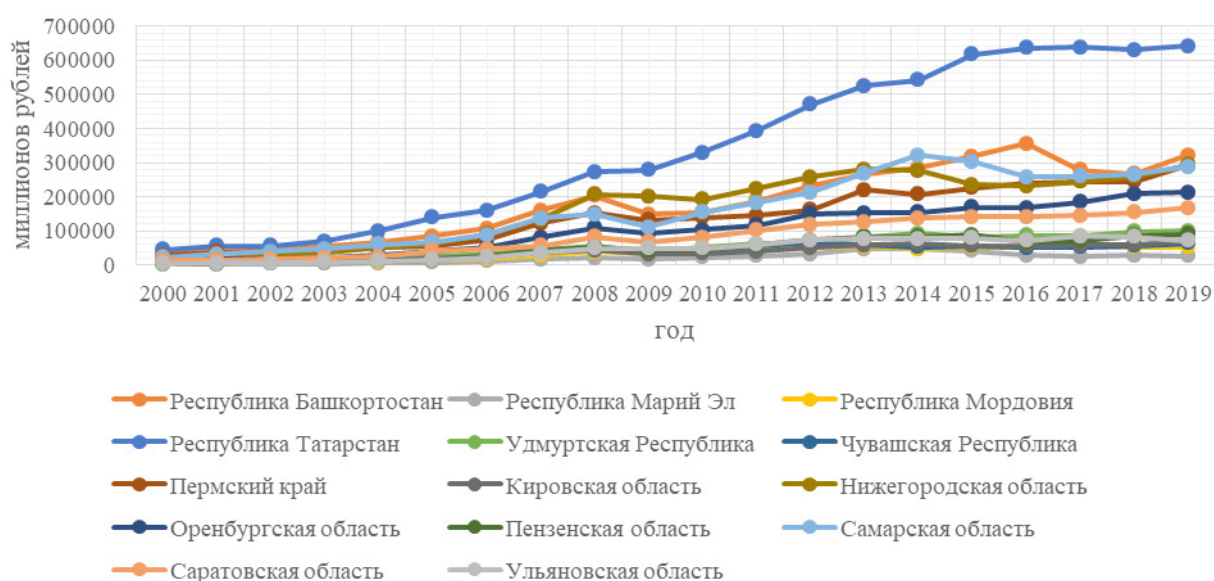

Рис. 7. Динамика инвестиций в основной капитал по субъектам ПрФО за 2008—2019 гг.

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

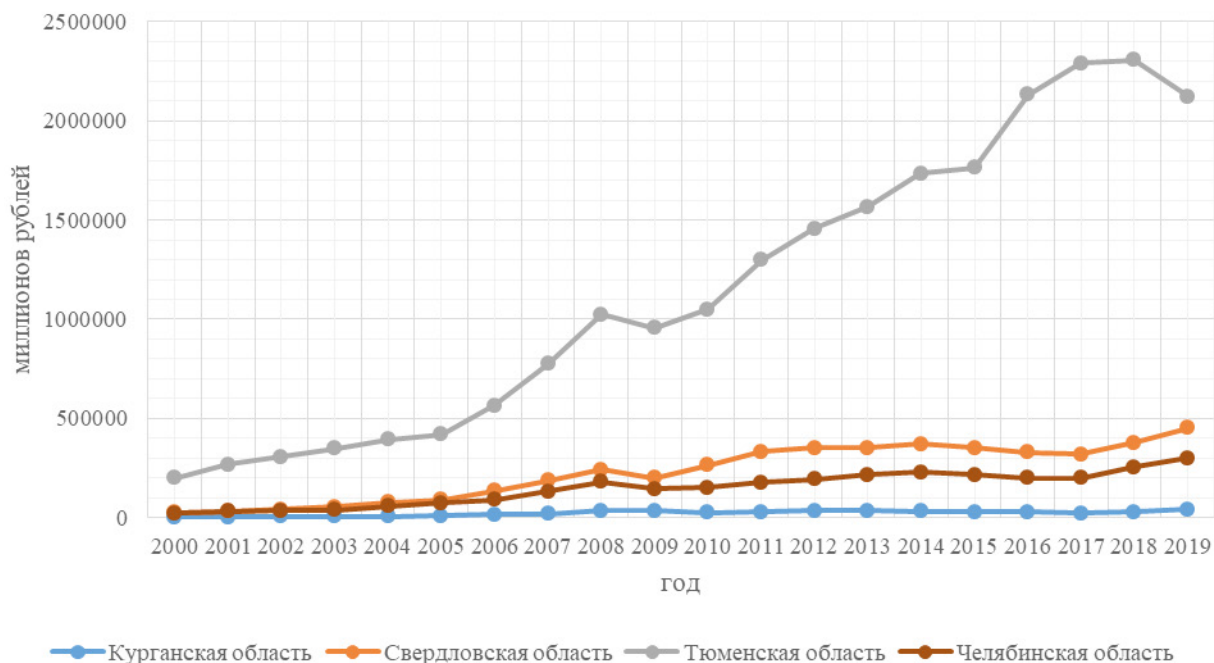

Рис. 8. Динамика инвестиций в основной капитал по субъектам УрФО за 2008—2019 гг.

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

Таблица 3

**Группировка субъектов УрФО и ПрФО по показателю
«инвестиции в основной капитал»**

Статус в группировке	Название субъекта	
	ПрФО	УрФО
Явный лидер	Республика Татарстан	Тюменская область
Авангард	Республика Башкортостан Самарская область Новгородская область Пермский край	Свердловская область Челябинская область
Периферия 1 (отстающие)	Оренбургская область Саратовская область	Курганская область.
Периферия 2 (аутсайдеры)	Пензенская область Ульяновская область Кировская область Чувашская Республика Республика Мордовия Республика Марий Эл Удмуртская Республика	

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

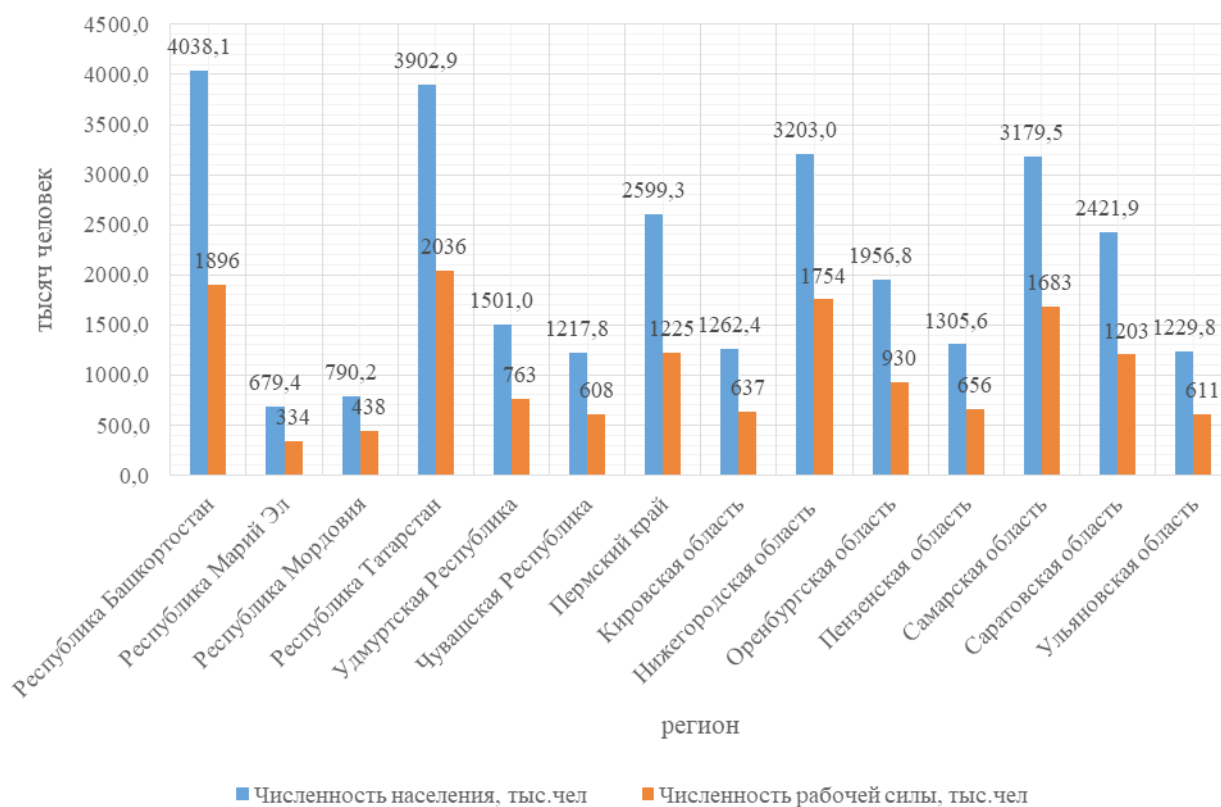

Рис. 9. Соотношение численности населения и численности рабочей силы субъектов ПФО на 2019 г. Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

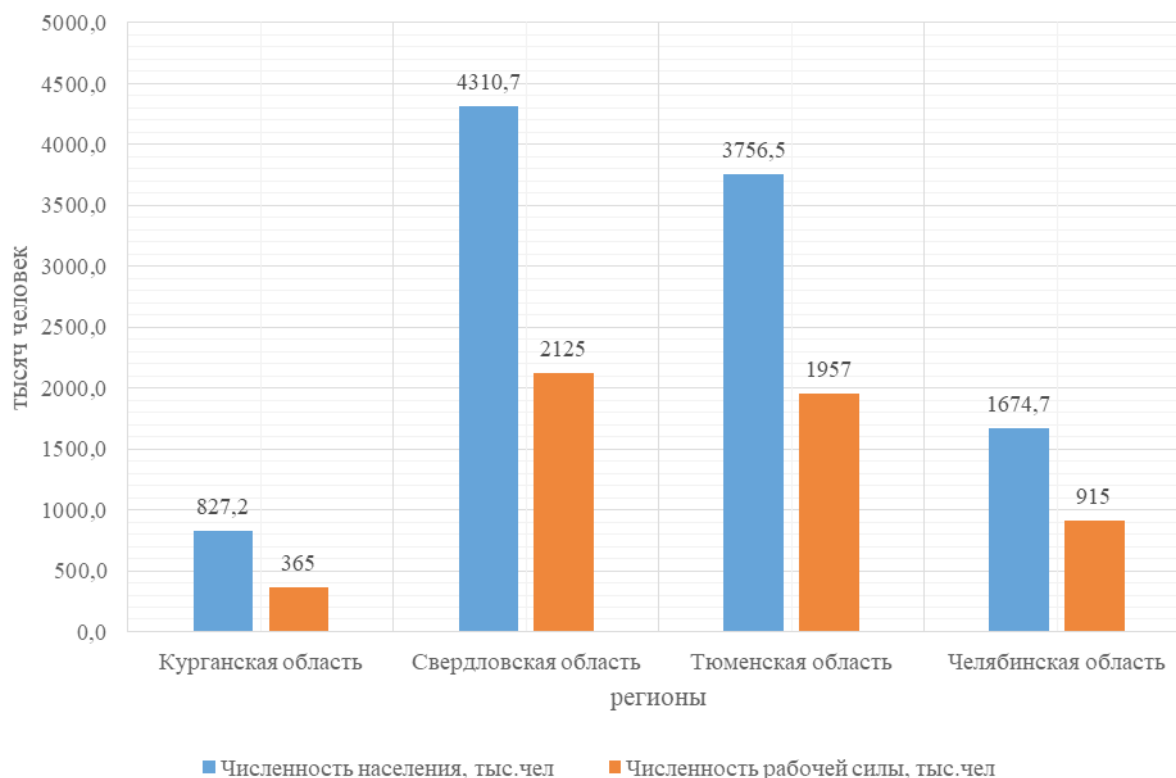

Рис. 10. Соотношение численности населения и численности рабочей силы субъектов УрФО на 2019 г. Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

Таблица 4

Группировка субъектов УрФО и ПрФО по соотношению численности населения и численности рабочей силы

Статус в группировке	Название субъекта	
	ПрФО	УрФО
Явный лидер	Республика Башкортостан	Свердловская область
Авангард	Республика Татарстан Самарская область Нижегородская область Пермский край	Тюменская область
Периферия 1 (отстающие)	Оренбургская область Саратовская область	Челябинская область
Периферия 2 (аутсайдеры)	Пензенская область Ульяновская область Кировская область Чувашская Республика Республика Мордовия Республика Марий Эл Удмуртская Республика	Курганская область

Источник: Статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели 2020 г.».

населения субъекта и численность рабочей силы субъекта с целью группировки субъектов федерального округа. Анализируя отраслевую структуру валового регионального продукта субъектов, отдельных групп можно выделить схожую, практически идентичную отраслевую структуру. Если проводить сравнение отраслевой структуры

групп «явный лидер» и «периферия 2» (аутсайдеры), то можно увидеть практически полное различие их отраслевой структуры.

Результаты, полученные в данном исследовании, будут положены в основу дальнейших исследований группировки регионов.

Список литературы

1. Акбердина В. В., Романова О. А. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритетов и механизмов регулирования // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 3. С. 714—736.
2. Бархатов В. И. Модернизация российской экономики в условиях турбулентности // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). С. 7—12.
3. Бархатов В. И. Потенциал регионов Уральского федерального округа в условиях новой нормальности социально-экономического развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). С. 52—65.
4. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Капкаев Ю. Ш. Центры и периферия Урала и Поволжья в условиях «новой нормальности» // Социум и власть. 2019. № 5 (79). С. 65—83.
5. Инновационная активность в России: субъектный анализ / Д. С. Бенц, В. И. Бархатов, Ю. Ш. Капкаев, Е. С. Силова // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 1 (23). С. 28—36.
6. Бенц Д. С. Тренды развития Уральского макрорегиона // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 2 (436). С. 92—101.
7. Воробьев Д. Н. Регулирование асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона. Екатеринбург, 2006. 207 с.
8. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учеб. для вузов. 3-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 495 с.

9. Гаджиев Т. М. Преодоление неравномерности территориального развития экономики депрессивного региона на основе целевых программ (на примере Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Махачкала, 2004. 23 с.
10. Котов А. В. Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 3. С. 755—768.
11. Проблемы развития единого комплекса средств макроэкономического межрегионального межотраслевого анализа и прогнозирования / В. А. Крюков, А. О. Баранов, В. Н. Павлов, В. И. Суслов, Н. И. Суслов // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 4. С. 1072—1086.
12. Лаврикова Ю. Г., Суворова А. В. Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 4. С. 1017—1030.
13. Лавровский Б. Л. Территориальная дифференциация и подходы к ее ослаблению в Российской Федерации // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2003. Т. 7, № 4. С. 524—537.
14. Мицек С. А. Анализ макроэкономической динамики совокупной факторной производительности экономики России // Экономика региона. 2021. Т. 17, № 3. С. 799—813.
15. Победин А. А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития (на примере Свердловской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук: Екатеринбург, 2008. 24 с.
16. Суспицын С. Межрегиональные различия: сравнительный анализ федеральных округов и «суб-округов» // Российский экономический журнал. 2001. № 1. С. 53—66.

Сведения об авторах

Капкаев Юнер Шамильевич — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zam@csu.ru

Кадыров Павел Робертович — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pavel@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 78—90.

RESEARCH OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS ON THE BASIS OF ECONOMIC RESPONSE OF THE POPULATION

Yu. Sh. Kapkaev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zam@csu.ru

P. R. Kadyrov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pavel@csu.ru

The current state of the world economic system is characterized by the search for new growth points. In this regard, the terms “spatial development” and “agglomeration effects” can be found more and more often. In the context of integration processes both in the world economy and in the national economy, it becomes obvious that the autonomous development of territories in most cases cannot be accompanied by accelerated growth. In this regard, the article analyzes the existing approaches to the development of territories, an etymological analysis of the existing terminology on the problems of territorial development, as well as an analysis of a group of indicators of the socio-economic development of the regions of the Ural and Volga Federal Districts in order to group their constituent entities according to the quartile principle. It was proposed to group the subjects of the Ural and Volga Federal Districts into groups “clear leader-vanguard-periphery 1 (lagging behind) — periphery 2 (outsiders). Research in this area in the future will make it possible to form the institutional and infrastructural framework of a single economic space of the Ural and Volga Federal Districts. The idea of a single economic space lies in the effective interaction of peripheral territories with large urban agglomerations, within which an intensive exchange of activities and resources will take place.

Keywords: *economic development, structure of the economy, economic activity.*

References

1. Akberdina V. V., Romanova O. A. (2021) *Ekonomika regiona*, vol. 17, no. 3, pp. 714—736 [in Russ.].
2. Barkhatov V. I. (2018) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika*, no. 7, pp. 7—12 [in Russ.].
3. Barkhatov V. I. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika*, no. 2, pp. 52—65 [in Russ.].
4. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Kapkaev Yu. Sh. (2019) *Socium i vlast'*, no. 5 (79), pp. 65—83 [in Russ.].
5. Benz D. S., Barkhatov V. I., Kapkaev Yu. Sh., Silova E. S. (2019) *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 28—36 [in Russ.].
6. Benz D. S. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Ekonomika*, no. 2, pp. 92—101 [in Russ.].
7. Vorobiev D. N. (2006) Regulation of the asymmetry of socio-economic development of municipalities in the region. Thesis. Yekaterinburg [in Russ.].
8. Granberg A. G. (2003) *Osnovy regional'noy ekonomiki* [Fundamentals of regional economics. 3rd ed.]. Higher School of Economics [in Russ.].
9. Hajiyev T. M. (2004) Preodoleniye neravnomernosti territorial'nogo razvitiya ekonomiki depressivnogo regiona na osnove tselevykh programm (na primere Respubliki Dagestan) [Overcoming the unevenness of the territorial development of the economy of a depressed region on the basis of targeted programs (on the example of the Republic of Dagestan). Abstract of thesis]. Makhachkala [in Russ.].
10. Kotov A. V. (2021) *Ekonomika regiona*, vol. 17, no. 3, pp. 755—768 [in Russ.].
11. Kryukov V. A., Baranov A. O., Pavlov V. N., Suslov V. I., Suslov N. I. (2020) *Ekonomika regiona*, vol. 16, no. 4, pp. 1072—1086 [in Russ.].
12. Lavrikova Yu. G., Suvorova A. V. (2020) *Ekonomika regiona*, vol. 16, no. 4, pp. 1017—1030 [in Russ.].
13. Lavrovsky B. L. (2003) *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, no. 4, pp. 524—537 [in Russ.].
14. Micek S. A. (2021) *Ekonomika regiona*, vol. 17, no. 3, pp. 799—813 [in Russ.].
15. Pobedin A. A. (2008) Politika regulirovaniya vnutrireional'noy differentsiatsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Policy of regulation of intraregional differentiation of socio-economic development (on the example of the Sverdlovsk region). Abstract of thesis]. Yekaterinburg [in Russ.].
16. Suspitsyn S. (2001) *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*, no. 1, pp. 53—66 [in Russ.].

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 12 (458). Экономические науки. Вып. 75. С. 91—99.

УДК 331.45; 331.463
ББК 65.246

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11210

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОХРАНЫ ТРУДА

С. А. Головихин, В. С. Неволин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья раскрывает актуальные проблемы и основные направления повышения социально-экономической эффективности в сфере охраны труда. Целью работы является исследование актуальных направлений для совершенствования служб охраны труда и их внедрение в организациях. В работе проведен анализ литературы с целью уточнения понятий охраны труда и социально-экономической эффективности. Проанализированы современные практики управления сферой охраны труда, научная литература, нормативно-правовые акты, а также все факторы, оказывающие влияние на охрану труда в организациях, что составило методологическую основу исследования. Представлено уточненное авторское понятие охраны труда. Дано графическое представление динамики изменения показателей производственного травматизма в организациях Челябинской области за период с 2015 по 2020 г. Выявлены актуальные направления повышения социально-экономической эффективности в данной сфере (профилактическая направленность, система непрерывного обучения персонала, внедрение инновационных технологий, дистанционная (удаленная) работа в период пандемии, наставничество, оценка рисков).

Ключевые слова: *охрана труда, эффективность, социально-экономическая эффективность, профессиональные заболевания, риск, наставничество.*

Важным условием существования и развития предприятий является их эффективность, поэтому возрастает значение факторов повышения эффективности. Особое место среди данных факторов занимает организация охраны труда. Значимость организации охраны труда на предприятии обусловлена тем, что достичь желаемого результата в развитии организации, даже имея высококласное оборудование и высокопроизводительную технику, невозможно без должного уровня организации их обслуживания, при этом в совокупности наличие этих двух составляющих приведет к максимальному результату.

Исследователи предлагают различные трактовки понятия охраны труда. Например, охрана труда в работе С. П. Какаулина представлена системой обеспечения безопасности жизни, направленной на сохранение здоровья и работоспособности сотрудников в процессе деятельности, что включает в себя достижение целей сферы охраны труда путем проведения правовых, социальных, экономических, организационных, технических, трудовоохранных мероприятий [13. С. 82].

А. И. Гавриченко, Р. П. Беликов, А. Н. Шаповалов предлагают следующее определение, рассматривая охрану труда как комплекс мероприятий, которые направлены на выявление рисков и опасностей, а также на снижение ущерба в организациях и предотвращение чрезвычайных ситуаций [4. С. 83]. По их мнению, экономическая эффективность охраны труда определяется снижением травм на рабочих местах и профессиональных заболеваний. При этом снижение затрат на компенсации по причинам травм и профессиональных заболеваний в процессе трудовой деятельности определяется количественными показателями.

По мнению Д. В. Андреева, Н. И. Лукачевского, охрана труда — это система сохранения безопасности сотрудников и их жизни; помимо данных функций, содействие повышению эффективности производства и улучшению условий труда [1. С. 5].

А. Д. Вильдайс, В. Е. Ксензова считают, что охрана труда — это система мероприятий, обеспечивающих условия безопасного труда, целью которых считается, сохранение жизни и здоровья участника трудовой деятельности [3].

По нашему мнению, охрана труда является сложной и многогранной системой мероприятий, направленных на сохранение жизни и здоровья сотрудников в процессе трудовой деятельности, и включает в себя меры по предупреждению травматизма и профессиональной заболеваемости. Главной целью охраны труда является безопасность трудового процесса и производственной среды, которая оказывает влияние на здоровье работников в процессе трудовой деятельности.

Развитие охраны труда с точки зрения научной дисциплины зависит от прогресса различных областей, где применяется понятие «труд», таких как эргономика, социология, экономика, философия, психология. По мере развития данных областей науки исследователи в сфере охраны труда формулировали новые методики для достижения максимальных результатов, находили новые подходы для решения проблем, связанных с безопасностью производства и созданию благоприятных условий на рабочих местах.

Стоит сказать о том, что современные исследования в области охраны труда, среди которых работы Б. М. Генкина [7], А. М. Елина [8], Ш. Н. Исмоиловой [12], Е. А. Краснощековой [14], В. М. Лебедева [17], Ю. М. Остапенко [19], А. Г. Федорца [22], О. А. Шевченко [23] и других ученых, посвящены рассмотрению вопросов, предполагающих достижение эффективной деятельности служб охраны труда. Все мнения авторов сводятся к минимизации несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, сокращению рисков возникновения опасных ситуаций и вредных производственных факторов. Необходимо учитывать уровень развития современных технологий, степень соответствия международных и российских норм технических, санитарно-гигиенических, экономических, социальных и других характеристик на предприятиях, которые в той или иной степени влияют на социально-экономическую эффективность охраны труда.

Социально-экономическая эффективность охраны труда выражается через экономический и социальный эффекты. При этом экономический эффект является выражением социального и не может выступать в качестве самостоятельной цели. Социальная эффективность охраны труда определяется через снижение морального, материального, физического и другого ущерба, который приносит работникам некомфортные (несовместимые) жизненные условия в процессе трудовой деятельности.

Экономическая эффективность организации охраны труда определяется:

1. Путем проведения мероприятий по охране труда, обусловленных снижением затрат, получением максимальной прибыли и повышением эффективности производства.

2. Измерением предотвращенного ущерба, обусловленным снижением числа подвергавшихся влиянию неблагоприятных условий труда, производственного травматизма и профессиональной заболеваемости.

Данные трактовки определяют наличие и развитие теоретических и практических подходов к управлению системой охраны труда на предприятии.

А. М. Елин [9] отмечает, что обстановка в организациях Российской Федерации в сфере охраны труда является напряженной. По его мнению, сфера охраны труда в большинстве случаев не реформируется, что ведет к увеличению вероятности получения травм на производстве, здоровья сотрудников. Выделены основные принципы повышения качества служб охраны труда:

- публичность проведения реформ, повышение уровня вовлечения к проблемам охраны труда у всех действующих субъектов социального партнерства, включая повышение ответственности бизнеса;

- необходимость учитывать зарубежный опыт организации служб охраны труда на предприятиях;

- зависимость целей охраны труда от изменений, которые происходят в законодательстве, в том числе в области социального страхования, медицины, пенсионных реформ. Кроме того, важным моментом является повышение уровня безопасности работников, в том числе мигрантов.

Р. Г. Гайфуллин считает, что главная значимость охраны труда на сегодняшний день заключается в улучшении условий труда, повышении профессионализма и обеспечении безопасного труда. Данные мероприятия эффективно повлияют на повышение благосостояния людей, увеличение продолжительности жизни, а также на развитие предприятия и экономики региона, страны в целом.

Условиями построения системы охраны по достижению оптимальных показателей социального результата, следует считать:

- 1) Увеличение рабочего времени с целью роста производительности. Увеличение рабочего времени осуществляется за счет сокращения простоев между сменами на предприятии. Эффективность трудовой деятельности достигается через рационализацию рабочего времени и правильную органи-

зацию рабочего места, это повлияет на снижение утомляемости работника и, как следствие, приведет к снижению уровня травматизма.

2) Улучшение условий труда путем повышения профессионального потенциала работника. Состояние здоровья работника зависит от обстановки на рабочем месте и психологического настроения в коллективе. Введение практики наставничества на производстве, а именно передача и сохранение знаний с целью роста профессионального потенциала в коллективе. К роли наставников привлекать пенсионеров и ветеранов производства, которые имеют богатый трудовой опыт.

3) Рост уровня совокупного национального продукта, как одного из показателей социально-экономического развития [5].

По мнению О. А. Лапаевой, люди хотят работать в тех местах, где психологически комфортнее, меньше суеты и организационной неразберихи, а также при лучшей и более безопасной организации труда [16].

В результате проведенного анализа литературы были выявлены основные направления повышения социально-экономической эффективности охраны труда.

Одной из главных задач является усиление профилактической направленности деятельности организаций в сфере охраны труда. Для повышения эффективности необходимо соблюдать нормы трудового законодательства всем работодателям. Необходимым условием является ужесточение контроля за состоянием рабочих мест и условиями труда работников. В свою очередь работники должны исполнять свои трудовые обязанности, не нарушая при этом условия трудового договора, инструкции по охране труда и правила внутреннего трудового распорядка.

Достижением целей профилактической направленности является внедрение механизма заинтересованности вышестоящего руководства организации в снижении производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

Предоставление льгот работодателю, а именно снижение налоговой ставки, за надлежащее состояние условий охраны труда. Снижение или полное освобождение от налоговых вычетов части прибыли, направленной на инвестирование, которая способствует значимому улучшению охраны и условий труда на базе по ликвидации производств с неправомерно вредными и опасными условиями труда с последующим созданием нового производства. Исключение из базы налогообложения всех затрат

на мероприятия, затрагивающих сферу охраны труда, которые включены в коллективный договор организации, помимо затрат на нормируемые мероприятия. Привлечение внимания к проблеме охраны труда с целью дальнейшего решения ученых и специалистов областей: экономика, финансы, налогообложение, и высококвалифицированных представителей, и практиков сферы управления.

Следующим направлением повышения социально-экономической эффективности охраны труда в организациях, на наш взгляд, является создание системы непрерывного обучения персонала вопросам охраны труда.

Для достижения эффективности образования в сфере охраны труда необходимо проанализировать ключевые моменты, определяющие ее успех, прежде всего не ограничивать процесс обучения пассивным изложением информации преподавателем своим слушателям. Необходимо циклично анализировать потребности в процессе обучения, определять его цели, оценивать эффективность обучения, выбирать стратегии и т. п. Другими словами, прежде чем начать обучение, важно четко представлять, какими стратегиями и методами нужно обучать. Охрана труда является особой дисциплиной, в которой некачественное обучение или предоставление недостоверной информации может привести к серьезным последствиям. Таким образом, перечисленные компоненты должны включать качественно проработанную информацию и подготовку. Качественное обучение строится на трех критериях: снижение бесконечного количества лекций, внедрение современных методик, стимулирующих слушателей, интерактивное взаимодействие двух сторон обучения (рис. 1).

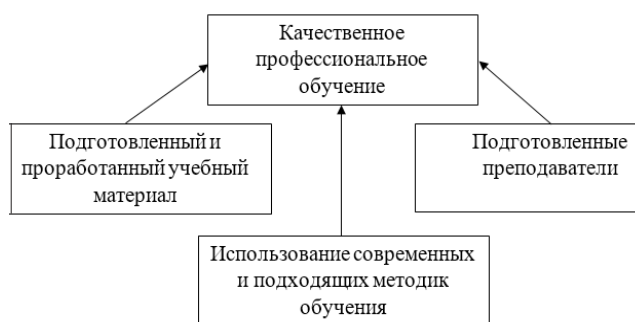

Рис. 1. Компоненты качественного обучения вопросам охраны труда

Источник: [18].

По мнению И. М. Зайченко, П. Д. Горшечниковой, А. И. Лёвиной, А. С. Дубгорн, цифровая трансформация бизнеса является переходом

от традиционного способа управления организацией на инновационную с внедрением актуальных информационно-коммуникационных технологий в деятельность организации, которые направлены на реконструкцию бизнеса и/или его трансформацию в цифровой вид для получения и/или удержания конкурентных преимуществ в современном обществе [11].

Актуальным направлением деятельности в области охраны труда является внедрение инновационных технологий. Их внедрение способствует снижению травматизма, профессиональных заболеваний, а также улучшает условия труда на рабочих местах.

Одним из методов улучшения условий трудовой деятельности является визуальное управление. Данная категория включает в себя перечень мероприятий, которые помогают избежать травмы на рабочих местах:

1. Организуются рабочие места в организациях.
2. Происходит визуализация данных мест путем сбора информации: о безопасности трудовых процессов и операций, о состоянии оборудования и др.
3. Выявляются итоги и показатели эффективности производственных операций.
4. Внедряются мероприятия по итогам сбора визуализированной информации.

При прохождении необходимого предсменного медицинского осмотра внедряется «Электронная система медицинского осмотра». Данная система необходима для идентификации состояния сотрудника. Она автоматически записывает результаты в электронном журнале медицинских осмотров и дает заключение о допуске или недопуске сотрудника к работе.

Частым явлением становится проведение инструктажей в формате видео. Данная инновация существенно сокращает время проведения инструктажей, сотрудники могут сами осваивать необходимые программы и проходить проверки знаний охраны труда. Система «Олимплекс» является главной среди таких систем в нашей стране и успешно внедряется при обучении сотрудников.

Для специалистов по охране труда существенно облегчают работу такие системы, как «1С. Производственная безопасность. Охрана труда», АВ-IE SYSTEM и др.

Одним из главных направлений в области охраны труда является интерактивное обучение посредством VR и интерактивные подсказки в ходе работы персонала посредством AR.

Виртуальной реальностью (virtual reality, VR) называется искусственная среда, которая создана при помощи программного обеспечения и воспринимается людьми как реальная действительность.

Дополненная реальность (augmented reality, AR) является технологией наложения информации в виде текста, графики, аудио и других различных объектов виртуальной реальности на реальные объекты в режиме реального времени [24; 25].

Другим направлением деятельности в сфере цифровой трансформации является автоматизация бизнес-процессов, считают Д. В. Ланская, Е. В. Гарьковенко. В данном направлении осуществляются следующие мероприятия: система цифрового документооборота, контроль исполнения задач, управление расписанием дня сотрудников [15].

По мнению исследователей Ю. А. Степанова и Л. Н. Бурмина [20], одним из главных направлений цифровой трансформации в области охраны труда должно стать обучение сотрудников в части проведения инструктажей с применением электронных подписей.

Следующим направлением цифровой трансформации в сфере охраны труда является применение системы Smart LOTO (lockout/tagout). В переводе с английского она означает «Блокировка / вывешивание предупреждающих бирок». В российских предприятиях такие системы часто называются «блокировочные системы». Они предназначены для реализации мер в части безопасности рабочих при ремонте или техническом обслуживании промышленного оборудования. Процедурой блокировки и информирования называется комплекс мероприятий, направленных на исключение потенциально опасных ситуаций, которые могут возникнуть в работе, связанных с несанкционированной подачей жидкостей, газов, электроэнергии. Процедура предусматривает полное отключение подачи питания к оборудованию, защитную блокировку источников энергии специализированным оборудованием.

В связи с пандемией коронавирусной инфекции во всем мире и на территории Российской Федерации в различных сферах деятельности организации и предприятия оказались неготовы к внедрению карантинных мероприятий. Пришлось оперативно реагировать специалистам по охране труда, учитывая сложившиеся обстоятельства.

Важным направлением повышения эффективности в данном случае явилась дистанционная (удаленная) работа сотрудников организации. Но непрерывное производство, магазины, медицинские

и другие учреждения не могут выполнять свои трудовые функции удаленно. Однако многие категории работников, такие как бухгалтеры, юристы, экономисты, секретари, были отправлены на удаленную работу. В связи с этим появилась необходимость внедрения проведения мероприятий посредством видеоконференцсвязи.

Данная работа стала основополагающей во многих отраслях деятельности, при этом работники имели минимальный риск заразиться и выбыть на неопределенный срок, в результате чего работодатели не несли потери в части простоя трудовых процессов.

Дефицит квалифицированного кадрового персонала является важной проблемой в работе любой организации. Помимо учебных центров и получения образования необходимо иметь практический опыт. Для этих целей за сотрудниками закрепляют наставников. Вопросы изучения и становления системы наставничества освещены в трудах С. А. Жуковой и И. В. Смирнова [10], С. Я. Батышева [2], Г. С. Сухобской [21].

Зачастую категория наставничества в охране труда является краткосрочным явлением лишь на период стажировки работника. Наставничество как направление повышения социально-экономической эффективности охраны труда реализуется через решение комплекса задач:

- улучшение подготовки и квалификации работников;
- формирование у молодых работников целеустремленного, безопасного отношения к работе, сокращение времени на достижение необходимых рабочих показателей;
- развитие корпоративного духа;
- стимулирование сотрудников к безопасной работе;
- сокращение текучести кадров, снижение числа работников, которые увольняются сразу после испытательного срока;
- выполнение заданий молодыми сотрудниками с учетом безопасных методов как органически присущего элемента технологического процесса.

Эффективность наставничества является индивидуальной, так как другие формы обучения не находят такого практического применения, а также приближенной к реальным условиям. Подопечный и наставник контактируют на равных, учитывая и совершенствуя безопасные трудовые операции, возникающие в период трудовой деятельности.

Анализ статистических данных показал, что в последнее время в Челябинской области наблюдается тенденция к снижению количества несчастных случаев на производстве (рис. 2). Коэффициент частоты на протяжении последних трех лет снижается, и в 2020 г. он составил 1,4.

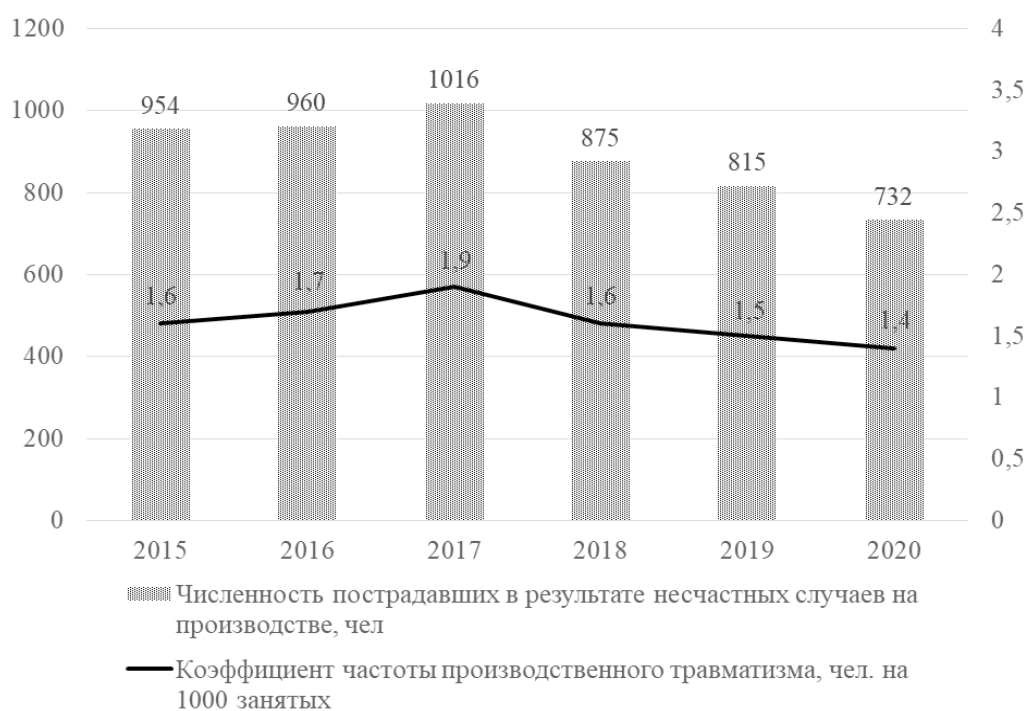

Рис. 2. Показатели производственного травматизма в организациях Челябинской области
 Источник: [26].

Основными причинами несчастных случаев на производстве являются:

- неудовлетворительная организация производства работ (22 %);
- нарушение работниками трудового распорядка и дисциплины труда (19 %);
- нарушение правил дорожного движения (6 %);
- эксплуатация неисправных машин, механизмов, оборудования (3 %);
- нарушение технологического процесса (2 %);
- недостатки в организации и проведении подготовки работников по охране труда (2 %).

В общей структуре причин производственных несчастных случаев с тяжелыми последствиями, произошедших в 2020 г., более 75 % занимают причины организационного характера: нарушения требований безопасности, неудовлетворительная организация производства работ, недостатки в обучении работников безопасности труда, нарушения трудовой дисциплины. Так, только по причине неудовлетворительной организации производства работ в 2020 г. произошло более 22 % несчастных случаев на производстве с тяжелыми последствиями. В основе перечисленных причин лежат неправильные действия персонала.

Актуальным направлением повышения социально-экономической эффективности охраны труда в организации является метод оценки профессиональных рисков. В данном случае показатель риска производственного травматизма находит свое отражение в показателе частоты производственного травматизма.

Для оценки состояния охраны труда и промышленной безопасности целесообразно использовать показатель риска производственного травматизма, который, по сути, представляет собой частоту травматизма. Снижение уровня риска травматизма является важной задачей в решении вопросов охраны труда.

Исследователи С. Г. Гендлер, Е. А. Прохорова, Л. Ю. Самаров, Д. О. Хомяков предлагают классификацию рисков, которая, на наш взгляд, всесторонне отражает суть мероприятий по снижению рисков. Предложенная классификация позволяет выявить приоритетные направления снижения травматизма (см. таблицу) [6].

Классификация рисков с последующим внедрением мероприятий

Степень риска	Мероприятия
Крайне низкий	Периодически осуществлять мониторинг рабочего процесса
Весьма низкий	Продолжать мониторинг рабочего процесса
Низкий	Продолжать рабочий процесс, но регулярно контролировать
Умеренный	Продолжать рабочий процесс, но начать разрабатывать план контроля
Умеренно-повышенный	Продолжать рабочий процесс, но разработать план контроля и реализовать его незамедлительно
Повышенный	Осуществлять контроль за работой
Высокий	Исследовать рабочий процесс и осуществлять контроль за работой
Весьма высокий	Приостановить рабочий процесс и устранить риск
Крайне высокий	Остановить рабочий процесс и устранить риск незамедлительно

Источник: [6].

Важными условиями существования и развития предприятий являются их прогресс и эффективность, один из факторов повышения социально-экономической эффективности — организация охраны труда. Охрана труда является сложной и многогранной системой мероприятий, направленных на сохранение жизни и здоровья сотрудников в процессе трудовой деятельности, и включает в себя меры по предупреждению травматизма и профессиональной заболеваемости. Социально-экономическая эффективность охраны труда выражается через экономический и социальный эффекты. При этом экономический эффект является выражением социального и не может выступать в качестве самостоятельной цели. Основными направлениями повышения социально-экономической эффективности в данной сфере являются: усиленная профилактическая направленность; система непрерывного обучения персонала вопросам охраны труда; внедрение инновационных технологий; цифровизация (удаленная работа); развитие и внедрение системы наставничества; практика метода оценки профессиональных рисков.

Список литературы

1. Андреев Д. В., Лукачевский Н. И. Охрана труда на производстве // Московский экономический журнал. 2018. № 5. С. 2—7.
2. Батышев С. Я. Актуальные проблемы подготовки рабочих высокой квалификации. М.: Педагогика, 1979. 223 с.

3. Вильдайс А. Д., Ксензова В. Е. Влияние охраны труда на эффективность использования трудового потенциала организаций // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-ohrany-truda-na-effektivnost-ispolzovaniya-trudovogo-potentsiala-organizatsiy> (дата обращения 18.05.2021).
4. Гавриченко А. И., Беликов Р. П., Шаповалов А. Н. О новом понятии охраны труда // Агротехника и энергообеспечение. 2014. № 3 (3). С. 82—84.
5. Гайфуллин Р. Г. Роль и место системы охраны труда в социально-экономическом развитии // Теория и практика общественного развития. 2020. № 4 (146). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-sistemy> (дата обращения 18.05.2021).
6. Развитие риск-ориентированного подхода для выбора приоритетных направлений снижения производственного травматизма в АО «СУЭК-Кузбасс» / С. Г. Гендлер, Е. А. Прохорова, Л. Ю. Самаров, Д. О. Хомяков // Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-risk-orientirovannogo-podhoda-dlya-vybora-prioritetnyh-napravleniy-snizheniya-proizvodstvennogo-travmatizma-v-ao-suek> (дата обращения 18.05.2021).
7. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. М.: Норма, 2007. 8-е изд., пересмотр. и доп. 448 с.
8. Елин А. М. Охрана труда: практ. пособие для работодателей и специалистов по охране труда. М.: Безопасность труда и жизни, 2007. 242 с.
9. Елин А. М. Социально-экономическая оценка эффективности управления охраной труда // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 2 (200). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-otsenka-effektivnosti-upravleniya-ohranoy-truda> (дата обращения 18.05.2021).
10. Жукова С. А., Смирнов И. В. Наставничество — эффективный инструмент превентивной работы по охране труда // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nastavnichestvo-effektivnyy-instrument-preventivnoy-raboty-po-ohrane-truda> (дата обращения 18.05.2021).
11. Зайченко И. М., Горшечникова П. Д., Лёвина А. И., Дубгорн А. С. Цифровая трансформация бизнеса: подходы и определение // Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-biznesa-podhody-i-opredelenie> (дата обращения 18.05.2021).
12. Исмоилова Ш. Н. Развитие системы управления качеством охраны труда: монография М.: Палеотип, 2010. 131 с.
13. Какаулин С. П. Экономика безопасного труда: учеб.-практ. пособие. М.: Альфа-Пресс, 2007. 192 с.
14. Краснощекова Е. А. Методики оценки социально-экономического состояния охраны труда на российских предприятиях // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. № 2. С. 279—283.
15. Ланская Д. В., Гарьковенко Е. В. Цифровая экономика: от традиционных технологий к инновационному документообороту в системе управления // Вестник Академии знаний. 2019. № 5 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-ot-traditsionnyh-tehnologiy-k-innovatsionnomu-dokumentooborotu-v-sisteme-upravleniya> (дата обращения 18.05.2021).
16. Лапаева О. А. Норма в системе организации и оплаты труда персонала угледобывающего предприятия. ГИАБ. 2015. № S1—2. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения 18.05.2021).
17. Лебедев В. М., Фахрутдинова Т. М. Трудовое право. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 464 с.
18. Лексина Т. И. Организация и качество обучения по охране труда // ИТС. 2013. № 1 (70). С. 104—107.
19. Остапенко Ю. М. Экономика и социология труда. М.: ИНФРА-М, 2001. 199 с.
20. Степанов Ю. А., Бурмин Л. Н. Обеспечение охраны труда горнорабочих с использованием технологии Google vr // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер.: Биологические, технические науки и науки о Земле. 2017. № 3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-ohrany-truda-gornorabochih-s-ispolzovaniem-tehnologii-google-vr> (дата обращения 01.03.2021).
21. Сухобская Г. С. Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. 2002. № 4. С. 17—20.
22. Федорец А. Г. «Охрана труда» и «безопасность труда» в системах управления // Безопасность и охрана труда. 2016. № 2 (67). С. 58—63.

23. Шевченко О. А. Конституционное право работника на охрану здоровья и охрану труда (соотношение понятий) // Кутафинские чтения: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. М.: Издат. центр МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2012. 188 с.
24. Using Workers' Compensation Claims Data to Describe Nonfatal Injuries among Workers in Alaska / D. L. Lucas, J. R. Lee, K. M. Moller, M.B. O'Connor, L. N. Syron, J. R. Watson // *Safety and Health at Work*. 2020. Vol. 2.
25. Young A. E., Shyne R. G.F. *Scandinavian Journal of Work, Environment and Health*. 2008. № 34 (2). P. 158—164.
26. Регионы России. Социально-экономические показатели 2020: стат. сб. // Росстат. М., 2021. 1204 с.

Сведения об авторах

Головихин Сергей Александрович — доктор экономических наук, доцент, декан факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. decanatupr@csu.ru

Неволин Владислав Сергеевич — аспирант факультета управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. vladnev1994@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 91—99.*

THE MAIN DIRECTIONS OF INCREASING SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY IN THE LABOUR PROTECTION FIELD

S. A. Golovikhin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. decanatupr@csu.ru

V. S. Nevolin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. vladnev1994@gmail.com

The article reveals topical problems and main directions of increasing socio-economic efficiency in the labor protection field. The purpose of the work is to study topical areas for improving labor protection services and their implementation to organizations. An analysis of the literature was carried out in this work, in order to clarify the concepts of labor protection and socio-economic effectiveness. Modern practices of labor protection management, scientific literature, normative legal acts, as well as all factors influencing labor protection in organizations were analyzed, which formed the methodological basis of the study. An updated author's concept of labor protection is presented. A graphical representation of the dynamics of changes in the indicators of industrial injuries in the organizations of the Chelyabinsk region for the period from 2015 to 2020 has been given. Topical directions of increasing socio-economic efficiency in this area have been identified (preventive focus, system of continuous training of personnel, introduction of innovative technologies, remote (remote) work during the pandemic, mentoring, risk assessment).

Keywords: *labour protection, efficiency, socio-economic efficiency, occupational diseases, risk assessment, mentoring.*

References

1. Andreev D. V., Lukachevskiy N. I. (2018) *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal*, no. 5, pp. 2—7 [in Russ.].
2. Batsyshev S. Ya. (1979) Aktual'nyye problemy podgotovki rabochikh vysokoy kvalifikatsii [Actual problems of training highly qualified workers]. Moscow, Pedagogy. 223 p. [in Russ.].
3. Vil'days A. D., Ksenzova V. E. (2017) *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavtiki*, no. 13 [in Russ.].
4. Gavrichenko A. I., Belikov R. P., Shapovalov A. N. (2014) *Agrotekhnika i energoobespecheniye*, no. 3 (3). pp. 82—84 [in Russ.].
5. Gayfullin R. G. (2020) *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 4 (146) [in Russ.].
6. Gendler S. G., Prokhorova E. A., Samarov L. Yu., Khomyakov D. O. (2021) *Izvestiya TulGU. Nauki o Zemle*, no. 1 [in Russ.].

7. Genkin B. M. (2007) *Ekonomika i sotsiologiya* [Economics and Sociology]. Moscow, Norma. 448 p. [in Russ.].
8. Yelin A. M. (2007) *Okhrana truda. Prakticheskoye posobiye dlya rabotodateley i spetsialistov po okhrane truda* [Occupational Safety and Health. A Practical Guide for Employers and Occupational Safety Professionals]. Moscow, Work and life safety. 242 p. [in Russ.].
9. Yelin A. M. (2016) *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 2 (200) [in Russ.].
10. Zhukova S. A., Smirnov I. V. (2020) *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya*, no. 2 (39) [in Russ.].
11. Zaychenko I. M., Gorshechnikova P. D., Levina A. I., Dubgorn A. S. (2020) *Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment*, no. 2 [in Russ.].
12. Ismoilova Sh. N. (2010) *Razvitiye sistemy upravleniya kachestvom okhrany truda* [Development of the labor protection quality management system]. Moscow, Paleotype. 131 p. [in Russ.].
13. Kakaulin S. P. (2007) *Ekonomika bezopasnogo truda* [Safe Work Economics]. Moscow, Alfa-Press. 192 p. [in Russ.].
14. Krasnoshchekova Ye. A. (2011) *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 279—283 [in Russ.].
15. Lanskaya D. V., Garkovenko E. V. (2019) *Academy of Knowledge Bulletin*, no. 5 (34) [in Russ.].
16. Lapaeva O. A. (2015) *GIAB*, no. S1-2 [in Russ.].
17. Lebedev V. M., Fakhrutdinova T. M. (2015) *Trudovoye pravo* [Labor law]. Moscow, Norma, INFRA-M. 464 p. [in Russ.].
18. Leksina T. I. (2013) *ITS*, no. 1 (70), pp. 104—107 [in Russ.].
19. Ostapenko Yu. M. (2001) *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economics and Sociology of Labor]. Moscow, INFRA-M. 199 p. [in Russ.].
20. Stepanov Yu. A., Burmin L. N. (2017) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Biologicheskkiye, tekhnicheskkiye nauki i nauki o Zemle*, no. 3 (3) [in Russ.].
21. Sukhobskaya G. S. (2002) *Novyye znaniya*, no. 4, pp. 17—20 [in Russ.].
22. Fedorets A. G. (2016) *Bezopasnost' i okhrana truda*, no. 2 (67), pp. 58—63 [in Russ.].
23. Shevchenko O. A. (2012) *Kutafinskiye chteniya*. 188 p. [in Russ.].
24. Lucas D. L. (2020) *Safety and Health at Work*, vol. 2.
25. Young A. E. (2008) *Scandinavian Journal of Work, Environment and Health*, no. 34 (2), pp. 158—164.
26. Rossii R. (2021) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli 2020*. Rosstat. Moscow. 1204 p. [in Russ.].

ПОНЯТИЙНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОТИВАЦИОННОЙ СРЕДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РУКОВОДЯЩЕГО ПЕРСОНАЛА

О. В. Конакова

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия
Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск, Россия*

Профессиональное развитие руководящего персонала является одним из важных факторов конкурентоспособности предприятий в условиях ужесточения конкуренции на мировых рынках труда, сырья и капитала. Современные экономические вызовы ставят перед руководителями новые задачи, обостряющие потребность в освоении новых компетенций, что обуславливает необходимость создания на предприятии соответствующей мотивационной среды профессионального развития. Целью статьи является уточнение понятийного поля исследования мотивационной среды профессионального развития руководящего персонала, отражающего сущность этого экономического явления — соединение интересов ключевых субъектов предприятия (собственников и руководящего персонала) к развитию профессиональной деятельности. На основе изучения подходов к определению профессионального развития и мотивационной среды, представленных в научной литературе, а также особенностей деятельности руководителей сформулирована авторская трактовка мотивационной среды профессионального развития руководящего персонала. При раскрытии содержания этого экономического явления использован кондициональный подход.

Ключевые слова: *мотивационная среда, профессиональное развитие, руководящий персонал, экономическое явление.*

Процессы, происходящие в мировой и российской экономике, смена технологических укладов в значительной степени обостряют потребность в совершенствовании деятельности руководящего персонала и диктуют новые требования к профессиональному развитию руководителей — актуальным становится развитие компетенций, обеспечивающих ускорение и повышение результативности инновационного процесса [1; 13; 14; 25—30].

Повышение уровня и динамики профессионального развития руководителей, требуемых для эффективной деятельности в складывающихся условиях, в свою очередь, обуславливает необходимость создания на предприятиях соответствующей мотивационной среды.

Для решения этой задачи необходимо уточнение понятийного поля исследования мотивационной среды профессионального развития руководящего персонала как экономического явления. Система понятий, раскрывающих это экономическое явление, может рассматриваться в качестве теоретической основы для дальнейшей разработки методического инструментария оценки мотивационной среды, ее формирования и совершенствования.

Для исследования сущности явления «мотивационная среда профессионального развития руководящего персонала» рассмотрены следующие ключевые понятия:

- руководящий персонал;
- профессиональное развитие;
- мотивационная среда.

Руководящий персонал

Ключевыми субъектами предприятия как социально-экономической системы являются руководители, возглавляющие коллективы на разных уровнях управления: от предприятия до бригады, и организующие их деятельность.

В большом экономическом словаре [7] представлено наиболее общее определение руководящего персонала как лиц, занимающих административные должности и осуществляющих руководство деятельностью какого-либо объекта. В экономических публикациях более подробно раскрыты такие содержательные признаки руководящего персонала, как: глава организации (структурного подразделения, коллектива); работник, принимающий решения; лицо, ответственное за выполнение функций управления либо за определение общих целей, задач, механизма их реализации и осуществление контроля за деятельностью организации. Дефиниции термина «руководящий персонал» представлены на рис. 1.

Содержание деятельности руководителя традиционно описывают функциями, которые он выполняет. Как особый вид профессиональной деятельности

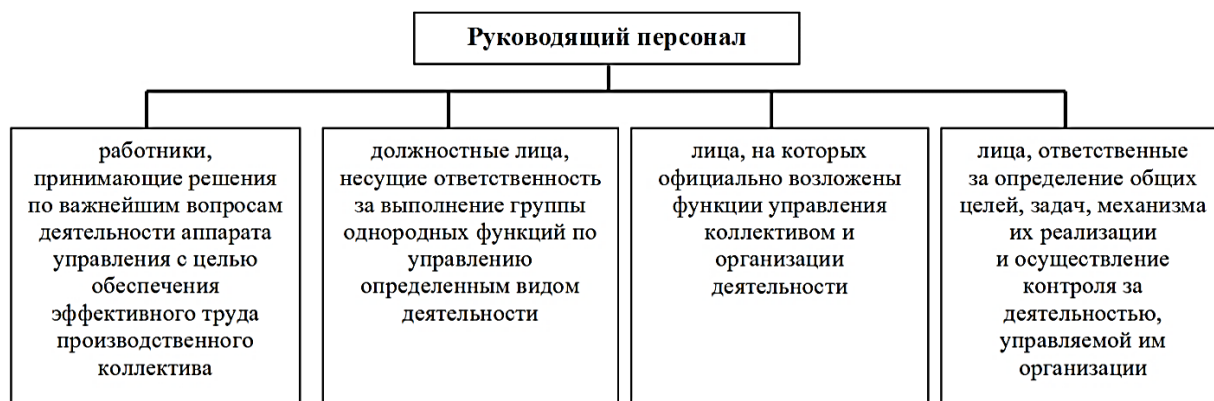

Рис. 1. Дефиниции термина «руководитель»

Источник: составлено автором на основе [6], [7], [9], [14].

руководителя, функции впервые были сформулированы представителем школы административного управления (А. Файоль [25]) и включали предвидение (планирование), организацию, распоряительство, координирование и контроль.

Дальнейшие исследования в области управления позволили значительно расширить как перечень самих функций руководителя, так и представления об их содержании. Например, по мнению Ч. Барнарда [3], руководитель является связующим звеном в системе передачи информации, направленной на обеспечение в организации необходимой координации совместных усилий. Он назвал три функции руководства: обеспечение системы коммуникаций, обеспечение организации человеческими ресурсами и управление ими; формулирование и уточнение цели.

М. Мескон, М. Альберт, А. Хедоури [18] предложили подход, основанный на интеграции видов деятельности руководителя в несколько групп. По их мнению, «процесс управления состоит из функций планирования, организации, мотивации и контроля. Эти четыре первичные функции управления объединены связующими процессами коммуникации и принятия решения. Руководство (лидерство) рассматривается как самостоятельная деятельность. Оно предполагает возможность влияния на отдельных работников и группы работников таким образом, чтобы они работали в направлении достижения целей, что крайне существенно для успеха организации» [18].

И. Адизес [1] рассматривает четыре функции, реализуемые руководителями:

— производство результатов, ради которых существует данная организация;

— администрирование, обеспечивающее эффективное функционирование организации;

— предпринимательство, с помощью которого происходят определение вектора развития организации и управление изменениями;

— интеграция — создание общих ценностей, объединение и мотивация людей для обеспечения жизнеспособности организации в долгосрочной перспективе.

В работе В. Б. Артемьева, А. Б. Килина, В. А. Галкина, А. М. Макарова [2] приводится достаточно широкий спектр функций руководителя: доработка стратегического замысла до конкретного проекта, формирование и развитие управляющей команды, руководство выстраиванием функционалов работников, организация развития функционалов работников с требуемой динамикой, подстраховка работников от критических ошибок, подготовка руководителей, способных занять более ответственные должности, формирование резервов для обеспечения устойчивости системы, взаимодействие с собственниками и внешней средой, контроль деятельности.

Одной из особенностей современных представлений о руководителях является перенос акцента с реализации ими «технических» функций менеджмента на рассмотрение социальных аспектов управленческой деятельности. Например, С. И. Захаров [14] отмечает, что руководящие работники всех уровней управления являются влиятельной категорией персонала, так как результаты их деятельности оказывают значительное влияние на текущие и долгосрочные социально-экономические результаты деятельности коллективов и предприятий в целом. Исследуя особенности трудовой

деятельности руководящих работников в современных условиях функционирования промышленного предприятия, он выделяет три компонента: социальный, реализация которого определяет соотношение интересов и ответственности субъектов предприятия; компетентностный, реализация которого определяет соотношение развития и использования управленческого потенциала руководящего работника; экономический, реализация которого определяет соотношение ценности и цены продуктов труда работника и коллектива.

Традиционные и современные концепции менеджмента достаточно сходны в описании предназначения руководителя, которое заключается в деятельности по установлению целей и осуществлению действий, направленных на их достижение для получения запланированных результатов. Также общей чертой является выделение функций руководителей, ориентированных на обеспечение эффективности текущей или краткосрочной деятельности объекта управления (воспроизводства, оперативной деятельности и т. п.) и деятельности по развитию объекта управления в средне- и долгосрочной перспективе, а также функций по управлению коллективом.

Учитывая предназначение и функции руководителя, опираясь на интегративный подход (М. Мескон, М. Альберт, А. Хедоури), определим *руководящий персонал* как работников, обеспечивающих функционирование и развитие объекта управления на основе прогнозирования состояния внешней и внутренней среды предприятия, определения цели, организации и мотивации коллектива на ее достижение и контроля получения запланированных результатов.

В свою очередь содержание деятельности определяет требования, предъявляемые к профессионализму руководящего персонала, позволяющему обеспечивать необходимую динамику развития его объекта управления — предприятия, подразделения, коллектива.

Профессиональное развитие руководящего персонала

Современные научные исследования в области профессионального развития отличаются плюрализмом подходов к изучению этого явления. Среди сложившихся подходов к пониманию и определению профессионального развития можно выделить две группы: ориентированные на процесс и на результат. Обозначим сложившиеся подходы, используя в качестве критерия классификации об-

ласть науки, в которой профессиональное развитие выступает предметом исследования (табл. 1).

Таблица 1

Подходы к определению профессионального развития

Ориентация	Область науки	Сущность подхода
Процесс	Педагогика	Процесс приобретения и преобразования профессиональных компетенций (способностей, знаний, умений, навыков, квалификации и т. д.)
	Психология	Процесс преобразования особенностей психики человека, который осуществляется поэтапно в течение профессиональной жизни человека или его профессиональной деятельности
	Акмеология	Процесс формирования профессионально важных способностей , развития личностно-деловых качеств , расширения пространства личности, ее профессионального и нравственного «обогащения»
Результат	Социология	Этап (направление) вторичной социализации, позволяющей человеку посредством профессиональной деятельности быть включенным в социальный контекст
	Менеджмент	Инструмент раскрытия и реализации трудового потенциала персонала при выполнении трудовых функций, решении текущих и перспективных задач профессиональной деятельности

Примечание: составлено автором.

Наиболее прикладным является значение профессионального развития с позиции менеджмента, в котором значительное внимание уделяется его рассмотрению в контексте моделей и теорий управления персоналом организации с акцентами на технологиях адаптации персонала, развития карьеры, работы с кадровым резервом и обучения персонала.

Принимая во внимание функционал руководящего персонала, автором предложено под *профессиональным развитием руководящего персонала* понимать направленный процесс изменения способностей руководителей к более эффективному обеспечению функционирования и развития объекта управления на основе прогнозирования состояния внешней и внутренней среды предприятия, определения цели, организации и мотивации коллектива на ее достижение и контроля получения запланированных результатов.

Изменение внутренних и внешних условий функционирования предприятий в значительной степени объясняет сложность выполнения руководителями своих функций. Для обеспечения необходимой

динамики развития объекта управления руководителям приходится постоянно совершенствовать свою деятельность, вносить в нее новые, инновационные элементы. Как отмечает П. Друкер, «саморазвитие успешного руководителя — центральная потребность развития организации. Это очередной шаг в направлении достижения реальных результатов деятельности организации» [13].

Стремление к повышению уровня своего профессионального развития формируется, с одной стороны, неудовлетворенной потребностью руководящего персонала в саморазвитии и самосовершенствовании, а с другой — мотивационной средой, созданной на предприятии.

Мотивационная среда профессионального развития руководящего персонала предприятия

Среда — термин, широко используемый в науке и обыденной жизни, — отождествляется с веществом, телом, пространством, окружением, сферой, потоком ситуаций, миром, системой, формой мысли, фактором, условием и пр.

Среда оказывает существенное влияние на функционирующие в ней объекты и субъекты. Вследствие этого сформировался средовой подход, который позволяет идентифицировать элементы и структуру среды, анализировать, оценивать ее влияние и т. д. Анализ публикационной активности по данным научной электронной библиотеки e-library в период с 2010 по 2021 г. показал, что внимание к средовому подходу особенно отчетливо проявляется

в социогуманитарных областях знания (рис. 2). Значительная доля публикаций (40%), в названии которых упоминается «среда», приходится на тематический блок «Народное образование и педагогика». В психологии развития и педагогике широкое распространение получили концепции образовательной и социокультурной среды. На экономические науки приходится 20% всех проанализированных публикаций: в стратегическом менеджменте, теории организации, маркетинге используется понятие конкурентной среды, внешней и внутренней среды организации. Несмотря на разнородность и разнонаправленность понятий, их объединяет то, что они описывают основные (базовые) составляющие среды.

Концепция мотивационной среды получила наибольшее распространение в педагогических, экономических, психологических науках (рис. 3).

Рассмотрим дефиниции «мотивационной среды», представленные в ряде исследовательских работ. Контент-анализ проведем по таким характеристикам, как содержание мотивационной среды, механизм ее воздействия и целевая направленность (табл. 2).

Обзор исследовательских работ позволил выделить несколько подходов к определению мотивационной среды: деятельностный, кондиционный, морфологический, факторный, — которые графически представлены на рис. 4.

Анализ литературы показал, что в аспекте профессионального развития персонала при определении мотивационной среды ряд авторов используют

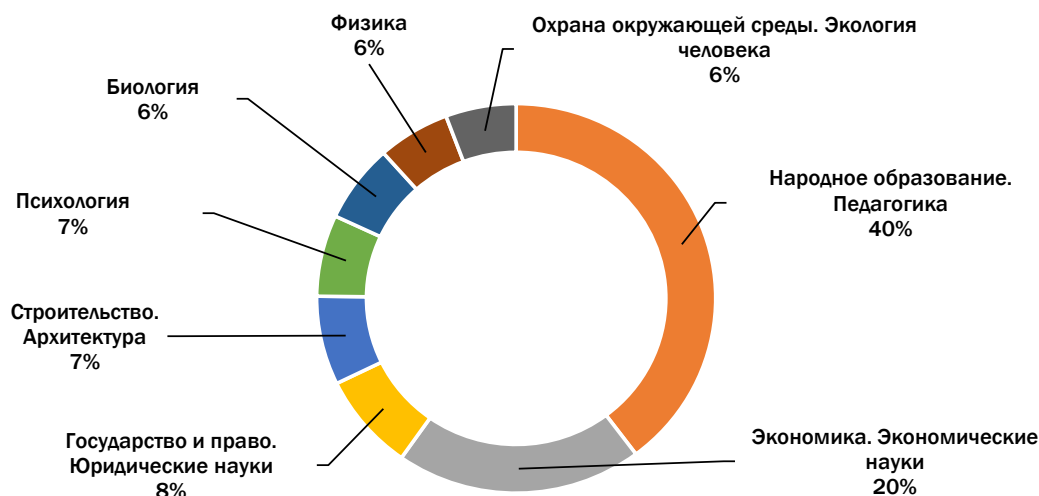

Рис. 2. Структура публикаций, включающих понятие «среда», по тематическим рубрикам с 2010 по 2021 г.

Источник: составлено автором на основе данных научной электронной библиотеки e-library (<https://elibrary.ru>).

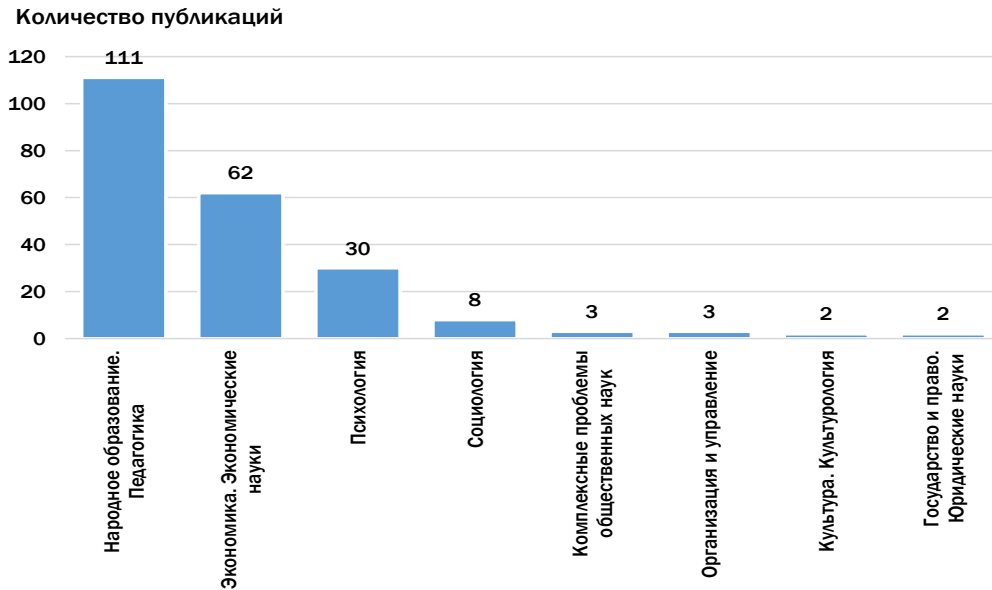

Рис. 3. Распределение публикаций, включающих понятие «мотивационная среда», по тематическим рубрикам с 2010 по 2021 г.

Источник: составлено автором на основе данных научной электронной библиотеки e-library (<https://elibrary.ru>).

Рис. 4. Подходы к определению мотивационной среды

Примечание: составлено автором.

кондициональный подход, в рамках которого среда рассматривается как совокупность созданных организационных условий.

Так, например, Е. Л. Мордвинова [19] определяет мотивационную среду как условия развития персонала, отмечая при этом наличие сформированных критериев оценки деятельности на основе четко сформулированных правил социального взаимодействия.

Ряд авторов включают в указанные условия возможности развития, предлагаемые работодателем своим сотрудникам. А. Е. Боковня [5] отмечает, что обязательным этапом формирования мотивирующей организационной среды является создание возможностей развития сотрудников и реального ощущения ими этих возможностей. И. А. Соловьева и Л. А. Авдеева [24] придерживаются схожей позиции, в возможности развития авторы включают возможность профессионального

и личного развития, а также возможность развития внутриорганизационной карьеры.

Использование кондиционального подхода представляется перспективным как в контексте уточнения понятийного поля исследования мотивационной среды профессионального развития персонала, так и в контексте ее совершенствования — формирования или изменения организационных условий, оказывающих влияние на мотивацию персонала к профессиональному развитию.

С использованием методики исследования экономических явлений В. Н. Белкина [4] представим понятийное поле исследования мотивационной среды профессионального развития руководящего персонала в схематичном виде (рис. 5).

Проявлением сформированной на предприятии мотивационной среды являются актуализированные потребности двух сторон: руководящего персонала в профессиональном развитии и собственника

Таблица 2

Результаты контент-анализа дефиниций «мотивационная среда»

Подход	Авторы [источники]	Единицы контент-анализа		
		Содержание	Механизм воздействия	Целевая направленность
Деятельность	М. С. Каз, А. А. Никитин [15]	Действия, мероприятия и процедуры	Через отношение высших кругов администрации директоров и владельцев организации	Мотивация и вовлечение сотрудников в организацию
	В. В. Капитонова [16]	Комплекс мер, разработанных на каждом конкретном предприятии	Исходя из сложившейся организационной культуры, традиционных взаимоотношений	Рост удовлетворенности работников предприятием как работодателем
	В. Ю. Питюков, А. П. Гоголь [20]	Комплекс методов, средств и способов совместной деятельности всех участников процесса обучения	Выявление и создание условий	Активизация и проявление стремления к развитию профессионально-личностных качеств
	Н. В. Силкина, О. И. Кашник [23]	Совокупность условий	Посредством направления усилий, прилагаемых работниками	Достижение работниками целей
Кондициональные	В. Н. Глаз, Ю. А. Глаз [12]	Совокупность условий	Через отношения работников к используемым организационной мотивационным механизмам	1) Усилия, прилагаемые работниками в процессе трудовой деятельности 2) Достижение цели организации 3) Эффективность трудовой деятельности
	А. Е. Боквоя [5]	Условия подразделения и организации в целом	—	Повышение трудовой мотивации
	Е. Л. Мордвинова [19]	Условия развития персонала	1) По сформированному критериюм оценки деятельности 2) На основе четко сформированных правил социального взаимодействия	Вовлечение персонала в создание успешной компании
Морфологический	В. В. Галер, Т. Е. Шагунова [10]	Совокупность материальных стимулов и моральных мотиваторов	1) Вариативное сочетание элементов в соответствии с интересами и потребностями каждого работника или группы 2) Посредством направления усилий, прилагаемых работниками	Достижение целей организации
	А. В. Саягин [22]	— Атмосфера мотивов и стимулов к инновациям; — корпоративная культура, ориентированная на инновации; — творческий потенциал; — инновационная инфраструктура	—	Инновационное развитие
	Е. Ю. Георгиев, И. А. Фирсова [11]	— Устойчивые мотивационные потоки внешней мотивации — оболочка среды; — ядро — внутренняя мотивация участников	Механизмы подражания и демонстрации личного примера педагогами	Образовательный процесс
Факторный	Т. Н. Бочарова [8]	Комплекс мотивационных факторов	—	Максимизация эффективности результатов
	Е. Л. Мордвинова [19]	— Административные и регламентирующие документы; — экономические факторы (премии, бонусы, льготы и т. д.); — факторы, способствующие развитию персонала; — факторы, формирующие кадровый резерв; — факторы, формирующие организационную культуру	Взаимодействие факторов	Профессиональное развитие
	С. В. Рябов [21]	Комплекс стимулирующих факторов (материальных, организационных, психологических, педагогических, технологических), определяющих деятельность как подростков, так и педагогического коллектива учреждений дополнительного образования	Посредством мотивации (система внутренних побуждений к действию) подростков и педагогического коллектива учреждений дополнительного образования	Качество образования

Примечание: составлено автором.

Рис. 5. Понятийное поле исследования мотивационной среды профессионального развития руководящего персонала

Примечание: разработано автором.

предприятия в руководящем персонале с необходимым для обеспечения конкурентоспособности предприятия уровнем профессионального развития.

Для определения семантической формы и содержания экономического явления необходимо сформулировать термин и понятие, которые отражали бы его экономическую сущность и содержание. Базируясь на средовом и кондициональном подходах, определим мотивационную среду как совокупность организационных условий, которые определяют направленность и величину усилий, прилагаемых руководящим персоналом для своего профессионального развития.

Чтобы раскрыть сущность мотивационной среды как экономической категории, необходимо обозначить экономические отношения, субъектов и объект, по поводу которых они возникают. В качестве субъектов отношений выступают собственники предприятий и руководители различных уровней управления, в качестве объектов — ресурсы, время и усилия, их распределение по приоритетам для более эффективного решения текущих и перспективных задач, которое определяется уровнем и динамикой профессионального развития руководящего персонала.

Как отмечено ранее, предприятие — это социально-экономическая система, предназначением которой является реализация интересов основных ее субъектов. В этом контексте сущность мотивационной среды как экономического явления заключается во взаимовыгодном соединении интересов собственника предприятия и руководящего персонала к развитию профессиональной деятельности, приводящем к удовлетворению потребностей каждого из его субъектов.

Таким образом, с учетом предназначения и функционала руководителей, определяющих требования к их профессиональному развитию для обеспечения необходимой динамики развития предприятия, подразделения, коллектива, в статье уточнено понятийное поле исследования мотивационной среды профессионального развития руководящего персонала предприятия.

Понятийное поле исследования рассматривается автором как система понятий, раскрывающих экономическое явление в контексте цели исследования и формирующая теоретическую основу для дальнейшей разработки методического инструментария его оценки и формирования (совершенствования).

Понятийное поле исследования мотивационной среды профессионального развития руководящего персонала предприятия раскрывается через актуализированные потребности в профессиональном развитии, совокупность организационных условий, определяющих направленность и величину усилий, прилагаемых руководящим персоналом для своего профессионального развития, отноше-

ния между руководящим персоналом различных уровней управления и собственниками предприятия по поводу распределения ресурсов, времени и усилий по приоритетам для более эффективного решения текущих и перспективных задач, а также интересы субъектов предприятия к развитию профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Адизес И. Идеальный руководитель: Почему им нельзя стать и что из этого следует. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 262 с.
2. Угледобывающее предприятие / В. Б. Артемьев, А. Б. Килин, В. А. Галкин, А. М. Макаров // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2016. № S32. С. 5—47.
3. Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации. М.: Социум, 2008. 332 с.
4. Белкин В. Н. Методика исследования экономических явлений // Человек и труд. 2008. № 2. С. 40—41.
5. Боковня А. Е. Мотивация — основа управления человеческими ресурсами (теория и практика формирования мотивирующей организационной среды и создания единой системы мотивации компании): монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 144 с.
6. Большая психологическая энциклопедия. URL: <https://psychology.academic.ru> (дата обращения 27.09.2021).
7. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. URL: https://big_economic_dictionary.academic.ru (дата обращения 27.09.2021).
8. Бочарова Т. Н. Разработка системы монетарной мотивации работников аптечных предприятий: автореф. дис. ... канд. фармацевт. наук. М., 2011. 21 с.
9. О функционале исполнительного директора угольного разреза / А. И. Буйницкий, Ю. А. Килин, Д. В. Попов, А. М. Макаров // Уголь. 2014. № 4. С. 24—27.
10. Галтер В. В., Шатунова Т. Е. Пути построения эффективной мотивационной среды на основе теории поколений // Новая реальность: экономика, менеджмент, социальные коммуникации: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 2019. С. 69—74.
11. Георгицэ Е. Ю., Фирсова И. А. Мотивационная среда образовательной организации // Современные корпоративные стратегии и технологии в России. 2016. С. 25—31.
12. Глаз В. Н., Глаз Ю. А. Особенности оценки мотивационной среды организации // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2009. № 3 (31). С. 76—81.
13. Друкер П. Эффективный руководитель. 3-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер: Эксмо, 2013. 232 с.
14. Захаров С. И. Обоснование социо-компетентностно-экономического подхода к исследованию деятельности руководящих работников на предприятиях угольной промышленности // Известия УГГУ. 2021. Вып. 3 (63). С. 128—135.
15. Каз М. С., Никитин А. А. Мотивационная среда как фактор достижения стратегических целей компании // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2009. № 3 (7).
16. Капитонова В. В. Мотивационный аспект управления развитием промышленного предприятия: дис. ... канд. экон. наук. Ижевск, 2013. 176 с.
17. Коркина Т. А., Шивырялкина О. С. Профессионализм руководителя: содержание понятия и особенности // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 2 (331). С. 84—89.
18. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. 3-е изд. М.: Дело, 1997. 701 с.
19. Мордвинова Е. Л. Формирование мотивационной среды карьерным ростом // Актуальные проблемы профориентологии на современном этапе развития общества: материалы всерос. науч.-практ. конф. Сибирский государственный университет путей сообщения. 2016. С. 207—214.
20. Питюков В. Ю., Гоголь А. П. Педагогические условия реализации коучинга в профессиональной подготовке студентов // Вестник РМАТ. 2016. № 3. С. 85—88.

21. Рябов С. В. Моделирование мотивационной среды в учреждениях дополнительного образования: социокультурный аспект // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 6 (38). С. 134—138.
22. Саяпин А. В. Мотивирующая среда как инструмент повышения вовлеченности персонала в инновационную деятельность организации // Горизонты экономики. 2017. № 1. С. 74—77.
23. Силкина Н. В., Кашник О. И. Мотивационная среда как условие инновационной деятельности образовательного учреждения // Резервы совершенствования профессионального образования в вузе: материалы междунар. науч.-метод. конф. Сибирский государственный университет путей сообщения. 2018. С. 148—152.
24. Соловьева И. А., Авдеева Л. А. Формирование системы нематериальной мотивации персонала в современной организации // Экономика и управление: науч.-практ. журн. 2020. № 2. С. 78—83.
25. Fayol H. Administration industrielle et générale. Paris: Dunod et Pinat, 1917. 174 p.
26. Middle management's role in strategy implementation projects: a behavioral analysis / J. Kiehne, I. Ceausu, A. K. Arp, T. Schüler // Proceedings of the International Conference on Business Excellence. 2017. Vol. 11, № 1, pp. 539—549.
27. Maceika A., Toločka E. The motivation for engineering change in the industrial company // Business: Theory and Practice. 2021. Vol. 22, № 1. Pp. 98—108.
28. Ozkeser B. Impact of training on employee motivation in human resources management // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 158. Pp. 802—810.
29. Shaikh I. A., O'Connor G. C. Understanding the motivations of technology managers in radical innovation decisions in the mature R&D firm context: An Agency theory perspective // Journal of Engineering and Technology Management. 2020. Vol. 55. P. 101553.
30. Zakharov S., Korkina T., Baev I. Competence Model of Coal Mining Enterprise Managers // Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA): Sustainable Economic Development and Advancing Education Excellence in the era of Global Pandemic. 4—5 November 2020 Granada, Spain. Pp. 4667—4676 pp.

Сведения об авторе

Конакова Ольга Владимировна — старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия; аспирантка Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск, Россия. konakova_ov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 100—110.*

THE MOTIVATIONAL ENVIRONMENT OF THE MANAGEMENT STAFF PROFESSIONAL DEVELOPMENT: THE CONCEPTUAL FIELD OF RESEARCH

O. V. Konakova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
Yugra State University, Khanty-Mansiysk, Russia. konakova_ov@mail.ru

Professional development of managers is one of the important factors in the competitiveness of enterprises in the context of increasing competition in the world labor, raw materials and capital markets. Modern economic challenges pose new tasks for managers, actualizing the need for mastering new competencies. This fact necessitates the formation of an appropriate motivational environment for professional development at the enterprise. The purpose of the article is to clarify the conceptual field of research into the motivational environment of management staff professional development. The conceptual field reveals the essence of this economic phenomenon, which is considered as a combination of interests of the subjects at the coal mining enterprise (owners and management staff) to develop their professional activities. The author studied the approaches to the definition of professional development and motivational environment presented in the scientific literature, as well as the characteristics of the managers activities, and formulated the interpretation

of the motivational environment of the management staff professional development. A conditional approach was used to reveal the content of this economic phenomenon.

Keywords: *motivational environment, professional development, management staff, economic phenomenon.*

References

1. Adizes I. (2007) *Ideal'nyy rukovoditel': Pochemu im nel'zya stat' i chto iz etogo sleduyet* [The Ideal Executive: Why you cannot be one and what to do about it]. Moscow, Alpina Business Books. 262 p. [in Russ.].
2. Artem'ev V. B., Kilin A. B., Galkin V. A., Makarov A. M. (2016). *Gorny'i' informacιονno-analiticheskiy biulleten' (nauchno-tekhnicheskii zhurnal)*, no. S32, pp. 5—47 [in Russ.].
3. Barnard Ch. (2008) *Funktsii rukovoditelya: vlast', stimuly i tsennosti v organizatsii* [Leadership functions: power, incentives and values in the organization]. Moscow, Socium, 2008. 332 p. [in Russ.].
4. Belkin V. N. (2008) *Chelovek i trud*, no. 2, pp. 40—41. [in Russ.].
5. Bokovnja A. E. (2019) *Motivacija — osnova upravlenija chelovecheskimi resursami (teorija i praktika formirovanija motivirujushhej organizacionnoj sredy i sozdaniya edinoj sistemy motivacii kompanii)* [Motivation is the basis of human resource management (theory and practice of forming a motivating organizational environment and creating a unified system of motivation of the company)]. Moscow, INFRA-M. 144 p. [in Russ.].
6. Bocharova T. N. (2011) *Razrabotka sistemy monetarnoj motivacii rabotnikov aptechnyh predpriyatij* [Development of a system of monetary motivation of employees of pharmacy enterprises. Abstract of thesis]. Moscow. 21 p. [in Russ.].
7. Buinitskiy A. I., Kilin Yu. A., Popov D. V., Makarov A. M. (2014). *Ugol*, no. 4. pp. 24—27 [in Russ.].
8. *Bolshaya psikhologicheskaya entsiklopediya* [Big psychological encyclopedia]. Available at: <https://psychology.academic.ru>, accessed 27.09.2021 [in Russ.].
9. *Bolshoy ekonomicheskii slovar'* [Big Dictionary of Economics]. Available at: https://big_economic_dictionary.academic.ru, accessed 27.09.2021 [in Russ.].
10. Galter V. V., Shatunova T.E (2019) *Puti postroenija jeffektivnoj motivacionnoj sredy na osnove teorii pokolenij* [Ways to build an effective motivational environment based on the theory of generations]. Pp. 69—74 [in Russ.].
11. Georgicje E. Ju., Firsova I. A. (2016) *Sovremennye korporativnye strategii i tehnologii v Rossii*, pp. 25—31 [in Russ.].
12. Glaz V. N., Glaz Ju. A. (2009) *Vestnik Belgorodskogo. universiteta. potrebitel'skoj kooperacii*, no. 3 (31). P. 76—81 [in Russ.].
13. Drucker P. *Effektivnyj rukovoditel'* [Effective Leader]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, Eksmo, 2013. 232 p. [in Russ.].
14. Zakharov S. I. (2021) *Izvestiya UGGU*, no. 3 (63), pp. 128—135 [in Russ.].
15. Kaz M. S., Nikitin A. A. (2009) *Vestn. Tom. gos. un-ta. Ekonomika*, no. 3 (7) [in Russ.].
16. Kapitonova V. V. (2013) *Motivacionnyj aspekt upravlenija razvitiem promyshlennogo predpriyatija* [Motivational aspect of managing the development of an industrial enterprise. Thesis]. Izhevsk. 176 p. [in Russ.].
17. Korkina T. A., Shivyryalkina O. S. (2014) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 2 (331), pp. 84—89 [in Russ.].
18. Mescon M., Albert M., Hedoury F. (1997) *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management]. Moscow, Delo. 701 p. [in Russ.].
19. Mordvinova E. L. (2016) *Formirovanie motivacionnoj sredy kar'ernym rostom* [Formation of a motivational environment by career growth]. Pp. 207—214 [in Russ.].
20. Pitjukov V. Ju., Gogol' A. P. (2016). *Vestnik RMAT*, no. 3, pp. 85—88 [in Russ.].
21. Rjabov S. V. (2010) *Vestnik Mosovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 6 (38), pp. 134—138 [in Russ.].
22. Sajapin A. V. (2017) *Gorizonty ekonomiki*, no. 1, pp. 74—77 [in Russ.].
23. Silkina N. V., Kashnik O. I. (2018) *Motivacionnaja sreda kak uslovie innovacionnoj dejatel'nosti obrazovatel'nogo uchrezhdenija. Rezervy sovershenstvovanija professional'nogo obrazovanija v vuze*

[Motivational environment as a condition for innovative activity of an educational institution]. Pp. 148—152 [in Russ.].

24. Solov'eva I. A., Avdeeva L. A. (2020) *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskij zhurnal*, no. 2, pp. 78—83 [in Russ.].

25. Fayol H. (1917) *Administration industrielle et générale*. Paris, Dunod et Pinat. 174 p.

26. Kiehne J., Ceausu I., Arp A. K., Schüler T. (2017) *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*, vol. 11, no. 1, pp. 539—549.

27. Maceika A., Toločka E. (2021) *Business: Theory and Practice*, vol. 22, no. 1, pp. 98—108.

28. Ozkeser B. (2019) *Procedia Computer Science*, vol. 158, pp. 802—810 [in Russ.].

29. Shaikh I. A., O'Connor G. C. (2020) *Journal of Engineering and Technology Management*, vol. 55, p. 101553.

30. Zakharov S., Korkina T., Baev I. (2020) *Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA): Sustainable Economic Development and Advancing Education Excellence in the era of Global Pandemic*. Granada, Spain. Pp. 4667—4676.

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

А. А. Егорова, Ю. Г. Мальцев, Е. С. Банникова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются социальные инновации как ответ на существующие социальные вызовы. Социальные инновации позволяют формировать полноценную институциональную среду, требуемую для развития национальной экономики. При их осуществлении необходимо создать проект, способный решить конкретную социальную проблему, учитывающий нужные ресурсы и обеспечивающий их рациональное использование. Реализация проекта проходит в условиях неопределенности, что создает трудности. В статье представлен инструментарий — алгоритм, который позволит снизить уровень неопределенности при реализации проекта социальных инноваций в части привлечения ресурсов. Данное исследование поможет новаторам и инвесторам более глубоко понимать все стадии жизненного цикла проекта социальных инноваций с целью повышения эффективности социальных инвестиций и инноваций за счет снижения степени неопределенности при реализации проекта.

Ключевые слова: *проект, социальные инновации, институциональная среда, проектный подход, инструменты оценки, функции инноваций, стратегии финансирования, неопределенность.*

В пространственно-временной определенности (хронотопе) с четкой внутренней определенностью социо-эколого-экономического развития хозяйственной деятельности региона социальные инновации представляют собой перспективный способ решения социальных проблем в условиях четвертой промышленной революции, характеризующихся ростом неопределенности институциональной среды. В наиболее общем виде социальные инновации представляют собой новую идею, реализуемую в обществе с целью повышения эффективности использования ресурсов, требуемых для решения социокультурных проблем. Социальные инновации представимы в виде проектов, эффективность которых измеряется результативностью социальных изменений. Силой, приводящей в движение процесс создания социальных инноваций, является противоречие между хозяйствующими субъектами региона [19].

Создание в российской экономике полноценной институциональной среды, способствующей инновационному и экономическому росту, возможно лишь на базе разумного сочетания научно-технологического потенциала и грамотного поля для внедрения инноваций. Благоприятный климат для внедрения инноваций может быть сформирован только при кооперации всех заинтересованных сторон, таких как государство, частный бизнес, научные организации и т. д. [2].

В условиях четвертой промышленной революции эффективными являются бизнес-модели, направленные на решение социальных и экологических задач, а не только экономических, что позволяет говорить о стремлении к сбалансированному развитию хозяйственной деятельности. Одновременно происходит изменение подхода к решению проблем общества, путем передачи функций от государства к некоммерческим организациям [1; 3].

Основная цель осуществления социальных инноваций заключается в решении конкретных социальных проблем. Социальные инновации представляются в виде проекта, для которого определены время выполнения, ресурсы, ожидаемые результаты. Способность организаторов социальных инноваций адаптироваться к институциональным условиям определяет эффективность реализации проекта. Рассмотрим основные подходы к социальным инновациям [4; 5].

Выделяют три формы социальных инноваций. Первая представляет собой инновации, относящиеся к социальной политике государства, направленной на повышение качества жизни населения. Вторая форма представляет собой социальные инновации, направленные на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности. Третья форма представляет собой инновации, нацеленные на повышение качества управления производством.

По мнению О. М. Фокиной и Л. Н. Чудиновой, социальный эффект от реализации проектов возникает вследствие инвестиций в развитие человеческого капитала [6].

Существует трехкритериальная система оценки социальных инноваций, состоящая из оценки ресурсного обеспечения, целевой аудитории и измерения степени изменений после реализации проекта. Сущность данной системы состоит в анализе роста, баланса, реорганизации. Представленная система дает возможность измерять эффективность социальных инноваций, однако имеет изъян, состоящий в отсутствии рассмотрения участия населения в социальных инновациях [7].

Также эффективность социальных инноваций измеряется на основе анализа стратегии масштабирования, срока существования проекта, финансовых показателей деятельности, количества участников, условий реализации [8].

Формирование институциональных условий в социо-эколого-экономической системе региона состоит в увеличении влияния конкретных людей на процессы решения общественных проблем и в обеспечении ресурсами социальных проектов. В этом помогает теория долевой экономики применительно к вопросам социальных инноваций. Долевая экономика рассматривается исследователями с двух позиций, обусловленных широким или узким подходом. Первая позиция — это технологический взгляд на долевую экономику, подразумевающий использование цифровых технологий [9].

Второй подход к долевой экономике — социально-экономический, связанный с преобразованием институциональной среды региона, формирующим правила взаимодействия хозяйственных субъектов; основное направление изменений — цифровизация транзакций. В этом плане долевая экономика близка к социально-инновационным проектам. Инновационной ее делает предложение новых моделей и форм развития. Долевая экономика помимо преобразования институциональной среды предусматривает общее использование ресурсов, а также распространение типа отношений peer-to-peer, что позволяет избежать посредничества в предоставлении благ и существенно снижать стоимость продукта или услуги. Также формируется возможность использования недоиспользованных ресурсов, что повышает эффективность использования ресурсов. Именно это и необходимо для сбалансированного развития региона.

Цифровизация хозяйственной деятельности региона расширяет возможности долевой экономики,

следствием этого является децентрализация прав собственности. Крауд-экономика лежит на стыке долевой и цифровой экономики, преследует общие цели людей на базе интернет-платформ. Данные явления формируют институциональную среду и расширяют набор инструментов для развития инновационной деятельности, обеспечивающей удовлетворение социальных потребностей, формирование культуры социальной активности, воспроизводство благ [10].

Таким образом, симбиоз перечисленных подходов к оценке социально-инновационных проектов изменения институциональной среды формирует новые возможности для взаимодействия хозяйствующих субъектов. Данный подход позволяет сформировать алгоритм создания проекта социальных инноваций.

Социальные инновации позволяют повысить экономическую активность общества, следовательно, повышается качество человеческого капитала, которое увеличивает скорость прогресса, при этом сохраняя право выбора за пути приложения своих способностей за индивидом [11].

Социальные инновации обладают свойством гибридности, то есть совмещают свойства иерархичности с рыночной формой. Также выделяют гибридные цели, гибридное финансирование [12] социальных инноваций и гибридные платформы. Гибридная цель представляет собой симбиоз социальных и коммерческих целей. Гибридное финансирование — это объединение государственного и частного финансирования. Гибридные платформы [13] представляют собой информационные платформы, предназначенные для популяризации социальных инноваций [14]. Социальные инновации требуют использования особых источников обеспечения ресурсами, что требует разработки гибридных проектов.

Цифровизация, происходящая в настоящее время, генерирует новые формы социальных инноваций, а именно крауд-экономику, представляющую собой симбиоз долевой и цифровой экономики. Задачей крауд-экономики является достижение общих целей на базе интернет-платформ. Симбиоз двух видов экономик расширяет возможности для социальных инноваций, позволяет эффективнее решать социальные проблемы [15].

Необходимо также сказать об инвестиционной оценке проектов социальных инноваций. Авторы проекта, обращаясь к потенциальному инвестору, имеют проекты различной степени проработки. Поэтому новаторов следует разделить на две груп-

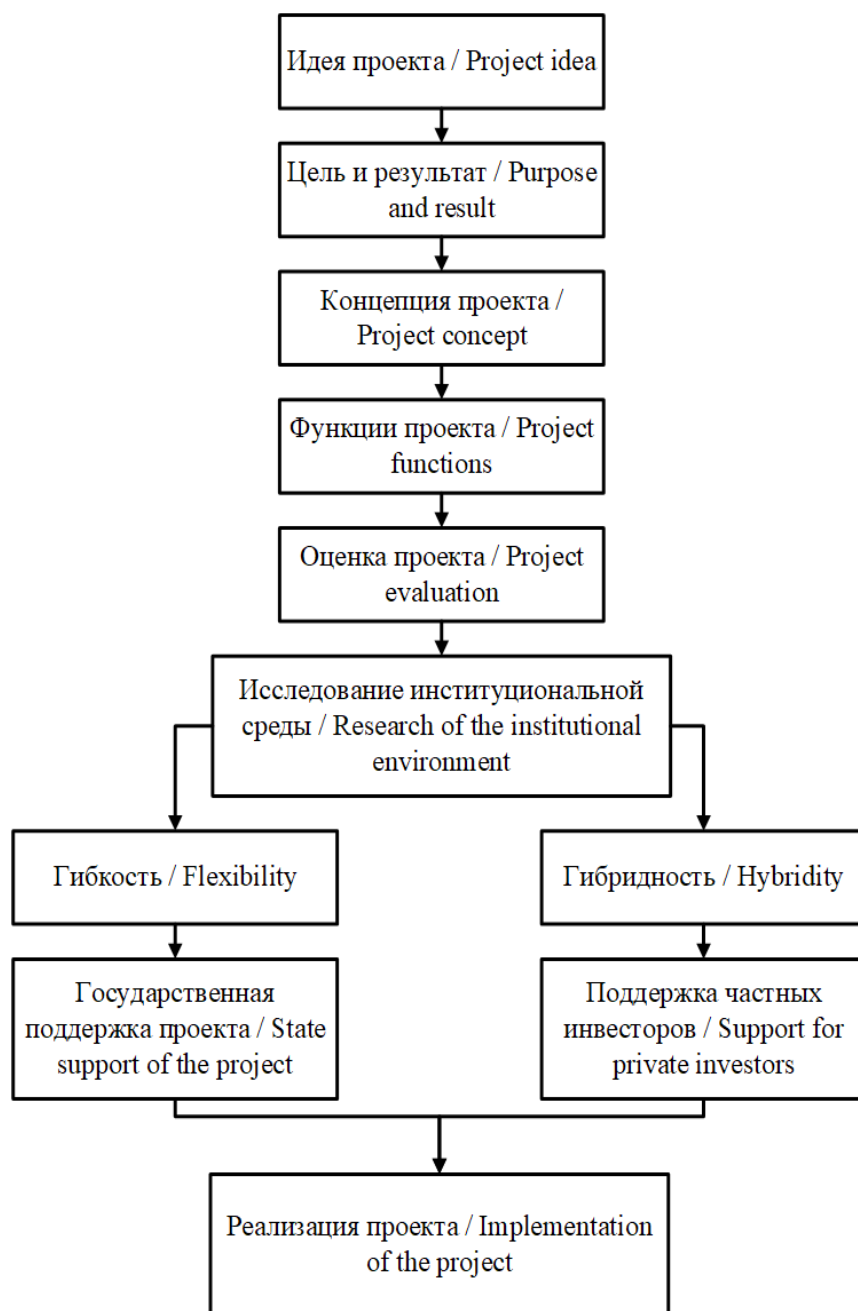
пы. В первую группу входят те новаторы, которые проработали все стадии жизненного цикла проекта социальных инноваций. В этом случае новаторы провели подробный анализ сценариев развития проекта и необходимой финансовой поддержки. Поэтому новатору остается только получить финансовую поддержку и приступить к реализации проекта. Ко второй группе принадлежат те новаторы, которые находятся на стадии оформления в конкретном виде идеи проекта социальных инвестиций, и им необходима юридическая, информационная и другие формы поддержки помимо инвестиционной. Поэтому им требуется помощь в проработке всех стадий жизненного цикла проекта с оценкой его привлекательности для инвесторов, согласовании функций проекта социальных инноваций с условиями институциональной среды. Таким образом, формируется план инвестиционной поддержки проекта социальных инвестиций [20].

Участниками процесса осуществления социальных инноваций могут выступать как частные лица, так и организации. Способность к инновационной деятельности является природным качеством человека, однако реализовать свой инновационный потенциал, в конкретных условиях может не каждый. Следовательно, инновационную способность человека необходимо переработать в инновационный потенциал, только в этом случае способность к инновациям проявится во внешнем мире в виде конкретных проектов, обладающих новизной. Для этого человек должен обладать творческими способностями [21].

В данной статье мы ставим своей целью создание алгоритма, позволяющего снизить неопределенность реализации проекта социальных инноваций в части привлечения ресурсов. Стоит отметить, что данный ал-

горитм должен учитывать институциональную среду, в которой осуществляется проект, конкретные механизмы привлечения инвестиций на осуществление проекта. Логическая схема алгоритма, направленного на снижение неопределенности проекта социальных инноваций, представлена на рисунке ниже.

Социальные инвестиции базируются на идее, которая реализуется в социально значимых услугах или продуктах. Исходя из идеи, можно проверить востребованность и актуальность конкретных инноваций для общества, выявить проблемы,

Логическая схема разработки проекта социальных инноваций

Примечание: составлено авторами.

на решение которых направлена предлагаемая идея. Сопоставляя идею и проблемы общества, можно определить цели социальных инвестиций и ожидаемые результаты, таким образом, формируя проект социальных инвестиций. В этом состоит первый шаг алгоритма по снижению неопределенности среды реализации проекта [16].

Второй шаг — определение функции проекта социальных инвестиций. Функция социальных инвестиций состоит в обеспечении решения проблем как конкретного человека, так и общества в целом. Функция социальных инноваций позволяет определить круг потенциальных инвесторов проекта. Существенную роль играет тип инвестора. Так, если социальные инвестиции направлены на производство общественных благ, то инвестором необходимо выбирать государство. Если социальные инвестиции имеют цель маркетинг или инвестиции, то инвестором должно выступать частное лицо.

Третий шаг — оценка эффективности социальных инноваций. Конкурентоспособность социальных инноваций можно проводить по методике адаптированной матрицы МакКинзи. Данная матрица позволяет создать стратегию проекта, основанную на вариациях потенциальных векторов развития [17].

Четвертый шаг заключается в исследовании путей получения ресурсов для осуществления проекта. Здесь существенную роль играет институциональная среда. Поэтому необходимо произвести балльную оценку таких ее составляющих, как гибкость и гибридность [18].

Стратегия финансирования социальных инноваций основывается на сочетании гибкости и гибридности институциональной среды и степени их развитости. Разработка финансовой стратегии позволяет приступить к реализации проекта социальных инвестиций. На этом разработка алгоритма уменьшения неопределенности условий внешней среды для проекта социальных инноваций закончена, на его основе можно определить сценарии развития проекта. Реализация проекта социальных инноваций позволит повысить качество жизни населения путем решения социальных проблем, на которые направлен проект.

Таким образом, получен методический инструментарий для оценки проекта социальных инноваций, использование которых предполагает приведенный алгоритм. Использование данного методического инструментария дает возможность сократить степень неопределенности социальных инвестиций, возникающую в процессе реализации проекта. Представленный в таблице ниже методический инструментарий необходим для осуществления данного алгоритма, позволяет разработать финансовый план проекта, определить круг потенциальных инвесторов, а также приоритетного способа финансирования проекта. Методический инструментарий, позволяющий снизить неопределенность при реализации проекта, представлен в таблице ниже.

Таким образом, мы предложили алгоритм разработки проекта социальных инвестиций, позволяющий определить круг потенциальных инвесторов. Также представили методический инструментарий,

Таблица 1

Методический инструментарий для оценки проекта социальных инноваций

Шаги	Методический инструментарий	Основной результат
Генерирование идеи	Планирование	Формирование общего представления о конечном результате. Обозначение целей и задач проекта, разработка устава проекта, плана реализации, оценка требуемых ресурсов
Формулирование задачи проекта, его функций	Функции, социально-инновационных проектов	Сопоставление функций социально-инновационного проекта с интересами заинтересованных лиц
Оценка эффективности проекта	Адаптированная матрица МакКинзи	Оценка проекта социальных инноваций на основе ее конкурентоспособности и привлекательности для общества
Стратегия финансирования проекта социальных инноваций	Методика балльной оценки институциональной среды на основе ее анализа гибкости, гибридности	Определение направлений финансового обеспечения ресурсов и последовательности привлечения денежных средств на основе данных анализа институциональной среды

Примечание: разработано авторами.

способный снизить неопределенность, оказывающую негативное влияние на проект социальных инноваций, за счет глубокой и последовательной проработки всех этапов жизни проекта. Это позволяет снизить неопределенность, сопровожда-

ющую реализацию проекта социальных инноваций. Проведенное исследование расширяет методический инструментарий, используемый для оценки проектов социальных инноваций.

Список литературы

1. Сущность и этапы перехода хозяйственной деятельности региона к новой индустриализации / А. Ю. Даванков, Г. А. Косарева, Ю. Г. Мальцев, Н. И. Павлов // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. 2019. № 2 (120).
2. Егорова А. А., Ужегов А. О. Влияние институциональной среды на развитие инноваций в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 3 (425). С. 78—86.
3. Bugshan H., Attar R. W. Social commerce information sharing and their impact on consumers // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. Vol. 153.
4. Biloshapka V., Osiyevskyy O. Value creation mechanisms of business models: Proposition, targeting, appropriation, and delivery // *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*. 2018. Vol. 19, № 3. P. 166—176.
5. De Silva M., Al-Tabbaa O., Khan Z. Business model innovation by international social purpose organizations: The role of dynamic capabilities // *Journal of Business Research*. 2019. Vol. 125 (3). P. 3—17.
6. Фокина О. М., Чудинова Л. Н. Оценка эффективности социальных инвестиции и инновации предприятия // Регион: системы, экономика, управление. 2011. № 3 (14). С. 73—79.
7. Assessing social innovation across offshore sectors in the Dutch North Sea / K. Soma, S. van den Burg, T. Selnes, M. van der Heide // *Ocean & Coastal Management*. 2019. Vol. 167. P. 42—51.
8. Gramescu L. Scaling Social Innovation in Europe: An Overview of Social Enterprise Readiness // *Procedia. Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 221. P. 218—225.
9. Nepelski D., Van Roy V. Innovation and innovator assessment in R&I ecosystems: the case of the EU Framework Programme // *The Journal of Technology Transfer*. 2020. P. 1—36.
10. Renard D., Davis J. G. Social interdependence on crowdsourcing platforms // *Journal of business research*. 2019. Vol. 103. P. 186—194.
11. Acemoglu D., Robinson J. A. *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. N.Y., 2012. 546 p.
12. On the evaluation of social innovations and social enterprises: Recognizing and integrating two solitudes in the empirical knowledge base / B. Szijarto, P. Milley, K. Svensson, J. Cousins // *Evaluation and Program Planning*. 2018. Vol. 66. P. 20—32.
13. Renard D., Davis J. G. Social interdependence on crowdsourcing platforms // *Journal of business research*. 2019. Vol. 103. P. 186—194.
14. *Empowering people, driving change Social Innovation in the European Union*. Luxembourg: European Communities, 2011. 171 p.
15. Авдокушин Е. Ф., Кузнецова Е. Г. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // *Экономический журнал*. 2019. № 2 (54). С. 6—19.
16. Ormiston J. Blending practice worlds: Impact assessment as a transdisciplinary practice // *Business Ethics: A European Review*. 2019. Vol. 28, № 4. С. 423—440.
17. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Сафронова А. А. Проектная оценка социальных инноваций // *Проблемы теории и практики управления*. 2018. № 10. С. 57—67.
18. Попов Е. В., Веретенникова А. Ю., Сафронова А. А. Институциональное обеспечение социально-инновационной деятельности крупного города // *Terra Economicus*. 2019. № 17 (3). С. 48—63.
19. Пряхин Г. Н., Мальцев Ю. Г., Банникова Е. С. Обоснование экономического развития региона с учетом формирования хронотопов // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 10 (123). С. 997—999.
20. Шарохина С. В. О Сущности понятия «инвестиционный проект» // *Отходы и ресурсы*. Т. 5, № 1. 2018. С. 3—5.
21. Сафаров С. М. *Основы социального предпринимательства* Иваново: Роцца, 2014. 295 с.

Сведения об авторах

Егорова Александра Анатольевна — декан экономического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. aleksandra_csu@mail.ru

Мальцев Юрий Геннадьевич — ассистент кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Brazil.yura@mail.ru

Банникова Евгения Сергеевна — аспирантка кафедры экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. bann1984@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 111—117.*

A PROJECT-BASED APPROACH TO SOCIAL INNOVATION

A. A. Egorova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. aleksandra_csu@mail.ru

Y. G. Maltsev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Brazil.yura@mail.ru

E. S. Bannikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. bann1984@mail.ru

The article examines social innovation as a form of response to existing social challenges. Social innovations make it possible to form a full-fledged institutional environment necessary for the development of the national economy. When implementing social innovations, it is necessary to create a project capable of solving a specific social problem, taking into account the necessary resources and capable of ensuring their rational use. The implementation of the project is carried out in conditions of uncertainty, which creates difficulties in its implementation. The toolkit proposed in the article helps to reduce the level of uncertainty. The article presents an algorithm that allows to reduce uncertainty in the implementation of a social innovation project, in terms of attracting resources. This study will allow innovators and investors to explore more deeply all stages of the life cycle of a social innovation project, in order to increase the efficiency of social investment and innovation, by reducing the degree of uncertainty in the implementation of a social innovation project.

Keywords: *project, social innovation, institutional environment, project approach, assessment tools, innovation functions, financing strategies, uncertainty.*

References

1. Davankov A. Y., Kosareva G. A., Maltsev Y. G., Pavlov N. I. (2019) *Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, no. 2 (120) [in Russ.]
2. Yegorova A. A., Uzhegov A. O. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (425), pp. 78—86 [in Russ.].
3. Bugshan H., Attar R. W. (2020) *Technological Forecasting and Social Change*, no. 153.
4. Biloshapka V., Osiyevskyy O. (2018) *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*, no. 19—3, pp. 166—176.
5. De Silva M., Al-Tabbaa O., Khan Z. (2019) *Journal of Business Research*, no. 125 (3), pp. 3—17.
6. Fokina O. M., Chudinova L. N. (2011) *Region: sistema, ekonomika, upravleniye*, no. 3 (14), pp. 73—79 [in Russ.]
7. Soma K., van den Burg S., Selnes T., van der Heide M. (2019) *Ocean & Coastal Management*, no. 167, pp. 42—51.
8. Gramescu L. (2016) *Social and Behavioral Sciences*, no. 221, pp. 218—225.
9. Nepelski D., Van Roy V. (2020) *The Journal of Technology Transfer*, pp. 1—36.
10. Renard D., Davis J. G. (2019) *Journal of business research*, no. 103, pp. 186—194.

11. Acemoglu D., Robinson J. A. (2012) *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. N. Y. 546 p.
12. Szijarto B., Milley P., Svensson K., Cousins J. (2018) *Evaluation and Program Planning*, no. 66, pp. 20—32.
13. Renard D., Davis J. G. (2019) *Journal of business research*, no. 103, pp. 186—194.
14. (2011) *Empowering people, driving change Social Innovation in the European Union, Luxembourg, European Communities*. 171 p.
15. Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. (2019) *Ekonomicheskiy zhurnal*, no. 2 (54), pp. 6—19 [in Russ.]
16. Ormiston J. (2019) *Business Ethics: A European Review*, no. 28—4, pp. 423—440.
17. Popov Y. V., Veretennikova A. Y., Safronova A. A. (2018) *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 10, pp. 57—67 [in Russ.].
18. Popov Y. V., Veretennikova A. Y., Safronova A. A. (2019) *Terra Economicus*, no. 17 (3), pp. 48—63 [in Russ.].
19. Pryakhin G. N., Maltsev Yu. G., Bannikova E. S. (2020) *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 10 (123), pp. 997—999 [in Russ.].
20. Sharokhina S. V. (2018) *Otkhody i resursy*, no. 1, pp. 3—5 [in Russ.].
21. Safarov S. M. (2014) *Osnovy sotsial'nogo predprinimatel'stva* [Fundamentals of social entrepreneurship]. Ivanovo, Roshcha. 295 p. [in Russ.].

ОБЗОРЫ И ДИСКУССИИ

REVIEWS AND DISCUSSIONS

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 12 (458). Экономические науки. Вып. 75. С. 118—124.

УДК 330.59
ББК 65-94

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11213

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ БЛАГОПОЛУЧИЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ МИРА

И. В. Лаврентьева¹, Ю. Ш. Капкаев², Д. С. Руденко²

¹Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЧФ РАНХиГС)

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Существуют различные подходы к измерению уровня качества жизни и благосостояния людей. В этой статье на основе анализа различных подходов к оценке уровня благосостояния населения мы предлагаем методику, позволяющую оценить благополучие и качество жизни населения. Благодаря новым критериям, которые отражают комфортность и удовлетворенность жизнью, рассматриваем возможность осуществления сравнительной оценки благополучия макрорегионов и микрорегионов. В ходе исследования было выявлено, что финансовые показатели не всегда влияют на благополучие людей. Учитывая дополнительные критерии при оценке качества жизни, такие как уровень комфорта различных регионов, формируется система, которая позволяет оценить уровень благополучия.

Ключевые слова: *благосостояние, гармоническое развитие, макрорегионы, качество жизни.*

Особое значение в современных условиях приобретает межрегиональная оценка качества жизни и благосостояния, а также проблема конвергенции регионов по критериям для детального анализа.

Различные подходы к измерению уровня счастья и благополучия показывают результаты, которые не совпадают с количественной оценкой. При этом важное значение имеют различия условий жизни в макрорегионах, включающих несколько стран, схожих по уровню экономического развития и традициям. Другим важным аспектом служит региональная дифференциация уровня жизни внутри государства, в том числе процессы урбанизации. Оценка благополучия и качества жизни более полно может быть представлена при учете особенностей восприятия человеком своего положения. Необходимо брать в расчет условия создаваемой публичными образованиями среды и инфраструктуры [8].

Термин «благополучие» в экономической науке рассматривался с разных точек зрения множественным автором. В нашем исследовании мы будем придерживаться экономического подхода к благополучию как к наличию необходимых компонентов для полноценной жизни людей и ощущения комфорта.

В современных исследованиях часто проводят корректировку уже существующих показателей, влияющих на благополучие людей. В основном общественные издержки рассматриваются как экологические (загрязнение окружающей среды, бережное потребление ресурсов) и социальные (рост неравенства). Данные показатели необходимы для оценки уровня качества жизни населения, которая является важным инструментом и ориентиром социально-экономического развития региона. Методика оценки качества жизни людей многогранна и отражает многоэлементную систему.

Основоположниками исследования качества жизни стали американские ученые — экономисты и социологи в середине XX в. Б. Блейз определяет концепцию постиндустриального общества. Термин «качество жизни» определяется им на основе двух базовых областей — это здоровье и образование [1]. Новые качества концепции социального взаимодействия в постиндустриальном обществе выявлены Ю. П. Авериним и В. А. Сушко [6]. Они определили, что главным пунктом условий нового общества выступает счастье.

Комплексная оценка благосостояния была предложена Г. Дейли [5] и Дж. Коббом в виде индекса устойчивого экономического благосостояния (Index

of Sustainable Economic Welfare, ISEW), который после некоторых изменений превратился в генеральный индикатор прогресса (Genuine Progress Indicator, GNI). Рассчитав показатели, исследователи проводят сравнительный анализ ISEW и ВВП (GDP) [9].

В российской литературе понятие качества жизни населения рассматривалось как уровень реализации потребностей индивида, выражающейся в удовлетворенности своей жизнью [2]. С. А. Айвазян качество жизни видит в удовлетворенности здоровьем, дееспособностью в обществе и системой стандартов [3]. Л. В. Климкина описывает, что качество жизни имеет прямую и обратную связь с образом жизни населения, материальным достатком, культурой потребления и прочими факторами [4].

Существует также ряд работ, в которых применяется упрощенная функция благосостояния для оценки социального благополучия. Основной идеей выступает материальное благосостояние людей, возможность проживать такую жизнь, которую они считают достойной [7]. Преимуществом таких методов является легкость расчетов, однако к недостаткам можно отнести очень узкие критерии сравнений и большое значение показателя ВВП.

Качество жизни — достаточно широкое понятие, под которым следует понимать степень удовлетворения материальных и нематериальных ресурсов, что выражается в качественном и количественном показателях, а также потребность в свободе личности и самореализации. Качество жизни может определяться разными показателями: экономическими, физическими, психологическими, социальными, экологическими, которые не всегда действуют в одном направлении, тем самым усложняя анализ данной категории. Поэтому к выбору показателей следует подходить с особой тщательностью.

Необходимо отметить, что основным достоинством расширения количества показателей благополучия или качества жизни населения является возможность разделить показатели на категории благосостояния, разработать методики, позволяющие включать в анализ более весомые значения, социологические данные и эксперименты, тем самым комплексно подойти к оценке [10].

Обеспечение высокого уровня качества жизни, по нашему мнению, является первоочередной целью развития региона. Ведущие исследовательские организации России и мира не выработали единого подхода к оценке благополучия и качества жизни населения. Для решения данной проблемы необходимо проводить анализ на разных уровнях ре-

гиона, поэтому мы предлагаем понятие «регион» подразделять на «микрорегион» и «макрорегионы».

Под макрорегионом мы понимаем конвергентные территории, обладающие схожими экономическими проблемами, ресурсным и промышленным потенциалом, находящиеся на одном экономическом, политическом и финансовом уровне развития. Макрорегион является единым экономическим пространством, состоящим из динамично развивающихся элементов — микрорегионов, которые обладают своими особенностями.

Главной задачей исследования является сравнение макрорегионов по компонентам для выявления приоритетного направления устойчивого развития для каждого [15].

Оценка благосостояния и качества жизни проводится на основе отдельных показателей и индексов, включающих в себя компоненты экономической инфраструктуры, характеризующейся расходами домашних хозяйств. Данный компонент состоит из потребительских расходов, понесенных резидентами домохозяйств по отдельным товарам и услугам потребления, и арендной платы. Мы считаем, что среднемесячные расходы домашних хозяйств в отличие от доходов более достоверно отражают уровень благополучия граждан. Также в экономическую инфраструктуру входят показатель чистой миграции, уровень безработицы и транспортная инфраструктура [13].

Блок социальной инфраструктуры включает образование, стоимость коммунальных услуг, аренду жилья, здравоохранение, безопасность.

Блок экологической инфраструктуры мы рассматриваем как элемент устойчивого развития, оцениваем макрорегионы по индексу загрязнения окружающей среды и переработки отходов.

Исследование качества жизни макрорегионов и выявление наиболее значимых компонентов осуществляется на основе выделения 15 макрорегионов: Западная Европа, включающая 6 микрорегионов, Северная Европа (10 микрорегионов), Южная Европа (13), Восточная Европа (9), Западная Азия (13), Центральная Азия (1), Южная Азия (5), Восточная Азия (5), Юго-Восточная Азия (6), Африка (5), Северная Америка (2), Центральная Америка (3), Карибский бассейн (2), Южная Америка (8), РФ [11].

Для расчета компонентов оценки каждого макрорегиона предлагается применить интегральный индекс, который определяется как среднее арифметическое индексов частных показателей (микрорегионов):

$$I = \frac{\sum_{i=1}^n I_i}{n},$$

где I — интегральный индекс; n — количество микрорегионов, I_i — значение i -го частного показателя.

Оформим в таблицу компоненты, входящие в методику оценки благосостояния и качества жизни макрорегионов:

Компоненты, используемые для оценки благосостояния и качества жизни макрорегионов

	Компонент оценки	Показатель, характеризующий компонент
<i>Экономическая инфраструктура</i>		
1	Расходы домашних хозяйств	Среднемесячные расходы домашних хозяйств, долл.
2	Безработица	Уровень безработицы, %
3	Миграционная привлекательность	Показатель чистой миграции, число мигрантов на 1000 чел. населения
4	Транспортная инфраструктура	Наличие и качество дорог, портов, железных дорог и др.
<i>Социальная инфраструктура</i>		
5	Образование	Доля детей на ранних ступенях начального образования, достигших минимального уровня знаний
6	Коммунальные услуги	Стоимость ежемесячных коммунальных услуг на 85 м ² жилого помещения (электричество, отопление, холодное и горячее водоснабжение, ТБО) долл.
7	Аренда жилья	Аренда 3-комн. квартиры в месяц, долл.
8	Здравоохранения	Оценка общего качества системы здравоохранения, специалистов здравоохранения, оборудования, персонала и врачей
9	Безопасность	Оценка общего уровня преступности в макрорегионе
10	Продолжительность жизни	Средняя продолжительность жизни, лет
<i>Экологическая инфраструктура</i>		
11	Окружающая природная среда	Индекс загрязнения
12	Переработка отходов	Доля переработанных отходов из существующих, %

Примечание: составлено авторами.

Очевидно, что компоненты, используемые для оценки благосостояния, имеют разную размерность. Для того чтобы иметь возможность сравнения и выявления наиболее значимых компонентов для региона, проведено ранжирование признаков [12].

Благополучие граждан в наибольшей степени зависит от гармоничности развития всех сфер жизнедеятельности. Неравномерность и диспропорции в развитии особенно ощутимы в глобальной экономике на основе сравнения с другими регионами.

На основе рассчитанных данных по выбранным компонентам построена лепестковая диаграмма. С ее помощью мы выявили приоритетные направления для достижения гармоничного развития по каждому макрорегиону.

Проведем сравнительный анализ тех макрорегионов, которые обладают разнонаправленными векторами развития.

Восточная Азия по многим показателям имеет высокий ранг (например, продолжительность жизни составляет в среднем 78,8 года) и занимает 4-е место среди всех макрорегионов, самый низкий уровень преступности. Макрорегион перерабатывает 51,2 % отходов на своей территории. Имеет самые лучшие показатели по образованию: 99,6 % детей обучаются в начальной школе. Безработица составляет 3,5 %. Однако отстает по жилищно-хозяйственным условиям: арендная плата за 3-комнатную квартиру составляет 1173,04 долл. в месяц, а оплата коммунальных услуг 85 м² обходится в 122,27 долл. Поэтому приоритетным набором компонентом в данном макрорегионе являются коммунальные услуги и аренда жилья.

Южная Европа имеет угол наклона в сторону экономико-экологического развития. Ежемесячные расходы домашних хозяйств составляют 614,25 долл. на душу населения, данное значение помогает макрорегиону занимать 7-е место в рейтинге. Хорошо развита транспортная инфраструктура, продолжительность жизни составляет 78,77 года. Однако в экономической инфраструктуре макрорегион имеет достаточно высокую безработицу — 14,1 %.

Существуют провалы в социальной инфраструктуре, несмотря на относительно дешевую арендную плату (564,9 долл.), достаточно дорогие коммунальные услуги — 141,25 долл. в месяц.

Приоритетным набором для гармонического развития является снижение уровня безработицы и цен на коммунальные услуги.

Южная Азия — макрорегион с особенными условиями развития. В данную категорию попадают достаточно бедные страны. Однако его анализ интересен (значим) для выявления некоторых закономерностей. Полностью отсутствует развитие

в экологической инфраструктуре. В экономический инфраструктуре единственным выбивающимся показателем является безработица, она составляет 5,9%. В социальной инфраструктуре можно выделить самую дешевую аренду жилья (309,9 долл.) и самые низкие цены на коммунальные услуги (40,44 долл.).

Выявлена такая тенденция, что в развитых макрорегионах аренда жилья и коммунальные услуги дороже относительно менее развитых регионов.

В Российской Федерации вектор развития направлен в сторону социально-экономической инфраструктуры. Уровень безработицы составляет 5,3% (4-е место в рейтинге), на 1000 чел. граждан приходится мигрантов 1,7 чел., 98,3% детей получили начальное образование. Однако социальная инфраструктура развита не в полном объеме, провальными являются здравоохранение, продолжительность жизни — самая низкая среди макрорегионов: составляет 71 год.

Абсолютно не развита экологическая инфраструктура из-за территориальных особенностей: отсутствует механизмы для переработки отходов (дешевле выкинуть); из-за многочисленных производственных предприятий окружающая среда находится на последнем месте в рейтинги макрорегионов [14].

Что касается экономической инфраструктуры, то расходы на душу населения составляют 381,18 долл. в месяц, — 12-е место в рейтинге. По транспортной инфраструктуре макрорегион является аутсайдером.

Приоритетным направлением является развитие экологической инфраструктуры.

На основе анализа 15 макрорегионов мы выявили наиболее гармонично развитый регион, то есть регион, который не имеет ярко выраженного направления развития. Восточная Европа развивается равномерно по всем направлениям:

- Расходы домашних хозяйств на душу населения — 439,82 долл.
- Безработица — 5,28%.
- По показателю образования — 7-е место в рейтинге.
- Аренда жилья 510 долл.

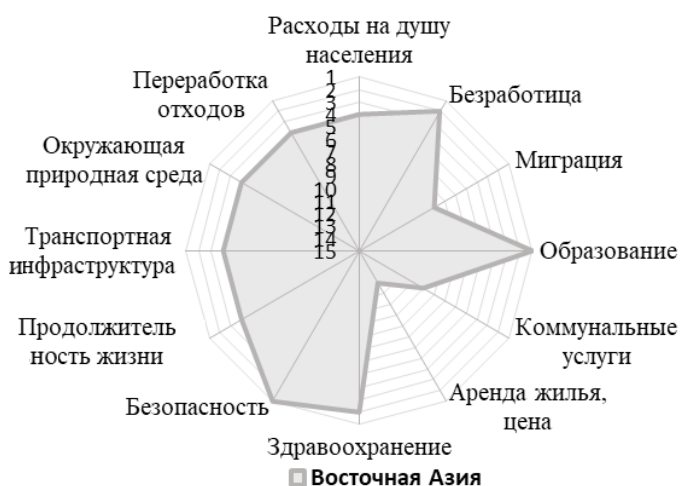

Рис. 1. Оценка благосостояния и качества жизни населения Восточной Азии

Примечание: составлено авторами.

Рис. 2. Оценка благосостояния и качества жизни населения Южной Европы

Примечание: составлено авторами.

Рис. 3. Оценка благосостояния и качества жизни населения Южной Азии

Примечание: составлено авторами.

Рис. 4. Оценка благосостояния и качества жизни населения РФ

Примечание: составлено авторами.

Рис. 5. Оценка благосостояния и качества жизни населения Восточной Европы

Примечание: составлено авторами.

На основании проведенных теоретических изысканий можно утверждать, что при оценке благополучия и качества жизни особое значение имеет исследование регионального аспекта. С использованием понятия конвергентных регионов обосновано выделение макрорегионов и микрорегионов. Макрорегионы схожи между собой экономическими показателями, ресурсами, промышленным потенциалом. Макрорегионы состоят из микрорегионов, динамично развивающихся элементов. Исследование благополучия основано на компонентах, обозначенных для макрорегионов не только на наборе используемых благ, но и на оценке комфорта. Узость использования количественных критериев положена в основу методики оценки на основе рейтингов, характеризующих условия и степень удовлетворения потребностей. Анализируя благополучие в разных регионах мира через компоненты, используемые для оценки, нужно сделать упор на выявленных минимальных точках удовлетворенности. Исходя из анализа, более благоприятным районом оказалась Восточная Европа, так как все анализируемые компоненты развиваются равномерно по направлениям. Для того чтобы качество жизни населения стремилось к максимуму, необходимо, чтобы все регионы мира улучшали свои компоненты для благосостояния населения. Таким образом, выделенные инфраструктурные блоки формируют условия благополучия. Расчет интегрального индекса позволил оценить комфортность проживания на территориях. Главным аспектом оценки уровня благополучия и качества жизни определена неравномерность развития.

Список литературы

1. Bleys B. The Regional Index of Sustainable Economic Welfare for Flanders, Belgium // Sustainability. 2013. № 5. P. 496—523. DOI: 10.3390/su5020496.
2. Mocuța D., Burcea C., Cernușcă-Mițariu M. Theoretical and practical indicators of life quality // European Journal of Science and Theology. 2014, vol. 10, no. 5. P. 63—69.
3. Айвзян С. А. Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни населения // Мир России. 2001. № 4. 59—96 с.
4. Климкина Л. В. Оценка качества жизни региона // Креативная экономика. 2008. № 10. С. 147—152.
5. Daly H. Steady-State Economics. 2nd ed. Washington: Island Press, DC, 1991.
6. Аверин Ю. П., Сушко В. А. Концепция качества жизни в современных социологических теориях // Известия Саратовского университета. НС. Сер.: Социология. Политология. 2019. Т. 19, № 1. С. 4—11.

7. Малкина М. Ю. Социальное благополучие регионов Российской Федерации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 1. С. 49—62.
8. Малкина М. Ю. Оценка социального благополучия российских регионов, уровня и динамики межрегиональных различий на основе функций благосостояния // Terra Economicus. 2016. Т. 14, № 3. С. 29—49.
9. Carta V., Porcu M. Measures of wealth and well-being. A comparison between GDP and ISEW. Working papers. 2010.
10. Бобков В. Н., Степанов В. С. Модель «Благосостояние» для оценки и прогноза качества и уровня жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 104—110.
11. Васильева Е. В. Рейтинг субъектов Российской Федерации по уровню благосостояния // Региональная экономика. Теория и практика. 2014. № 44 (371). С. 14—24.
12. Гайфутдинова О. С., Стародумова Ю. В. Уровень и качество жизни населения в регионе в условиях инновационного развития: муниципальный аспект (на примере Пермского края) // Ars Administrandi (Искусство управления). 2017. Т. 9, № 3. С. 325—347.
13. Харитоновна Т. В., Алексеева С. Н. Уровень жизни населения: основные подходы к оценке показателей // Нива Поволжья. 2016. № 2 (39). С. 133—140.
14. Значение национального проекта «Экология» для экологического благополучия российского населения / А. Н. Аверин, В. П. Ляхов, С. А. Евтушенко, Т. А. Нувахов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 4 (107). С. 131—134.
15. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальное благополучие населения как основа демографической безопасности регионов // Управление экономическими системами. 2017. № 4 (20). С. 35—36.

Сведения об авторах

Лаврентьева Ирина Викторовна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Челябинского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинск, Россия. astralavr@mail.ru

Капкаев Юнер Шамильевич — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. zam@csu.ru

Руденко Дарья Сергеевна — аспирантка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. eds@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 118—124.*

PROSPECTIVE METHODS FOR ASSESSING THE WELL-BEING AND QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION IN DIFFERENT REGIONS

I. V. Lavrenteva

Chelyabinsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. eds@csu.ru

Yu. Sh. Kapkaev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. astralavr@mail.ru

D. S. Rudenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. zam@csu.ru

There are various approaches to measuring the quality of life and well-being of people. In this article, based on the analysis of various approaches to assessing the level of well-being of the population, we propose a methodology to assess the well-being and quality of life of the population. Thanks to new criteria that reflect comfort and satisfaction with life, we are considering the possibility of making a comparative assessment of the well-being of macroregions and microregions. In the course of the study, it was revealed that financial indicators do not always affect the well-being of people on the standard of living. Taking into account additional

criteria for assessing the quality of life, such as the level of comfort in different regions, a system is formed that allows us to assess the level of well-being.

Keywords: *welfare, harmonious development, macroregions, quality of life.*

Reference

1. Bleys B. (2013). *Sustainability*, pp. 496—523.
2. Mocuța D., Burcea C., Cernușcă-Mițariu M. (2014) *European Journal of Science and Theology*, vol. 10, no. 5, pp. 63—69.
3. Ayvyazyan S. A. (2001) *Mir Rossii*, no. 4, pp. 59—96 [in Russ.].
4. Klimkina L. V. (2008) *Kreativnaya ekonomika*, no. 10, pp. 147—152 [in Russ.].
5. Daly H. (1991) *Steady-State Economics*. 2nd ed. Washington, Island Press, DC.
6. Averin Yu. P., Sushko V. A. (2019) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*, vol. 19, no. 1, pp. 4—11 [in Russ.].
7. Malkina M. Yu. (2017) *Ekonomika regiona*, vol. 13, no. 1. pp. 49—62 [in Russ.].
8. Malkina M. Yu. (2016). *Terra Economicus*, vol. 14, no. 3. pp. 29—49 [in Russ.].
9. Carta V. (2010). *Working papers*.
10. Bobkov V. N., Stepanov V. S. (2014) *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, no. 1 (191), pp. 104—110 [in Russ.].
11. Vasilyeva E. V. (2014) *Regional'naya ekonomika. Teoriya i praktika*, no. 44 (371), pp. 14—24 [in Russ.].
12. Gaifutdinova O. S., Starodumova Yu. V. (2014) *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniia)*, vol. 9, no. 3, pp. 325—347 [in Russ.].
13. Kharitonova T. V., Alekseeva S. N. (2016) *Niva Povolzh'ya*, no. 2 (39), pp. 133—140 [in Russ.].
14. Averin A. N., Lyakhov V. P., Yevtushenko S. A., Nuvakhov T. A. (2019) *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, no. 4 (107), pp. 131—134 [in Russ.].
15. Kostina E. Yu., Orlova N. A. (2017). *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami*, no. 4 (20), pp. 35—36 [in Russ.].

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СИЛЫ ОБЩЕСТВА КАК ДВИЖУЩАЯ СИЛА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ТЕРРИТОРИИ

Д. С. Бени

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Научно-исследовательские силы общества — термин, недавно появившийся в научной литературе Урала. В статье поднят вопрос значимости человеческого капитала для развития национальной и региональной экономик. Проведен обзор показателей, предложенных для оценки состояния научно-исследовательских сил общества. Представлена сравнительная динамика показателей Урала и Челябинской области с аналогичными показателями по стране, Свердловской области (как ориентир на «центр» Урала) и города Москвы. Отрицательная динамика продемонстрирована в отношении таких показателей, как численность ППС организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; численность студентов, обучающихся в университетах; выпуск бакалавров, специалистов, магистров; численность аспирантов и докторантов; выдача патентов. По трем показателям Челябинская область вопреки общероссийским тенденциям продемонстрировала положительную динамику: численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками; численность исследователей с учеными степенями; внутренние затраты на научные исследования и разработки.

Ключевые слова: *научно-исследовательские силы общества, человеческий капитал, «интеллектуальный котел», интеллектуальная элита, экономический рост территории, Челябинская область, Уральский федеральный округ.*

Значимость человеческого фактора для экономического роста под сомнение уже давно никто не ставит. И нет разницы, о каком экономическом росте идет речь — в отношении роста и развития любой социально-экономической системы данный фактор актуален. Если человеческий капитал как фактор экономического роста возник в научной литературе чуть позднее середины XX в. и был введен в научный оборот Т. Шульцем [См.: 3], то сегодня появляются исследования, оперирующие понятием «научно-исследовательские силы общества» [6]. В. С. Бочко предлагает ввести в научный оборот такой термин, называя его новым самостоятельным фактором экономического роста. Автор разделяет понятия «научно-исследовательские силы общества» и «научно-интеллектуальный потенциал». Слабое развитие научно-исследовательских сил общества автор считает причиной сдерживания роста производственно-технологического потенциала территорий. И это одна из ключевых причин появления региональных периферийных экономик. Под научно-исследовательскими силами общества ученый предлагает понимать «объединенные возможности науки, бизнеса, власти и общественности соответствующих пространств создавать новые знания для решения проблем повышения производительности труда и роста благосостоя-

ния жителей соответствующих территорий» [Там же]. В. С. Бочко указывает на двухкомпонентную природу научно-исследовательских сил общества: с одной стороны, это система поиска знаний и их перевода в производство; с другой стороны, это совокупность институтов, которые позволяют и получать знания, и трансформировать их в практику. Иными словами, это и система поиска знаний, и среда, которая способствует их получению и эффективному использованию.

Относительно количественной оценки состояния научно-исследовательских сил общества — В. С. Бочко предлагает проводить таковую по двум показателям: число организаций, выполнявших научные исследования и разработки, и численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками [Там же]. Предлагаем расширить спектр показателей и включить дополнительно следующие восемь: 1) численность профессорско-преподавательского состава организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; 2) численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры; 3) выпуск бакалавров, специалистов, магистров; 4) численность аспирантов; 5) численность докторантов; 6) численность

исследователей с учеными степенями; 7) внутренние затраты на научные исследования и разработки; 8) выдача патентов.

Показатели подобраны не случайным образом. Показатели, предложенные В. С. Бочко, а также показатели под номерами 1, 2, 4, 5, 7 отражают своего рода условия, позволяющие «взращивать» научно-исследовательские силы общества. Показатели же под номерами 3, 6, 8 отражают некоторые результаты уровня состояния научно-исследовательских сил.

Проанализируем динамику предложенных десяти показателей для Челябинской области, соотнесем ее со среднероссийскими значениями и значениями, характерными для Уральского федерального округа. Некоторые исследования включают корреляционно-регрессионный анализ. По результатам корреляционного анализа показана связь между экономическим ростом (а именно ВВП на душу населения) и индексом человеческого капитала. По результатам регрессионного анализа показана крайне высокая эластичность экономического роста слаборазвитых стран относительно уровня развития человеческого капитала [8]. Сейчас мы не ведем речь о человеческом капитале. Но все же надо понимать, что научно-исследовательские силы общества и уровень развития человеческого капитала — это понятия, пусть и не одного среза, но взаимосвязанные и неразрывные. А посему вполне актуально проследить, так ли это (есть ли указанная связь) для Челябинской области. Исследование [Там же] говорит о слаборазвитых странах. В этом смысле, если принять во внимание принадлежность Челябинской области по некоторым показателям к периферийным экономикам, можно предположить, что предложенная авторами монографии гипотеза может подтвердиться и на уровне региона.

На рис. 1 приведена динамика численности профессорско-преподавательского состава (ППС) организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры.

Динамика, представленная на рис. 1, демонстрирует угрожающую картину. За десятилетний период численность профессорско-преподавательского состава вузов в Челябинской области сократилась на 41,45%. По Уральскому федеральному округу падение составило чуть меньшую величину — 39,61%. В. С. Бочко в своем исследовании [5] говорит о характерной на сегодня тенденции ухода науки из многих регионов и концентрации тако-

вой в столичных территориях. Безусловно, такая тенденция существует. Но если говорить в целом, то ситуация, изображенная на рис. 1, оказалась характерной и для всей страны. По России сокращение численности ППС вузов составило 35,73%, что, конечно, ниже, чем для территорий Урала, но все же это падение на целую треть. Такое падение никак нельзя назвать несущественным. Если принять во внимание принадлежность Свердловской области к «центру» УрФО, то нужно отметить, что и этот регион не избежал сокращения численности ППС — значение составило 35,22%. Цифра несколько менее удручающая, чем для Челябинской области, но, по сути, она отражает среднероссийскую динамику, и тоже демонстрирует падение на треть. И даже город Москва не избежал сокращения числа ППС: за тот же период падение составило 26,47%.

Можно предположить, что современная система высшего образования не нуждается в прежнем количестве преподавателей. Но вопрос, конечно, очень спорный. Да и падение очень существенное. Можно точно утверждать, что «не нуждается» не в смысле какой-то роботизации или же цифровизации системы высшего образования, благодаря чему соотношение преподавателей и студентов могло бы уменьшиться без потери качества (этот вопрос мы сейчас не поднимаем), а в том смысле, что и самих обучающихся тоже стало меньше. Об этом свидетельствует рис. 2.

Если за период 2005—2010 гг. графики идут вверх, то далее мы наблюдаем лишь падение численности студентов. И тут мы видим еще большее сокращение за период с 2010 г., нежели падение числа ППС. В Челябинской области число студентов упало вдвое (на 50,99%). Почти то же значение характерно для Урала (падение на 48,17%). В среднем по стране за десять лет численность студентов упала на 42,29%. Если сравнить полученные значения со значениями, характерными для «центра», то картина будет следующей. В Москве падение составило 40,08% за тот же десятилетний период. Причем за период с 2005 по 2010 г. в Москве также наблюдалось сокращение числа студентов, небольшое (2,5%), но все же падение, в то время как в Челябинской области и в целом на Урале отмечался рост (11,1% и 0,94% соответственно). В Свердловской области за период с 2010 по 2019 г. число обучающихся в вузах упало на 41,53%. Причем за период 2005—2010 гг. Свердловская область продемонстрировала примерно московскую динамику — также падение показателя (на 2,2%).

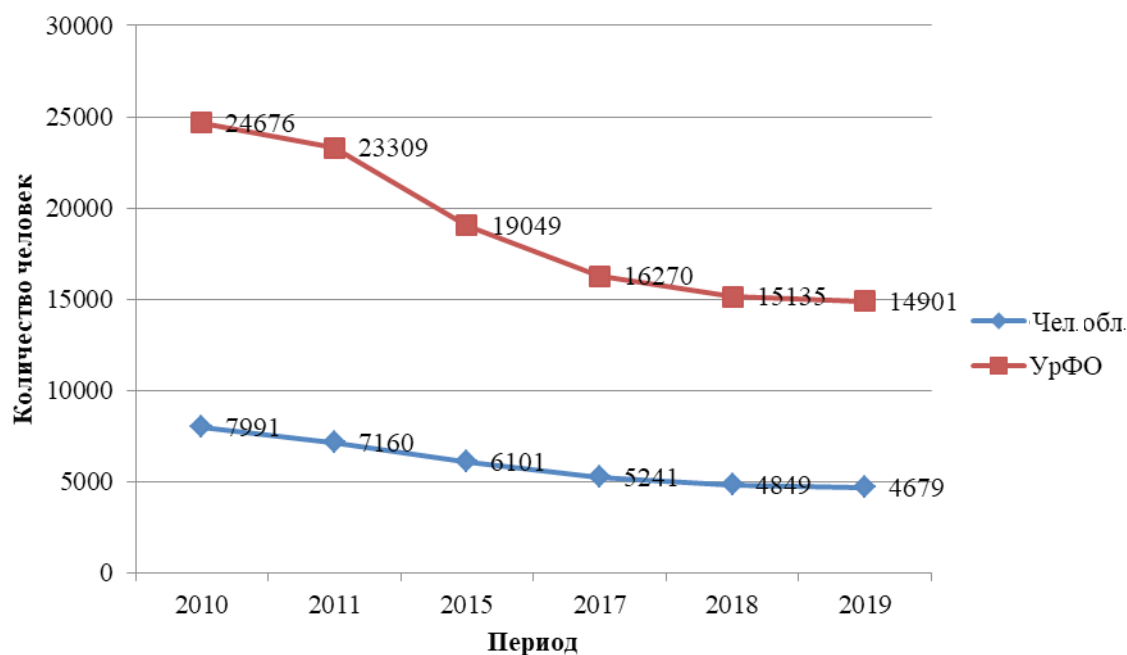

Рис. 1. Динамика численности* ППС организаций**, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры

* По данным на начало учебного года.

** По всем организациям — частным, муниципальным, государственным.

Источник: по данным Росстата [9].

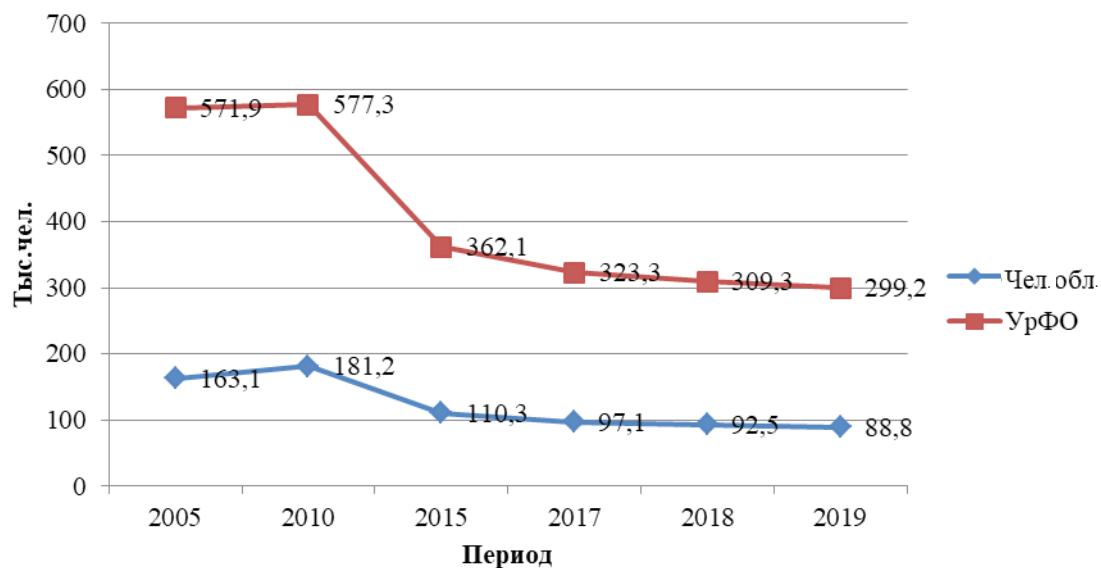

Рис. 2. Динамика численности студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры*

* По данным на начало учебного года. По всем организациям — частным, муниципальным, государственным.

Источник: по данным Росстата [9].

Логично предположить, что с сокращением численности студентов падает и выпуск. Причем падение выпуска несколько отстает от падения общей численности обучающихся. Динамика показана на рис. 3.

В Челябинской области падение выпуска началось с 2015 г. и за период 2015—2019 гг. составило 43,62%. В целом в Уральском федеральном округе падение началось уже с 2010 г. и с того года по 2019 г. составило 43,45%. За тот же период в Челябинской области падение составило 42,07%. При такой динамике можно смело говорить о сильном торможении в регионе процесса обновления квалифицированных кадров. Об этом же свидетельствует и ситуация, изображенная на рис. 4 и 5.

Сокращение числа аспирантов и в стране, и в УрФО началось с 2010 г., в Челябинской области — с 2011 г. Число аспирантов за период с 2010 г. упало почти вдвое: в Челябинской области — на 47,87% (с 2011 г. — и вовсе на 51,26%), на Урале — на 49,37%, в среднем по стране — на 53,52%. Число докторантов и вовсе упало почти в пять раз: в Челябинской области — на 78,57%, что отражает среднероссийскую картину — на 78,37%; на Урале падение составило 70,79%.

При всех негативных тенденциях, показанных на рисунках, численность организаций, выполнявших научные исследования и разработки, демонстрирует тенденцию к росту (рис. 6). Пик количества таких организаций как в Челябинской области, так и на Урале пришелся на 2015 г. С того года

мы наблюдаем падение показателя. Однако, если говорить о длительной динамике (с 2005 или же с 2010 г.), здесь налицо рост. Причем Челябинская область в этом отношении выглядит куда презентабельнее, нежели Урал и даже вся страна. Здесь рост с 2010 г. составил почти 35%, а с 2005 г. — все 55%. По стране с 2010 г. рост показателя составил 16%, на Урале — 23,19%.

Динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками, не является столь однозначной (рис. 7). С одной стороны, начиная с 2010 г. мы видим однозначный, пусть и медленный, но рост. Эти тенденции оказались актуальными как для нашей области, так и для всего Урала. Но если сравнивать значения любого года из исследуемого периода с 2005-м — то тут как раз видно падение. Но нужно сказать, что в сравнении со всей страной и даже с Москвой (табл. 2) Урал и его регионы выглядят по данному показателю существенно лучше.

Вопреки снижающемуся числу аспирантов и докторантов Урал демонстрирует неплохую динамику по числу исследователей с учеными степенями (рис. 8). С одной стороны, начиная с 2015 г. на Урале ученых стало меньше, но с 2010 г. виден неплохой рост. Челябинская область в этом плане выглядит еще лучше — с 2010 г. число исследователей с учеными степенями выросло аж в 2,25 раза. Такого роста нет ни в регионах-центрах (табл. 2), ни в целом по стране. В целом по стране и в Москве показатель упал. В Москве и вовсе на 16%.

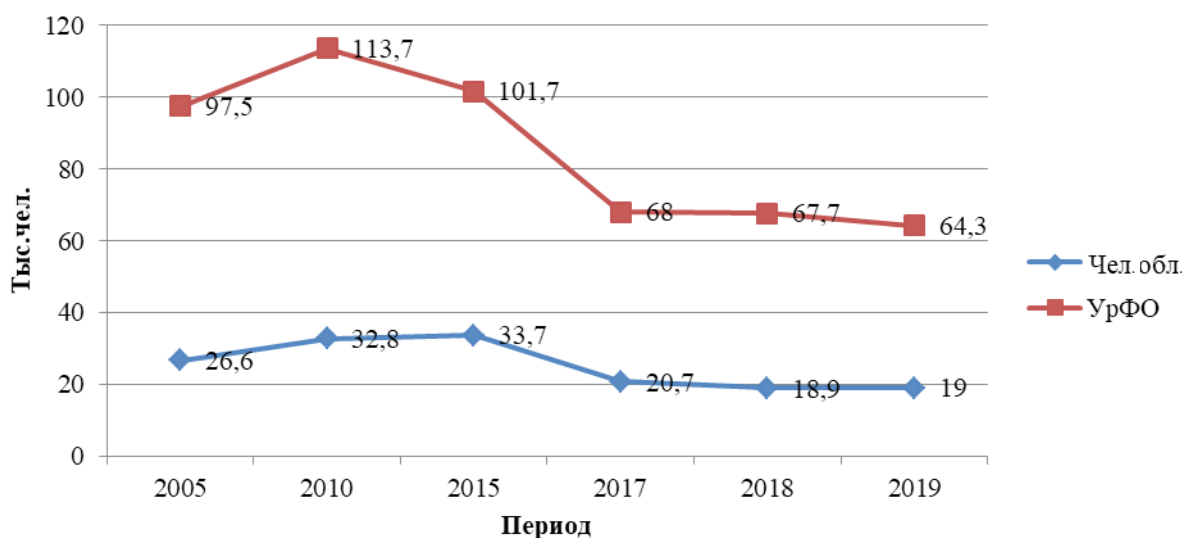

Рис. 3. Динамика выпуска бакалавров, специалистов, магистров*

* По всем организациям — частным, муниципальным, государственным.

Источник: по данным Росстата [9].

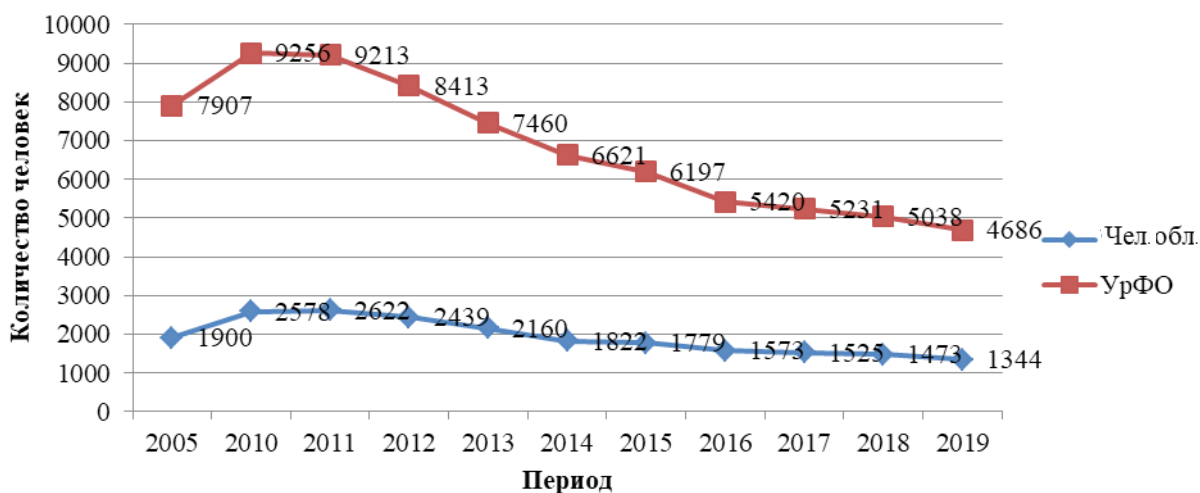

Рис. 4. Динамика численности аспирантов

Источник: по данным Росстата [9].

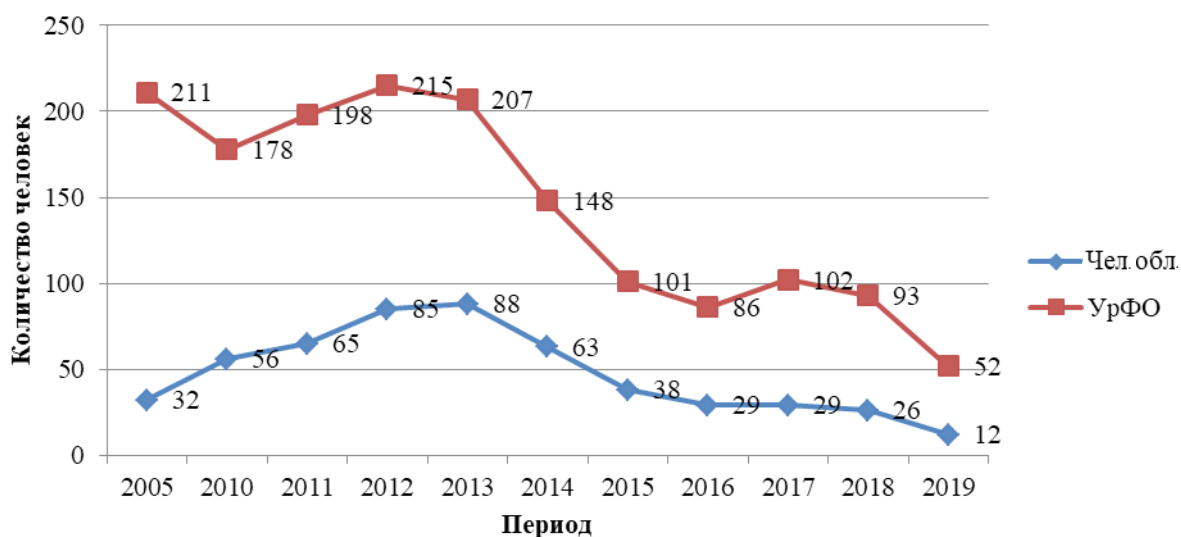

Рис. 5. Динамика численности докторантов

Источник: по данным Росстата [9].

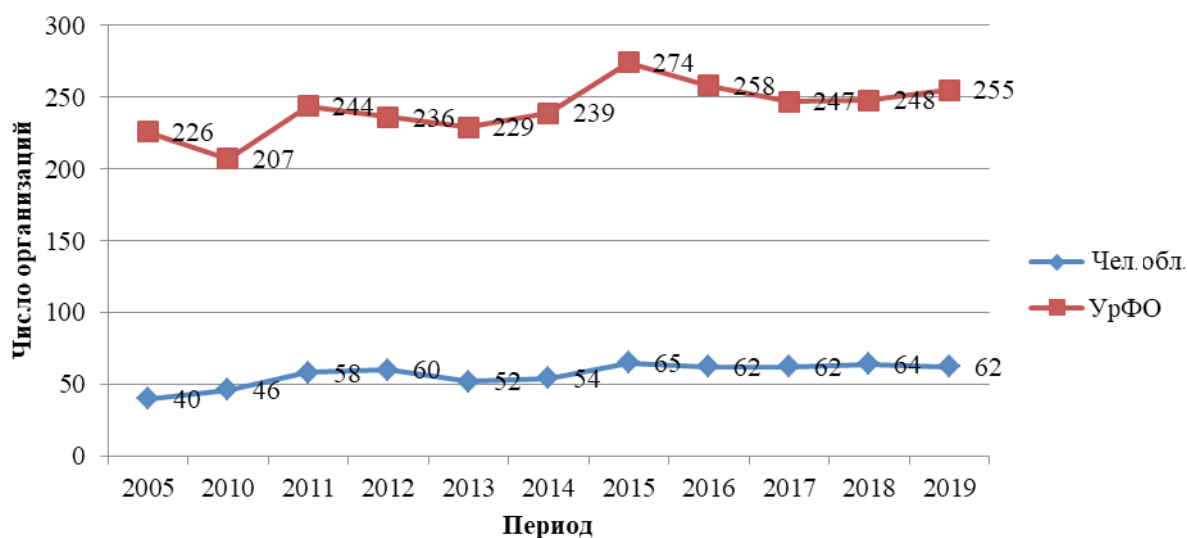

Рис. 6. Динамика численности организаций, выполняющих научные исследования и разработки

Источник: по данным Росстата [9].

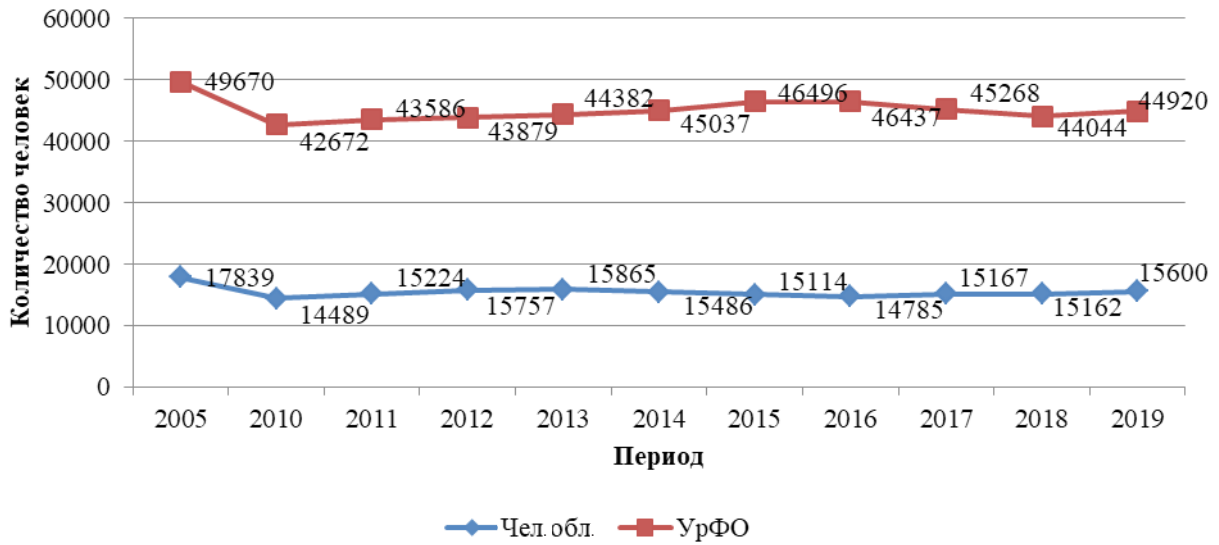

Рис. 7. Динамика численности персонала, занятого научными исследованиями и разработками
Источник: по данным Росстата [9].

Удельный вес докторов наук в общей численности исследователей с учеными степенями показан в табл. 1.

Удельный вес докторов наук в общем количестве «остепененных» ученых практически не меняется — ни в стране, ни на других исследуемых территориях. Однако, если говорить об абсолютных величинах — то опять же Урал здесь и особенно Челябинская область демонстрируют очень положительную тенденцию: в Челябинском регионе докторов наук с 2010 г. стало в 2,65 раза больше; на Урале рост составил 21 %, в Свердловской области — 10,65 %. Но в России и Москве наблюдается лишь падение (на 7,3 % и на 14,7 % соответственно).

Несмотря на рост затрат на научные исследования и разработки (Челябинская область здесь опять же лидирует — рост в 2,4 раза с 2010 г.), число выданных патентов все же падает (рис. 9 и 10).

В связи с тем, что по большинству показателей отрицательная динамика начинает проявлять себя с 2010 г., сопоставим индексы (по отношению к базовому году — 2010-му) всех исследуемых показателей за период 2010—2019 гг. Результаты приведены в табл. 2.

Вернемся к идее авторов монографии о связи экономического роста и индекса человеческого капитала [8]. Но индекс человеческого капитала как таковой мы не анализируем. Соотнесем дина-

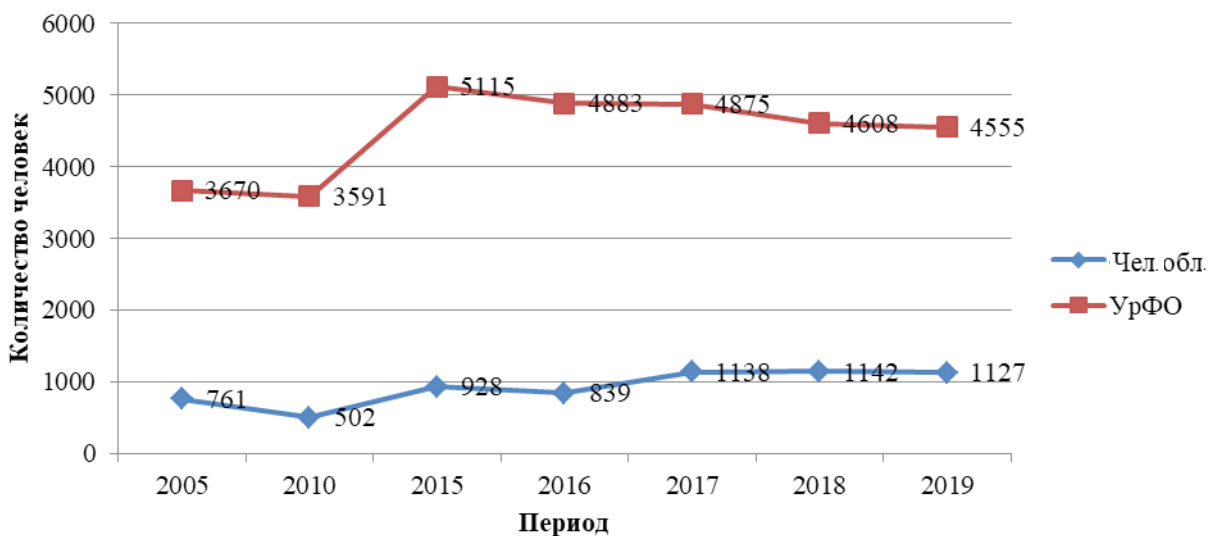

Рис. 8. Динамика численности исследователей с учеными степенями
Источник: по данным Росстата [9].

Таблица 1

Удельный вес докторов наук в общей численности исследователей с учеными степенями

Территория \ Годы	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Челябинская область	18,13	19,32	28,88	29,08	25,66	23,82	22,80
Свердловская область	23,27	26,11	23,43	23,78	24,08	24,46	24,51
Уральский федеральный округ	22,10	24,51	23,56	23,63	23,75	23,68	23,36
Москва	25,57	27,74	28,47	28,78	28,61	28,73	28,17
Российская Федерация	23,54	25,49	25,15	25,31	25,24	25,20	24,87

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [9].

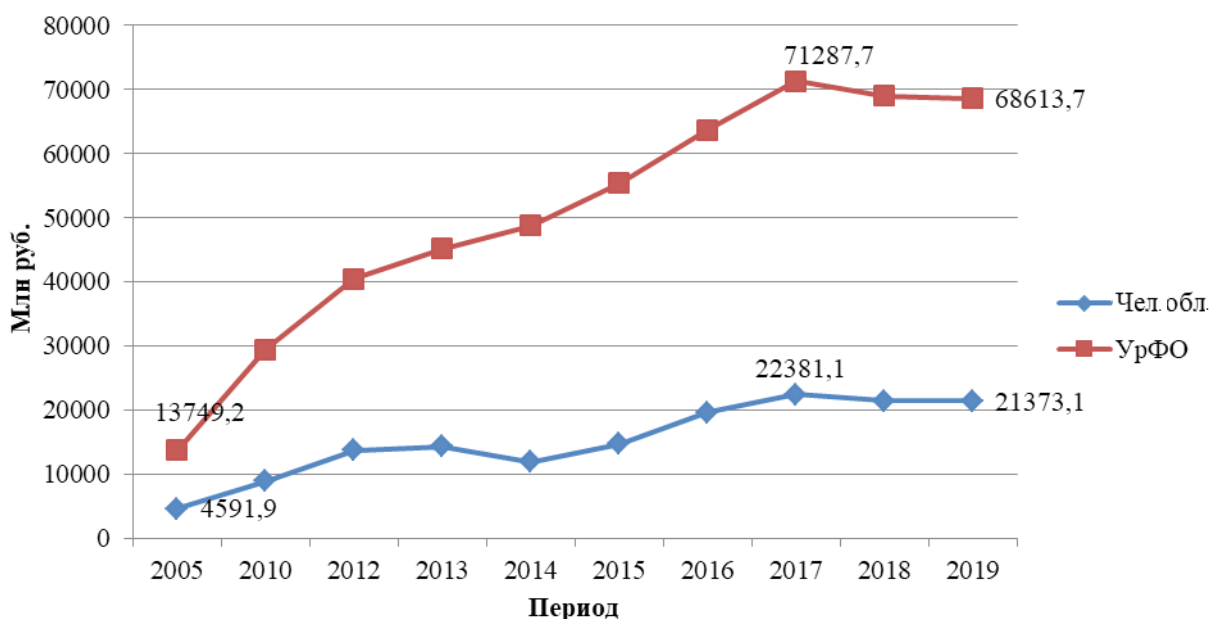

Рис. 9. Динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки

Источник: по данным Росстата [9].

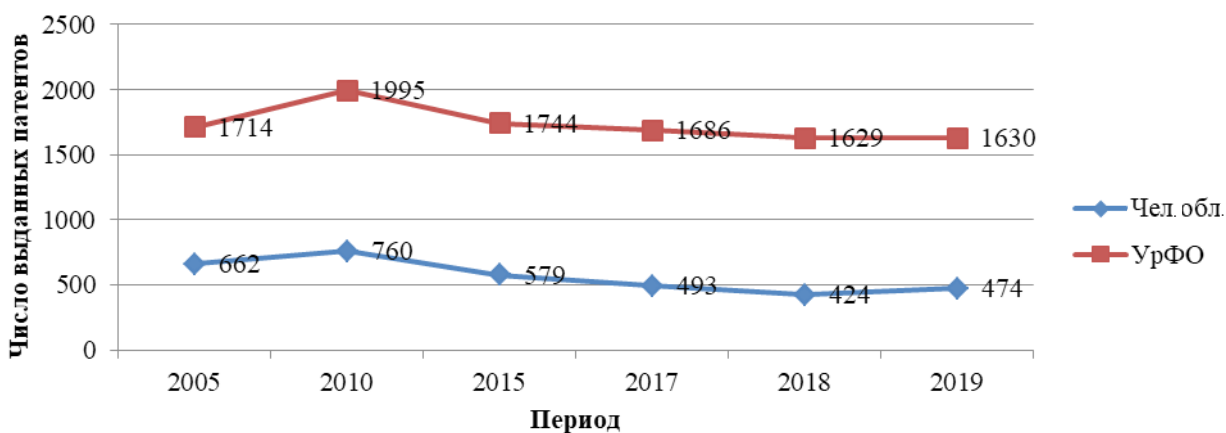

Рис. 10. Динамика количества выданных патентов *

* Суммарно — на изобретения и полезные модели.

Источник: по данным Росстата [9].

мику вышеуказанных десяти показателей и с индексом физического объема ВРП Челябинской области. Как таковой коэффициент корреляции рассчитывать не будем — ввиду неполного и недолгосрочного набора выборки. Однако даже простое сопоставление темпов роста реального ВРП с выбранными показателями за период 2010—2018 гг. позволяет сделать вывод, что связи нет. Индекс физического объема ВРП находился на уровне ниже 100 % лишь в 2015 и 2016 гг. Тем временем большинство исследованных показателей начиная с 2010 г. демонстрируют падение. Ситуация выходит следующая: реальный ВРП растет, а состояние научно-исследовательских сил региона лишь ухудшается, хотя и не по всем из исследуемых показателей. Безусловно, связь должна быть — но она не может себя проявить на таком коротком промежутке времени. Более того, научно-исследовательские силы должны длительный период «крепнуть», и лишь после длительной аккумуляции своей мощи эти силы могут дать толчок к реальному росту ВРП, причем отдача будет очевидна лишь спустя приличный временной лаг.

Важно понимать, что научно-исследовательские силы общества в частности и человеческий

капитал в целом — это факторы, производные от демографической составляющей. А последняя, в свою очередь, зависит от уровня здравоохранения. И если даже учесть, что Россия по уровню и качеству образования из 190 стран мира занимает 30-е место, то по смертности и продолжительности жизни — 100-е, а по качеству здоровья населения — аж 120-е [1]. И, несмотря на высокое качество образования и седьмое место по сумме патентов, для нашей страны характерна низкая эффективность использования человеческого капитала [2].

Конечно, негативная демографическая обстановка (притом уже длительная) является одним из ключевых факторов сокращения числа студентов высших учебных заведений, числа выпуска и числа профессорско-преподавательского состава. Но это лишь одна сторона вопроса. Можно предположить, что вторая причина столь удручающей динамики кроется в деформации «творческого духа», определяемой В. С. Бочко как «как положительный настрой человеческого разума (сознания) на поиск новых технических, технологических, организационных, финансовых, экономических и социальных приемов, способов и методов выполнения работы» [6].

Таблица 2

Соотношение исследуемых показателей 2019/2010

№	Показатель	Чел. обл.	Свердл. обл.	УрФО	Москва	РФ
1	Численность ППС организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	0,59	0,65	0,60	0,74	0,64
2	Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры	0,49	0,58	0,52	0,60	0,58
3	Выпуск бакалавров, специалистов, магистров	0,58	0,60	0,57	0,67	0,62
4	Численность аспирантов	0,52	0,57	0,51	0,55	0,54
5	Численность докторантов	0,21	0,35	0,29	0,26	0,22
6	Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки	0,95	1,24	0,93	0,99	0,97
7	Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	1,08	1,03	1,05	0,87	0,93
8	Численность исследователей с учеными степенями	2,25	1,18	1,27	0,84	0,95
9	Внутренние затраты на научные исследования и разработки	2,40	2,20	2,33	2,05	2,17
10	Выдача патентов	0,62	0,92	0,82	0,70	0,90

Источник: рассчитано автором по данным Росстата [9].

И действительно, сегодня приоритеты населения, как и студентов, и абитуриентов, и аспирантов в частности, смещены не в сторону повышения качества своего образования — порой даже направлены в противоположную от образовательной составляющей сторону. Творческий дух не может развиваться там, где приличная часть населения озабочена решением вопросов выживаемости.

О рисках деградации интеллектуальной элиты и непрозрачности будущего региональных университетов говорит и профессор В. И. Бархатов, руководитель нашей научной школы [5]. Как бы

мы ни назвали новый фактор экономического роста и регионов, и страны — «интеллектуальный котел» [5], «научно-исследовательские силы общества» [6], «человеческий капитал» [3; 4], — работать в полную силу и стать реальным двигателем экономического роста этот фактор сможет лишь в определенных условиях, для которых в первую очередь нужно решать вопросы демографического, здравоохранительного порядка, и не в последнюю очередь — уровня благосостояния граждан. Вопрос комплексный и очень непростой, но работать над ним нужно. На это, к сожалению, потребуется не один десяток лет.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 2. С. 4—18.
2. Аганбегян А. Г. О приоритетном развитии сферы экономики знаний // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 15—22.
3. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник социально-экономического роста // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 3 (145). С. 66—79.
4. Аганбегян А. Г. Человеческий капитал и его главная составляющая — сфера «экономики знаний» как основной источник // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 4 (146). С. 6—21.
5. Бархатов В. И. Жизнь как служение: к юбилею Учителя: собр. соч. к 75-летию В. И. Бархатова: в 4 т. Т. 1, ч. 1: Политэкономия развития России: взгляд из научной «глубинки»: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 163 с.
6. Бочко В. С. Научно-исследовательские силы общества и их развитие в регионах // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 644—658.
7. Бочко В. С. Необходимость сохранения и усиления российской науки // Труды IX Всероссийского симпозиума по экономической теории: сб. докл. секцион. заседаний. 2020. С. 11—14.
8. Приоритеты научно-технологического развития регионов: механизмы реализации: монография / Ю. Г. Лаврикова, В. С. Бочко, Е. А. Захарчук, В. Л. Берсенёв, М. И. Масленников, А. Ф. Суховой, И. М. Голова, В. В. Акбердина, Г. Б. Коровин, Д. В. Сиротин, А. З. Барыбина, М. Б. Петров, А. Ю. Даванков, Д. Ю. Двинин, П. А. Пыхов, О. В. Артемова, А. Н. Савченко, Н. В. Кривенко, О. П. Ковтун, М. А. Устюжанина [и др.]. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2020. 603 с.
9. Официальный сайт Росстата. Раздел «региональная статистика». URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения 21.09.2021).

Сведения об авторе

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 125—134.

THE SCIENTIFIC AND RESEARCH FORCES OF SOCIETY AS THE DRIVING FORCE OF ECONOMIC GROWTH OF THE TERRITORY

D. S. Benz

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

The research forces of society are the term that recently appeared in the scientific literature of the Urals. The article raises the issue of the human capital and its importance for the development of national and regional economies. The author demonstrates dynamics of indicators assessing the state of research forces. Also the author shows comparative dynamics of Urals and Chelyabinsk region indicators with similar indicators in the country, Sverdlovsk region (as a reference to the “center” of the Urals) and the city of Moscow. Negative dynamics are shown in relation to indicators such as the number of faculty; the number of students in universities; graduation of bachelors, specialists, masters; postgraduate and doctoral students; Issuance of patents. According to three indicators, the Chelyabinsk region, contrary to all-Russian trends, showed a positive dynamics: the number of staff engaged in scientific research and development; the number of researchers with degrees; internal research and development costs.

Keywords: *scientific and research forces of society, human capital, “intellectual cauldron,” intellectual elite, economic growth of the territory, Chelyabinsk region, Ural Federal District.*

References

1. Aganbegyan A. G. (2021) *Narodonaselenie*, vol. 24, no. 2, pp. 4—18 [in Russ.].
2. Aganbegyan A. G. (2021) *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii*, no. 1 (67), pp. 15—22 [in Russ.].
3. Aganbegyan A. G. (2017) *Ekonomicheskie strategii*, vol. 19, no. 3 (145), pp. 66—79 [in Russ.].
4. Aganbegyan A. G. (2017) *Ekonomicheskie strategii*, vol. 19, no. 4 (146), pp. 6—21 [in Russ.].
5. Barkhatov V. I. (2021) *Zhizn' kak sluzhenie: k jubileju Uchitelja: sobranie sochinenij k 75-letiju V. I. Barkhatova: v 4 t. T.1, ch.1: Politjekonomija razvitija Rossii: vzgljad iz nauchnoj “glubinki”*, vol. 1 (1) [in Russ.].
6. Bochko V. S. (2019) *Ekonomika regiona*, 15 (3), pp. 644—658 [in Russ.].
7. Bochko V. S. (2020) *Trudy IX Vserossijskogo simpoziuma po jekonomicheskoj teorii*. Pp. 11—14 [in Russ.].
8. Lavrikova Ju. G., Bochko V. S., Zaharchuk E. A. (2020) *Prioritety nauchno-tehnologicheskogo razvitija regionov: mehanizmy realizatsii*. 603 p. [in Russ.].
9. Rosstat. Available at: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics, accessed 21.09.2021 [in Russ.].

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК СРЕДА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Н. А. Гладкий

*Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского,
Донецк, Донецкая Народная Республика*

Представлено современное состояние социальной сферы Донецкой Народной Республики: приведены сведения о численности отдельных категорий социальных целевых групп, количестве субъектов социальной сферы (инфраструктура), размере государственной поддержки социально незащищенных слоев населения. Проанализирована динамика количества предприятий, на которых трудоустроены лица льготных категорий и инвалиды, ищущие работу, обратившиеся в центры занятости республики с целью содействия в подборе работы. Обоснована возможность и востребованность в регионе развития социального предпринимательства.

Ключевые слова: *социальная сфера, социальное предпринимательство, социально незащищенные группы населения, категории целевых групп.*

Развитие социально ориентированного государства, в котором эффективно решаются социальные проблемы, поощряется социальная активность бизнеса, а регулирование социальной сферы выступает важнейшим направлением социальной политики, предполагает формирование института социального предпринимательства, функционирование которого позволит сформировать механизмы социальной интеграции, обеспечения полной занятости, сокращения уровня бедности и повышения качества жизни населения. Принимая во внимание сложную социально-экономическую ситуацию в Донецкой Народной Республике, вопросы развития социального предпринимательства стоят особенно остро.

Исследованием теории и практики социального предпринимательства в Российской Федерации занимались такие ученые, как В. Жохова, Н. Зверева, И. Лаврова, Е. Мельник, А. Московская и др. Исследователи в своих трудах приходят к выводу, что «социальное предпринимательство в России находится на 4-м этапе своего институционального развития» [5. С. 4—6], при участии государства «в регионах активно создаются ресурсные центры поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [1], социальные предприниматели решают большой и непростой круг «социальных задач: от дошкольного образования до ухода за тяжелобольными людьми» [3]. Таким образом, социальное предпринимательство нацелено на те ниши социальной сферы, которым не уделяется достаточного внимания со стороны государства по тем или иным причинам.

В Донецкой Народной Республике разработана Программа восстановления и развития экономики и социальной сферы на 2021—2023 гг. [6], направленная на повышение качества и уровня жизни населения, развития малого и среднего предпринимательства.

Для понимания сложившейся ситуации в социальной сфере, как среде развития социального предпринимательства в Донецкой Народной Республике, проанализируем сведения о численности отдельных категорий социальных целевых групп, количестве субъектов социальной сферы (инфраструктуры), рассмотрим размер государственной поддержки социально незащищенных слоев населения.

На территории республики работают: 32 территориальных центра социального обслуживания (предоставления социальных услуг); 31 отдел по делам семьи и детей; 31 управление труда и социальной защиты населения. Функционируют 5 центров социальной реабилитации для детей-инвалидов и инвалидов и 2 отделения по социальной реабилитации детей-инвалидов при территориальных центрах социального обслуживания (предоставления социальных услуг); 5 детских социальных центров; 10 стационарных учреждений (дома-интернаты). В республике обеспечена непрерывная работа приюта для временного проживания и реабилитации бездомных лиц.

Непосредственную социальную помощь и поддержку социально незащищенным группам

населения оказывают социальные работники республики. Их количество варьируется по городам, что связано с различной концентрацией социально незащищенных граждан. В 2020 г. наибольшее количество социальных работников сконцентрировано в Донецке (31 %), Макеевке (14 %) и Горловке (11 %). На эти три города приходится 56 % всех социальных работников Донецкой Народной Республики. Следует отметить, что на протяжении 7 лет наблюдается определенная стабильность их количества в городах Торез (65 чел.), Харцызск (53), Шахтерск (64—73), Макеевка (170—172), Енакиево (33—37). По таким городам, как Донецк и Горловка, отмечается рост количества социальных работников с 2014 г.

Треть территориальных центров (ТЦ) социального обслуживания находится в Донецке, 5 центров — в Макеевке и 3 учреждения — в Горловке, в остальных населенных пунктах — по одному территориальному центру. Обращает на себя внимание то, что в этих же городах сосредоточены все три интерната для взрослых (дома престарелых). Единственный в республике интернат для больных детей, в том числе с особенностями физического и (или) психического развития, расположен в Шахтерске, а единственный в стране приют для временного проживания и реабилитации бездомных — в Донецке. На территории республики имеется шесть интернатов для инвалидов (взрослые), в том числе психоневрологические интернаты (по состоянию на 01.06.2017 в домах-интернатах

постоянно проживает 2114 чел., из них — 94 % являются инвалидами I и II групп)¹.

Функционируют в ДНР 7 специализированных учреждений для детей, нуждающихся в социальной реабилитации (в том числе 5 центров и 2 отделения при ТЦ в Енакиеве и Шахтерске). По состоянию на 1 ноября 2020 г. в реабилитационных центрах Донецкой Народной Республики состоят на учете для прохождения курсов реабилитации 432 чел., из них 346 — дети-инвалиды².

Существующая инфраструктура социальной сферы предназначена для оказания государством различного рода социальных услуг и социальной помощи наиболее уязвимым группам населения (социальным целевым группам).

Цифры, приведенные в табл. 1, свидетельствуют, что в Донецкой Народной Республике за семь лет, начиная с 2014 г., наблюдается рост малообеспеченной категории населения на 2,3 %. Значительное увеличение отмечается и по такой целевой группе, как «получатели материальной помощи», — с 10,9 тыс. чел. в 2016 г. до 223, 8 тыс. чел. в 2020 г., или более чем в 20 раз.

¹ Данные сайта Министерства труда и социальной политики ДНР (<http://mtspdnr.ru/index.php/8-frontpage/3549-funktsionirovanie-statsionarnykh-uchrezhdenij-sistemy-sotsialnoj-zashchity-naseleniya-donetskoj-narodnoj-respubliki>; дата обращения 17.02.2021).

² В республике работают 7 центров социальной реабилитации инвалидов (<https://vsednr.ru/v-respublike-rabotayut-7-centrov-socialnoj-reabilitacii-invalidov/>; дата обращения 17.02.2021).

Таблица 1

Сведения о численности отдельных категорий целевых групп в Донецкой Народной Республике, тыс. чел.

Категория	Годы							
	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Инвалиды (взрослые), всего, в том числе:	137,9	123,2	122,3	120,3	135,4	134,3	133,5	
— 1-й группы	12,6	11,4	10,9	11,0	12,1	11,9	11,7	
— 2-й группы	44,4	40,0	39,4	39,5	42,6	41,7	41,2	
— 3-й группы	80,9	71,8	72,0	69,8	80,7	80,7	80,6	
Дети-инвалиды	6,6	5,3	5,0	4,6	6,2	6,4	6,3	
Малообеспеченные и социально незащищенные люди, из них*:								
— малообеспеченные	13,0	21,0	19,3	7,3	10,3	11,6	13,3	
— получатели материальной помощи отдельным категориям лиц (выплат)			10,9	122,2	132,4	143,7	223,8	
Пожилые люди (пенсионеры)	512,9	653,4	679,7	680,9	675,1	669,8	658,8	

* Целевая группа показана отдельно по категориям.

Источник: составлено автором на основе данных Министерства труда и социальной политики ДНР.

Изучение распределения льготных и малообеспеченных слоев населения по городам республики позволяет констатировать, что основная масса данных социальных категорий сосредоточена в городе Донецке. Так, на столицу приходится треть (37%) инвалидов республики, около половины (43%) детей-инвалидов — 2,7 тыс. чел., 38% детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В Донецке отмечается достаточно значительная часть пожилых людей (пенсионеров) — 247,8 тыс. чел., или 37,6% от всех пенсионеров, проживающих в государстве; 35% получателей материальной помощи приходится на столицу; доля малообеспеченных граждан составляет 37,6% общего количества по республике, или 5 тыс. чел. Заметим, что эта цифра выросла более чем в 1,5 раза (1,79) по сравнению с 2014 г.

Государство поступательно увеличивает размеры социальных пособий для всех социально незащищенных категорий населения республики. Так, по сравнению с 2015 г. указами главы [7—11], практически в 7 раз была повышена социальная помощь на детей одиноким матерям (отцам), она составила в 2021 г. 6912 руб. (1000,0 руб. в 2015 г.). В два раза выросла финансовая помощь для детей-сирот, над которыми установлены опека или попечительство, и детей, воспитываемых в детских домах (9800 руб. в 2021 г. против 4400 руб. в 2015 г.). Существенно повысилась государственная социальная помощь детям-инвалидам и инвалидам с детства: с 2100—2400 руб. в 2015 г. до 6600—11 952 руб. в 2021 г., или более чем в 3—5 раз. Выросла помощь малообеспеченным семьям: с 2100 руб. до 3300 руб. в 2021 г. Выросла в 3,5 раза по сравнению с 2015 г. помощь инвалидам и лицам, не имеющим право

на пенсию: теперь она составляет 5520—6336 руб. в месяц. В 2 раза (с 2436 до 5760 руб.) увеличилось социальное пособие по уходу за инвалидом вследствие психического расстройства, а компенсация по уходу за инвалидом первой группы и престарелым, достигшим 80-летнего возраста, возросла на 470 руб., составив 500 руб. в 2021 г.

Если проанализировать социальные выплаты, то можно заметить, что в республике происходит постоянное увеличение размеров финансирования льготных и малообеспеченных слоев населения. Если ранжировать выплаты за 2020 год, то по объему финансирования выделяются следующие три группы:

1. «Государственная социальная помощь детям-инвалидам и инвалидам с детства» — 1145,4 млн руб. (21%).
2. «Государственная помощь на ребенка до достижения им трехлетнего возраста» — 949,5 млн руб. (17,6%).
3. «Государственная помощь на детей одиноким матерям (на каждого ребенка)» — 846 млн руб. (15,7%).

Их суммарная величина составляет более половины (54,3%) всего финансирования социальных выплат в республике в 2020 г. Заметим, что такая триада характерна практически для всего шестилетнего анализируемого периода.

Характеризуя социальную сферу как среду развития социального предпринимательства, нельзя не привести статистику количества предприятий, на которых трудоустроены лица льготных категорий и инвалиды, ищущие работу, обратившиеся в центры занятости республики с целью содействия в подборе работы (табл. 2).

Таблица 2

**Сведения о количестве предприятий,
на которые трудоустроены определенные социальные категории работников**

Целевая группа	Годы					
	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Инвалиды	125	374	333	217	141	110
Молодежь и взрослые в тяжелой жизненной ситуации*	1243	2477	2207	2033	2236	2034
Люди без места жительства и по отбытии наказания**	0	0	0	5	4	4
Долгосрочно безработные***	x	x	1848	1883	2937	2711

* Учет категории «молодежь и взрослые в тяжелой жизненной ситуации» в действующем законодательстве в сфере занятости населения не предусмотрен. Данные указаны по целевой группе «Молодежь в возрасте до 35 лет».

** Данные указаны по целевой группе «лица, освобожденные из мест лишения свободы».

*** Данные указаны по целевой группе «лица, которые перед обращением в центр занятости за содействием в подборе работы, более одного года не работали».

Источник: составлено автором на основе данных Министерства труда и социальной политики ДНР.

Как свидетельствуют данные табл. 2, количество предприятий, трудоустроивших инвалидов, варьируется на протяжении шести лет, начиная с 2015 г. Максимальное количество предприятий зафиксировано в 2017 г. — 374, минимальное в 2020 г. — 110 учреждений. Заметим, что начиная с 2016 г. количество предприятий, на которых работают инвалиды, постепенно снижается. Подобная ситуация наблюдается и по молодежи в возрасте до 35 лет (за исключением 2019 г.). Что касается лиц, освобожденных из мест лишения свободы, то только четыре субъекта хозяйствования трудоустроили данную целевую группу в 2020 г. Лица долгосрочно безработные трудятся на 2711 предприятиях республики, тогда как в 2017 г. таких субъектов насчитывалось 1848 (прирост составил 863 предприятия).

В республике функционирует социально ориентированное предприятие — Донецкий республиканский протезно-ортопедический центр, который занимается производством протезно-ортопедических изделий и ортопедической обуви. В 2020 г. центром было изготовлено и выдано льготным категориям населения продукции на общую сумму 109,85 млн руб.

Таким образом, изучение социальной сферы Донецкой Народной Республики: численности основных категорий целевых групп, субъектов социальной сферы (инфраструктуры), работающих с социально незащищенными целевыми группами, размера их государственной поддержки и социальных выплат — позволяет констатировать, что в республике имеются все предпосылки для развития социального предпринимательства.

Так, если сопоставить социально незащищенные группы населения, например численность инвалидов Донецка (4,5 тыс. чел. I группы) и отсутствие в городе дома-интерната для инвалидов, то вывод просматривается однозначный и соответствующий. Такая же ситуация характерна и по детям-инвалидам (2,7 тыс. чел. в Донецке в 2020 г.), в столице отсутствует специализированное учреждение для этой социальной группы. Более того, в Донецке функционирует только один интернат для взрослых (дом престарелых) и 398 социальных работников, тогда как в 2020 г. в городе зарегистрировано 247,8 тыс. престарелых граждан (622 пенсионера на одного социального работника). Особого внимания заслуживает ситуация с пенсионерами. Так, в республике по состоянию на 01.01.2019 из всех пенсионеров 303,9 тыс. чел., или 45,1 %, получали минимальную пенсию

(3194 руб.). При этом стоимость потребительской корзины на душу населения в 2019 г. составляла 6989 руб. [12]. В 2020 г. минимальную пенсию (4800 руб.) получают уже 12,7 % пенсионеров ДНР (84,6 тыс. чел.).

Таким образом, в республике необходима помощь со стороны общества, крупного бизнеса, предпринимателей таким социально незащищенным группам населения, как: инвалиды, малоимущие граждане, пенсионеры. Заметим, что внутри государства уже сложились определенные предпосылки развития социального предпринимательства, которые «могут активизироваться при создании во внешней среде экономических и социальных условий» [13. С. 110]. Однако, на наш взгляд, перечень данных условий следует расширить за счет включения политической, правовой составляющих и системы ценностей. Как справедливо замечает профессор В. Ю. Припотень, «с целью создания благоприятных условий для развития социального бизнеса необходимо юридическое признание различных организационно-правовых форм социальных предприятий. При этом социальные предприятия должны быть достаточно гибкими, что обусловлено наличием жестких законодательных границ, препятствующих их развитию» [14. С. 84]. Правомерность включения последней подтверждается и исследованиями профессора Ф. В. Кадола [См., напр.: 15—17], который делает вывод о том, что «для развития социального предпринимательства возрастает значение личностных социально-нравственных качеств и ценностей, что оказывает непосредственное воздействие на формирование его социально значимой направленности и составляет его методологическую доминанту в целом» [15. С. 23].

Нельзя не отметить и факторы, выступающие катализатором (факторы интенсификации), и факторы, сдерживающие развитие социального предпринимательства. Их достаточно полный перечень приводит в своем исследовании профессор В. Ю. Припотень и профессор Л. Е. Шульженко [18. С. 46—55]. Как констатируют авторы, «активизация развития социальных предприятий в регионе возможна при условии формирования соответствующего законодательства, а также привлечения государства и отечественных бизнес-организаций к финансированию таких предприятий» [18. С. 54—55]. При этом ученые в качестве основного фактора распространения социального предпринимательства (ссылаясь на опыт европейских стран) считают наличие экономической и нормативно-правовой

базы, а не рост социальных проблем в обществе. Однако исследование опыта социального предпринимательства в ряде европейских стран показало, что наличие проблем с законодательством не повлияло на его развитие. Более того, как утверждает Н. Поппель, начальник управления КСО ПАО «Северсталь» [19], «созрела необходимость преобразования системы оказания социальных услуг, что обусловлено, во-первых, сложной экономической ситуацией, падением уровня жизни и финансированием социальной сферы, вытекающим отсюда повышением спроса населения на социальные услуги, а во-вторых, расширением самого спектра услуг». Таким образом, отсутствие законодательства о социальном предпринимательстве не следует рассматривать в качестве основного фактора-тормоза его развития. Хотя оно, безусловно, значительно облегчает деятельность социальных предпринимателей.

В заключение следует констатировать, что состояние социальной сферы в Донецкой Народной Республике (наличие социальных и экологических проблем, недостаточное количество государственных субъектов социальной сферы, неспособность государства эффективно решать все возникающие в обществе социальные проблемы, качество и объем оказываемых государством социальных услуг не всегда в полной мере удовлетворяют потребителя, повышение спроса населения на социальные услуги и др.), сложившаяся экономическая ситуация (ограниченность финансовых ресурсов для поддержки социально незащищенных граждан), создают объективные условия для развития социального предпринимательства, призванного в значительной степени решить все накопившиеся острые социальные проблемы.

Список литературы

1. Жохова В. В. Социальное предпринимательство: сущность и понятие // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2015. № 1. С. 85—97.
2. Зверева Н. И. Атлас практик развития социального предпринимательства субъектами Российской Федерации. М., 2019. 65 с.
3. Лаврова И. Выгода и общество: как развивается социальное предпринимательство // Мой бизнес. 2019. № 1. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5dc192557a8aa936c82d2fed>.
4. Мельник Е. Н. Критерии и организационно-правовые формы социального предпринимательства // Вестник ВГУ. Сер.: Экономика и управление. 2020. № 1. С. 64—70.
5. Московская А. Актуальность социального предпринимательства в современном государстве // Мир социального предпринимательства. 2019. № 11. С. 3—8.
6. Программа восстановления и развития экономики и социальной сферы города Донецка на 2021—2023 гг. URL: <http://gorod-donetsk.com/programma-vosstanovleniya-i-razvitiya>.
7. Указ Главы Донецкой Народной Республики от 29 апреля 2015 года № 162 «Об организации назначения и выплаты социальных пособий на территории Донецкой Народной Республики». URL: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/4823/12639/>.
8. Указ Главы Донецкой Народной Республики от 15.12.2017 № 362 «О внесении изменений в Указ Главы Донецкой Народной Республики от 29 апреля 2015 года 162 (с изменениями и дополнениями)». URL: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/5646/>.
9. Указ Главы Донецкой Народной Республики от 28 июня 2019 года № 203 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Главы ДНР, регулирующие вопросы назначения и выплаты социальных пособий». URL: https://denis-pushilin.ru/doc/ukazy/Ukaz_N203_28062019.pdf.
10. Указ Главы Донецкой Народной Республики от 27.12.2019 года № 371 «О внесении изменений в некоторые нормативно-правовые акты Главы Донецкой Народной Республики, регулирующие вопросы назначения и выплаты социальных пособий». URL: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/8065/>.
11. Указ Главы Донецкой Народной Республики от 25.12.2020 года № 463 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Главы Донецкой Народной Республики, регулирующие вопросы назначения и выплаты социальных пособий». URL: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/9123/>.
12. Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад / кол. авт. ГУ «Ин-т экон. исслед.»; под науч. ред. А. В. Половяна, Р. Н. Лепы, Н. В. Шемякиной. Донецк, 2020. 260 с.

13. Петренко Е. С., Столяров Н. О., Витер К. А. Компаративный анализ ментальных моделей восприятия социального предпринимательства в России и Казахстане // *Экономические отношения*. 2019. Т. 9, № 1. С. 107—122.
14. Припотень В. Ю. Социальный бизнес в условиях развития социального предпринимательства // *Торговля и рынок*. 2018. № 3 (47), т. 1. С. 77—86.
15. Кадол Ф. В., Кадол Н. Ф. Нравственные аспекты социального предпринимательства: морально-этическое самосознание и чувство личного достоинства // *Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность*. 2020. Т. 1, № 1. С. 13—26.
16. Кадол Н. Ф. Гражданская ответственность социального предпринимательства в мировой практике // *Народная асвета*. 2020. № 5. С. 8—12.
17. Кадол Н. Ф. Институциональные основы развития социального предпринимательства: зарубежный опыт: монография. М.: МАКС Пресс, 2020. 140 с.
18. Припотень В. Ю., Шульженко Л. Е. Диагностика факторов интенсификации и препятствий развития корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства // *Сборник научных работ серии «Экономика»*. 2018. Вып. 12. С. 44—57.
19. Государство должно учитывать потенциал социального предпринимательства. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2961112>.

Сведения об авторе

Гладкий Никита Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма Донецкого национального университета экономики и торговли им. М. Туган-Барановского, Донецк, Донецкая Народная Республика. ngladkiy@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 135—141.*

SOCIAL SPHERE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AS AN ENVIRONMENT FOR THE SOCIAL ENTREPRENEURSHIP DEVELOPMENT

N. A. Gladkiy

*Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
Donetsk, Donetsk People's Republic. ngladkiy@yandex.ru*

The current situation of the social sphere of the Donetsk People's Republic is presented: information about the amount of certain categories of social target groups, the quantity of subjects of the social sphere (infrastructure), the sum of state support for socially unprotected segments of the population is provided. The dynamics of the amount of enterprises, which employ people of privileged categories and people with disabilities who are looking for work, who applied to the Republic employment centers in order to assist in the selection of work, have been analyzed. The possibility and demand for the development of social entrepreneurship in the region has been substantiated.

Keywords: *social sphere, social entrepreneurship, socially vulnerable groups of the population, categories of target groups.*

References

1. Zhokhova V. V. (2015) *The Far Eastern Federal University Journal. Economics and Management*, no. 1, pp. 85—97 [in Russ.].
2. Zvereva N. I., Besshaposhnikova E. N., Sidorova O. A., Panchetovskaya L. V., Shlykova O. V. (2019) *The Foundation for regional social programs "Our Future"*. 65 p. [in Russ.].
3. Lavrova I. (2019) *My business*, no. 1 [in Russ.].
4. Mel'nik E.N. (2020) *Voronezh State University Bulletin. Series: Economics and Management*, no. 1, pp. 64—70 [in Russ.].

5. Moscovskaya A. (2019) *World of social entrepreneurship*, no. 11, pp. 3—8 [in Russ.].
6. Programma vosstanovleniya i razvitiya ekonomiki i sotsial'noy sfery goroda Donetska na 2021—2023 gody [Program for the recovery and development of the economy and social sphere of the city of Donetsk for 2021—2023], Available at: <http://gorod-donetsk.com/programma-vosstanovleniya-i-razvitiya> [in Russ.].
7. Decree of the Head of the Donetsk People's Republic of April 29, 2015 No. 162 [On the organization of the appointment and payment of social benefits in the territory of the Donetsk People's Republic]. Available at: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/4823/12639/> [in Russ.].
8. Ukaz Glavy Donetskoy Narodnoy Respubliki ot 15 dekabrya 2017 goda № 362 “O vnesenii izmeneniy v Ukaz Glavy Donetskoy Narodnoy Respubliki ot 29 aprelya 2015 goda 162 (s izmeneniyami i dopolneniyami)” [Decree of the Head of the Donetsk People's Republic of December 15, 2017 No. 362 ‘On amendments to the Decree of the Head of the Donetsk People's Republic of April 29, 2015 162 (with amendments and additions)’. Available at: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/5646/> [in Russ.].
9. Ukaz Glavy Donetskoy Narodnoy Respubliki ot 28.06.2019 № 203 “O vnesenii izmeneniy v nekotoryye normativnyye pravovyye akty Glavy DNR, reguliruyushchiye poryadok naznacheniya i vyplaty sotsial'nykh posobiy” [Decree of the Head of the Donetsk People's Republic of June 28, 2019 No. 203 ‘On amendments to some normative legal acts of the Head of the DPR, regulating the appointment and payment of social benefits.’]. Available at: https://denis-pushilin.ru/doc/ukazy/Ukaz_N203_28062019.pdf [in Russ.].
10. Ukaz Glavy Donetskoy Narodnoy Respubliki ot 27 dekabrya 2019 goda № 371 “O vnesenii izmeneniy v nekotoryye normativnyye pravovyye akty Glavy Donetskoy Narodnoy Respubliki, reguliruyushchiye poryadok naznacheniya i vyplaty sotsial'nykh posobiy” [Decree of the Head of the Donetsk People's Republic of December 27, 2019 No. 371 ‘On amendments to some regulatory legal acts of the Head of the Donetsk People's Republic, regulating the appointment and payment of social benefits’]. Available at: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/8065/> [in Russ.].
11. Ukaz Glavy Donetskoy Narodnoy Respubliki ot 25.12.2020 № 463 “O vnesenii izmeneniy v nekotoryye normativnyye pravovyye akty Glavy Donetskoy Narodnoy Respubliki, reguliruyushchiye poryadok naznacheniya i vyplaty sotsial'nykh posobiy” [Decree of the Head of the Donetsk People's Republic of 25.12.2020 No. 463 ‘On amendments to some regulatory legal acts of the Head of the Donetsk People's Republic, regulating the appointment and payment of social benefits’]. Available at: <https://gb-dnr.com/normativno-pravovye-akty/9123/> [in Russ.].
12. Polovyan A. V., Lepa R. N., Shemyakina N. V., (2020) *Ekonomika Donetskoy Narodnoy Respubliki: sostoyaniye, problemy, puti resheniya: nauchnyy doklad* [Economy of the Donetsk People's Republic: state, problems, solutions: scientific report]. 260 p. [in Russ.].
13. Petrenko E. S. (2019) *Economic Relations*, vol. 9, no. 1, pp. 107—122 [in Russ.].
14. Pripoten V. Y. (2018) *Trade and Market: Scientific Journal*, vol. 1, no. 3 (47), pp. 77—86 [in Russ.].
15. Kadol F. V. (2020) *Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility*, vol. 1, no. 1, pp. 13—26 [in Russ.].
16. Kadol N. F. (2020) *Narodnaya asveta*, no. 5, pp. 8—12 [in Russ.].
17. Kadol N. F. (2020) *Institutional foundations for the development of social entrepreneurship: foreign experience*. 140 p. [in Russ.].
18. Pripoten V. Y. (2018) *Collection of scientific works of the series “Economics”*, vol. 12, pp. 44—57 [in Russ.].
19. Gosudarstvu sleduyet uchityvat' potentsial sotsial'nogo predprinimatel'stva [The state should take into account the potential of social entrepreneurship]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2961112> [in Russ.].

ОСОБЕННОСТИ ЭФФЕКТУАЛЬНОЙ ЛОГИКИ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ СОВРЕМЕННЫМИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ

Д. А. Плетнев, Т. В. Левикова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

Современные условия нестабильности и крайне низкой предсказуемости среды, в которой предприниматели ведут свою деятельность, делают особо актуальным применение «неклассических» приемов при планировании и непосредственно в работе. Одним из таких приемов, влияющих и на стратегический выбор, и на тактические решения, является эффектуальная логика (effectuation logic), которая противопоставляется традиционной, причинно-следственной. Цель статьи — показать, насколько важна эффектуальная логика принятия решений в бизнес-практике российских предпринимателей. С этой целью рассмотрены основные принципы эффектуации по С. Сарасвати, алгоритм эффектуации, предложенный С. Сарасвати и С. Ридом, а также проанализированы интервью ведущих российских предпринимателей, в которых они демонстрируют навыки использования различных принципов эффектуации в своей практической деятельности.

Ключевые слова: *принятие решений, эффектуальная логика, стратегическая логика в бизнесе, принципы эффектуации, С. Д. Сарасвати.*

Сегодня предприниматели принимают свои решения и вводят новшества совершенно иначе, чем это преподается в школах бизнеса и менеджмента. Чему нас учат: сначала нужно сфокусироваться на цели, а затем начать поиск средств для достижения поставленной цели. Правда, на практике происходит все наоборот: предприниматель начинает с оценки средств, которые он имеет, а затем конструирует воображаемые цели, что можно сложить и получить из этих средств. Это и есть эффектуальный подход к принятию предпринимательских решений.

С. Сарасвати в 2001 г. в своем труде «Причинность и эффектуация: На пути к теоретическому переходу от экономической неизбежности к предпринимательской непредвиденной ситуации» выделила эффектуальную логику при принятии решений, определяемую следующим образом: «определить набор средств, как данность и сосредоточиться на выборе между возможными целями, которые можно создать с помощью этого набора средств» [1]. Эффектуация описывает процесс, способный противостоять неопределенной и плохо структурированной среде, которая не позволяет предсказать будущее и опирается на идею: «Мы можем контролировать будущее настолько, что нам не нужно его предсказывать» [2].

С. Мирвахеди и Д. Пира также коснулись темы эффектуации в изучении проблемы выхода компаний на иностранные рынки. Компании, используя имеющиеся у них ресурсы и средства, начинают нерегулярно экспортировать и пробуют выход на зарубежные рынки. Они пытаются получить представление о рынке через сети, используют принцип допустимых потерь и общаются с заинтересованными сторонами, чтобы контролировать будущее и использовать непредвиденные обстоятельства в качестве рычага для получения новых возможностей. Исследуемые компании продемонстрировали тенденцию к внедрению эффектуального подхода на ранних этапах выхода на мировой рынок [3].

Важно подходить к принятию и анализу предпринимательских решений с научной точки зрения. На сегодняшний день в России разработка управленческих решений набирает обороты. Некоторые люди, предприниматели, менеджеры, могут использовать различные методы, даже не подозревая, что используют научный подход. Таким образом, необходимо изучать и расширять свои знания и знания подчиненных управленцев в данном вопросе, чтобы перейти к «умному» управлению компаниями [4].

Изучая проявления эффектуационной логики в поведении предпринимателей, Сара Сарасвати

со Стюартом Ридом и другими выделили пять принципов логики эффектуального действия [5; 6]:

1) принцип синицы в руке: начинай с тем, что имеешь;

2) принцип допустимых потерь: рискуй малым, отделявайся дешево;

3) принцип лоскутного одеяла: строим партнерские связи;

4) принцип лимонада: используйте случай;

5) принцип пилота и самолета: контроль, а не предвидение.

Рассмотрим каждый принцип подробнее.

Первый принцип — синица в руке (Bird-in-hand). Прежде чем выбрать цель, предпринимателю необходимо определиться, какими средствами он располагает на данный момент, на какие средства вы можете положиться для внедрения инноваций и разработки новых продуктов. Для этого достаточно ответить на следующие вопросы:

- Кто я? (что из себя представляет предприниматель, какими личностными качествами обладает)
- Что я знаю? (знания, умения, навыки)
- Кого я знаю? (окружение и связи)

Первым по важности средством является ваша личность, которая заставит вас двигаться в верном направлении. Второе средство, на которое вы можете положиться, — это ваше ноу-хау или ноу-хау вашей команды. Третий путь — это ваше окружение и связи, на которые вы сможете положиться. Но обладание какими-либо ресурсами не является ключом успеха, нужно умело ими распоряжаться.

После того как вы оценили свои сильные стороны, вам нужно подумать о том, что вы готовы потерять, выпуская новый продукт, и перейти ко второму принципу.

Принцип допустимых потерь (Affordable loss). При определении стратегии, как предприниматель, вы ожидаете определенных результатов, прибыли. При эффектуальном подходе нужно мыслить иначе. Здесь вы изначально готовите себя к приемлемому проигрышу. Один из важных факторов при определении стратегии в эффектуальной логике — это измерение риска, определение приемлемых потерь. Убыток может быть как финансовым (вложения), так и потерей времени (работая над одним продуктом, вы автоматически уделяете меньше времени другому). В рамках реализации риск должен быть измерен от источника проблемы, и прежде всего этот риск должен быть принят на себя, а не переложен на своих партнеров.

Третий принцип — это принцип лоскутного одеяла, или «сумасшедший пэчворк» (Crazy patch-

work quilt). Предприниматели, следующие причинно-следственной логике принятия решений, блестяще решают головоломки: как я могу победить конкурентов, как занять лучшую позицию на рынке? Однако эффектуальные предприниматели не ломают голову, они вместе с заинтересованными сторонами, которым они доверяют, создают альянсы, предварительно распределяя обязательства каждой стороны.

Сара Сарасвати выбрала образ лоскутного одеяла, потому что как одеяло объединяет очень разные куски ткани, так и вы должны собрать вокруг себя партнерскую сеть с любыми заинтересованными сторонами. Важный момент этого принципа — собрать вокруг себя максимум разных партнеров. Вы должны стать центром сети взаимоотношений, в которую войдут не только ваши клиенты, поставщики, но и третьи стороны.

На развивающихся или еще не появившихся рынках предприниматели не могут провести полноценный конкурентный анализ — проанализировать существующих или возможных конкурентов. Этот подход предполагает совместное создание ваших продуктов со всей цепочкой создания стоимости. Это означает, что нужно прислушиваться к отзывам клиентов, положительным, но прежде всего отрицательным, которые они отправляют вам. Эти отзывы позволят вам улучшить ваши продукты. Такой подход действительно беспроигрышный: вы будете продавать товары, которые действительно нужны вашим клиентам.

Принцип «лимонада» (Lemonade). Лимонад символизирует оппортунизм, который должен проявлять каждый предприниматель. Что вы будете делать, если вам дадут лимоны по цене 1 евро за кг? Предприниматель должен воспользоваться возможностью превратить лимоны и газированную воду в лимонад и продать его по 2 евро за литр. Вы получите больше дохода, делая лимонад, чем продавая одни лимоны.

Принцип здесь заключается в том, что вы должны использовать все возможности, которые доступны вам. Если идея работает не так хорошо, как ожидалось, то следует заменить ее на другую, более усовершенствованную. Этот принцип связан с предыдущим. Ваши поставщики, клиенты, партнеры могут быть источниками идей. Неопределенность и неожиданные ситуации рассматриваются как возможности, которые можно реализовать, то есть возникающие изменения среды воспринимаются как возможности, а не проблемы [7].

Последний, пятый принцип — принцип «пилота и самолета» (Pilot-in-the-plane). Предприниматель, следующий принципам эффектуации, должен научиться обходиться без прогнозов. Это может показаться сложным и совершенно нелогичным, но никто не может угадать будущее и каким будет рынок завтра или послезавтра. Напрасно делать прогнозы на рынке, который вы создаете: у вас нет конкретных элементов, чтобы предвидеть будущее. Единственное возможное планирование — это приемлемые потери, которые предусмотрены во 2-м принципе.

Эффектуальная логика — это подход, решительно обращенный к действию, а не к анализу. Предприниматель должен действовать, ошибаться, что-то исправлять, корректировать и делать это снова. Действие — это источник обучения. Конечный продукт будет логически отличаться от первой версии, предложенной вашим клиентам. Эффектуальные предприниматели — это деятели, которые влияют на ситуацию, а не «плывут по течению» [8].

Сара Сарасвати с профессором Стюартом Ридом и другими составила диаграмму процесса эффектуационного предпринимательства. В ней используются два цикла обратной связи. Циклы позволяют проанализировать ценностные средства, создать цель, протестировать идею на окружении и скорректировать курс дальнейшего развития (см. рисунок на с. 145).

Идея после повторного запуска цикла становится более ясной, цикл помогает предпринимателю перейти от размышлений к действию. На диаграмме показан процесс исследования идеи, каждый этап определяет, кто вы есть и что вы знаете, что вы можете сделать. Необходимо обращать внимание на окружение, предлагать знакомым людям попробовать, ведь именно они ваши потенциальные клиенты в первое время. Отдельное внимание нужно уделить обратной связи. Ранняя обратная связь поможет не только положить конец тупиковой идее, но и развить идею во что-то более гениальное и рабочее.

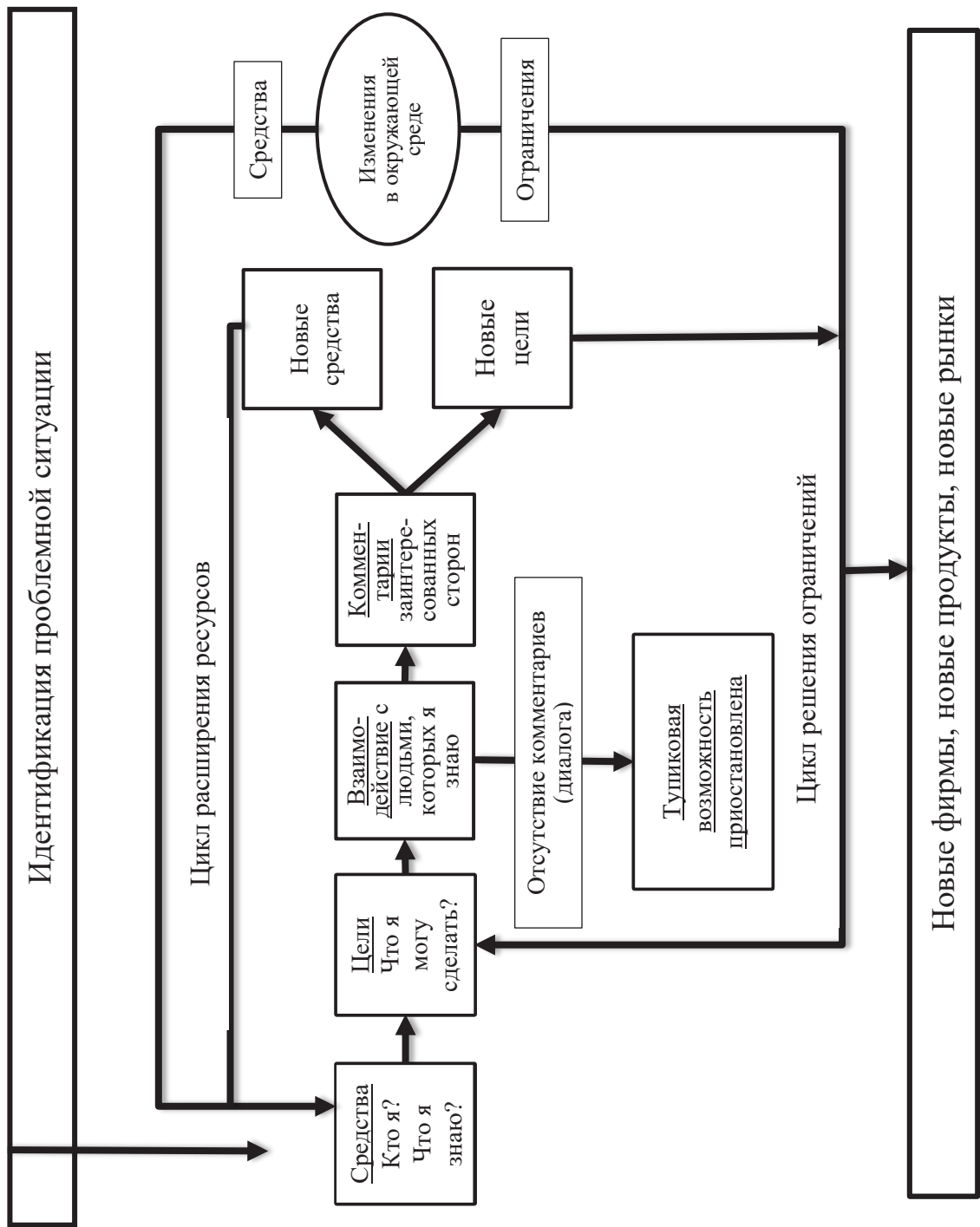
Поиск заинтересованных сторон способствует дальнейшему укреплению вашей сети (создание лоскутного одеяла из вашего окружения). Этот путь приводит к приобретению больших средств для реализации вашей идеи. Ключевые партнеры могут привести предпринимателя к совершенно новому набору целей или средств. Обратная связь улучшает продукт и знания о клиентах. Сеть, растущая за счет рекомендаций, значи-

тельно увеличивает охват нового предприятия и может помочь новому бизнесу выйти на более широкие рынки.

Когда предприниматель обходит цикл, он получает обратную связь от клиентов, отбрасывает плохие идеи, привлекает заинтересованных лиц и ставит новые цели. Благодаря этому циклу идеи воплощаются в жизнь, и в конечном итоге создаются новые фирмы, новые продукты или даже новые рынки. Это и есть процесс эффектуации.

Многие бизнесмены следуют эффектуационной логике. Нами были проанализированы восемь интервью российских предпринимателей таким известным изданиям, как *Forbes* и «Секрет фирмы», а также менее известным, но не менее значимым: «Репортер-НН» и «Локо-Банк журнал». Интервьюируемые работают в разных сферах: реклама, сеть розничных магазинов и интернет-магазинов, заведения общественного питания и трейдинг. В таблице (с. 146—147) представлены цитаты предпринимателей и факты из их деятельности, подтверждающие следование принципам эффектуационной логики принятия решений.

Эффектуальная логика показывает свои преимущества в нестабильной, плохо предсказуемой и неуправляемой среде, и среда, в которой работают российские предприниматели, подходит под это описание очень хорошо. Подробные стратегии, основанные на планах и способах их достижения, оказываются неэффективными перед лицом новых вызовов, и пандемия COVID-19 показывает это в полной мере. Обратная же логика, основанная на распоряжении имеющимися ресурсами, поднятая на уровень стратегии, позволит быть готовым к непредвиденным изменениям и извлекать из них выгоды для компании. По этой причине к имеющимся и популярным сегодня ([11—13]) типам стратегий следует добавить «эффектуальную», сохраняющую в своей основе предпринимательский тип мышления, но встроенную в корпоративные стандарты. И такие процессы уже начались. В частности, набирает популярность идеологический подтип классической стратегии, декларирующий общие, разделяемые ценности. Однако это только первый шаг, и эффектуальные принципы еще не в полной мере легитимизированы как элемент стратегического планирования. Для этого они, безусловно, должны получить более традиционные названия, обрасти большим числом успешных кейсов, приобрести больше сторонников в профессиональном сообществе. Однако за этим — будущее.

Алгоритм эффективности

Источник: составлено авторами на основе [8].

Принципы эффектуации на практике

Принцип	Бизнесмен	Чем знаменит	Цитата / факт из бизнес-практики
Синицы в руке	Евгений Бутман	Основатель группы компаний ECS (дистрибутор Apple в России) и сети магазинов ge:Store	«Мы оценили свои возможности и создали новую модель сервиса для розницы. Предложили премиальным брендам услугу по созданию и управлению брендовыми зонами в торговых центрах и монобрендовыми магазинами. Мы делали это для Sony, Nokia, Lego...» ¹
	Роман Вишневский	Треjder, основатель трейдинговой компании United Traders	Работая в компании Swift Trade, Вишневский разработал собственную торговую стратегию, которая получила на рынке название layering — «наслоение». А в 2009 г. создал вместе с Дмитрием Белоусовым и Анатолием Радченко United Traders (проп-трейдинг — алгоритмическая торговля), услугами которой пользуются сотни трейдеров ²
Допустимых потерь	Дмитрий Кибкало	Основатель и со-владелец сети «Мосигра» и ресторана быстрого питания «Браво»	Бизнес — это игра, потому что он не вся жизнь. Он может закончиться, а затем начаться снова. Жизнь — она одна. Совершив в ней серьезную ошибку, назад уже не отмотаешь. А в бизнесе — прогорел, заново запустился; есть разные уровни сложности, разные правила — можешь играть по ним или жульничать ³
	Максим Сухарев	Один из основателей рекламного агентства Avocado Media	«Пока ты новая компания, тебе нужно наработать пул клиентов, и зачастую, чтобы его собрать, ты иногда работаешь в минус. Да, по некоторым клиентам мы тоже работаем себе в минус, при этом зарабатывая на других. Но это рынок. Так делают все» ⁴
Лоскутного одеяла	Олег Бериев	Президент брендингового агентства Mildberry	«Бизнес всегда начинается с кем-то. В одиночку никто ничего не делает. Предлагаешь знакомому, другу, товарищу. Разумным кажется делить доли 50 на 50. Вот с этого все и начинается» ⁵
	Дмитрий Салихов	Основатель компании i'way	«При этом начинающий предприниматель не имел даже личного авто, но сумел договориться со своими друзьями автоладельцами». «У Димы был день рождения. Денег у меня не было, поэтому и подарить ему было нечего. Тогда я сказал: «Хочу подарить тебе процент в своей компании». Он в ответ: «Что это еще за фигня?!» Теперь он периодически вспоминает этот подарок. А иначе и быть не могло — мы же друзья», — рассказывает Дмитрий Салихов. В 2009 г. он подарил другу детства Дмитрию Сарайкину 40 % компании, которая сегодня оценивается в 30 млн долл. ⁶
Лимонада	Всеволод Страх	Основатель интернет-магазина «Сотмаркет»	«Наверное, хорошо, что до 2009 г. мы набивали шишки, а с 2009 г. мы начали разрабатывать свою учетную систему, в которую мы заложили все проблемы, которые у нас возникли за предыдущие три года. Мы ее разрабатываем до сих пор». Сейчас «Сотмаркет» принимает более 5000 заказов в день, а Всеволод до сих пор лично следит за отзывами клиентов ⁷
	Анастасия Татулова	Основательница сети семейных кафе «АндерСон»	«Да, мы невозможное совершили. Теперь “АндерСон” — совсем другая компания. Потому что бизнес рухнул, и мы начали пересобирать его заново. ...С другой стороны, может, это и неплохо, потому что старое уже развалилось и склеивать его бесполезно. Есть смысл выстраивать новое. Мы стали бежать быстрее: встали в сети, например. Мы учимся работать с сетями, чего раньше не умели. ...Сейчас “АндерСон” учится бежать очень быстро с минимальной командой. У нас много планов, проектируем новую фабрику, планируем выходить с продукцией на другие рынки» ⁸

Окончание таблицы

Принцип	Бизнесмен	Чем знаменит	Цитата / факт из бизнес-практики
Пилота и самолета	Анастасия Татулова	Основательница сети семейных кафе «АндерСон»	«На самом деле иногда, в минуты отчаяния, когда мне кажется, что у меня совсем ничего не получается, я думаю: ну, все-таки благодаря мне в этом городе появилась огромная индустрия. И кроме этой индустрии, город тоже начал заниматься детьми: появились площадки, появились туалеты в детских парках, какие-то пеленальные комнаты. Раньше ничего этого не было. Это постепенно начиналось с “АндерСон”, а сейчас этого вправду уже очень много, и это здорово» ⁹
	Борис Александров	Предприниматель, президент группы компаний «Ростагро-комплекс», создатель бренда «Б. Ю. Александров» по выпуску глазированных сырков высокого качества	«Все говорят: “Удача, удача...” А я заметил: когда я что-то начинаю делать, ко мне и приходит удача. Надо вкалывать. Вкалывать и вкалывать. Потом я не люблю выражение “я люблю заниматься тем, что мне нравится”. Я всегда придерживаюсь противоположной точки зрения. Нужно сделать так, чтобы то, чем ты занимаешься, тебе нравилось! Если я занимаюсь молочным бизнесом, как только я выхожу на рынок и делаю достойный товар, мне это начинает нравиться» ¹⁰

¹Статья в журнале Forbes от 26.06.2014 (<https://www.forbes.ru/svoi-biznes/master-klass/260949-est-riski-kotorye-ty-sam-beresh-est-riski-kotorye-tebe-prinosyat?page=0,0>).

²Статья в журнале Forbes от 27.06.2013 (<https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes-photogallery/241341-million-do-33-let-9-molodyh-predprinimateley-sozdavshih?photo=6>).

³Репортер-НН от 25.02.2018 (https://reporter-nn.ru/интервью/kibkalo_283/).

⁴Локо-Банк Журнал от 24.12.2019 (<https://www.lockobank.ru/articles/biznes/byt-predprinimatelem-tyazhelo-no-kruto/>).

⁵Статья в журнале Forbes от 26.06.2014 (<https://www.forbes.ru/svoi-biznes/master-klass/260949-est-riski-kotorye-ty-sam-beresh-est-riski-kotorye-tebe-prinosyat?page=0,0>).

⁶Журнал «Секрет фирмы» от 25.11.2015 (<https://secretmag.ru/business/trade-secret/iway.htm>).

⁷Roem.ru от 26.02.2013 (<https://roem.ru/26-02-2013/136008/vsevolod-strah-v-7-klasse-ya-boyalsya-chto-nemogu-zarabatyvat/>).

⁸Журнал Forbes от 17.08.2020 (<https://www.forbes.ru/karera-i-svoy-biznes/406943-eto-sistema-kotoraya-zhret-sama-sebya-anastasiya-tatulova-ob-itogah>).

⁹Журнал Forbes от 21.01.2021 (<https://www.forbes.ru/biznes/416839-ya-ne-ochen-udobnyy-chelovek-anastasiya-tatulova-o-slozhnom-polozhenii-biznesa-rabote>).

¹⁰РБК от 26.04.2017 (https://www.rbc.ru/own_business/26/04/2017/592f4e1c9a7947a4d6a39cdb).

Примечание: составлено авторами.

Список литературы

1. Sarasvathy S. D. Causation and Effectuation: Toward a Theoretical Shift From Economic Inevitability to Entrepreneurial Contingency // *Academy of Management Review*. 2001. № 26-2. P. 243—288.
2. Grégoire D. A., Cherchem N. A structured literature review and suggestions for future effectuation research // *Small Business Economics*. 2020. № 54. P. 621—639.
3. Mirvahedi S., Pira D. Investigation of Entrepreneurs' Decision-making Logic while Entering Foreign Markets Based on Effectuation and Causation // *Journal of Business Management*. 2020. № 11 (4), P. 992—1013.
4. Бархатов В. И., Плетнев Д. А., Биткулова З. С. К вопросу об идеологии, методологии и технологиях разработки управленческих решений в российских корпорациях // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013. № 32. Экономика. С. 69—76.

5. Sarasvathy S. D. *Effectuation: Elements of entrepreneurial expertise*. Edward Elgar Publ., 2009.
6. Широкова Г. В., Ласковая А. К. Концепция эффектуации: этапы развития и основные направления исследований // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2014. № 2. Менеджмент. С. 3—38.
7. Кадиров Н. Т., Филиппов В. В. Логика принятия решений студентов-предпринимателей: эффектуация или каузация // *Российское предпринимательство*. 2018. № 2. С. 519—536.
8. Read S., Sarasvathy S. D. Knowing what to do and doing what you know: Effectuation as a form of entrepreneurial expertise // *The Journal of Private Equity*. 2005. № 1. P. 45—62.
9. Sarasvathy S. D. Causation and effectuation: Toward a theoretical shift from economic inevitability to entrepreneurial contingency // *Academy of management Review*. 2001. № 2. P. 243—263.
10. Sarasvathy S. D. Effectual reasoning entrepreneurial decision-making: existence and bounds // *Academy*. 2001. № 1. P. 1—6.
11. Николаева Е. В., Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Идентификация стратегий российских корпораций: маркеры и результаты // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2021. Т. 14. № 3. С. 73—85.
12. Николаева Е. В. Пространство стратегий предприятия // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 3 (449). С. 46—53.
13. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. О стратегии и тактике // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 3 (449). С. 7—9.

Сведения об авторах

Плетнев Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Левикова Татьяна Владимировна — студентка кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tata_levikova2000@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences*. Iss. 75. Pp. 142—149.

EFFECTUATION DECISION-MAKING LOGIC BY MODERN ENTREPRENEURS

D. A. Pletnev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

T. V. Levikova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tata_levikova2000@mail.ru

Contemporary conditions of instability and extremely low predictability of the environment in which entrepreneurs conduct their activities make it especially relevant to use non-classical techniques in planning and, directly, in work. One of these techniques influencing strategic choices and tactical decisions is effectuation logic. It is opposed to traditional causation logic. The purpose of the article is to show how important the effective logic of decision-making is in the business practice of Russian entrepreneurs. For this purpose, the main principles of effectuation according to S. Saraswati, the effectuation algorithm proposed by S. Saraswati and S. Reed are considered, and interviews with leading Russian entrepreneurs are analyzed. The skills of using principles of effectuation in their practice are demonstrated.

Keywords: *decision making, effectuation logic, strategic business logic, principles of effectuation, S. D. Sarasvathy.*

References

1. Sarasvathy S. D. (2001) *Academy of Management Review*, 26, 2, 243—288.
2. Grégoire D. A., Cherchem N.A (2020) *Structured literature review and suggestions for future effectuation research. Small Business Economics*, 54, 621—639.

3. Mirvahedi S., Pira D. (2020) *Journal of Business Management*, 11 (4), 992—1013 [in Persian].
4. Barkhatov V. I., Pletnev D. A., Bitkulova Z. S. (2013) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 32, pp. 69—76 [in Russ.].
5. Sarasvathy S. D. (2009) *Effectuation: Elements of entrepreneurial expertise*. Edward Elgar Publ.
6. Shirokova G. V., Laskovaya A. K. (2014) *Vestnik St. Petersburg universiteta*, no. 2, pp. 3—38 [in Russ.].
7. Kadirov N. T., Filippov V. V. (2018) *Russian Journal of Entrepreneurship*, no. 2, pp. 519—536 [in Russ.].
8. Read S., Sarasvathy S. D. (2005) *The Journal of Private Equity*, no. 1, pp. 45—62.
9. Sarasvathy S. D. (2001) *Academy of management Review*, no. 2, pp. 243—263.
10. Sarasvathy S. D. (2001) *Academy*, no. 1, pp. 1—6.
11. Nikolaeva E. V., Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2021) *Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences*, vol. 14, no. 3, pp. 73—85 [in Russ.].
12. Nikolaeva E. V. (2021) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 3 (449), pp. 46—53 [in Russ.].
13. Barkhatov V. I., Pletnev D. A. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 7—9 [in Russ.].

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА В РОССИИ

И. В. Круглов, А. Е. Кисова

Липецкий государственный технический университет, Липецк, Россия

На основе статистических данных предпринята попытка диагностирования основных проблем и перспектив развития международного туризма в России за последнее десятилетие. Проведен историко-генетический и логический анализ социальных инноваций. Показано место России в рейтинге конкурентоспособности туризма и путешествий. Изучены объективные и субъективные факторы, влияющие на условия функционирования российского туризма на международной арене. Использование структурно-динамического анализа туристических потоков позволило выявить основные проблемы развития международного туризма в России.

Ключевые слова: *туризм, международный туризм, туристские услуги, туристические потоки, показатели развития международного туризма.*

Международный туризм в России входит в число ведущих экспортных отраслей. «Он стал одной из важнейших составляющих экономик большинства стран мира. Туристическая отрасль — это мировой лидер среди секторов экономики по количеству рабочих мест, который имеет прогрессирующий тренд» [8. С. 108]. Предпринятые Россией меры по стимулированию международного туризма привели к улучшению ряда показателей: выросла доля граждан, совершающих международные туристические поездки, повысилась конкурентоспособность международного туризма в России в международном рейтинге стран. По объему расходов на международный туризм в 2020 г. Россия занимает 7-е место в мире в рейтинге стран-лидеров по международному туризму [4]. Однако нерациональное соотношение цены и качества на ряд видов международного туризма, высокие транспортные затраты, сложная система получения виз, пандемия тормозят развитие международного туризма в России.

Практическая необходимость и экономическая целесообразность развития международного туризма для экономики России обусловлена тем, что он является весомым источником валютных поступлений в бюджет государства. При этом необходимо восстанавливать ресурсную базу международного туризма в России с учетом потребления водных, климатических, лесных рекреационных ресурсов, что позволит улучшить их возобновление, охрану за счет оптимального финансирования. Значение международного туризма нельзя недооценивать как для отдельного региона, так и для страны в целом [11].

При этом существует теоретическая необходимость в уточнении содержания самого определения «международный туризм».

Основные подходы различных авторов к содержанию понятия «международный туризм» представлены в табл. 1.

На основе этих подходов можно сделать вывод о том, что международный туризм — это туризм выездной или въездной, связанный с пересечением туристами государственных границ с туристическими целями без занятия оплачиваемой деятельностью в месте временного пребывания.

Для последующей аналитической оценки роли международного туризма в структуре доходов РФ необходимо:

- Во-первых, провести его классификацию по следующим признакам:

- выездной и въездной (путешествия за пределы страны как основа классификации);

- активный и пассивный туризм, в зависимости от влияния на платежный баланс, то есть экономическая характеристика (активный связан с притоком/поступлением валюты в бюджет, пассивный — наоборот) [6].

Международный туризм делится на несколько подвидов: событийный, лечебно-оздоровительный, спортивный, экологический, деловой, религиозный, а также свадебный туризм, экологический, рекреационный и др.

Также его можно классифицировать по следующим признакам в зависимости от назначения: по целям поездки, по срокам, по средствам передвижения, по средствам размещения, по стоимос-

Таблица 1

Подходы авторов к сущности и содержанию понятия «международный туризм»

Авторы	Определение явления «международный туризм»
В. А. Багирян [5. С. 147]	Международный туризм — особый вид международной торговли услугами, характерная форма туризма, связанная с пересечением туристами государственных границ и соблюдением различных туристских формальностей (визовых, паспортных, таможенных, санитарно-эпидемиологических)
Авторский коллектив Allravel.Ru [10]	Международный туризм — это поездки с туристическими целями за пределы страны постоянного жительства. Это система путешествий, осуществляемая на основе международных договоров с учетом действующих международных обычаев
ФЗ от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ» [18. С. 1]	Туризм международный — туризм выездной или въездной
А. В. Пустовит [15. С. 331]	Международный туризм — это система обменов и путешествий, осуществляющаяся на основе межгосударственных договоров с учетом действующих международных норм
А. А. Есиева [6. С. 1239]	Международный рынок туристских услуг представляет собой один из видов туризма, ему присущи все те же признаки, в то же время он имеет свои особенности в связи с его международным характером

Примечание: составлено авторами на основе данных анализа научных подходов.

ти поездки, по возрастному составу, по сезону, по численности участников, по методу проведения.

• Во-вторых, определить основные показатели развития международного туризма. К ним, в частности, относятся:

- объем туристского потока;
- величина туристских расходов;
- состояние и развитие материально-технической базы;
- показатели финансово-экономической деятельности;
- показатели развития международного туризма.

Используя вышеизложенные теоретические моменты, предпримем попытку диагностировать

проблемы и тенденции развития международного туризма в России за последние годы.

Глобальные события в мировой экономике за последние десятилетия укрепили развитие международного туризма, о чем свидетельствуют статистические данные Всемирной туристской организации (UNWTO): наблюдается активный рост туристских потоков и доходов от международного туризма [3].

В 2014—2018 гг. численность международных туристических поездок в мире ежегодно увеличивалась в среднем на 5,6% и достигла 1,66 млрд поездок к концу 2018 г. (рис. 1). Рынок международного туризма увеличивался в натуральном выражении благодаря росту мировой экономики, улучшению воздушного сообщения между

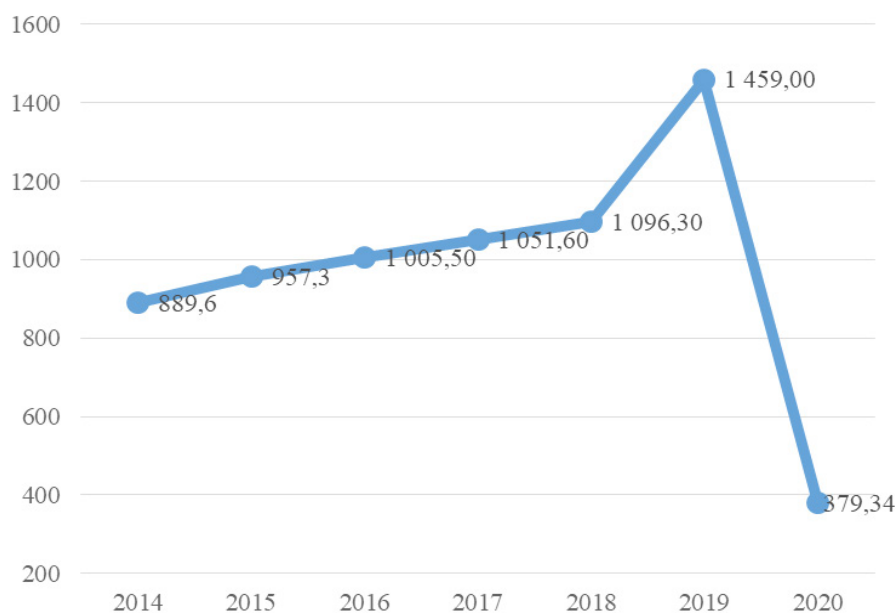

Рис. 1. Численность туристов, мир, 2014—2020 гг., млн чел.

Источник: составлено авторами на основе данных сайта UNWTO World tourist Barometer (<http://marketintelligence.unwto.org/content/unwto-world-tourism-barometer/>).

Таблица 2

**Россия в рейтинге конкурентоспособности
туризма и путешествий в 2019 г.**

Место	Страна	Балл	Изменение места по сравнению с 2017 г.
1	Испания	5,4	0
2	Франция	5,4	0
3	Германия	5,4	0
4	Япония	5,4	0
5	США	5,3	+1
...			
36	Словения	4,3	+5
37	Тайвань, Китай	4,3	-7
38	Чехия	4,3	+1
39	Россия	4,3	+4
40	Индонезия	4,3	+2
41	Коста-Рика	4,3	+3

Источник: The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019 (www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2019).

странами, упрощению визового режима, развитию новых бизнес-моделей в отрасли и др. [2].

В 2014—2019 гг. численность туристов в мире ежегодно увеличивалась на 4,3—7,6 % и к концу периода составила 1459 млн чел. Факторами роста потребителей международного туризма послужили:

— увеличение доли среднего класса, обладающего более высокой покупательной способностью;

— развитие социальных сетей, повышающих интерес к путешествиям;

— повышение мобильности населения в результате роста продаж автомобилей;

— рост численности населения.

Участники рынка отмечают появление нового типа потребителей туристических услуг, для которых характерны высокий уровень образования, эрудиция в области культуры, индивидуализм, требовательность к качеству услуг, физическая и умственная активность на отдыхе.

В мировом туризме Россия играет значительную роль. Россия входит в перечень крупных мировых туристских направлений по ряду международных показателей, которые оцениваются Всемирной туристской организацией (рейтинг посещаемости, объем доходов от международного туризма, объем расходов на международный туризм) и Всемирным экономическим форумом (индекс конкурентоспособности путешествий и туризма).

Положение России относительно остальных стран по обозначенным метрикам представлено в табл. 2 [1].

Сильная позиция России в рейтинге обусловлена в первую очередь такими показателями, как уровень медицины и гигиены (6-е место в мире), конкурентоспособность цен (27-е), качество и доступность культурных и природных ресурсов (18-е и 34-е соответственно). В отчете ВЭФ по итогам 2019 г. отдельно отмечается качество российской авиатранспортной инфраструктуры (23-е), на которую приходится большая часть всех авиаперевозок в Евразии [1].

С момента публикации первого рейтинга выросла позиция России (99-е место в 2007 г.) по показателю уровня медицины и гигиены, который характеризуется количеством и доступностью врачей, больниц и базовых санитарных условий, наличием и качеством питьевой воды, распространенностью ВИЧ и малярии. Также Россия традиционно имеет хорошие позиции в медицинском туризме, в том числе благодаря высокой ценовой конкурентоспо-

собности. Используемый в индексе показатель «Конкурентоспособность цен» определяется уровнем налогов на билеты и сборами в аэропорту, ценами на отели и топливо, а также уровнем покупательской способности денег. Резкое снижение курса рубля в 2014 г. положительно повлияло на привлекательность страны как туристической дестинации. Одновременно с этим отмечается отставание России по таким показателям, как: состояние бизнес-среды (92-е место), безопасность туризма (98-е) и международная открытость (123-е).

Позиция России по оценке бизнес-среды в России снизилась в 2015 г. с 46-го на 109-е место. Подобные оценки специалистов в первую очередь связаны с низкой эффективностью правовой базы, уровнем монополизации и огосударствления экономики, тяжести налогового бремени на бизнес. Самое низкое место в России получает показатель международной открытости, которая оценивается с помощью таких показателей, как легкость получения визы, открытость двусторонних соглашений о воздушном сообщении, количество действующих региональных торговых соглашений. В 2019 г. показатель опустился с 115-го места на 123-е относительно предыдущих данных [1].

Несмотря на относительно высокое место России в рейтинге, сохраняются определенные диспро-

порции в развитии отдельных факторов развития сферы туризма и путешествий. С точки зрения составителей рейтинга для развития сферы туризма России следует уделять больше внимания развитию безопасной и дружелюбной среды для путешествий, а также формированию образа России как привлекательного надежного партнера [13].

В табл. 3 представлены основные показатели развития туристского сектора в России за 2017—2019 гг.¹

Из данных, приведенных в табл. 3, следует, что, несмотря на медленные темпы роста, российский рынок туристских услуг постепенно растет. В частности, доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в ВВП РФ за пять лет выросла с 3,3 до 3,9%.

Важным фактором, повлиявшим за последние годы на развитие туризма в нашей стране, стало проведение чемпионата мира по футболу FIFA-2018. Чемпионат начал оказывать свое влияние на туристическую индустрию с 2010 г. В период его подготовки значительно возросло количество коллективных средств размещения, точек общепита, объектов туристского показа, магазинов, улучшилось состояние туристской инфраструктуры в целом.

В России прямой вклад туризма в ВВП в 2017 г. составил примерно 1,24%, или 19,5 млрд долл. (1,13 трлн руб.). Объем платных услуг также

¹ <https://www.gks.ru/folder/23457>

вырос — с 176 млрд до 256 млрд руб., то есть на 80 млрд руб., или на 45,5%².

По данным табл. 4 заметны серьезные негативные изменения в туристической отрасли в России в 2020 г. в связи с мировой пандемией.

Туристский экспорт и импорт оказывают прямое воздействие на формирование платежного баланса страны³.

По данным Платежного баланса РФ Банка России, международные операции, связанные с поездками, являются наиболее значимыми компонентами платежного баланса по разделу «Услуги». По итогам 2018 г. доля статьи «Поездки» в общем объеме импорта услуг составила 36,18%, а в экспорте — 17,7%.

При этом доля статьи «Транспортные услуги» в импорте составила 16,15%, а в экспорте — 34,19%; доля статьи «Строительство» в импорте и экспорте российского внешнеторгового оборота услугами составила 5,08% и 8,66% соответственно. Удельный вес остальных секторов внешней торговли услугами (торговля финансовыми, страховыми, информационными и компьютерными услугами) ниже и не превышает 5%.

Таким образом, «Поездки», имеют наибольший удельный вес в общем объеме импорта услуг и второе место в общем объеме экспорта услуг России.

² <https://www.gks.ru/folder/23457>

³ <http://turstat.com/inboundtravelrussia9month2019>

Таблица 3

Основные показатели развития туристского сектора в России в 2017—2019 гг., млрд руб.

Показатель	2017	2018	2019
Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, %	3,9	3,9	3,9
Объем услуг туристических агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг, млрд руб.	166,5	172,1	179,8
— % от общего объема платных услуг	1,8	1,8	1,8
Объем услуг санаторно-курортных организаций, млрд руб.	112,3	124,8	127,2
— % от общего объема платных услуг	1,2	1,3	1,2
Объем услуг гостиниц и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья, млрд руб.	219,9	255,7	247,3
— % от общего объема платных услуг	2,4	2,6	2,4
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	314,0	353,1	355,7
— % от общего объема инвестиций по всем видам деятельности	2,6	2,6	2,4
Средняя численность работников, чел.	1 191 464	1 166 350	1 179 697
— % от средней численности работников по всем видам деятельности	3,6	3,5	3,6
Среднемесячная начисленная заработная плата работников, руб.	46 160,3	51 580,0	54 185,4
— % к среднемесячной начисленной заработной плате работников по всем видам деятельности	102,8	103,4	100,5

Источник: составлено авторами на основе данных сайта Федеральной службы государственной статистики (<https://www.gks.ru/folder/23457>).

Таблица 4

Туризм в России в I и II кварталах 2020 г.

Показатель	2020 г.		Темп прироста, %	
	I кв.	II кв.	I кв. 2020 г./ I кв. 2019 г.	II кв. 2020 г./ II кв. 2019 г.
Численность лиц, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.	12 714,9	2 094,9	-2,2	-87,9
в том числе:				
граждан России	11 353,4	1 955,9	1,0	-86,7
иностранцев	1 361,5	139,0	-22,6	-94,7
Число ночевок в коллективных средствах размещения, тыс.	41 691,6	9 568,7	-3,6	-85,6
Доходы коллективных средств размещения от предоставляемых услуг, млн руб.	93 129,4	16 382,6	-6,8	-87,9
Число въездных туристских поездок, тыс.	3 798,2	66,5	-11,2	-99,0
Число выездных туристских поездок, тыс.	7 002,2	116,1	-9,8	-99,0
Пассажиروоборот, млрд пасс.-км	111,2	30,3	-4,7	-78,8
из них по видам транспорта:				
железнодорожный	24,4	9,5	-2,1	-71,4
воздушный (транспортная авиация)	61,2	9,0	-5,6	-88,9
Объем услуг туристических агентств, туроператоров и прочих услуг по бронированию и сопутствующих им услуг, млрд руб.	32,8	2,9	2,9	-93,4
Объем услуг санаторно-курортных организаций, млрд руб.	21,5	2,3	-1,1	-92,6
Объем услуг гостиниц и аналогичных услуг по предоставлению временного жилья, млрд руб.	50,1	10,1	-3,0	-83,7

Источник: составлено авторами на основе данных сайта Федеральной службы государственной статистики (<https://www.gks.ru/folder/23457>).

Таблица 5

Российский экспорт и импорт услуг по статье «Поездки» в 2014—2020 гг., млрд долл. США

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Экспорт услуг по категории «Поездки»	11,86	8,42	7,79	8,94	11,49	10,96	2,80
— деловые	5,98	3,81	3,39	4,22	4,61	4,72	1,21
— личные	5,78	4,61	4,39	4,72	6,88	6,25	1,59
Импорт услуг по категории «Поездки»	50,43	34,93	23,95	31,06	34,27	36,20	9,10
— деловые	1,64	1,29	1,24	1,48	1,56	36,15	0,76
— личные	48,79	33,64	22,71	29,58	32,71	0,05	8,34

Источник: составлено авторами на основе данных сайта Центрального банка РФ. Статистика внешнего сектора. Платежный баланс (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).

За последние пять лет экспорт услуг по статье «Поездки» уменьшился. В 2018 г. он так и не достиг уровня 2014 г. в размере 11,86 млрд долл. Импорт уменьшился еще больше по сравнению с экспортом, снизился на 32,04%. Но за последние годы наблюдается рост и экспорта, и импорта, особенно по личным поездкам.

Большинство поездок в структуре экспорта услуг по итогам 2018 г. совершались с личными целями, тогда как в 2014 г. — с деловыми. Это свидетельствует о том, что рынок туристских услуг в России развивается. В структуре импорта услуг по статье

«Поездки» в 2018 г. 96% пришлось на личные поездки.

Это говорит о том, что иностранные граждане в настоящее время в основном посещают Россию как в деловых, так и в личных целях, в то время как россияне выезжают за рубеж не с целью развития бизнеса, а с целью отдыха и рекреации, а также для того, чтобы навестить друзей или родственников.

По данным ВТООН, Россия входит в двадцатку стран по количеству въездных туристических поездок среди 140 стран. Основными факторами привлекательности России как туристического

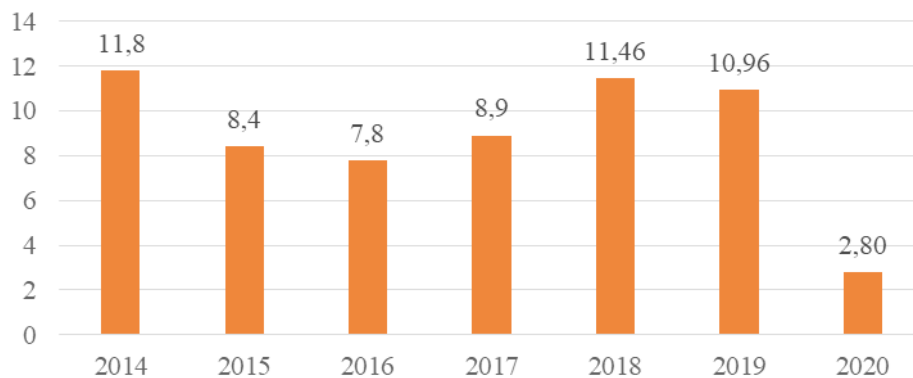

Рис. 2. Динамика экспорта услуг по статье «Поездки» в 2014—2020 гг., млрд долл. США

Источник: составлено авторами на основе данных сайта Центрального банка РФ. Статистика внешнего сектора. Платежный баланс (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).

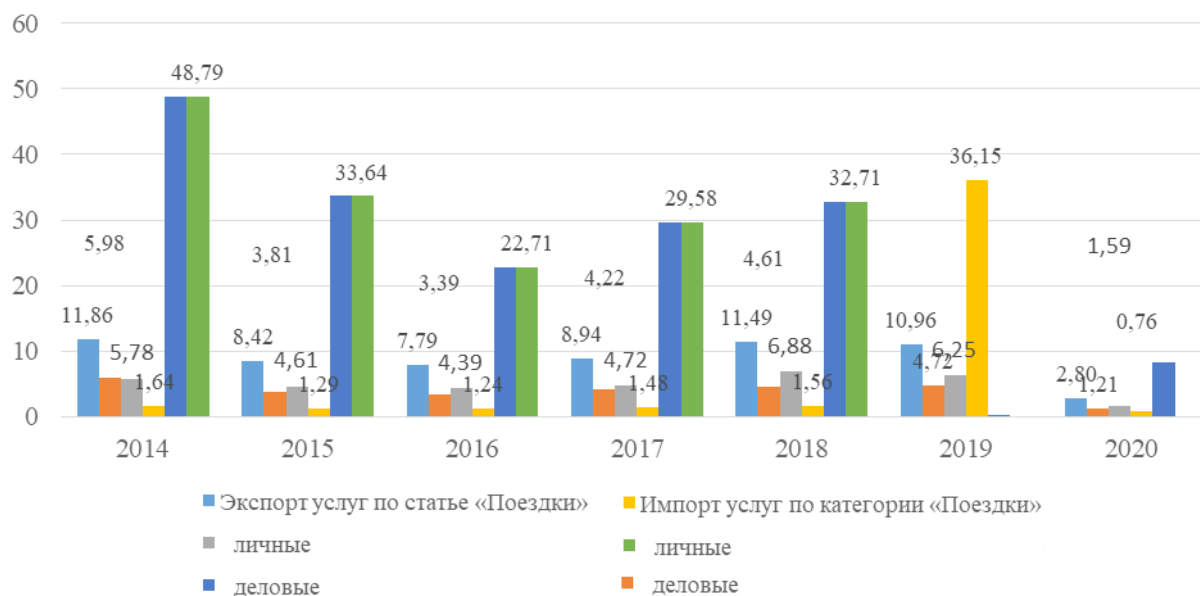

Рис. 3. Динамика экспорта и импорта по статье «Поездки» в РФ за 2014—2018 гг., млрд долл. США

Источник: составлено авторами на основе данных сайта Центрального банка РФ. Статистика внешнего сектора. Платежный баланс (https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/).

Рис. 4. Количество въездных и выездных туристических поездок, млн чел.

Источник: составлено авторами на основе данных сайта Федеральной службы государственной статистики (<https://www.gks.ru/folder/23457>).

направления, по мнению экспертов, являются: высокая конкурентоспособность цен, привлекательность исторических и природных достопримечательностей и развитая авиатранспортная инфраструктура. Однако за последние пять лет туристический поток в Россию остается практически на одном и том же уровне (около 25 млн ед.). Максимальное количество туристических поездок в Россию за рассматриваемый период было совершено в 2015 г. (почти 27 млн ед.). После этого в 2016 г. произошло снижение, а затем — стагнация въездного туризма в Россию. Проведение чемпионата мира по футболу в 2018 г. изменило структуру стран въездного турпотока, однако практически не увеличило турпоток в Россию.

На топ-10 стран — лидеров по количеству въездных туристических поездок приходится 74% всего туристического потока в Россию. Основной рост туристического потока происходит из Китая, Абхазии и Эстонии. В 2019 г. количество туристов из перечисленных стран выросло в среднем на 14%. Наиболее впечатляющая динамика увеличения турпотока — из Китая: с 2014 г. он увеличивался со среднегодовыми темпами около 17% в год, а в абсолютном выражении количество туристических поездок выросло более чем в 2 раза, до 1,9 млн ед.

Одновременно с этим с 2014 г. происходит снижение турпотока из Польши и Финляндии. Количество туристических поездок из Польши за период с 2014 г. снизилось более чем на 1 млн ед. (почти в 3 раза). Количество туристических поездок из Финляндии снизилось на 480 тыс. ед. (в 1,5 раза).

Также важно отметить, что наиболее тесные туристические связи у России установлены с соседними странами и странами бывшего СССР. На страны бывшего СССР приходится 66% всего турпотока в Россию (16,1 млн ед.). Данная особенность является характерной для мирового туризма. По данным ВТООН, четыре из пяти туристических поездок происходят внутри собственного региона (Европы, Азии и т. п.). На страны дальнего зарубежья приходится треть (34%) всего турпотока в Россию. При этом 1,8 млн поездок, или 23% всего турпотока, из стран дальнего зарубежья составляют туристические поездки из Китая. Достаточно много поездок «в Казахстан и на Украину, что, возможно, объясняется отсутствием прямых рейсов из России в Египет и использованием туристами Казахстана и Украины как транзитных стран для таких поездок».

При этом лидером по среднегодовым темпам роста и по количеству въезжающих туристов в 2014—

2018 гг. является Южная Корея. Экономически целесообразно привлекать в страну платежеспособных туристов, поэтому положительной тенденцией в связи с этим является рост турпотока из стран, у которых затраты на одну поездку выше среднего по миру (925 долл. США), в частности таких, как Южная Корея и Китай (1114 и 1852 долл. США соответственно), среднегодовой прирост числа поездок из которых превышает 15%.

Число выездных туристических поездок граждан России за рубеж в 2019 г. составило 45,3 млн чел., превысив показатели 2014 г. (42,9 млн ед.) после периода сокращения количества поездок в 2015—2016 гг. Такая негативная динамика в первую очередь была связана с внешнеполитическими событиями, ослаблением курса рубля, которое снизило привлекательность выездных туристических поездок для россиян. Последующая стабилизация курса и адаптация населения к внешнеполитическим шокам привели к новому витку роста привлекательности туристических поездок за рубеж.

Определить долю населения, которое путешествует за рубеж, довольно сложно из-за особенностей статистического учета, однако, по данным опросов, доля россиян, которая выезжала за рубеж за последние четыре года, составляет 6—10%.

Показатели выездного туризма в 2020 г. существенно скорректированы в связи пандемией коронавируса COVID-19, а также в связи со значительным снижением курса рубля после выхода России из сделки ОПЕК+.

К наиболее популярным среди россиян туристическим направлениям (с общим количеством туристических поездок из России более 1 млн ед.) относятся 12 стран. Состав популярных среди россиян стран практически не изменился с 2014 г. Наиболее значимые изменения турпотока из России были связаны с внешними событиями. В 2015 г. после террористического акта было прекращено авиасообщение с Египтом. В 2014 г. турпоток в Египет составлял 2,8 млн ед., тогда как в 2019 г. туда из России было совершено всего 25,5 тыс. туристических поездок. Такое снижение турпотока в Египет было частично компенсировано ростом турпоездов в Абхазию, Турцию и Грузию (рост по сравнению с 2014 г. соответственно: на 1,5 млн ед., 2,5 млн ед. и 0,6 млн ед.).

Сдерживающими спрос факторами развития туристской отрасли в РФ являются низкая узнаваемость российских туристских брендов на зарубежных рынках и внутри России, в том числе

наличие нереализованных возможностей по развитию системы продвижения с применением современных информационных, маркетинговых и иных технологий, предубеждения (стереотипов) иностранных граждан о туризме в Российской Федерации: «небезопасность», «языковой барьер», «негативный геополитический образ» и др.; сложная система получения виз Российской Федерации для большинства стран с потенциально высоким потоком въездных туристов, а также недостаточное количество возможных инструментов для обеспечения краткосрочного пребывания въезжающих туристов, в том числе для посетителей крупных спортивных и культурных мероприятий.

Таким образом, подводя итог рассмотрению современного состояния рынка туристских услуг России, можно выделить следующие основные тенденции:

- До 2019 г. российский рынок туристских услуг демонстрировал медленные темпы роста. При этом внешняя торговля услугами развивалась достаточно динамично, а статья «Поездки» занимала наибольший удельный вес в общем объеме импорта услуг и второе место в общем объеме экспорта услуг, согласно Платежному балансу России. Международный туризм в России развивался преимущественно с ориентацией на выезд.

- Несмотря на увеличение объемов инвестиций в развитие коллективных средств размещения и деятельность туристических агентств, уровень развития гостиничной инфраструктуры в различных регионах России остается неравномерным, а российские туроператоры не заинтересованы во вложении инвестиций в создание нового туристского продукта, а предпочитают

закупать зарубежные туры для увеличения продаж.

- Высокие внутренние цены, низкий уровень обслуживания, изношенность основных фондов, неразвитость инфраструктуры препятствуют развитию внутреннего и въездного туризма в России.

Иными словами, низкое качество российских туристских услуг является одним из основных факторов невысокого спроса на национальный туризм, то есть «слабое развитие туристической сферы со стороны национального спроса» [12].

Из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, международный туризм — это туризм выездной или въездной, связанный с пересечением туристами государственных границ с туристическими целями без занятия оплачиваемой деятельностью в месте временного пребывания;

- во-вторых, до 2020 г. рынок международного туризма увеличивался в натуральном выражении благодаря росту мировой экономики, улучшению воздушного сообщения между странами, упрощению визового режима, развитию новых бизнес-моделей в отрасли и др. В 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции рынок упал на 74 %;

- в-третьих, развитие туристической отрасли в России носит точечный характер вследствие влияния таких негативных факторов, как невысокий уровень безопасности, низкое качество услуг, сложная система получения виз для иностранных туристов, языковой барьер. Данные обстоятельства тормозят развитие российского туризма, а в ряде случаев сводят на нет мультипликативный эффект туризма.

Список литературы

1. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. URL: www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2019 (дата обращения 01.09.2021).
2. UNWTO Annual report 2019 // World Tourism Organization UNWTO. URL: <http://www2.unwto.org/publication/unwto-annual-report-2019> (дата обращения 01.09.2021).
3. UNWTO Tourism Highlights, 2020 Edition // UNWTO. URL: <http://marketintelligence.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2020> (дата обращения 01.09.2021).
4. Анализ мирового рынка туризма в 2014—2018 гг., прогноз на 2019—2023 гг. URL: https://businessstat.ru/images/demo/tourism_world_2019_demo_businessstat.pdf (дата обращения 01.09.2021).
5. Багирян В. А. Международный туризм и его влияние на развитие мировой экономики // Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2013. № 1—2 (41—42). С. 147—152.
6. Воскресенский В. Ю. О современном состоянии рынка международного туризма // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 2.
7. Есиева А. А. Международный туризм как форма международных экономических отношений // Форум молодых ученых. 2019. № 1-1 (29). С. 1239—1243.

8. Козлова Е. И., Шишин А. С. Оценка потенциала и проблемы развития рынка туристических услуг в Липецкой области // Заметки ученого. 2020. № 1 (44). С. 108—111.
9. Круглов И. В. Экономическое содержание анализа финансового состояния машиностроительного предприятия // Казанская наука. 2016. № 12. С. 43—45.
10. Международно-правовое регулирование туристических услуг / Авторский коллектив Allpravo. Ru. 2006. URL: https://www.studmed.ru/view/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-turisticheskikh-uslug_90755693493.html (дата обращения 01.09.2021).
11. Место и роль международного туризма в мировой экономике. URL: <http://studbooks.net> (дата обращения 01.09.2021).
12. Плетнев Д. А., Мельник К. Р. Особенности государственного регулирования туристической сферы России в условиях пандемии // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 3 (449). С. 216—223.
13. Побирченко В. В., Шутаева Е. А. Конкурентоспособность России на мировом рынке туристических услуг // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13, № 3 (85). С. 64—76.
14. Пустовит А. В., Абдурешитова Э. Р. Международный туризм в условиях современного рынка: особенности и тенденции развития // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства: сб. науч. тр. 2019. С. 331—334.

Сведения об авторах

Круглов Игорь Валерьевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Липецкого государственного технического университета, Липецк, Россия. komrad.igor-2013@yandex.ru

Кисова Анна Евгеньевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики Липецкого государственного технического университета, Липецк, Россия. zaumka84@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 150—159.*

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TOURISM IN RUSSIA

I. V. Kruglov

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia. komrad.igor-2013@yandex.ru

A. E. Kisova

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russia. zaumka84@mail.ru

The study, based on statistical data, attempts to diagnose the main problems and prospects for the development of international tourism in Russia over the past decade. A historical, genetic and logical analysis of social innovations has been carried out. The place of Russia in the rating of the competitiveness of tourism and travel is shown. The objective and subjective factors influencing the conditions for the functioning of Russian tourism in the international arena have been studied. The use of the structural-dynamic analysis of tourist flows made it possible to identify the main problems of the development of international tourism in Russia.

Keywords: *tourism, international tourism, tourist services, tourist flows, indicators of the development of international tourism.*

References

1. (2019) The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. Available at: www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2019, accessed 08.11.2021.
2. (2019) UNWTO Annual report 2019 // World Tourism Organization UNWTO. Available at: <http://www2.unwto.org/publication/unwto-annual-report-2019>, accessed 08.11.2021.

3. (2020) UNWTO Tourism Highlights, 2020 Edition // UNWTO. Available at: <http://marketintelligence.unwto.org/publication/unwto-tourism-highlights-2020>, accessed 08.11.2021.
4. (2019) Analiz mirovogo rynka turizma v 2014—2018 gg., prognoz na 2019—2023 gg. [Analysis of the world tourism market in 2014—2018, forecast for 2019—2023], available at: http://businessstat.ru/images/demo/tourism_world_2019_demo_businessstat.pdf, accessed 08.11.2021 [in Russ.].
5. Bagiryana V. A. (2013) *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 1—2 (41—42), pp. 147—152 [in Russ.].
6. Voskresenskiy V. Yu. (2021) *Rossiyskiy vneshneekonomicheskii vestnik*, no. 2 [in Russ.].
7. Yesieva A. A. (2019) *Forum molodyh uchenykh*, no. 1-1 (29), pp. 1239—1243 [in Russ.].
8. Kozlova E. I. (2020) *Zametki uchenogo*, no. 1 (44), pp. 108—111 [in Russ.].
9. Kruglov I. V. (2016) *Kazanskaya nauka*, no. 12, pp. 43—45 [in Russ.].
10. Allpravo.Ru team of authors (2006) Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie turistichestkih uslug [International legal regulation of tourist services: a tutorial], available at: https://www.studmed.ru/view/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-turistichestkih-uslug_90755693493.html, accessed 08.11.2021 [in Russ.].
11. Mesto i rol' mezhdunarodnogo turizma v mirovoj ekonomike [Place and role of international tourism in the world economy], available at: <http://studbooks.net>, accessed 08.11.2016). [in Russ.].
12. Pletnev D. A., Melnik K. R. (2021) *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, no. 3 (449), pp. 216—223 [in Russ.].
13. Pobirchenko V. V. (2019) *Servis v Rossii i za rubezhom*, vol. 13, no. 3 (85), pp. 64—76 [in Russ.].
14. Pustovit A. V. (2019) Nacional'nye ekonomicheskie sistemy v kontekste formirovaniya global'nogo ekonomicheskogo prostranstva: sbornik nauchnykh trudov. Pp. 331—334 [in Russ.].

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ НЕОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ВЕРТИКАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ КОМПАНИЙ

П. Р. Кадыров, М. А. Чернухина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрена сущность понятия «интеграция», а также дан анализ особенностей интеграционных процессов в контексте преобразования структуры экономической системы. Кроме того, показаны ее формы, разновидности, способы достижения максимальной эффективности кооперации компаний, которая заключается в увеличении масштабов производства, улучшении качества производимых товаров, максимизации прибыли. Инструмент интеграции содействует повышению результативности, который рассмотрен в данной научной работе. Особое внимание уделено особенностям интеграции вертикального и горизонтального типов на примере крупных интегрированных компаний, таких как Amazon, Alusuisse, Reynolds, Alcoa, Kaiser, Pechiney и Alcan, «Крайслер» и «Даймлер-Бенц»; фармацевтические лидеры «Сандоз» и «Киба-Гейджи».

Ключевые слова: *интеграция, вертикальная интеграция, неоиндустриализация, структурные сдвиги, структурные преобразования.*

Современная политическая, социально-экономическая, технологическая и экологическая обстановка в системе мирового порядка сигнализирует о нарастающих проблемах как мировой экономики, так и экономик национальных практически всех мировых держав без исключения. Сегодня формируется так называемая новая реальность, в которой основным инструментом влияния на перераспределение мировых ресурсных потоков становятся экономические санкции, кардинально меняющие (преумножающие, преуменьшающие или вовсе исключающие) кооперативные производственные цепочки в интересах определенных групп влияния. В этих условиях Россия, как самое территориально крупное государство в мире, в границах которого сконцентрированы множественные запасы различного рода жизненно важных и дорогостоящих ресурсов, претерпевает колоссальное политическое и экономическое давление.

Запас прочности российской экономической системы в условиях новой реальности становится предметом исследования многих российских и зарубежных ученых [2]. Вопрос о правильности выбора направления исследований структурных преобразований российской экономики весьма субъективен, так как нет четкого понимания или видения стратегической концептуальной задачи, которую должны решить данные исследования [1].

С позиции определения и увеличения запаса прочности российской экономической системы

целесообразно формирование новой экономической парадигмы неоиндустриализации, концептуальное содержание которой заключается в определении новой системы приоритетов развития промышленного производства, главным направлением которого должно стать обрабатывающее производство, организованное на основе передовых современных технологий [3]. Высокая степень актуальности экономической парадигмы новой индустриализации обусловлена катастрофическим падением промышленного производства в России на протяжении последней четверти века.

Теоретические основы исследования содержания, ключевых характеристик процесса индустриализации, подходов, средств и методов ее проведения были заложены в работах ученых, формирующих базу экономической теории индустриализации (К. Маркс [20], С. Ю. Витте [7], С. С. Губанов [10] и др.).

Теория индустриального общества и теория долгосрочного технико-экономического развития обосновывают долговременный непрерывный характер процесса индустриализации, который охватывает все сферы современного общества, выявляют ключевые технологии будущего (третьей и четвертой промышленных революций, пятого и шестого технологических укладов) (Дж. Гэлбрейт [9], К. Шваб [28], С. Ю. Глазьев [11], Ю. В. Яковец [30], С. Д. Бодрунов [5] и др.).

Институциональная теория исследует процесс индустриализации как результат сложного и глубокого взаимодействия экономических, социально-политических, организационных, культурных, нравственных, духовных, психологических и иных факторов и отношений, раскрывает ключевые компоненты механизма реализации и развития новой индустриализации, позволяет выбрать методы и инструменты осуществления политики индустриализации, спрогнозировать характер их воздействия (Г. Б. Клейнер [15], О. С. Сухарев [26] и др.).

Ученые, работающие в рамках модернизационной парадигмы, выявляют критерии и фазы, этапы и типы, темпы и факторы развития высокотехнологического промышленного производства в стране и ее регионах. Развитие промышленности в научных исследованиях выступает ключевым фактором модернизации экономики страны и ее индустриальных регионов (А. Вебер [8], Д. Белл [6], А. Г. Аганбегян [1], В. Л. Иноземцев [13], Р. С. Гринберг [12] и др.).

Теории регионального экономического развития представляют собой систему научных взглядов, подходов, конкретных действий, обосновывающих необходимость укрепления новой социально-экономической идентичности в пространстве регионов, являющихся частью пространства страны, среди которых выделим работы зарубежных ученых (А. Смит [27], Д. Рикардо [25], А. Маршалл [21], Й. Шумпетер [29], Дж. М. Кейнс [16] и др.).

В различных источниках экономической литературы под интеграцией понимается связь производственных ресурсов, объединение компаний. Согласно научным исследованиям Д. Сальваторе [См.: 4], экономическая интеграция — это коммерческая политика дискриминационного сокращения или устранения торговых барьеров только между объединяющимися нациями. С позиции автора Дж. Тимбергена, экономическая интеграция относится к «созданию наиболее желательной структуры международной экономики, устраняющей искусственные препятствия для оптимальной работы и преднамеренно вводящей все желательные элементы координации и объединения» [См.: 14].

На основе вышеупомянутых понятий выделим ведущую цель интеграции. Главная цель интеграции — это получение прибыли за счет совместной деятельности компаний с увеличением их доходности за счет увеличения и территориальной концентрации производства. Также существуют небольшие, но значимые подцели, которые помогают достичь главную. К ним относятся: умень-

шение издержек производства; повышение конкурентоспособности своей продукции, товаров на рынке; повышение относительного показателя экономической эффективности; уменьшение времени, затрачиваемого на производство товаров; использование новых технологий в производстве. Интеграция компаний является одним из эффективных способов стимулирования, развития бизнеса. При этом процесс интеграции не всегда, как инструмент, помогает достичь успеха, так как всегда есть риск, что компании не смогут сработаться, но, несмотря на это, интеграция является очень частой в использовании.

Интеграция компаний имеет большое значение для развития бизнеса, в том числе малого и среднего. Слияние компаний происходит обычно для того, чтобы выполнить вместе крупномасштабный проект, который одна фирма не сможет выполнить.

Сущность инструмента интеграции. Он применяется, когда начальники компаний, фирм начинают осознавать, собственно, что присутствие инструмента автоматизации никак не может гарантировать желанного итога. Для полноценного успеха требуется соблюдение минимальных критериев, к которым относятся: специализация инструмента на получение желаемого результата, использование данного инструмента по назначению.

Приведем пример на таком товаре, как футболка. Ее возможно применять как по прямому значению, так и по дополнительному (тряпка для пыли, пола и т. п.). В этом случае эффективность и итог не будут сочетаться, они будут разными. При помощи данного примера мы можем обратить внимание на то, что интеграция может содействовать фирмам в том, чтобы добиться главенствующей цели, или же принесет новые потери при изготовлении продуктов производства.

Инструмент интеграции при его верном применении выделяет возможность на получение права управленческого аппарата к безусловно всем оперативным сведениям о текущем состоянии в компании, в каждой ее дочерней фирме, в том числе в любом цехе. Данные сведения имеют возможность получить и обработать все работники, сотрудники в ходе управления компанией, ее определенными цехами и участниками. А в дальнейшем на базе этих данных эти сотрудники имеют все шансы выявить и держать под контролем каждый возможный источник наращивания производительности фирмы.

Интересно, что помимо наращивания продуктивности, производительности имеется возможность

предоставить использование на административной ступени цеховых данных с позиции уменьшения расходов (издержек), увеличения плодотворности производственной операции и уровень конкурентоспособности выпускаемой продукции с ее соперниками.

Рассматривая данный вопрос, можно отметить следующие критерии:

- Во-первых, улучшение свойств товаров. При гарантии предоставленного контроля качества абсолютно на каждой ступени разработки, создания продуктов это даст возможность не допустить следующие случаи, ситуации, при которых брак обнаруживается на завершающей стадии изготовления, или же на складах, где хранятся готовые продукты производства. Наличие данного оперативного контроля позволит продолжительное время обеспечивать поддержку стабильности заданного качества.

- Во-вторых, снижение издержек. Благодаря непрерывному контролю ключевых технологических, а также производственных параметров, оценивающих себестоимость товаров, происходит обнаружение и устранение излишних трат, к которым можно отнести: простой устройств, оборудования; растрату сырья свыше плана производства, причины непроизводственных потерь трудовых и энергетических запасов [17].

- В-третьих, результативный, быстрый переход на новую форму товара. В определенных случаях значимо, согласно текущей конъюнктуре рынка, создать условия для оперативного перехода от старого типа товара к новому. Основным фактором в данном случае является время перехода оборудования на иные технологические порядки, обороты и циклы [19]. Главная помощь приходит со стороны электронного доступа к базам данных, где держатся технологические карты для всех типов производимых товаров.

- В-четвертых, предотвращение аварийных ситуаций. Это происходит при поддержке разработки средств мониторинга и диагностики ключевого технологического оснащения, оборудования, в большей степени подверженного аварийным ситуациям, и горизонтальной интеграции данных средств в единую информационную структуру компании. Посчитать финансовую выгоду от прогнозирования нельзя, ведь убытки возможно счесть только после того, как авария или даже какая-либо глобальная катастрофа уже произойдет.

К формам интеграции относятся корпорация, консорциум, концерн, картель, конгломерат, ФПП, ТНК и др. [22]. Выделяют три типа интеграции: конгломератная, вертикальная, горизонтальная (см. таблицу ниже).

Типы интеграции и примеры

Тип интеграции	Вертикальная	Горизонтальная	Конгломерация
Особенности	<ol style="list-style-type: none"> 1. Объединяет фирмы разных отраслей 2. Результативная, доход максимальный 3. Большой риск при проведении данной интеграции 4. Очень дорогая интеграция 5. Снижает транзакционные издержки 6. Повышает конкурентоспособность интегрированной компании и отдельной фирмы структуры 7. Увеличивается время адаптации к новым технологиям 8. Снижение гибкости 9. Появляется сложность в выборе поставщиков 10. Замкнутый производственный цикл 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Объединяет фирмы одной отрасли 2. Увеличивает рыночную мощь 3. Создает барьеры при входе на рынок для новых предприятий 4. Уменьшает количество производителей 5. Из-за данного типа появляются монополисты 6. Способствует экономии на масштабах производства 7. Повышает производительность труда и качество продукции 8. Способствует преодолению проблем, связанных со сложностями этапа экономической трансформации 9. Становится менее гибкой 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Объединяет фирмы разных производственных линий 2. Заключается в слиянии между производствами готовой продукции 3. Может способствовать территориальному расширению 4. Целью является диверсификация бизнеса 5. К источникам прибыли данной интеграции относится повышение кредитоспособности 6. Различают три типа конгломератной интеграции: <ul style="list-style-type: none"> • для увеличения выбора товаров • для территориального расширения • конгломерация (конгломератное слияние)
Примеры	Alusuisse, Reynolds, Alcoa, Kaiser, Pechiney, Alcan; Amazon; Uber	«Крайслер» и «Драмлер-Бенц»; «Сандоз» и «Киб-Гейджи»	«Газпром», Уралмашзавод

Примечание: составлено авторами.

Вертикальная интеграция заключается в слиянии компаний разных отраслей. Обычно это объединение двух или более предприятий. В большинстве случаев этот тип интеграции является результатом, когда: инвестиции подводят к многочисленным операционным издержкам, политико-экономическая ситуация в стране продолжительное время является непрогнозируемой, происходят тому подобные экономические ситуации как в стране, так и в определенном регионе. Но вертикальная интеграция не всегда приносит прибыль, данная стратегия является слишком дорогой и рискованной. Часто компании нуждаются в ней, но иногда предприниматели идут на рискованную интеграцию. Можно предположить, что это происходит, потому что предприниматели забывают об иных квазиинтеграционных стратегиях, которых огромное количество, и эти забытые всеми стратегии могут быть выгоднее [24].

Второй тип, который интересен для изучения, — это горизонтальная интеграция. Она же объединяет компании одной отрасли. К причинам слияния предприятий по горизонтальному типу относят: увеличение прибыли при производстве, основу которой создают площадь, размер производства, а также увеличение рыночной доли. При данной интеграции увеличивается рыночная мощь объединенных компаний. Отрицательной же чертой горизонтальной интеграции считается уменьшение числа производителей. Следовательно, данная интеграция может считаться причиной появления монополистов в различных отраслях, а это является неблагоприятным следствием для экономики, которое также несет за собой большое количество критических последствий.

В частности, одним из типов интеграции выступает конгломерация. Данная интеграция отражает слияние разных производственных линий. Так как эта интеграция не относится ни к вертикальному, ни к горизонтальному типу, она не имеет преимущественного направления при расширении компаний. Здесь происходит слияние между производствами готовой продукции, но эти продукты не имеют сильной связи [2].

Одними из известных примеров вертикальной интеграции являются представители алюминиевой промышленности. Значительно крупные интегрированные компании — Alusuisse, Reynolds, Alcoa, Kaiser, Pechiney, Alcan — до 1970-х гг. господствовали в каждом из трех элементов их промышленности: в производстве глинозема, добыче бокситов, выплавке металлов. Рынок промежуточного сырья,

глинозема, бокситов был недостаточно крупного размера для интегрированных трейдеров. Высокие входные барьеры возникли именно благодаря стратегии вертикального интегрирования, которой следуют крупные фирмы, предприятия.

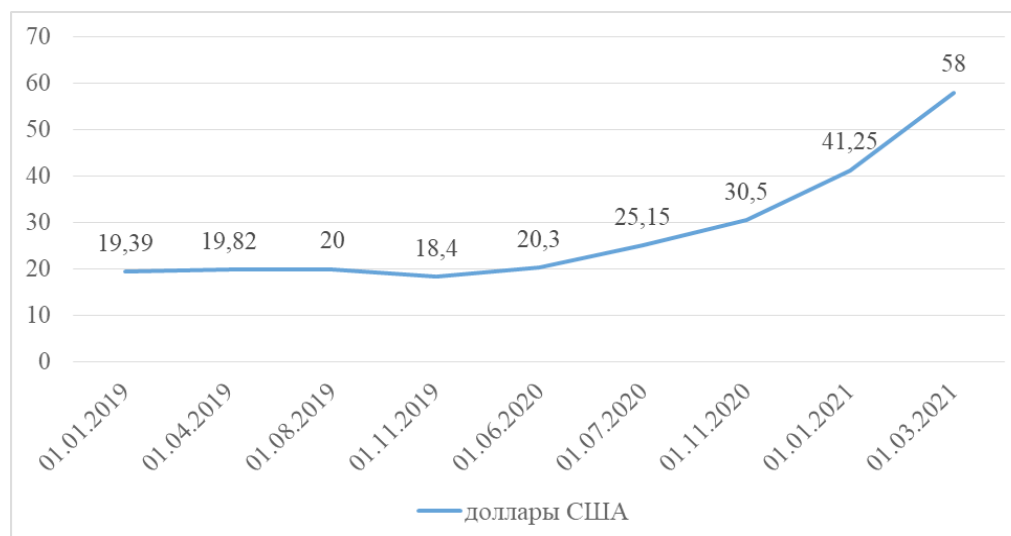
Также в качестве примера успешной вертикальной интеграции можно привести компанию Amazon, изначально она использовала интеграцию в сфере книг, затем эта компания начала интегрироваться с магазинами, после чего выкупила предприятия своих конкурентов, таким образом, создав в собственной рыночной части внутреннюю экосистему.

Компания Uber — один из активно развивающихся и меняющихся примеров вертикальной интеграции. Данная компания изначально занималась только такси, но сейчас благодаря инструменту слияния этот бизнес разросся так, что даже стал охватывать робототехнику, что сейчас является выгодным инвестированием в будущее.

Одна из самых выгодных интеграций получилась у «Тинькофф» с онлайн-кассой. Благодаря этому мобильное приложение «Тинькофф» стало в использовании намного доступнее. Вследствие этого клиентов у данной компании стало намного больше. Данная интеграция произошла летом 2020 г. По исследованиям аналитиков «Тинькофф», это увеличивает покупки на 20—30%.

По графику на рисунке (с. 164) мы видим, как акции «Тинькофф» возросли за короткий срок. Изначально с 01.01.2019 по 01.06.2019 — курс акций был стабильным, в период с 01.06.2020 по 01.07.2020 начался небольшой рост, а с 01.07.2020 по 01.03.2021 — курс акций «Тинькофф» вырос быстрыми темпами, по итогу до марта 2021 г. ценные бумаги увеличились в своей стоимости больше чем в 2 раза. Это связано с тем, что благодаря интеграции увеличилось число клиентов «Тинькофф»: в 2019 г. было 10,2 млн а в 2020 г. стало 13,3 млн клиентов.

Примером горизонтальной интеграции является объединение автомобильных лидеров — «Крайслер» и «Драмлер-Бенц». Итогом этой интеграции возник конкурент даже для «Форд Моторз» и «Дженерал Моторз». Также примером горизонтальной интеграции считается объединение фармацевтических лидеров «Сандоз» и «Киба-Гейджи», благодаря чему эта интеграция попала в десятку мировых компаний по рыночной стоимости акций. Существуют также и неудачные примеры данной интеграции: не осуществившееся объединение Западно-Сибирского металлургического

Стоимость акций «Тинькофф»

Источник: Московская биржа (МОЕХ).

и Кузнецкого металлургического комбинатов, «Сибнефти» и «ЮКОСа».

Следующий пример конгломерации — ПАО «Газпром». «Газпром» — это компания, являющаяся монополистом газа. Данная фирма развивается в сферах электроэнергетики, металлургии, машиностроении, нефтехимии и других масштабных областях. На самом деле это акционерное общество очень богатое, распространенное и крупномасштабное, так как является монополистом в своей области.

Таким образом, интеграция как инструмент является хорошим стимулом для развития как отдельного предприятия, так и отрасли в целом. Но при этом следует обратить внимание на то, что каждая операция объединения особенная, каждая по-своему уникальна, и поэтому предприниматели, собственники компаний должны понимать экономические последствия процесса интеграции, то есть уметь

определить политические, экономические, технологические, социальные и экологические факторы в интеграционных процессах и уметь правильно оценить потенциальный эффект в результате данного процесса. Главным фактором, который оказывает воздействие на слияние, многие предприятия считают взаимодействие, общение между людьми, а с этого и начинается бизнес. После этого свой вклад вносит руководитель процесса объединения. Также при интеграции происходит свершение финансовой стабильности за счет уменьшения затраченного времени для формирования и внедрения новой технологии благодаря увеличению возможностей инвестирования. Об интеграции компаний много что известно, но необходимы дальнейшие изучения для формулировки рекомендаций (правила в целях успешного использования интеграции) на примерах.

Список литературы

1. Аганбегян А. Г. О модернизации общественного производства в России // Экономика региона. 2011. № 2. С. 7—10.
2. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Интеграция теорий жизненных циклов в эволюционную теорию корпорации // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (119). С. 150—157.
3. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Шторм перемен: грубая мягкая сила и будущее мировой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). С. 7—9.
4. Буторина О. В. Понятие региональной интеграции: новые подходы // Космополис. 2005. № 3 (13). С. 136—145.

5. Бодрунов, С. Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ИНИР им. С. Ю. Витте, 2016. 328 с.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. 788 с.
7. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849—1911 гг. М.: Мысль, 1991. 708 с.
8. Вебер А. Теория размещения промышленности. М.: Книга, 1926. 223 с.
9. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969. 479 с.
10. Губанов С. С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. 2008. № 9. С. 3—27.
11. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27—42.
12. Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е. О промышленном развитии Российской Федерации // Экономика и управление. 2008. № 5 (37). С. 2—7.
13. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 304 с.
14. Икромов Д. З. Международная экономическая интеграция. М.: Юрайт, 2020. С. 17—18.
15. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004.
16. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1948. 399 с.
17. Котляров И. Д. Закон вертикальной интеграции и тенденции интеграции бизнеса в условиях капитализма: критический анализ (ч. 2) // Теоретическая экономика. 2020. № 10 (70). С. 37—45.
18. Котляров И. Д. Закон вертикальной интеграции и тенденции интеграции бизнеса в условиях капитализма: критический анализ (ч. 1) // Теоретическая экономика. 2020. № 9 (69). С. 38—50.
19. Краснова В. В. Особенности оценки и выбора стратегий интеграционного роста // Вести Автомобильно-дорожного института. 2020. № 3 (34). С. 215—221.
20. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии // Соч. 2-е изд. Т. 23—26.
21. Маршалл, А. Принципы экономической науки: в 3 т. Т. 1. М.: ПрогрессУниверс, 1993. 343 с.
22. Мовсесян Э. К. Стратегии вертикальной интеграции компании Tesla: теория, практика, результаты // Стратегии бизнеса. 2020. № 7. С. 184—188.
23. Мичурин О. Ю. Интеграционные основы предпринимательских объединений: виды, формы и механизмы реализации // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Екатеринбург, 2020. С. 23—30.
24. Плетнев Д. А. Эволюция корпорации и ее среды: попытка неколичественного прогноза // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 12 (116). С. 46—57.
25. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения: избранное М.: Эксмо, 2009. 953 с.
26. Сухарев О. С. Экономическая теория индустриализации // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2015. Вып. 2 (25). С. 6—14.
27. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов (кн. I—III). М.: Наука, 1992. 572 с.
28. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Э, 2017. 208 с.
29. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 203 с.
30. Яковец Ю. В. Школа русского циклизма: единая теория циклов, кризисов и инноваций // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 6. С. 36—39.

Сведения об авторах

Кадыров Павел Робертович — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Pavel@csu.ru

Чернухина Милана Алексеевна — студентка группы 21т-202 специальности «Таможенное дело» Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. milana_chernuhina@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 160—167.

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF NEO-INDUSTRIALIZATION AND VERTICAL INTEGRATION OF COMPANIES

P. R. Kadyrov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. Pavel@csu.ru

M. A. Chernukhina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. milana_chernuhina@mail.ru

This article examines the essence of the concept of “integration”, as well as the typology of integration processes in the context of transforming the structure of the economic system, its goals and objectives, in addition, its forms, varieties, ways to achieve maximum efficiency of cooperation between companies, which consists in increasing the scale of production, in improving the quality of manufactured goods, in maximizing profits. The integration tool contributes to improved performance, which is discussed in this research paper. Particular attention is paid to the peculiarities of vertical and horizontal integration, as exemplified by large integrated companies such as Amazon; Alusuisse, Reynolds, Alcoa, Kaiser, Pechiney and Alcan; Chrysler and Drumler-Benz; pharmaceutical leaders Sandoz and Kiba-Geyji.

Keywords: *integration, vertical integration, neo-industrialization, structural shifts, structural transformations.*

References

1. Aganbegyan, A. G. (2011) *Ekonomika regiona*, no. 2, pp. 7—10 [in Russ.].
2. Barkhatov V. I. (2013) *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 3 (119), pp. 150—157 [in Russ.].
3. Barkhatov V. I. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11 (445), pp. 7—9 [in Russ.].
4. Butorina O. V. (2005) *Kosmopolis*, no. 3, pp. 136—145 [in Russ.].
5. Bodrunov S. D. (2016) Gryadushchee. Novoe industrial'noe obshchestvo: perezagruzka [The future. New industrial society: reboot]. St. Petersburg, INIR im. S. Yu. Vitte [in Russ.].
6. Bell D. (1999) Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society. Social forecasting experience]. Moscow, Academia [in Russ.].
7. Vitte S. Yu. (1991) *Izbrannye vospominaniya* [Selected Memories]. 1849—1911 gg. Moscow, Mysl' [in Russ.].
8. Veber A. (1926) *Teoriya razmeshcheniya promyshlennosti* [The theory of industrial placement]. Moscow, Kniga [in Russ.].
9. Galbraith J. (1969) *Novoe industrial'noe obshchestvo* [New Industrial Society]. Moscow, Progress [in Russ.].
10. Gubanov S. S. (2008) *Ekonomist*, no. 9, pp. 3—27 [in Russ.].
11. Glazyev S. Yu. (2012) *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*, no. 2, pp. 27—42 [in Russ.].
12. Grinberg R. S. (2008) *Ekonomika i upravlenie*, no. 5 (37), pp. 2—7 [in Russ.].
13. Inozemtsev V. L. (2000) *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy* [Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects]. Moscow, Logos [in Russ.].
14. Ikromov D. Z. (2020) *Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integraciya* [International Economic Integration]. Moscow, Yurajt. Pp. 17—18 [in Russ.].
15. Kleiner G. B. (2004) *Evolyuciya institucional'nyh system* [Evolution of institutional systems] [in Russ.].
16. Keynes J. M. (1948) *Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg* [General theory of employment, interest and money]. Moscow [in Russ.].
17. Kotlyarov I. D. (2020) *Teoreticheskaya ekonomika*, no. 10, pp. 37—45. [in Russ.].
18. Kotlyarov I. D. (2020) *Teoreticheskaya ekonomika*, no. 9, pp. 38—50 [in Russ.].
19. Krasnova V. V. (2020) *Vesti Avtomobil'no-dorozhnogo instituta*, no. 3, pp. 215—221 [in Russ.].

20. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoj ekonomii [Criticism of Political Economy]. Soch. 2-e izd. T. 23—26 [in Russ.].
21. Marshall A. (1993) Principy ekonomicheskoy nauki: v 3 t. [Principles of Economic Science: in 3 vol.]. Moscow, ProgressUnivers [in Russ.].
22. Movsesyan E. K. (2020) *Strategii biznesa*, no. 7, pp. 184—188 [in Russ.].
23. Michurina O. Yu. (2020) *Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Ekaterinburg. Pp. 23—30 [in Russ.].
24. Pletnev D. A. (2012) *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 12 (116), pp. 46—57 [in Russ.].
25. Ricardo D. Nachala politicheskoj ekonomii i nalogovogo oblozheniya: izbrannoe [Principles of political economy and taxation: selected]. Moscow, Eksmo [in Russ.].
26. Sukharev O. S. (2015) *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Ekonomika*, no. 2 (25), pp. 6—14 [in Russ.].
27. Smith A. (1992) Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov (kn. I—III) [Research on the nature and causes of the wealth of peoples (books I — III)]. Moscow, Nauka [in Russ.].
28. Schwab K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyuciya* [The fourth industrial revolution]. Moscow, E [in Russ.].
29. Schumpeter J. A. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of economic development.]. Moscow, Progress [in Russ.].
30. Yakovets Yu. V. (2016) *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 6, pp. 36—39 [in Russ.].

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ «СОЦИАЛИЗАЦИИ» БИЗНЕСА НА СТРАТЕГИИ КОМПАНИЙ

Е. В. Козлова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН в рамках научного проекта № 20-510-92006.

На сегодняшний день все больше компаний при разработке стратегий особое внимание уделяют вопросам экологического и социального воздействия бизнеса. Ужесточение требований в области экологии и социального развития вынуждают компании учитывать их при разработке стратегии и программ развития. Современные подходы к оценке эффективности проектов в области устойчивого развития в большей степени ориентированы на измерение количественных показателей (число проведенных мероприятий или объем инвестиций), а не качественных (оценку результативности их воздействия на среду). Несмотря на широкую практику внедрения принципов устойчивого развития, в стратегии компаний до сих пор отсутствует единая методика оценки, позволяющая измерить их результативность и провести сравнительный анализ внутри страны, отрасли или отдельных предприятий между собой. Существенное внимание со стороны общественности и стейкхолдеров к социализации бизнеса приводит к распространению такого негативного явления, как импактвошинг.

Ключевые слова: *социальное воздействие, стратегии, импакт-инвестирование, ESG-факторы, устойчивое развитие.*

На протяжении XX в. происходило вовлечение бизнеса в решение социальных и экологических проблем. Практика ответственного развития организаций (ESG), концепции корпоративной социальной ответственности (CSR) и социально ответственного инвестирования (SRI) трансформировались в стратегические цели компаний, ориентированные не только на получение прибыли, но и на решение других важных для бизнеса задач. Привлечение инвестиций с целью достижения положительного социального и экологического воздействия совместно с основной деятельностью компании получило название «импакт-инвестирование». Постепенно возрастают требования заинтересованных сторон к социальной ответственности бизнеса. Расширение знаний о возможностях, открывающихся для компании в области устойчивого развития в долгосрочной перспективе, обращает внимание стейкхолдеров на оценку социального воздействия бизнеса и разработку системы его мониторинга. Современная система оценки должна учитывать не только положительные, но и отрицательные эффекты, принимая во внимание, что часть из них может проявляться только в долгосрочной перспективе. В связи с этим важно включать показатели, дающие возможность оценить как промежуточные, так и итоговые результаты относительно установленных целей. На сегодняшний день российскими компаниями

в основном применяются собственные методики, разработанные на основе наиболее успешных международных систем оценки.

За последние десятилетия произошел существенный сдвиг в предпочтениях потребителей, разделяющих принципы устойчивого развития и готовых платить более высокую цену за продукт социально ответственных компаний, производство которого не наносит вред природе. Стратегические решения все чаще принимаются компаниями под влиянием ужесточения различных требований в экологическом и социальном компоненте. При этом реальные мотивы установления таких требований остаются дискуссионным вопросом и не всегда выстроены только на принципах борьбы за экологичность производства и в интересах социального развития [6]. Новые ESG-стандарты (Environmental, Social and Corporate Governance) учитываются при разработке стратегий не только крупнейших предприятий, но и региональных стратегий и программ [1; 4]. Соответствие ESG-стандартам становится обязательным требованием для инвестирования, которое должно отвечать долгосрочным общественным интересам, а отказ от следования им постепенно будет приводить к потере стоимости и инвестиционной привлекательности компании [2; 3; 8].

Для российских компаний, заинтересованных в иностранных инвесторах и покупателях, требования контрагентов о соответствии ESG-стандартам являются основным стимулом к учету их при разработке стратегии (рис. 1). Глобальные тенденции в области устойчивого развития приводят к пересмотру принципов кредитования. Среди наиболее распространенных — зависимость кредитной процентной ставки от ESG-рейтинга компании, или достижения заданных значений показателей, характеризующих прогресс в области улучшения экологии и социального воздействия. Радикальные меры предприняты рядом европейских банков, которые взяли на себя обязательство отказаться от кредитования новых проектов в сфере добычи энергетического угля. В феврале 2021 г. Ассоциация банков России представила «Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России». Ужесточение требований доступа к международным рынкам вынуждает формировать стратегию компании на основе учета и управления экологическими и социальными рисками.

Ключевым событием в области устойчивого развития стали разработка и принятие ООН в 2015 г. 17 целей устойчивого развития, включая 169 целевых задач и 230 показателей результативности их достижения. На протяжении нескольких лет они являются отправной точкой для внедрения данных принципов в стратегии компаний и служат базой для составления международных рейтингов, учитывающих ESG-факторы.

Стоит отличать благотворительные проекты от импакт-инвестирования, целью которого является не только достижение социальных и экологических целей, но и значимого финансового результата. Глобальная сеть импакт-инвесторов (GIIN) определила ключевые критерии таких инвестиций: целеполагание (четкое определение ожидаемого социального эффекта), возвратность (окупаемость таких инвестиций), спектр возврата (учитывающий взаимосвязь между прибылью и социальным и экологическим результатом) и оценка воздействия (измерение, позволяющее отразить достижение целей).

Среди ключевых направлений мониторинга социального воздействия можно выделить вектор (положительные и отрицательные эффекты), интенсивность (оценка степени воздействия), время (требуемая продолжительность воздействия для достижения цели), границы и др. В связи с этим требуется разработка системы показателей, позволяющих оценить не только эффективность использования ресурсов, достижение поставленных целей, но и вызванные изменения и их устойчивость.

Объем рынка импакт-инвестирования за последние 5 лет вырос почти в 7 раз (рис. 2), что свидетельствует о росте приоритета социальной миссии бизнеса наряду с финансовыми результатами. При этом основная доля таких инвестиций приходится на частный капитал, но и государственные вложения в последние годы демонстрируют положительную динамику.

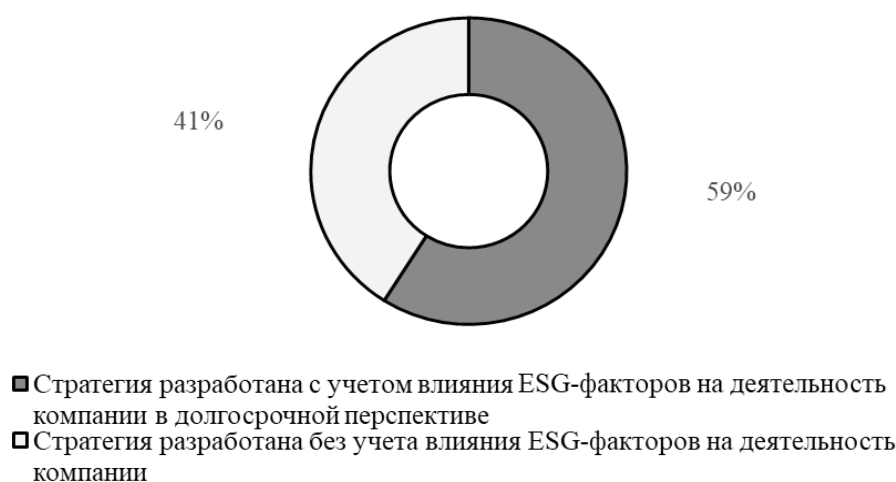

Рис. 1. Учет ESG-факторов в стратегии российских компаний

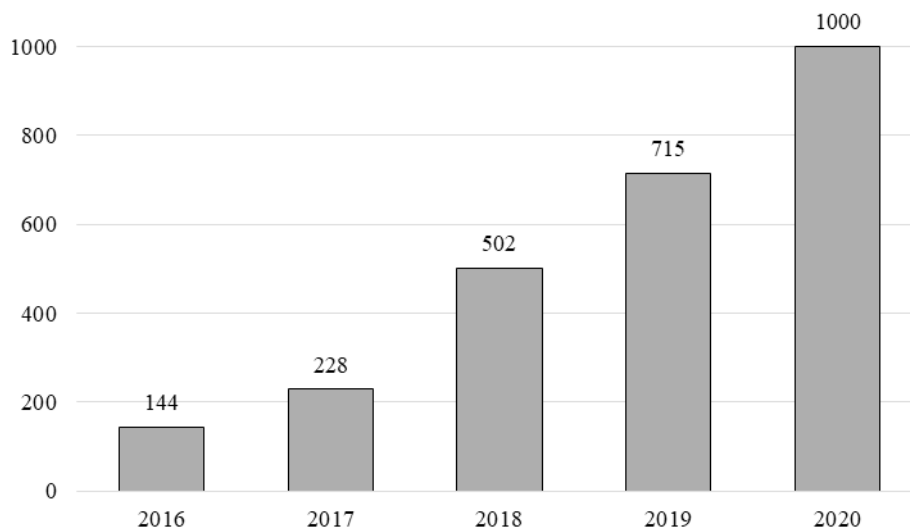

Рис. 2. Объем мирового рынка импакт-инвестиций, млрд долл.

Стоит отметить, что исследования в области импакт-инвестирования подтверждают удовлетворенность ожиданий инвесторов в достижении не только социального воздействия (82%), но и финансовых результатов (76%)¹. Целевые уровни доходности 66% импакт-инвесторов при этом соответствовали рыночным ставкам с поправкой на риск. Распределение инвестиций в 2020 г. в мире выявило, что наиболее популярными секторами для импакт-инвестирования остаются продовольствие и сельское хозяйство (57%), здравоохранение (49%), энергетика (46%) и образование (41%)².

Наличие посредников (биржи, специализированные платформы, посреднические организации) обеспечивающих связь и взаимодействие инвесторов и потенциальных получателей, оказывающих консультационные услуги и помощь в подготовке сделок, способствует развитию импакт-инвестирования. При этом значимой остается роль государства, не только регулирующего, но и стимулирующего данный вид инвестирования путем предоставления налоговых льгот инвесторам и создания государственных инвестиционных импакт-фондов.

¹ Мировой опыт развития импакт-инвестиций. Исследование Фонда региональных социальных программ «Наше будущее» совместно с НИУ ВШЭ. 2020. 42 с. (<http://nb-forum.ru/library/books/issledovanie-mirovoi-opit-razvitiya-impakt-investitsii>).

² 2020 Annual Impact Investor Survey. GIIN Research Team. 2020. 104 p. (<https://thegiin.org/assets/GIIN%20Annual%20Impact%20Investor%20Survey%202020.pdf>).

Прямой перенос международных подходов к оценке социального воздействия бизнеса на российские компании оказался невозможен ввиду существенного различия в уровне развития и отсутствия широкой практики его применения. В рамках исследования бизнес-школы «Сколково» было выявлено только 16 российских компаний, имеющих успешный опыт применения систем мониторинга и оценки социального воздействия³. Среди наиболее успешных практик выделяются три типа стратегий: «эволюции», подразумевающая постепенный процесс внедрения принципов устойчивого развития («СИБУР»); «ускорения» — быстрое внедрение стратегического подхода к управлению устойчивым развитием (Segezha Group); «локализации» — внедрение глобальных стратегических приоритетов международной группы компаний, с учетом страновых особенностей («Coca-Cola HBC Россия»).

В России мониторинг и оценка социального воздействия проводятся в основном крупными добывающими и промышленными компаниями, при этом значимость мониторинга отмечается значительной частью бизнес-сообщества. Согласно проведенному PwC опросу среди членов советов директоров

³ «Золотой стандарт» импакта. Лучшие кейсы и практики по измерению социального воздействия бизнеса. Институт исследований развивающихся рынков бизнес-школы СКОЛКОВО. 2021. 170 с. (https://sk.skolkovo.ru/storage/file_storage/3bd2cdb4—8b85—4440—962ad06d83b704b/SKOLKOVO_GOLD_STANDART_RUS.pdf).

российских компаний в 2020 г., 60 % опрошенных понимают влияние ESG-факторов на компанию, при этом последствия их влияния на финансовые результаты видят только 38 %¹. Почти половина членов советов директоров (49 %) говорят об учете ESG-факторов в стратегии компании и отмечают их значимость для инвесторов (44 %). Крупнейшие российские предприятия, являющиеся лидерами и ориентирами для других компаний страны и отрасли, несмотря на многообразие и различие типов стратегий [5; 7], с учетом растущей значимости социального воздействия при выборе основных направлений развития должны учитывать его при разработке стратегий на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу.

Несмотря на то что российские компании ориентируются на мировой опыт внедрения принципов устойчивого развития и социального воздействия, разработка эффективных методов оценки результативности реализуемых проектов должна производиться с учетом страновых особенностей. В стратегиях управления устойчивым развитием крупнейших российских компаний присутствуют стратегические показатели, позволяющие оценить социальные и экологические эффекты, но большинство корпораций только начинают их внедрять. При этом развитие данного вида инвестирования в России характеризуется наличием широкого круга региональных импакт-инвесторов, стимулирующих положительные эффекты социального и экологического воздействия в регионах своей деятельности.

Рынок импакт-инвестирования в России имеет большой потенциал в связи с высокой потребностью в решении проблем в социальной сфере. Кроме того, растет внимание общественности к вопросам социального воздействия и роли бизнеса в решении социальных вопросов — создана Ассоциация импакт-инвесторов России; в 2019 г. государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» начинает реализацию проектов социального воздействия; в 2021 г. журналом *Forbes* впервые был составлен рейтинг российских импакт-инвесторов; создана российская платформа для импакт-инвестиций *ImpactFuture*, предоставляющая инвесторам механизмы решения социальных проблем. Участники российского рынка считают, что роль социального воздействия будет расти и оказывать существенное влияние на сто-

имость компании и ее потенциальную привлекательность для инвесторов. Исследование EY мнений инвесторов за 2020 г. показало, что для 91 % институциональных инвесторов нефинансовые показатели играют ключевую роль при принятии инвестиционных решений².

Ключевой проблемой «социализации» бизнеса становится распространение импактвошинга (*impact washing*) — недобросовестного поведения компаний, заявляющих о своей социальной деятельности с целью повышения лояльности инвесторов и покупателей, но не ведущих ее в реальности. Использование образа социально ориентированного предприятия становится возможным ввиду отсутствия рабочих инструментов измерения социального воздействия и сравнения результатов с другими участниками рынка. Эксперты также отмечают, что компании, зачастую намеренно отдают предпочтение только тем проектам, результаты реализации которых можно измерить и предоставить в рамках нефинансовой отчетности в краткосрочном периоде. Возможность использовать такие быстрые результаты для отчета перед стейкхолдерами или для формирования имиджа компании идет вразрез с принципами устойчивого развития бизнеса. Распространение импактвошинга приводит к росту недоверия со стороны инвесторов и существенно замедляет развитие импакт-инвестирования. Инструментом борьбы является внешняя независимая импакт-верификация (оценка методов управления социальным воздействием), проводимая независимой компанией или самим импакт-инвестором.

Поиск новых подходов к противодействию социальным и экологическим угрозам приводит к динамичному развитию импакт-инвестирования во всем мире. Импакт-инвесторы ориентированы не на снижение негативных последствий ведения бизнеса, а на создание положительного социального и экологического эффекта. При этом такое воздействие не рассматривается как единственная цель инвестиции, а рассматривается наряду с финансовыми результатами деятельности компании. В условиях пандемии коронавируса во всем мире социальные вопросы выходят на передний план и их решение является приоритетной задачей не только государства, но и бизнеса.

¹ Совет директоров будущего. Pw C. 2021. 60 с. (<https://www.pwc.ru/ru/assets/board-survey-28-06.pdf>).

² Глобальное исследование мнений институциональных инвесторов за 2020 год. EY. 2020. 36 с. (https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/assurance/assurance-pdfs/ey-global-institutional-investor-survey-2020.pdf).

Список литературы

1. Довбий И. П., Кобылякова В. В., Минкин А. А. Методологические аспекты имплементации ESG-факторов в новый инвестиционный цикл регионов // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 77—86.
2. Ефимова О. В., Волков М. А., Королёва Д. А. Анализ влияния принципов ESG на доходность активов: эмпирическое исследование // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25. № 4. С. 82—97.
3. Иваницкий В. П., Петренко Л. Д. Развитие ответственных инвестиций в соответствии с концепцией устойчивых финансов // Journal of New Economy. 2020. Т. 21, № 4. С. 63—78.
4. Львова Н. А. Ответственные инвестиции: теория, практика, перспективы для Российской Федерации // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. 2019. № 3. С. 56—67.
5. Николаева Е. В., Плетнев Д. А., Козлова Е. В. Идентификация стратегий российских корпораций: маркеры и результаты // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. Т. 14, № 3. С. 73—85.
6. Плетнев Д. А. О декарбонизации // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). Экономические науки. Вып. 74. С. 179—184.
7. Плетнев Д. А., Николаева Е. В., Козлова Е. В. Типология официальных стратегий крупных российских корпораций // Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика: монография. СПб.: Политех-пресс, 2020. С. 300—321.
8. Семешина Н. Т. Преимущества устойчивого инвестирования // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2019. № 6 (79). С. 237—244.

Сведения об авторе

Козлова Елена Викторовна — старший преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kozlova@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 168—173.*

INFLUENCE OF MODERN BUSINESS SOCIALIZATION CONCEPTS ON COMPANY STRATEGY

E. V. Kozlova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kozlova@csu.ru

Today, more and more companies, when developing strategies, pay special attention to the issues of environmental and social impact of business. Tightening environmental and social requirements are forcing companies to take them into account when developing strategies and development programs. Modern approaches to assessing the effectiveness of projects in the field of sustainable development are more focused on measuring quantitative indicators (the number of activities carried out or the volume of investments), rather than qualitative ones (assessing the effectiveness of their impact on the environment). Despite the widespread practice of introducing the principles of sustainable development into the strategies of companies, there is still no unified assessment methodology that allows you to measure their performance and conduct a comparative analysis within the country, industry or individual enterprises among themselves. Significant attention from the public and stakeholders to the socialization of business leads to the spread of such a negative phenomenon as impact washing.

Keywords: *social impact, strategies, impact investing, ESG-factors, sustainable development.*

References

1. Dovbiy I. P., Kobylyakova V. V., Minkin A. A. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (456), pp. 77—86 [in Russ.].
2. Efimova O. V., Volkov M. A., Korolova D. A. (2021) *Finansy: teoriya i praktika*, no. 4, pp. 82—97 [in Russ.].

3. Ivanitskiy V. P., Petrenko L. D. (2020) *Journal of New Economy*, no. 4, pp. 63—78 [in Russ.].
4. Lvova N. A. (2019) *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO*, no. 3, pp. 56—67 [in Russ.].
5. Nikolayeva E. V., Pletnev D. A., Kozlova E. V. (2021) *Nauchno-tehnicheskiye vedomosti SPbGPU*, no. 3, pp. 73—85 [in Russ.].
6. Pletnev D. A. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (456), pp. 179—184 [in Russ.].
7. Pletnev D. A., Nikolaeva E. V., Kozlova E. V. (2020) Tipologiya ofitsial'nykh strategiy krupnykh rossiyskikh korporatsiy. Ustoychivoye razvitiye tsifrovoy ekonomiki i klasternykh struktur: teoriya i praktika [Typology of the official strategies of large Russian corporations. Sustainable Development of the Digital Economy and Cluster Structures: Theory and Practice]. St. Petersburg, Politekh-press, 2020. Pp. 300—321 [in Russ.].
8. Semeshina N. T. (2019) *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava*, no. 6 (79), pp. 237—244 [in Russ.].

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ МОТИВАЦИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛА В КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

С. А. Банников, А. А. Корниенко

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Эффективность деятельности коммерческого предприятия в первую очередь зависит от качества работы управленческого персонала, который разрабатывает, организует исполнение, контролирует, при необходимости обновляет все процессы на производстве. Высокая мотивация управленческого персонала в достижении заданных целей является акселератором высоких результатов труда подчиненных и всего предприятия в целом. Поэтому вопрос обеспечения мотивации эффективного труда управленческого состава является первоочередной задачей в системе управления персоналом предприятия. Трудными учеными: А. Маслоу, К. Альдерфера, Ф. Тейлора, Ф. Герцберга, Д. МакКлеланда, М. Фоллет — заложено понимание сущности мотивации человека и особенностей поведения работника. Эти научные достижения являются базисом построения любой системы мотивации персонала на предприятии. Тем не менее остаются недостаточно изученными вопросы особенностей обеспечения высокого уровня мотивации труда управленческого персонала предприятия на пути достижения поставленных перед персоналом целей.

Ключевые слова: *система, управление, мотивация, персонал, предприятие.*

Задачей исследования является определение особенностей и разработка организационной модели системы мотивации эффективного труда административно-управленческого персонала на производственном предприятии.

В процессе развития теории мотивации труда на предприятии уточнялись понятия мотивации и стимулов, изучались современные мотивационные подходы к управлению персоналом, сравнивались особенности формирования зарубежных систем мотивации труда, изучались современные организационно-психологические аспекты управления персоналом. Мотивация представляет собой внутреннее побуждение человека к действию в соответствии с поставленными целями, интересами и удовлетворением потребностей. Так как потребности людей постоянно меняются, их необходимо изучать и совершенствовать систему мотивации в соответствии с новыми условиями (см. работу М. Аншиной [1]). Существует необходимость балансирования интересов человека и окружающей его социально-экономической среды. Если мотив является внутренней побудительной силой, то стимул является внешней причиной, воздействием, имеет целевую направленность и побуждает личность к конкретным действиям, в том числе к труду. Как показали исследования Н. В. Аветян, С. Н. Мустафаевой, стимулирование оказывает влияние на усилия, усердие, целеполагание, на-

целенность, добросовестность персонала организации [2]. Для разных категорий работников существуют разные цели трудовой деятельности, разные мотивы и, соответственно, разные стимулы. Из этого следует, что для получения заданного результата труда конкретных работников, в том числе руководящего состава предприятия, нужно ставить цели и находить действенные стимулы их своевременного достижения, учитывая потребности, интересы исполнителей.

Мотивационные подходы должны основываться на учете потребностей работников (первичных — физиологических, вторичных — психологических) и разработке системы стимулирования на базе вознаграждений (внутренних и внешних ценностей для человека). Мотивация человека может затрагивать как небольшую группу людей, так и целую компанию по причине того, что существует необходимость либо удовлетворения, либо ограничения исследуемых потребностей. Это позволяет достигать за достаточно непродолжительное время поставленные ранее цели (см. работу Е. А. Ершовой, М. В. Виниченко [3]).

Основным видом стимулирования персонала на отечественных предприятиях является материальное (заработная плата, премии, участие в прибылях и т. п.). Нематериальное стимулирование (благодарности, награды, уважение, права на получение материальных благ, доверие, сво-

бота действий и принятия решений) присутствует, но не содержит современных инновационных форм. Поэтому целесообразно изучить возможные модели стимулирования эффективного труда персонала, концентрируя внимание на управленческом персонале предприятий.

В системе мотивации персонала рядом с оплатой труда и премиями особое значение имеют благодарности, награды, звания, доски почета, чтобы сотрудники чувствовали, что добросовестный и производительный труд имеет признание. Современными методами стимулирования труда являются улучшение условий труда, использование системы компенсации свободным временем, возможностью повысить квалификацию вместо материальных благодарностей (см. работу М. Аншиной [1]).

Успешно работающие компании креативно мотивируют сотрудников, строя собственные спортивные комплексы, клиники, парикмахерские, химчистки, устраивают на работе массажные кресла (см. работу Е. А. Ершовой, М. В. Виниченко [3]). Как видим, существуют различные методы мотивации персонала к добросовестному труду. Однако в России они мало распространены и еще недостаточно изучены организационно-экономические вопросы их внедрения на предприятиях. Ученые, например Д. Ю. Ремизова, на основе зарубежного опыта акцентируют внимание на необходимости внедрения современных конкурентоспособных систем мотивации менеджеров компании, направленных на достижение конечных результатов как в собственной работе, так и в работе предприятия в целом, что предусматривает разумный баланс между материальным и нематериальным вознаграждением [4]. Также обращается внимание, что деятельность компании во многом зависит от атмосферы, которая есть в ее коллективе. Командная работа сотрудников — это одно из обязательных условий успеха компании (см. работу С. С. Шарафулиной [5]). Ученые обосновывают это тем, что для современного человека изменились приоритеты иерархии потребностей. Самовыражение, самореализация, социальное признание (статус, власть, деньги), социальные отношения (семья, дружба, любовь) стали для работника более приоритетными по значению, чем физиологические потребности [Там же]. Здоровье, время и комфорт сейчас оказывают весомое влияние на построение эффективной системы мотивации труда. Поэтому в мировой практике в компаниях часто оформляют медицинскую страховку со-

трудникам, что обеспечивает работникам ощущение защиты и безопасности, положительно влияет на настроение и сосредоточенность на работе. Сокращенная рабочая неделя позволяет сотруднику больше отдохнуть, пообщаться с семьей и друзьями, что положительно влияет на его работу. Как утверждает С. С. Шарафулина, достойные и комфортные условия труда (место для обеда, место для психологической разгрузки, соблюдение условий техники безопасности) также положительно влияют на работу [Там же].

Во многих случаях сложно оценить весь объем работы сотрудника, например, за год, поэтому разрабатывают систему рейтинговой оценки, в которой очень важно правильно установить балльную оценку сути выполненной работы (заключение договора, экспертное заключение, прогнозирование спроса, открытие зарубежного филиала и др.). Систему рейтинговой оценки целесообразно систематически пересматривать и уточнять. На основе объективных оценок работы подчиненным корректируют величину месячного заработка в зависимости от рейтинга (см. работу Н. А. Жданкина, В. М. Суанова [6]).

В настоящее время в отечественной литературе ощущается нехватка разработок особенностей построения комплексной системы мотивации труда административно-управленческого персонала, который входит в состав промышленно-производственного персонала предприятия и осуществляет свою трудовую деятельность в процессе управления производством с большой долей умственного и интеллектуального труда.

Административно-управленческий персонал разделяют на руководителей, специалистов и вспомогательно-обслуживающий состав. Руководители — это работники, осуществляющие функции общего руководства предприятием (это линейные и функциональные руководители, руководители высшего (директор и его заместители), среднего (начальники цехов и подразделений) и низшего (начальники участков, мастера) уровней. Специалисты — это персонал, занятый созданием и внедрением в производство новых знаний, технологий, разработкой вариантов решения отдельных производственных и управленческих проблем. Специалистов разделяют на специалистов технического профиля (конструктор, технолог, инженер), экономического профиля (экономист, бухгалтер, финансист, менеджер по персоналу, экономист-маркетолог), административно-хозяйственного профиля (инженер по охране труда и технике безопасности,

начальник административно-хозяйственного отдела) (см. работу Е. А. Иглицкой [7]). Результаты административно-управленческого труда сложно количественно и качественно оценить, поэтому возникает потребность определения должностных обязанностей, целей и результатов труда этих категорий работников (табл. 1). Без этого невозможно предложить любую систему мотивации их труда.

Часто система мотивации управленческого персонала базируется только на материальном стимулировании. Инженерно-техническим работникам и служащим установлены штатные оклады.

Периодически выплачиваются премии из фонда материального поощрения, если предприятие работает прибыльно. Можно говорить о заинтересованности персонала в эффективной работе предприятия, так как наличие прибыли делает возможным осуществление дополнительных выплат. Однако сложно дифференцировать индивидуальный вклад каждого работника административно-управленческого персонала в общий результат. Также на общий результат могут влиять проблемы, которые делают невозможным достижение высоких результатов работы всего предприятия.

Таблица 1

Должностные обязанности основных категорий административно-управленческого персонала производственного предприятия

Должность	Должностные обязанности
Генеральный директор	Общее управление всеми функциями, отвечает за выполнение стратегических целей и задач
Финансовый директор	Организация движения финансовых ресурсов, определение источников финансирования, переговоры с коммерческими банками, кредитными учреждениями, внешними организациями, организация работы по проведению анализа финансово-экономического состояния, осуществление управления активами предприятия и временно свободными денежными средствами, организация анализа затрат на закупку сырья и материалов, потребление электроэнергии, транспортных издержек, торгово-комиссионных и иных расходов, организация работы по разработке бизнес-планов, финансового анализа, разработка предложений для повышения финансовой эффективности деятельности предприятия
Главный бухгалтер	Организация учета доходов и расходов предприятия, обеспечение составления достоверной отчетности, обеспечение правильного начисления и перечисления платежей, осуществление экономического анализа хозяйственно-финансовой деятельности, отвечает за систему внутреннего контроля
Главный технолог	Организация разработки и внедрения прогрессивных, экономически обоснованных, ресурсо- и природосберегающих технологических процессов и режимов производства, выпускаемой предприятием продукции, меры по ускорению внедрения в производство прогрессивных технологических процессов, новейших материалов, научно-технических достижений, составление планов внедрения новой техники и технологий, повышения технико-технологической эффективности, разработка технологической документации
Юрист	Представляет интересы предприятия в суде, исполнительной службе, готовит к подписанию договоры, осуществляет юридическую экспертизу документов, решений, действий, работает с государственными органами, ведет деловую переписку, осуществляет полное юридическое сопровождение деятельности предприятия
Экономист планово-экономического отдела, отдела труда и заработной платы	Планирует объемы производства, издержки предприятия, калькулирует себестоимость, планирует прибыль, обосновывает цены, планирует фонд заработной платы, планирует состав кадров, заработную плату, фонд рабочего времени, производительность труда, формы и методы оплаты труда работников, системы премирования
Экономист коммерческого отдела	Организует снабжение, сбыт, логистические потоки, управляет материальными запасами на предприятии
Инженер-технолог производственного отдела	Контролирует технологический процесс на производстве, решает технологические проблемы, участвует в разработке и внедрении новых технологий
Инженер-конструктор производственного отдела	Контролирует техническое состояние оборудования, организует его ремонт и наладку, поддержание в технически исправном состоянии, участвует в технической модернизации производства
Бухгалтер	Ведет учет движения материальных ценностей, составляет бухгалтерские отчеты
Экономист по кадрам	Ведет учет кадров, осуществляет подбор кадров, организует повышение квалификации кадров

Источник: составлено автором на основе данных [10].

Поэтому предлагается в управленческой работе предприятия определять существующие проблемы и назначать ответственных исполнителей за их решение (см. работу Ю. Г. Вороновой [9]). Пример проблем управления предприятием и ответственных за их решение работников аппарата управления предоставлен в табл. 2.

Таблица 2

Примеры распределения ответственности за проблемы функционирования производственного предприятия

Проблемы	Ответственные работники
1. Отсутствие дорогостоящей технологической компоненты, что снижает качество товарной продукции, уменьшает спрос на продукцию	Хозяева; финансовый директор
2. Объем реализованной продукции меньше точки безубыточности, использование производственной мощности на 50%, убыточность производства, угроза банкротства	Хозяева; финансовый директор, коммерческий директор
3. Низкий уровень диверсификации производства	Хозяева; финансовый директор, коммерческий директор, начальник планово-экономического отдела, главный технолог

Источник: составлено автором на основе данных [8].

Иногда собственники не мотивированы развивать предприятие, не инвестируют средств на реновацию основных фондов и на получение прибыли, формируют генеральную установку на вытягивание максимально возможных средств из предприятия до момента будущей продажи объекта. Естественно, что, когда высшее руководство не ставит задачу повышения эффективности предприятия, управленческие кадры не мотивированы на получение роста рентабельности объекта управления. По сути, управленческий персонал выполняет задачи хозяев. В таком случае проблему неэффективной работы предприятия нельзя решить только за счет изменения системы мотивации персонала.

Прежде чем определить направления совершенствования мотивации персонала, необходимо разработать стратегические цели развития предприятия. В таких условиях перед руководством предприятия можно будет ставить новые цели по достижению эффективности работы предприятия.

Пример формирования мотивационных целей управленческого персонала представлен ниже,

где для обеспечения рентабельного производства предлагается привлечь долгосрочные инвестиции в дифференциацию производства, увеличить товарооборот, получить прибыль, восстановить ликвидность, ускорить оборачиваемость текущих активов.

Если перечисленные цели установить как мотивационные цели, то достижение их должно поощряться морально и материально. После установления мотивационных целей определяют круг ответственных за их выполнение в соответствии с должностными обязанностями управленческого персонала (табл. 3).

Таблица 3

Пример распределения ответственности за выполнение мотивационных целей предприятия

Цель	Ответственные исполнители за номер цели
1. Привлечение долгосрочных инвестиций банка и соучредителей	Хозяева — за все. Генеральный директор — за все.
2. Создание нового производства	Финансовый директор — за все.
3. Увеличение в 2 раза совокупного товарооборота предприятия	Главный бухгалтер — за все. Главный технолог — за № 2, 3, 8.
4. Получение прибыли на уровне 10% рентабельности совокупного капитала	Юрист — за № 1, 2, 8. Экономист планово-экономического отдела — за № 1—4, 8, 9.
5. Восстановление оборотного капитала в размере 30% текущих активов	Экономист коммерческого отдела — за № 3, 6, 7, 8.
6. Восстановление ликвидности до уровня нормативов	Инженер-технолог производственного отдела — за № 3, 7, 8.
7. Ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности в 2 раза	Инженер-конструктор производственного отдела — за № 2, 8.
8. Создание гудвилла предприятия	Экономист бухгалтерии — за № 8.
9. Повышение стоимости предприятия	Технолог-лаборант — за № 8. Экономист по кадрам — за № 8, подбор и переподготовка кадров

Примечание: составлено автором.

Разные руководители отвечают за разные цели. Только хозяева, генеральный директор, финансовый директор и главный бухгалтер отвечают за все. Чтобы обеспечить рост стоимости компании, необходимо обеспечить получение заданной прибыли. Эту задачу непосредственно решают финансовый директор, специалисты планово-экономического

отдела. Но от главного технолога, инженера-конструктора зависят издержки производства, которые влияют на величину прибыли. От профессионализма специалистов коммерческого отдела зависит величина товарно-материальных запасов, кредиторская и дебиторская задолженность, непосредственно влияющие на формирование стоимости предприятия. За формирование доброго имени предприятия (гудвилл) отвечают все.

Решение поставленных задач специалисты и руководители должны находить консолидированно в целевых группах. Поскольку на предприятии предлагается установить девять стратегических мотивационных целей, необходимо создать девять целевых групп, периодические заседания которых могут пересекаться и даже объединяться в единую большую группу в связи с однородностью решаемых задач и идентичностью ответственных участников. Объединенные группы сотрудников совместно должны искать решение поставленных задач. Так достигается мультипликационный синергетический эффект. Никто из ответственных лиц не будет поощряться за решение отдельно поставленной задачи. Интересует комплексный результат. Предприятие должно быть нацелено на конечный результат, а не на процесс труда.

Для обеспечения достижения мотивационных целей необходимо разработать систему стимулов: материальных и моральных. Необходимо дать свободу творчества всем сотрудникам. Неспособных к творческой деятельности сотрудников необходимо заменять. Креативные, творческие специалисты должны получать высокую заработную плату, чтобы привлекать высокопрофессиональных специалистов.

Можно целенаправленно подбирать кадры примерно одинакового типа мотивированных, например на удовольствие от процесса труда, решения сложных задач. Кроме того, при разработке мотивационной системы необходимо подбирать комплекс различных видов стимулов, чтобы каждый находил для себя набор тех, которые наиболее действенны для него. Это должны быть переплетение материальных, моральных стимулов, гордости за коллектив, предприятие, выпускаемую продукцию.

Менеджеров по персоналу всегда интересовал вопрос, при каких условиях человек мотивирован к работе согласно чужой задаче. Этот интерес возрастал вместе с расширением личной свободы подчиненного. Чтобы создать мотивационный механизм, который будет работать сам, управленческому персоналу необходимо дать полную свободу

принятия решений, определив четкие цели и результаты, за достижение которых работники будут получать вознаграждение.

Предлагается пример системы мотивации управленческого персонала, состоящей из материальных и моральных стимулов. Материальные стимулы основываются на системе оплаты труда. Во-первых, оплата труда руководителей, инженерно-технических работников и служащих должна состоять из двух частей. Оклад — базовая ставка выплачивается ежемесячно работникам при любом результате на сложившемся уровне, обеспечивает не менее трех минимальных заработных плат, принятых на данный момент в стране [11]. Вторая половина оплаты труда пропорционально достигнутому уровню мотивационных целей формируется за счет двух источников: дополнительного фонда оплаты труда за особые достижения в труде (в структуре административных расходов) и из фонда материального поощрения (из чистой прибыли). Для выплаты доплат и премий на предприятии разрабатываются два положения: «О выплате доплат за особые достижения труда» и «О премировании». Во-вторых, при достижении предприятием мотивационных целей (условие обязательное) оклад управленческих работников, от которых зависит результат, увеличивается на 40%, формируя дополнительную часть фонда оплаты труда на плановый период.

Таким образом, руководители высшего звена поощряются за достижения мотивационных целей премирования при достижении этапных уровней, и при закреплении выполненных результатов, им повышается базовая заработная плата.

Система мотивационных целей и система материальных поощрений должны разрабатываться на каждый плановый год. Когда такая программа дополнительных выплат разработана, разрабатываются нормативы формирования фонда оплаты труда. В случае перевыполнения плана по объемам производства и реализации товарной продукции, у предприятия появляется возможность увеличивать оклады управленческого персонала в структуре административных расходов. Предприятию выгоднее выплатить сотрудникам дополнительную заработную плату за счет увеличения административных расходов, чем с прибыли, так как прибыль облагается налогом. Поэтому целесообразно на предприятии внедрить систему гибкой оплаты труда руководителей по достигнутым результатам.

Нематериальное стимулирование труда управленческого персонала предполагает разработку таких методов, которые создают ощущение комфорта

в работе, гордость за свои профессиональные достижения, уважение коллег и подчиненных, ощущение защищенности от возможных жизненных проблем.

Рабочее место топ-менеджеров должно создавать особый комфорт в работе. Но эргономичность и деловая роскошь обустройства кабинета руководителя не должны контрастировать с убыточной деятельностью предприятия. Понятно, что улучшить состояние рабочих мест можно при успешном выполнении целей развития предприятия. Управленческий персонал должен знать, что при выполнении мотивационных целей будет удовлетворена их потребность в комфортных условиях труда. Это должно быть одним из пунктов планов заботы собственников предприятия об управленческих кадрах.

Заботу о сотрудниках предприятия можно осуществлять путем решения части проблем сотрудников. Например, предприятие может за счет административных расходов осуществлять не только обязательное социальное страхование управленческих кадров, но и медицинское страхование работников и членов их семей. В случае болезни или операции лечение будет осуществляться в хороших условиях и за счет страховки. Оплата путевки на отдых с семьей за особые заслуги перед компанией может рассматриваться как морально-материальное вознаграждение.

На предприятии необходимо разработать систему празднования достижения поставленных целей в неформальной обстановке, например на пикнике, в ресторане. Трудовой коллектив должен испытывать радость от полученных результатов труда, понимать ценность сотрудничества, принадлежность к успехам коллективного труда.

Защищенность кадров от непредвиденных ситуаций может дать система материальной помощи

при наступлении проблем со здоровьем работников или членов его семьи, при необходимости выплачивать стоимость контракта за учебу детей. Предприятие может частично выдавать безвозмездную материальную помощь, а также давать беспроцентный кредит. Проблемы сотрудников должны становиться проблемами предприятия. Все сотрудники тогда будут чувствовать себя членами одной большой семьи. Руководство предприятия должно заботиться о своих работниках. Понятно, что убыточное предприятие ничем не может помочь своим работникам. Руководящие работники должны знать, что выполнение мотивационных целей предприятия принесет не только дивиденды владельцам, но и материальное и моральное вознаграждение за их интеллектуальный труд.

Система мотивации управленческого персонала с высоким уровнем материальных и моральных стимулов позволит привлечь высококвалифицированные кадры на предприятие. Управленцы должны знать, что при достижении мотивационных целей владельцы и сотрудники предприятия получают дополнительный доход. Чувство защищенности, большой семьи, гордости за свое предприятие является дополнительным стимулом к плодотворной работе. В дальнейших исследованиях целесообразно разработать алгоритм финансирования внедренной системы мотивации административно-управленческих работников. Предприятие должно планировать свой доход и организовывать его получение в соответствии с потребностью обеспечения мотивации персонала к плодотворной работе, а не поощрять к работе в соответствии с полученными результатами. Результаты труда необходимо программировать и создавать условия для выполнения программ.

Список литературы

1. Аншина М. Мотивация персонала в процессной деятельности // БИТ. Бизнес & Информационные технологии. 2017. № 10 (73). С. 48—52.
2. Аветян Н. В., Мустафаева С. Н. Мотивация как элемент эффективного управления персоналом // NovaInfo.Ru. 2017. Т. 1, № 75. С. 236—241.
3. Ершова Е. А., Виниченко М. В. Исследование существующих теорий мотивации в системе управления персоналом // Новое поколение. 2017. № 14-2. С. 194—200.
4. Ремизова Д. Ю. Особенности нематериальной мотивации персонала // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 11 (79).
5. Шарафулина С. С. Основные характеристики мотивации персонала // Материалы Ивановских чтений. 2018. № 1-1 (18). С. 110—113.
6. Жданкин Н. А., Суанов В. М. Мотивация персонала как ключевой фактор стратегического развития промышленных предприятий России // Менеджмент сегодня. 2017. № 4. С. 256—272.
7. Иглицкая Е. А. Особенности трудовой мотивации персонала в современных условиях // Мотивация и оплата труда. 2017. № 4. С. 318—319.

8. Коломыц О. Н., Скандибасов Т. Система мотивации персонала: преимущества, недостатки, эффективность // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2017. № 3 (75). С. 130—135.
9. Воронова Ю. Г. Основные аспекты мотивации труда персонала организации // Социальная политика и социальное партнерство. 2017. № 9. С. 37—41.
10. Чернобровина Ю. Э. Мотивация трудовой деятельности персонала как фактор эффективности российских компаний // Евразийский союз ученых. 2016. № 30-3. С. 89—91.

Сведения об авторах

Банников Сергей Александрович — кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Государственная корпорация управления воздушным движением Российской Федерации, Москва, Россия. sabann@bk.ru

Корниенко Анна Александровна — студентка, магистрантка Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия. A1n9n9a8@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. № 12 (458). *Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 174—180.*

MODERN TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF MOTIVATION OF MANAGEMENT PERSONNEL IN COMMERCIAL ORGANIZATIONS

S. A. Bannikov

State Air Traffic Control Corporation of the Russian Federation, Russia, Moscow. sabann@bk.ru

A. A. Kornienko

Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow. A1n9n9a8@mail.ru

The efficiency of a commercial enterprise primarily depends on the quality of the work of management personnel, who develops, organizes execution, controls, and, if necessary, updates all processes in production. High motivation of management personnel in achieving the set goals is an accelerator of high results of work of subordinates and the entire enterprise as a whole. Therefore, the issue of ensuring the motivation of effective work of the managerial staff is a priority task in the personnel management system of the enterprise. The work of scientists — A. Maslow, K. Alderfer, F. Taylor, F. Herzberg, D. McClelland, M. Follett laid the understanding of the essence of human motivation and the characteristics of employee behavior. These scientific achievements are the basis for building any system of personnel motivation at the enterprise. Nevertheless, the issues of the peculiarities of ensuring a high level of labor motivation for the management personnel of the enterprise on the way to achieving the goals set for the personnel remain insufficiently studied.

Keywords: *system, management, motivation, personnel, enterprise.*

References

1. Anshina M. (2017) *BIT. Biznes & Informatcionnye tekhnologii*, no. 10 (73), pp. 48—52 [in Russ.].
2. Avetyan N. V. (2017) *NovaInfo.Ru*, vol. 1, no. 75, pp. 236—241. [in Russ.].
3. Ershova E. A., Vinichenko M. V. (2017) *Novoe pokolenie*, no. 14-2, pp. 194—200 [in Russ.].
4. Remizova D. Yu. (2017) *Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovacii*, no. 11 (79) [in Russ.].
5. Sharafulina S. S. (2018) *Materialy Ivanovskikh chteniy*, no. 1-1 (18), pp. 110—113 [in Russ.].
6. Zhdankin N. A., Suanov V. M. (2017) *Menedzhment segodnia*, no. 4, pp. 256—272 [in Russ.].
7. Iglitskaya E. A. (2017) *Motivatciia i oplata truda*, no. 4, pp. 318—319 [in Russ.].
8. Kolomyts O. N. Skanchibasov T. (2017) *Ekonomika. Pravo. Pechat'. Vestnik KSEI*, no. 3 (75), pp. 130—135 [in Russ.].
9. Voronova Yu. G. (2017) *Sotcial'naiia politika i sotcial'noe partnerstvo*, no. 9, pp. 37—41 [in Russ.].
10. Chernobrovina Yu. E. (2016) *Evraziyskiy soiuz uchenykh*, no. 30-3, pp. 89—91 [in Russ.].

МОДЕЛИРОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ ГЕНЕРАЦИИ НОВЫХ ЗНАНИЙ НА ИННОВАЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТОВ

М. В. Власов

*Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина,
Школа государственного управления и предпринимательства, Екатеринбург, Россия*

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант РФФИ 19-010-00850 А «Институциональное моделирование экономики интернет-пространства России».

Статья посвящена актуальной проблеме — разработке методов повышения инновационной активности университетов — и оценке влияния динамики генерации новых знаний на динамику создания инноваций в университетах. Автором проведен теоретический анализ существующих методов анализа влияния динамики процессов генерации новых знаний на инновационную активность университетов. Проанализированы методологические подходы к оценке влияния динамики финансирования процессов генерации новых знаний на инновационную активность университетов, выявлены направления их совершенствования, предложена математическая модель динамики инновационной активности в зависимости от динамики показателей финансирования процессов генерации новых знаний в университетах. Автором также проведен регрессионно-корреляционный анализ, представлены модели парной регрессии и выявлена устойчивая зависимость динамики инновационной активности от динамики финансирования процессов генерации новых знаний в университетах.

Ключевые слова: университет, генерация новых знаний, моделирование, инновационная активность.

В последние годы в условиях четвертой технологической революции широкое распространение получила предложенная Е. Г. Леонтьевой в своих исследованиях концепция «Университет 3.0», которая рассматривает университет как инновационный центр [1].

Концепция «Университет 3.0» базируется на исследованиях Й. Виссемы, который выделяет следующие основные миссии современного университета: сотрудничество с высокотехнологическими компаниями, междисциплинарные научные исследования, коммерциализация научных исследований, развитие человеческого капитала [2].

В своем исследовании Б. А. Баранов, Л. П. Липатова, Р. Т. Полякова рассматривают «Университет 3.0» как часть инновационной системы, взаимодействующей с высокотехнологическими компаниями и осуществляющей генерацию прикладных научных знаний по их заказам [3].

В своей статье О. В. Нариманова рассматривает процесс эволюции концепций университетов. По ее мнению, университет 1.0 — это вуз, занимающийся только передачей и распространением знаний, при этом не проводящий самостоятельно научных исследований, университет 2.0 — это вуз в котором добавляется функция генерации новых знаний,

университет 3.0 — следующий этап развития вузов, на котором добавляется этап коммерциализации научных исследований [4].

По мнению В. Скуотто, М. Дель Джудиче, А. Гарсия-Переса, Б. Орландо, Ф. Чампи, происходит смещение университетов в сторону распространения экономики знаний, университеты стали неотъемлемой частью инновационной системы. При этом их целью является создание новых, инновационных предприятий и инновационных технологий, что привело к улучшению передачи технологий и повышению уровня научных исследований в нынешней экономике знаний. Вместе с тем по-прежнему отсутствуют исследования, посвященные эффективности финансирования научных исследований в университетах [5].

Ц. Е. Чрыссоу в результате проведенного исследования приходит к выводу о том, что взаимодействие «университет — промышленность» все чаще рассматривается как важнейший компонент национальных инновационных систем и для построения экономики знаний как в развитых, так и в развивающихся странах [6].

Результаты исследований А.-К. Шульце-Крог, Дж. Калиньяно показали, что сегодняшний уровень взаимодействия между учеными и фирмами выше,

чем когда-либо, и политики принимают различные меры для содействия эффективной интеграции между исследовательскими учреждениями и промышленностью в единые инновационные системы. В своем исследовании они оценивали взаимосвязь между финансированием проектов сотрудничества между фирмами и университетами в области инновационной деятельности. Недостаток инновационной политики, направленной на стимулирование сотрудничества между промышленностью и университетской наукой, заключается в отсутствии методов оценки эффективности научной деятельности в университетах [7].

Научные исследования, проводимые в университетах, играют важную роль в развитии инновационных систем, особенно в разрезе сотрудничества промышленности и университетской науки, что в ряде случаев приводит к разработке новых продуктов, процессов и услуг для общества. Однако в большинстве случаев научная деятельность университетов финансируется только из федерального бюджета, и на сегодняшний день в научной литературе отсутствуют исследования по оценке эффективности финансирования научной деятельности в университетах.

Таким образом цель данного исследования — разработать методологию по оценке эффективности финансирования научной деятельности, направленной на развитие инновационных систем университетов.

По мнению Ц. Ган, Й. Хонг, Б. Хоу, оценка эффективности прямого финансирования университетских научных парков и исследований является важным, но нерешенным вопросом. Используя данные за 2009—2016 гг., ученые провели эмпирическое исследование, которое показало, что из всех различных видов поддержки научных исследований в университетах только финансовая поддержка оказывает значимое влияние на развитие научных исследований в университетах. Однако исследование данных ученых носило сугубо качественный характер и они не исследовали вопросы эффективности финансирования научной деятельности в университетах [8].

Данные, полученные в результате исследований К. Хутаибата, З. Алхатабата, Л. вон Алберти-Алхтаббат, К. Ал-Хтаббата, показывают, как академические ценности и методы управленческого контроля создают специфичный для университетских кругов подход к управлению эффективностью, который измеряется с помощью определенных ключевых показателей эффективности, а именно

динамики результатов научно-исследовательской деятельности, измеренной в количестве патентов на изобретения [9].

Исследование, проведенное такими учеными, как А. Векиц, В. Дяковиц, Й. Бороцки, В. Срока, Й. Попп, Й. Олах, показывает, что направленность университетской научной деятельности на получение практических результатов и дальнейшее их патентование и продажа лицензий на использование изобретений являются основой развития современного университета, определяющей его инновационную активность [10].

В статье Б. А. Мокоена, Ц. Мафини исследуются давние и нерешенные споры относительно использования показателей эффективности научных исследований в университетах. Методом исследовательского факторного анализа было доказано, что показатели, отражающие изобретательскую активность в университетах, являются наиболее значимыми показателями эффективности инновационной активности университетов [11].

С. П. Пхилбин, Р. Каур свои научные исследования посвятили разработкам сбалансированной системы показателей в качестве инструмента измерения производительности научной деятельности университетов. Ими было определено, что такие показатели, как количество полученных патентов на изобретения, продажа лицензий на их использование, являются наиболее значимыми. Кроме того, данные показатели определяют динамику развития инновационных систем [12].

Исследования Ф. Сзуща посвящены оценке влияния программы субсидирования исследований университетов на развитие инновационных систем. Особое внимание уделено партнерским отношениям между промышленностью и университетами. В результате анализа полученных данных доказано положительное влияние стимулирования научных исследований на инновационную активность предприятий, при этом выявлено, что основными показателями научной деятельности и, соответственно, инновационной активности в университетах явились такие, как количество полученных и поддерживаемых патентов, а также количество лицензий на использование [13].

Г. Сецундо, Е. С. Перез, З. Мартинаитис, К. Х. Литнер считают, что третья миссия университетов связана с генерированием, использованием, применением и эксплуатацией знаний с внешними заинтересованными сторонами и обществом в целом. При этом третья миссия не может рассматриваться как остаточная функция, она дополняет две другие

миссии университетов — обучение и исследования. Критерии эффективности измерения третьего потока миссий университетов приобрели высокую значимость в современных условиях. В этих условиях, исходя из целей третьей миссии, а именно повышения качества научных исследований в университетах, авторы провели анализ значимости различных показателей процессов генерации знаний в университетах. Наиболее значимыми признаны показатели, характеризующие количество полученных изобретений, так как именно изобретения могут быть внедрены в деятельность промышленных предприятий, что повысит их инновационную активность [14].

По мнению Д. Родионова, Д. Величенковой, инновационная экономика — главное направление социально-экономического развития России. Нужно понимать, что организации, использующие новые технологии, будут определять важность инноваций. Инновации меняются под влиянием общества — основой развития общества является передача знаний, а это одна из важнейших задач системы высшего образования. В этом плане университеты можно считать фактором инновационного развития. Авторы качественным образом доказывают, что университеты как часть инновационной системы влияют на эффективность этой системы. Основными показателями инновационной активности университетов они определили «Лицензии, приобретенные организациями», «Новые, полученные патенты», «Поддерживаемые патенты», «Заявки на объекты промышленной собственности». В результате своего исследования авторы приходят к выводу, что на сегодняшний день отсутствуют какие-либо методы оценки эффективности инновационной деятельности университетов [15].

В результате проведенного теоретического анализа автор приходит к выводу, что основными показателями научной деятельности университетов, как составной части инновационной системы, являются следующие: новые, полученные патенты, поддерживаемые патенты, лицензии, приобретенные российскими организациями, заявки на объекты промышленной собственности.

Л. Л. Оуеллетте, А. Тутт в своей статье провели исследование финансирования научной деятельности в университетах. Авторы доказывают, что руководство университетов самостоятельно определяет уровень финансирования научных исследований, при этом они выявили проблему, заключающуюся в том, что во многих универси-

тетах увеличение количества изобретений не приводит к увеличению финансирования научной деятельности [16].

Исследовательские университеты являются общепризнанными источниками новых знаний, и их вклад в инновации проявляется в создании, передаче и коммерциализации новых технологий, возникающих в результате академических исследований, является очень значимым. Сотрудничество в области научных исследований между университетами, промышленностью и сообществом обуславливает развитие инновационной активности. Однако результаты исследований М. Д. М. Цуллен, А. П. Цалитза, М.-А. Четты говорят о том, что в большинстве случаев менеджмент университетов самостоятельно определяет уровень финансирования научной деятельности, что в ряде случаев приводит к низкому уровню финансирования научных исследований [17].

Исследование А. Moradi-Motlagh, С. Jubb, К. Houghton было посвящено оптимизации финансовой модели австрийских университетов в связи с уменьшением государством финансирования их деятельности. Авторы пришли к выводу, что на сегодняшний день не существует устоявшихся норм по уровню финансирования научной деятельности, при этом университеты осуществляют финансирование научной деятельности самостоятельно. Кроме того, данный процесс является непрозрачным и не имеет научного или практического обоснования [18].

В результате проведенных научных исследований автор приходит к выводу, что процесс финансирования научной деятельности в университетах отличается от организации деятельности по финансированию процессов генерации новых знаний в научных организациях.

Во-первых, отсутствуют устоявшиеся нормы, определяющие уровень финансирования научных исследований в университетах.

Во-вторых, уровень финансирования процессов генерации новых знаний определяют самостоятельно, не имея научно и практически обоснованных методик.

В-третьих, если в научных организациях существуют различные показатели финансирования процессов генерации знаний (например, капитальные затраты на научные исследования и разработки, внутренние затраты на научные исследования), то в университетах такое деление отсутствует и в финансовой отчетности университетов присутствует только общее финансирование научной деятельности.

Таким образом, проведенный автором теоретический анализ позволил сформулировать следующие научные гипотезы исследования:

- 1) количество лицензий, приобретенных российскими организациями, зависит от уровня финансирования научной деятельности в университетах;
- 2) количество новых, полученных патентов зависит от уровня финансирования научной деятельности в университетах;
- 3) количество поддерживаемых патентов зависит от уровня финансирования научной деятельности в университетах;
- 4) количество заявок на объекты промышленной собственности зависит от уровня финансирования научной деятельности в университетах.

Верификация авторских гипотез, анализ данных автором проводилась с использованием корреляционного анализа, показывающего уровень взаимосвязи нескольких величин. Значение коэффициентов корреляции показывает уровень силы взаимосвязей рядов исследуемых данных. Интерпретация данных, полученных в результате корреляционного анализа, осуществлялась на основе шкалы Чеддока [См.: 19].

Верификация авторских гипотез проводилась на основе анализа научной результативности 20 ведущих университетов Уральского федерального округа за период с 2015 по 2019 г.

Данные, использовавшиеся в проведенных научных исследованиях об уровне научной результативности и уровне финансирования процессов генерации знаний в университетах, были получены автором в результате обработки годовых отчетов, оформленных в соответствии с «Порядком и формой представления отчета о научной деятельности высших учебных заведений и организаций, подве-

домственных Министерству образования и науки Российской Федерации».

В результате проведенного авторского исследования выявлены зависимости, определяющие влияние уровня финансирования процессов генерации знаний на инновационную активность университетов, а также осуществлена верификация предложенных автором гипотез исследования (см. таблицу).

В результате анализа данных, представленных в таблице, можно сделать следующие выводы. Существует устойчивая взаимосвязь между показателями инновационной активности и уровнем финансирования процессов генерации знаний в университетах, о чем свидетельствуют представленные в таблице коэффициенты корреляции, значение которых превышает 0,89. Выдвинутые автором гипотезы о том, что повышение процессов генерации знаний приводит к повышению инновационной активности университетов, состоятельны.

Проведенное автором теоретико-эмпирическое исследование позволило получить следующие научные результаты:

— Во-первых, сформулированы гипотезы о сильном влиянии уровня финансирования процессов генерации знаний на инновационную активность университетов.

— Во-вторых, автором проведено эмпирическое исследование, в результате которого все предложенные гипотезы были верифицированы. Таким образом, автором доказано положительное влияние повышения уровня финансирования процессов генерации знаний на инновационную активность.

— В-третьих, автором предложена эконометрическая модель развития региональных инновационных систем.

Коэффициенты корреляции показателя «Объем финансирования научных исследований и разработок, тыс. руб.» с показателями инновационной результативности (ИР)

Показатель инновационной активности вузов	Коэффициент корреляции	Вид зависимости	R2
Лицензии, приобретенные российскими организациями (ЛПРО)	0,9	$1E-0,5x + 0,5302$	0,8678
Новые, полученные патенты (НПП)	0,8971	$0,0001x + 4,0544$	0,7862
Поддерживаемые патенты (ПП)	0,91	$0,0002x + 11,706$	0,8219
Заявки на объекты промышленной собственности (ЗОПС)	0,904	$0,0001x + 10,759$	0,7979

Список литературы

1. Леонтьева Е. Г. Корпоративный университет как модель инновационного корпоративного учебного заведения // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 144—147.
2. Виссема Й. Г. Университет третьего поколения: Управление университетом в переходный период: пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2016. 432 с.
3. Баранов Б. А., Липатова Л. П., Полякова Р. Т. Корпоративный университет как инновационная модель интеграции бизнеса и образования // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2014. № 3 (69). С. 27—34.
4. Нариманова О. В. Концепция Университет 3.0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2019. Т. 7, № 2 (25).
5. A spill over effect of entrepreneurial orientation on technological innovativeness: an outlook of universities and research based spin offs / V. Scuotto, M. Del Giudice, A. Garcia-Perez, B. Orlando, F. Ciampi // Journal of Technology Transfer. 2020. Vol. 45, iss. 6, December. P. 1634—1654.
6. Chryssou C. E. University — industry interactions in the Sultanate of Oman: Challenges and opportunities // Industry and Higher Education. 2020. Vol. 34, iss. 5. P. 342—3571.
7. Schulze-Krogh A. C., Calignano G. How Do Firms Perceive Interactions with Researchers in Small Innovation Projects? Advantages and Barriers for Satisfactory Collaborations // Journal of the Knowledge Economy. 2020. Vol. 11, iss. 3. P. 908—930.
8. Gan Q., Hong J., Hou B. Assessing the different types of policy instruments and policy mix for commercialisation of university technologies // Technology Analysis and Strategic Management. 2021. Vol. 33, iss. 5. P. 554—567.
9. Performance habitus: performance management and measurement in UK higher education / K. Hutaibat, Z. Alhatabat, L. von Alberti-Alhtaybat, K. Al-Htaybat // Measuring Business Excellence. 2021. Vol. 25, no. 2. P. 171—188.
10. The Importance of Academic New Ventures for Sustainable Regional Development / A. Vekic, V. Djakovic, J. Borocki, W. Sroka, J. Popp, J. Oláh // Amfiteatru Economic. 2020. № 22 (54). P. 533—550.
11. Mokoena B. A., Mafini C. Corporate performance indicators: The case of universities // Corporate Board: Role, Duties and Composition. 2016. Vol. 12, iss. 3. P. 43—50.
12. Philbin S. P., Kaur R. Measuring PMO performance — Application of the balanced scorecard in a collaborative research context // Journal of Modern Project Management. 2020. Vol. 7, iss. 4. P. 254—275.
13. Szucs F. Research subsidies, industry–university cooperation and innovation // Research Policy. 2018. Vol. 47, iss. 7. P. 1256—1266.
14. An Intellectual Capital framework to measure universities' third mission activities / G. Secundo, S. Elena-Perez, Z. Martinaitis, K. H. Leitner // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 123. Pp. 229—239.
15. Rodionov D., Velichenkova D. Relation between Russian universities and regional innovation development // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2020. Vol. 6, iss. 4.
16. Ouellette L. L., Tutt A. How do patent incentives affect university researchers? // International Review of Law and Economics. 2020. Vol. 61.
17. Cullen M. D. M., Calitz A. P., Chetty M.-A. Factors affecting researcher participation in technology commercialisation: A South African university case study // Southern African Journal of Entrepreneurship and Small Business Management. 2020. Vol. 12, iss. 1. P. 1—12.
18. Moradi-Motlagh A., Jubb C., Houghton K. Productivity analysis of Australian universities // Pacific Accounting Review. 2016. Vol. 28, iss. 4. P. 386—400.
19. Ишханян М. В., Карпенко Н. В. Эконометрика: учеб. пособие. Ч. 1. Парная регрессия. М.: МГУПС (МИИТ), 2016.

Сведения об авторе

Власов Максим Владиславович — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН; преподаватель Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, Школа государственного управления и предпринимательства, Екатеринбург, Россия. mvllassov@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). Economic Sciences. Iss. 75. Pp. 181—186.

MODERATION OF THE INFLUENCE OF FINANCING OF NEW KNOWLEDGE GENERATION ON INNOVATIVE ACTIVITY OF UNIVERSITIES

M. V. Vlasov

Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, School of Public Administration and Entrepreneurship, Yekaterinburg, Russia. mvllassov@mail.ru

The article is devoted to an urgent problem — the development of methods for increasing the innovative activity of universities and assessing the impact on the dynamics of generating new knowledge on the dynamics of creating innovations at the university. The article analyzes the methodological approaches to assessing the influence of the dynamics of financing the processes of generating new knowledge on the innovative activity of universities, identifies the directions of their improvement, proposes a mathematical model of the dynamics of innovative activity depending on the dynamics of the indicators of financing the processes of generating new knowledge in universities. The author also carried out a multivariate regression-correlation analysis and revealed a stable dependence of the dynamics of innovative activity on the dynamics of financing the processes of generating new knowledge in universities.

Keywords: *university, generation of new knowledge, modelling, innovative activity.*

References

1. Leont'yeva Ye. G. (2012) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 361, pp. 144—147 [in Russ.].
2. Vissema Y. G. (2016) *Universitet tret'yego pokoleniya: Upravleniye universitetom v perekhodnyy period* [Third Generation University: University Management in a Transitional Period]. Moscow, Olimp-Biznes. 432 p. [in Russ.].
3. Baranov B. A., Lipatova L. P., Polyakova R. T. (2014) *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*, no. 3 (69), pp. 27—34 [in Russ.].
4. Narimanova O. V. (2019) *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye: setevoy zhurnal*, vol. 7, no. 2 (25). Available at: <http://humjournal.rzgmu.ru/art&id=377>, accessed 13.02.2021 [in Russ.].
5. Scuotto V., Del Giudice M., Garcia-Perez A., Orlando B. Ciampi F. (2020) *Journal of Technology Transfer*, vol. 45, iss. 6, pp. 1634—1654.
6. Chryssou C. E. (2020) *Industry and Higher Education*, vol. 34, iss. 5, pp. 342—357.
7. Schulze-Krogh A.C., Calignano G. (2020) *Journal of the Knowledge Economy* 2020, vol. 11, iss. 3, pp. 908—930.
8. Gan Q., Hong J., Hou B. (2021) *Technology Analysis and Strategic Management*, vol. 33, iss. 5, pp. 554—567.
9. Hutaibat K., Alhatabat Z., von Alberti-Alhtaybat L., Al-Htaybat K. (2021) *Measuring Business Excellence*, vol. 25, no. 2, pp. 171—188.
10. Vekic A., Djakovic V., Borocki J., Sroka W., Popp J., Oláh J. (2020) *Amfiteatru Economic*, no. 22 (54), pp. 533—550.
11. Mokoena B. A., Mafini C. (2016) *Corporate Board: Role, Duties and Composition*, vol. 12, iss. 3, pp. 43—50.
12. Philbin S. P. Kaur R. (2020) *Journal of Modern Project Management*, vol. 7, iss. 4, pp. 254—275.
13. Szucs F. (2018) *Research Policy*, vol. 47, iss. 7, pp. 1256—1266.
14. Secundo G., Elena Perez S., Martinaitis Z., Leitner K. H. (2017) *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 123, pp. 229—239.
15. Rodionov D., Velichenkova D. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, vol. 6, iss. 4, pp. 1—26.
16. Ouellette L. L., Tutt A. (2020) *International Review of Law and Economics*, vol. 61.
17. Cullen M. D. M., Calitz A. P., Chetty M.-A. (2020) *Southern African Journal of Entrepreneurship and Small Business Management*, vol. 12, iss. 1, pp. 1—12.
18. Moradi-Motlagh A., Jubb C., Houghton K. (2016) *Pacific Accounting Review*, vol. 28, iss. 4, pp. 386—400.
19. Ishkhanyan M. V., Karpenko N. V. (2019) *Ekonometrika* [Econometrics]. M.: MGUPS (MIIT) [in Russ.].

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Вестник Челябинского государственного университета.
2021. № 12 (458). Экономические науки. Вып. 75. С. 187—198.

УДК 338.245
ББК 68.71(7)

DOI 10.47475/1994-2796-2021-11222

МИЛИТАРИЗАЦИЯ ЭКСПОРТА США В ПЕРИОД 1946—2020 ГГ.: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА, РЕЗУЛЬТАТЫ

В. Н. Минат

Рязанский государственный агротехнологический университет им. П. А. Костычева, Рязань, Россия

Цель исследования состоит в выявлении тенденций милитаризации экспорта США в структурно-динамическом изменении основных показателей за 1949—2020 гг. Используется набор приемов статистико-экономического исследования в сочетании с иллюстративно-графическим методом, а также абстрактно-логическим методом, используемым при анализе источников. Полученные результаты отражают следующие тенденции милитаризации экспорта США: рост абсолютных значений милитаризованных товарных групп в экспорте США, сочетание растущего экспорта ВВТ с экспортом «сопутствующих товаров» и соответствующих услуг, создание мультипликативного эффекта для развития высокотехнологичных производств ВПК США в процессе многолетней милитаризации экспорта ВВТ и «сопутствующих товаров». Милитаризация американского экспорта выступает важным инструментом проведения экспансионистской внешней политики США в мировом пространстве, нарастающей в своем влиянии по мере глобализации общественного развития.

Ключевые слова: *военно-промышленный комплекс США, внешняя торговля США, милитаризация американского экспорта, внешнеторговый экспансионизм, экспорт вооружений и военной техники.*

Военно-промышленный комплекс (ВПК) имеет колоссальное влияние на характер и направление эволюции общественно-экономических отношений Соединенных Штатов Америки и, более того, в значительной степени определяет государственную политику, внутриэкономическое развитие и внешнеэкономическую динамику страны в течение как минимум последних семи десятилетий. Капиталистический способ производства не мог не способствовать неограниченному росту appetites капитала, в особенности в те исторические периоды, когда США находились в «точке бифуркации» (В. И. Бархатов и Д. А. Плетнев [7]), выбирая путь дальнейшей, постоянно возрастающей в пространстве и времени экспансии, приведшей к проблемам современной глобализации, одной из которых является милитаризация системы общественных отношений (от лат. *militaris* — военный). Американская модель ВПК (*Military industrial complex*) сформировалась и окрепла в результате милитаризации экономики США в период Второй мировой войны и ближайшего послевоенного времени, связанного с началом «противостояния двух систем» (1940—1946) в качестве политико-экономического конгломерата правящих

кругов страны, получивших колоссальные выгоды от продажи военной продукции и военно-технического сотрудничества, полностью отвечающего интересам крупного американского бизнеса, о чем автор настоящей статьи публиковал материалы совместно с А. С. Соколовым и А. Г. Чепиком [22; 24; 33]. В период так называемой «холодной войны» (1946 — конец 1980-х гг.) эта модель постоянно эволюционировала в направлении транснационального, а затем и глобального развития, ориентируясь на колоссальную поддержку федерального правительства и Конгресса США¹, способствовавших развязыванию широкомасштабной гонки вооружений. Одним из результатов общемирового стратегического доминирования Америки, вставшей

¹ В работе И. В. Быстровой отмечено: «В период холодной войны Конгресс США устойчиво голосовал за высокие военные расходы. Так, из 435 членов Палаты представителей 360 были избраны от штатов с большим количеством оборонных предприятий. Военные корпорации активно лоббировали военные заказы и в Сенате. Вплоть до начала 1970-х гг. не было сильной оппозиции этому курсу, и только кризис в обществе, связанный с длительной войной во Вьетнаме, изменил ситуацию в сторону политики разрядки и значительного сокращения военных расходов» [9. С. 38].

во главе противостояния капиталистического мира советской политической системе, стала нарастающая милитаризация американского экспорта «специальных категорий» товаров, технологий «двойного» и откровенно военного назначения.

Милитаризация экспорта США, осуществляемого как в *скрытой/латентной* (в том числе теневой, криминальной), так и в *открытой / официально декларируемой* форме, нашла отражение не только в ряде научных публикаций — Р. И. Зименкова (собственных [11] и в соавторстве с Е. Н. Соколовой [12]), В. М. Кузьминой и А. С. Молодовой [14], но и в публицистических исследованиях, раскрывающих актуальные аспекты развития военного и военно-технического сотрудничества Соединенных Штатов с теми или иными странами мира. Причем западными журналистами, в частности М. Педеро [27], и учеными, например С. Роуз-Аккерман [29], внешнеторговое сотрудничество США с другими странами (прежде всего с латиноамериканскими, африканскими, ближневосточными, а также, например, с Канадой и КНР времен «холодной войны») в сфере обмена (прежде всего американского экспорта) вооружений и военной техники рассматривается в разрезе политико-экономической коррупции и криминализации глобального масштаба. Английские экономисты М. Д. Гарсия-Алонсо и П. Левин, основываясь на теории игр, предложили собственную модель, разработанную непосредственно для рынка вооружений и военной техники, исходя из факторов, имеющих, на их взгляд, приоритетное значение. Среди них были выделены: национальная безопасность, несовершенная конкуренция, государственное влияние на фирмы — поставщиков оружия, государственный оборонный заказ, отношения между государствами — экспортерами вооружений, возможность между ними кооперации для создания новых видов военной техники [2]. Российские исследователи обращают внимание на возросшую роль теневой экономики в мировом экономическом пространстве [32], его межтерриториальную дифференциацию и неоднородность социально-экономического развития [28], используемые в милитаристских и экспансионистских внешнеэкономических целях американскими правящими кругами в современном мире.

В свое время советскими специалистами, в частности Е. Н. Истоминой, в сфере внешнеторговых отношений США были обоснованы два направления милитаризованного (ориентированного на вывоз продукции и технологий военного на-

значения) экспорта, осуществляемого в *открытой форме*, заключающихся «в сбыте военных товаров и материалов по программам военной помощи, дополненным, особенно с начала 60-х годов, сбытом оружия за наличный расчет и в кредит. В конечном счете процесс милитаризации оказал влияние на экспорт в целом» [13. С. 175]. Приведенный тезис подтверждается исследованиями автора, предметом которых выступили экспортно-импортные отношения США с другими странами в период 1946—2020 гг. [17], в особенности во внешнеторговом секторе высокотехнологичного экспорта [18; 23] и стимулирования последнего [21], что оказало огромное влияние на структуру прежде всего НИОКР-интенсивных отраслей обрабатывающей промышленности США [20].

Наконец, тесная, даже определяющая связь продукции военного назначения, производимой Соединенными Штатами (равно как и любой другой страной), с научно-технической и инновационной активностью экономической системы, подверженной, как известно, в своем циклическом развитии перманентно возникающим структурно-динамическим изменениям, отягощенным наложением финансовых, энергетических, социальных и иных кризисов, дополнительно подстегивает милитаризацию американского экспорта. Результаты современных исследований циклической природы общественно-экономического и инновационно-технологического развития, проведенных Е. В. Харченко и П. В. Гейдрихом, подтверждают объективный и органичный характер непрерывного обновления «устаревших экономических систем более новыми и продуктивными» [31. С. 18]. Такое «созидательное разрушение» (по Й. Шумпетеру) в глобальных условиях неопределенности и высококонкурентных рынков способствует постоянному перестраиванию всего высокотехнологичного сектора экономики, львиная доля которого принадлежит компаниям ВПК США, специализированная продукция которых постоянно занимает немалую долю в экспорте. Тем более что, по обоснованному мнению как советских, в частности В. Г. Курьерова [15], так и современных российских, например Л. Ф. Лебедевой [16], и американских, а именно П. Д. Хофмайера [3], ученых, государственное стимулирование экспорта Соединенных Штатов, направленное на выравнивание торгового баланса страны, опиралось всю вторую половину XX в. и вплоть до недавнего времени (в период президентства Д. Трампа) во многом именно на товарные группы, связанные с вооружением и военной техникой.

С исключением из предметной области настоящего исследования незаконной торговли оружием посредством использования теневых и криминальных посредников милитаризация *коммерческого американского экспорта*, по мнению автора, может быть представлена двумя группами показателей, отраженных в официальной статистике за период 1949—2020 гг.:

а) экспортные поставки вооружений и военной техники, ВВТ (*weapons and military equipment, WME*) компаний, относящихся к ВПК США, либо их посредников, аффилированных с бизнес-структурами официального рынка, по двум основным каналам:

— в рамках государственных программ военной помощи¹;

— «прямые коммерческие продажи» (*Direct Commercial Sales*) или «лицензионный коммерческий экспорт оружия» (*Licensed Commercial Arms Export*);

— в рамках иных программ помощи², «содержание которых относительно их механизма управления было значительно изменено» [11. С. 24];

б) экспорт «сопутствующих товаров» (*related products*) и предоставление услуг по их техническому и информационному обслуживанию, а также специальных технологий, имеющих так называемое «двойное» назначение» (*dual-use technologies*).

Основываясь на данных открытой американской статистики и общедоступных рейтинговых исследованиях (в частности, *SIPRI Arms Industry Database*), отражающих официальные показатели внешнеторговых операций военно-промышленных концернов и аффилированных с ними бизнес-структур — крупнейших подрядчиков ВПК США, используя приемы *статистико-экономичес-*

кого (экономическая группировка, графический прием, экономическое сравнение, сопоставление параллельных рядов) и *абстрактно-логического исследования* (индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия, сопоставление, восхождение от абстрактного к конкретному, системно-структурный прием, формализация), автор получил следующие результаты.

Изначально, по мнению автора, необходимо обратить внимание на ряд аспектов, раскрывающих структурно-динамические тенденции милитаризации американского экспорта, а также сложности его анализа и оценки — как в статике, так и в динамике:

Во-первых, в объеме общего и простимулированного экспорта США за 1949—2020 гг. доля милитаризованного экспорта, представленная в относительных (процентных) показателях, на первый взгляд, не представляется существенной (от нескольких процентов до долей процента в разные периоды [17; 21]), что, однако, не отражает внешнеполитической роли этого сегмента экспорта.

Во-вторых, существенный разброс, наблюдаемый в отношении порядка цифр, отражающих показатели экспорта ВВТ. Так, в упомянутых в выше исследованиях Р. И. Зименкова и В. М. Кузьминой (оба в соавторстве) [11; 12; 14], ориентированных на оценочные данные Стокгольмского международного исследовательского института мира (СИПРИ, SIPRI) [5; 10], объем экспорта ВВТ характеризуется значениями, пятикратно уступающими аналогичным данным, опубликованным ТАСС со ссылкой на Госдепартамент США³.

¹ В период так называемой «холодной войны» поставки по программам военной помощи, оказываемой США в открытую, являлись важнейшим инструментом внешнеполитической стратегии. Эта помощь начиная с 1949 г. оказывалась странам, входящим в военные блоки и имеющим с Соединенными Штатами двусторонние военные договоры. В настоящее время доминирует программа «Продажа продукции военного назначения зарубежным государствам» (*Foreign Military Sales*).

² Специалисты особо выделяют следующие из числа таких программ: Региональная программа стипендий Минобороны в области борьбы с терроризмом (*Regional Defense Counterterrorism Fellowship Program*), фонды поддержки коалиции (*Coalition Support Fund*), Глобальная программа обучения и оснащения (*Global Train and Equip*), программа «Фонды статьи 1207» [11; 12]. Когда в 2010 г. срок действия последней из перечисленных программ истек, Конгресс США создал новую структуру — Фонд реагирования на комплексные кризисные ситуации (*Complex Crisis Fund*).

³ «Вашингтон, 4 декабря 2020 г. /ТАСС/. Объемы экспорта американских вооружений и военной техники увеличились в 2020 финансовом году на 2,8% и достигли показателя в \$175,08 млрд. Такие данные обнародовал в пятницу Госдепартамент. Согласно изложенным им сведениям, поставки оружия за рубеж по межправительственным соглашениям составили \$54 млрд (против \$51 млрд в 2019 финансовом году). Крупнейшими клиентами США стали Япония, Марокко, Израиль, Сингапур, Египет, Франция, Индонезия. При этом прямые коммерческие поставки оружия были равны в 2020 финансовом году, закончившемся 30 сентября, \$124,3 млрд. В 2019 финансовом году они были зафиксированы на уровне \$114,7 млрд. Таким образом, речь идет о росте в размере 8,4%. По этой статье продаж основными клиентами компаний военно-промышленного комплекса США стали их партнеры в Австралии, Италии, Канаде, Японии и ряде других стран. Общий объем экспорта оружия и военной техники США в 2019 финансовом году составлял \$170,09 млрд, отметило американское внешнеполитическое ведомство» [34].

В-третьих, подтвержденный экономико-статистическими исследованиями транснациональный, согласно советским справочникам [30], а в настоящее время откровенно глобалистский, по мнению С. Т. и П. Д. Веземанов [6], характер внешнеэкономических операций в сфере ВВТ и «сопутствующих товаров», в особенности информационных технологий, как считают Дж. Каверли и Э. Б. Капштейн [1],

В-четвертых, решающее влияние прямого и косвенного государственного стимулирования не только развития ВПК США, прежде всего за счет постоянного увеличения расходов федерального бюджета на военные нужды, по мнению А. Б. О'Коннелл [4], в особенности в сфере НИОКР и внедрения высоких технологий при создании новейших образцов ВВТ. Практическим (если угодно, материальным) выражением указанного стимулирования военного производства в США выступает, по мнению автора, приоритетное финансирование соответствующих милитаристских/скрытомилитаристских (имеющих «двойное назначение») программ в сфере НИОКР [25; 26].

В-пятых, милитаризация экспорта США поддерживается за счет активного противодействия политике стран — конкурентов на рынке ВВТ и «сопутствующих товаров»: в период «холодной войны» это прежде всего СССР, а в настоящее время — Россия, занимающая второе место на указанном рынке¹.

Основываясь на приведенных положениях исследований российских и американских специалистов, можно выявить тренд (курс) на постоянную милитаризацию экспортной деятельности США, который подтверждается эмпирическим исследованием автора (см. рисунок на с. 191).

Диаграмма рисунка отражает структурно-динамические тенденции милитаризации экспорта ВВТ и «сопутствующих товаров» и услуг США в 1949—2020 гг., которые выражаются в следующем.

Прежде всего прослеживается постоянное увеличение не только экспорта ВВТ, но и «сопутствующих товаров» в период 4-го технологического уклада и услуг, представленных в период нового, 5-го технологического уклада (с 1980-х гг.) телекоммуникационным, компьютерно-программным обеспечением, спутниковой связью и т. п. Структурное соотношение показателей обеих групп

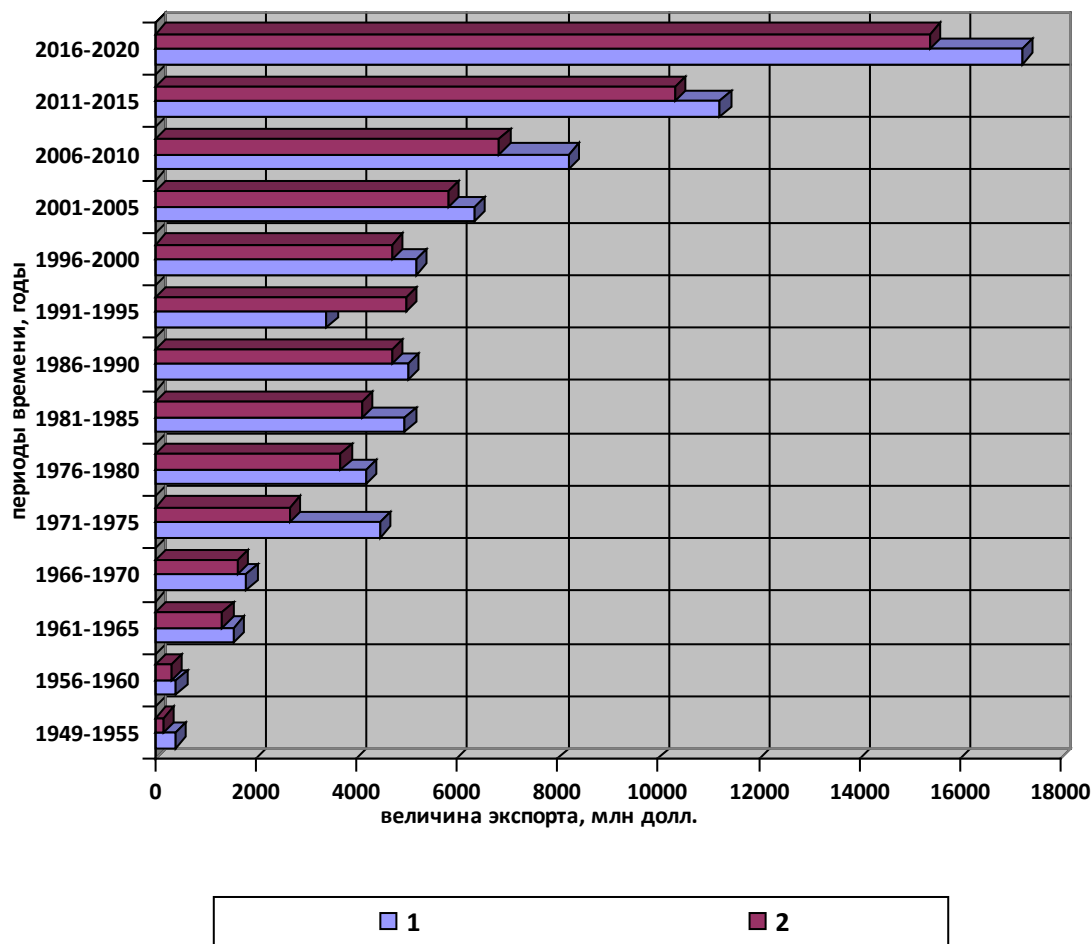
милитаризованного экспорта США отражает возрастающую роль научно-технической инновационной составляющей не только в реализации, но и в обслуживании ВВТ, поскольку, чем сложнее техника, тем шире по номенклатуре товаров и услуг и выше по НИОКР-интенсивности уровень ее обслуживания.

Кроме того, внешнеэкономическая, конкретнее — внешнеэкономическая (в данном случае экспортная) деятельность, подверженная милитаризации на основе достижений науки и технологий, во всем ВПК США создает мультипликативный эффект, расширяющий и диверсифицирующий бизнес-партнерские и государственно-частные элементы сотрудничества по созданию новейших образцов ВВТ в экономике, стимулируя не только высокотехнологичную сферу, но и занятость, как показало специальное исследование автора [19]. Последнее представляется особенно актуальным на фоне кризисных и посткризисных социально-экономических процессов глобальной экономики, вызванных пандемией коронавируса, на что обращают внимание В. И. Бархатов и Д. А. Плетнев [8].

Пространственная (географическая) структура милитаризованного экспорта США складывается в разные исторические периоды в зависимости от политической и экономической конъюнктуры, ориентированной в целом на экспансионистский характер внешнеэкономических операций на мировом рынке, в особенности специфической продукцией военного назначения. Этот аспект требует отдельного анализа и оценки (табл. 1).

Представленные в табл. 1 данные отражают целый ряд структурно-динамических тенденций экспорта ВВТ и «сопутствующих товаров» и услуг США за последние 70 лет, которые в целом ярко характеризуют пространственный аспект милитаристской направленности внешней политики и внешней торговли США, выступающей «ударной» компонентой общего экспансионистского развития американской капиталистической системы. Выделенные периоды времени отражают лишь региональную направленность этой экспансии, обусловленную политической и внешнеэкономической конъюнктурой на создание общемирового / глобального рынка вооружений. В рамках этого рынка, несмотря на специализацию и международное разделение труда (МРТ), в первую очередь между государствами-членами НАТО, главным распорядителем и «мировым судьей» выступает ВПК США со своими стратегическими интересами по всему миру. Однако цифры свидетельствуют

¹ По сообщениям СМИ, Министерство торговли США уже в первые месяцы президентства Д. Байдена, подтверждая ужесточение внешнеполитического и внешнеэкономического курса, огласило запрет на поставку в Россию оружия и военных технологий, в том числе их программного обеспечения с 18 марта 2021 г.

Динамика и структура экспорта вооружений и военной техники (1), а также «сопутствующих товаров» и услуг (2) США в средних значениях за определенные периоды 1949—2020 гг.

Источники: [5], [10], [11], [13].

о снижении американского милитаризованного экспорта в страны Западной Европы с 1949 г. до середины 2000-х гг. Это говорит о нежелании упускать прибыль от эффективно налаженных высокотехнологичных отраслей европейских стран. И только политическое давление США на все, без исключения, европейские страны — члены НАТО либо государства, стремящиеся к членству в этом агрессивном блоке, направленном в первую очередь против России и Китая, вынудило правительства ряда европейских стран, преимущественно «новых» членов блока, увеличить импорт ВВТ и «сопутствующих товаров» и услуг из Соединенных Штатов за последние 15 лет.

На протяжении рассматриваемого периода «американоцентричный» мировой/глобальный рынок ВВТ держится, как правило, на традиционных экспортно-импортных отношениях со странами Ближнего Востока (главные импортеры — Саудовская Аравия, Объединенные Арабские

Эмираты), Южной Азии (прежде всего Индией и Пакистаном), странами АТР, включая Японию и новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии (обладающие собственным высокотехнологичным производством, но политически зависимые от США). Об этом свидетельствует непрерывный положительный семидесятилетний тренд милитаризованного экспорта США в указанные регионы мира. Начиная с 1970-х гг. на этих географических сегментах рынка ВВТ нарастает конкурентная борьба американских военно-промышленных гигантов с ВПК крупнейших стран Западной Европы (Великобританией, Германией, Италией, Францией), СССР / Российской Федерацией, позднее — с Китаем и Южной Кореей.

Эволюционируют не только геопространственная направленность и структурные формы, но и методы экспорта ВВТ и «сопутствующих товаров» и услуг США, различающиеся условиями заключаемых контрактов. Так, в 1960-х — начале 1970-х гг.

Таблица 1

**Динамика пространственной структуры экспорта вооружений, военной техники,
«сопутствующих товаров» и услуг США в средних значениях
за определенные периоды 1949—2020 гг., %**

Периоды \ Регионы мира	Западная Европа и Канада	Ближний Восток и Южная Азия	Восточная Азия и АТР*	Африка, включая ЮАР**	Латинская Америка
1949—1955	91,0	6,2	2,0	—	0,8
1956—1960	83,1	8,5	7,3	0,1	1,0
1961—1965	70,2	14,2	12,3	1,0	2,3
1966—1970	52,8	29,8	11,7	1,5	4,2
1971—1975	39,7	35,0	18,4	1,9	5,0
1976—1980	23,8	39,4	28,9	2,3	5,6
1981—1985	18,8	44,4	30,6	1,9	4,3
1986—1990	11,0	48,6	33,9	1,4	5,1
1991—1995	7,5	43,2	37,0	2,9	9,4
1996—2000	9,1	42,0	38,6	3,3	7,0
2001—2005	8,3	43,3	40,6	2,4	5,4
2006—2010	9,3	42,8	39,5	3,3	5,1
2011—2015	9,9	41,0	40,0	3,1	5,0
2016—2020	10,7	41,6	38,7	3,0	6,0

* АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион, включая Японию, Австралию, Новую Зеландию.

** ЮАР — Южно-Африканская Республика.

Источники: [5], [10]—[14].

условия контрактов на продажу американского оружия по регионам мира подразделялись определенным образом (табл. 2).

Представленная таблица (табл. 2) позволяет анализировать относительные показатели, представленные в ней, в двух направлениях (аспектах), раскрывающих структуру и 10-летнюю динамику внешней торговли США оружием в зависимости от условий (видов) контрактов за 1960—1970 гг.

Так, условно «по горизонтали» в столбцах под цифрой 1 прослеживается динамика долевого участия различных регионов-импортеров по каждому виду контрактов на экспорт оружия США за выделенный период. Таким образом, четко просматривается, на каких условиях осуществлялись поставки американского оружия в развитые страны — партнеры по блоку НАТО и в развивающиеся страны (по классификации того времени), как менялась видовая структура контрактов в 1960—1970 гг.

Условно «по вертикали» в столбцах под цифрой 2 наблюдается динамика видовой структуры контрактов на поставку американского вооружения в конкретный регион мира за выделенный период. Каждый из трех выделенных временных отрезков в рамках общего 10-летнего пери-

ода, принятый за 100%, отражает региональные различия в условиях контрактов на экспорт американского оружия. Опять-таки в зависимости от уровня развития стран, входящих в тот или иной регион мира.

Синтез обоих указанных направлений анализа табл. 2 позволяет не просто констатировать различия в условиях продажи американского оружия мировым партнерам, но и выявить некоторые особенности этого процесса в 1960-х — начале 1970-х гг. Как видим, основная часть поставок производилась за наличный расчет через Министерство обороны США (МО), а также на обычных коммерческих условиях (страны Западной Европы, Канада). Закупки всех экономически развитых стран капиталистической системы анализируемого периода осуществлялись преимущественно на коммерческих условиях. По всем районам мира закупки оружия США за наличный расчет составляли в среднем 76% общей суммы проданного оружия. В счет займов Экспортно-Импортного банка (ЭИБ) и по его экспортным кредитам было реализовано оружия на сумму около 3 млрд долл. из 11,5 млрд долл. общей суммы продаж американского оружия. Удельный вес развивающихся стран в закупках

Таблица 2

Условия (виды) контрактов на продажи американского оружия в распределении по регионам мира за 1960—1970 гг., %

Условия (виды) контрактов и периоды	Регионы мира		Западная Европа и Канада		Ближний Восток и Южная Азия		Восточная Азия и АТР		Африка, включая ЮАР		Латинская Америка	
	1*	2**	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
За наличный расчет через МО***	1960/61—1967/68	82,8	56,7	7,9	26,9	7,4	29,0	1,0	44,5	0,9	18,3	
	1968/69	66,5	73,0	27,4	54,0	3,7	21,2	1,2	59,6	1,2	26,2	
	1969/70	69,8	52,9	19,5	25,6	7,0	20,6	0,9	26,3	2,8	19,1	
Коммерческие поставки	1960/61—1967/68	75,9	29,6	12,1	23,4	9,0	20,0	1,3	36,3	1,7	19,9	
	1968/69	67,0	22,0	15,1	9,0	11,3	19,5	1,4	21,3	5,2	33,4	
	1969/70	59,4	39,9	23,5	27,4	12,5	32,6	0	0	4,6	27,7	
По займам ЭИБ****	1960/61—1967/68	66,8	12,7	0	0	33,2	35,9	0	0	0	0	
	1968/69	36,3	5,0	0	0	63,7	46,6	0	0	0	0	
	1969/70	50,2	7,2	0	0	49,8	27,8	0	0	0	0	
По экспортным кредитам ЭИБ с гарантией МО	1960/61—1967/68	6,2	1,0	63,0	49,7	16,3	15,1	1,7	19,2	12,8	61,8	
	1968/69	0	0	79,4	37,0	9,2	12,7	1,6	19,1	8,2	40,4	
	1969/70	0	0	67,9	47,0	12,3	19,0	4,8	73,7	15,0	53,2	

* 1 — доля от суммарного значения по определенному виду контрактов за выделенный период между регионами — импортерами американского оружия.

** 2 — доля от суммарного значения по всем видам контрактов на поставку американского вооружения в конкретный регион мира за выделенный период.

*** МО — Министерство обороны США.

**** ЭИБ — экспортно-импортный банк.

Источник: [13. С. 188—189].

оружия США за 1961—1968 гг. составлял всего 5,5 %, однако закупки этими странами оружия за наличный расчет были невелики по отношению к приобретению в кредит. Так, за 1961—1966 гг. это соотношение составляло 1 : 7 при общей доле закупок американского оружия данной группой стран не менее 11 %.

В 1967 г. экспортные возможности американского ВПК были существенно расширены именно за счет ЭИБ под гарантии МО. Военное ведомство США обязалось гарантировать займы на покупку оружия, покрывая 25 % их стоимости из своего оборотного фонда, выросшего с 383 млн долл. до 1,5 млрд долл. в 1967 г. Остальную часть займа выделял ЭИБ на имя МО по так называемому «счету страны X». На указанных условиях займы были предоставлены 14 развивающимся странам (Саудовская Аравия, Иран, Аргентина, Бразилия и др.) с погашением в течение 5—7 лет и с уплатой 3,5—5,5 % годовых.

В 2000—2010-х гг. не только изменились политические и геополитические предпочтения правящих кругов (правительства и ВПК) США в стратегии и тактике продаж оружия, связанные с выбором импортеров, но и появились новые методы и формы торговли оружием, охарактеризованные специалистами профильных исследовательских центров [11; 12]. Это обусловлено изменением типа и уровня конкуренции на рынке ВВТ и «сопутствующих товаров» и услуг с транснациональных на глобальные (по преимуществу информационно-цифровые). К таким «новшествам», помимо *аутсорсинга* и *лизинга*, относится *выдача* (по сути — торговля) *лицензий на производство ВВТ*.

Отдельным фактором стимулирования экспорта американского вооружения и связанных с его применением технологий является постоянно усиливающееся противодействие со стороны МО, Конгресса, Госдепартамента США мировым конкурентам на рынке вооружений. Начиная с отмеченного выше противостояния двух систем и вплоть до настоящего времени зависимость рыночных (контрактных) инструментов от политического давления Соединенных Штатов на своих союзников по НАТО, а тем более на государства, относимые к главным врагам американского господства на глобальном рынке ВВТ (и не только) и их партнерам по торговле оружием, только на-

растает. Россия и Китай, Иран и Сирия вписаны в доктрину «американоцентричного» рынка вооружений в качестве объектов прямого политического (на грани военного) давления, что показывают события последних лет, независимо от лидерства той или иной партии в США и ее лидеров, учитывающих, а скорее, обслуживающих, интересы ВПК страны.

Таким образом, несмотря на незначительную долю экспорта ВВТ и «сопутствующих товаров» и услуг, как в общем, так и простимулированном государством экспорте США, можно развить представление о милитаризации американского экспорта на протяжении 1949—2020 гг., исходя из следующих тенденций:

- рост абсолютных значений милитаризованных товарных групп в экспорте США;
- сочетание растущего экспорта ВВТ с экспортом «сопутствующих товаров» и соответствующих услуг, связанное с необходимостью обслуживания современной военной техники и систем вооружения;
- создание мультипликативного эффекта для развития высокотехнологичных производств ВПК США в процессе многолетней милитаризации экспорта ВВТ и «сопутствующих товаров»;
- государственное стимулирование милитаризованного экспорта США в геополитических и геостратегических целях глобального преимущества.

Следовательно, глобальное доминирование США на мировом рынке имеет такой важный инструмент, как экспорт ВВТ и «сопутствующих товаров» и специализированных инновационных услуг. Этот инструмент, не менее значимый в проведении внешнеполитического и внешнеэкономического курса СССР, а затем Российской Федерации, на протяжении длительного времени способствует паритету и поддержанию баланса сил в мире при сопоставимом соотношении ВПК обеих стран. Имея свои отрицательные черты для экономики (что подтверждается гонкой вооружений), милитаризация высокотехнологичной сферы производства и программного обеспечения, к сожалению, не может быть утрачена в мире глобальной конкуренции, где постепенно стирается грань между прямым экспортом и внешнеторговой экспансией со стороны крупнейших экономик мира — США, Китая, Евросоюза.

Список литературы

1. Caverley J. Kapstein E. B. How Washington Squandered Its Monopoly on Weapons Sales // *Foreign Affairs*. 2012. No 5. URL: www.foreignaffairs.com/articles/138035/jonathan-caverley-and-ethan-b-kapstein/arms-away (дата обращения 16.03.2021).
2. García-Alonso M. D. C., Levine P. Arms trade and arms races: a strategic analysis // *Handbook of Defense Economics*. 2007. Vol. 2. P. 942—971.
3. Hofmeier P. D. Stimulating foreign trade policy. The White House and Congress Guard America's Global Dominance // *The American Economic Review*. 2019. Vol. 109, no. 3. P. 956—980.
4. O'Connell A. B. The permanent militarization of America // *The New York Times*. 2012. No. 4.
5. The SIPRI Yearbook. 1949—2020. Armaments, Disarmament and International Security. URL: <https://www.sipri.org/yearbook/> (дата обращения 20.03.2021).
6. Wezeman S. T., Wezeman P. D. SIPRI Trends in international arms transfers, 2013 // *Fact Sheet*. 2014. March. URL: <https://www.books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1403.pdf> (дата обращения 14.03.2021).
7. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Конец «конца истории» и будущее экономики // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 2 (436). Экономические науки. Вып. 68. С. 7—8.
8. Бархатов В. И., Плетнев Д. А. Пандемия как тест на конкурентоспособность и способность к развитию социально-экономических систем // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 10 (444). Экономические науки. Вып. 70. С. 7—9.
9. Быстрова И. В. Военно-промышленные комплексы США и СССР: конституционно-политические аспекты функционирования // *Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2010. № 1 (13). С. 36—43.
10. Ежегодник СИПРИ 2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 1010 с.
11. Зименков Р. И. Политика США в области экспорта вооружений // *США & Канада: Экономика — Политика — Культура*. 2018. № 10. С. 21—35.
12. Зименков Р. И., Соколова Е. Н. США на мировом рынке вооружений в начале XXI века. М.: Науч. кн., 2011. 240 с.
13. Истомина Е. Н. США в борьбе за рынки. М.: *Международ. отношения*, 1971. 240 с.
14. Кузьмина В. М., Молодова А. С. Динамика мирового экспорта вооружений и военной техники на современном этапе развития международных отношений // *Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент*, 2019. Т. 9, № 6. С. 10—21.
15. Курьеров В. Г. Внешнеторговая стратегия США. М.: *Международ. отношения*, 1980. 228 с.
16. Лебедева Л. Ф. Новая модель торговых отношений между странами: вариант Д. Трампа // *Международная торговля и торговая политика*, 2020. № 1 (21). С. 20—27.
17. Минат В. Н. Динамика внешней торговли США: анализ товарной и региональной структуры экспорта — импорта // *Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент*, 2020. Т. 10, № 6. С. 20—31.
18. Минат В. Н. Динамика структуры внешней торговли США высокотехнологичной продукцией обрабатывающей промышленности // *Международная торговля и торговая политика*. 2020. Т. 6, № 4 (24). С. 44—62.
19. Минат В. Н. Динамика структуры занятости населения США в национальной экономической деятельности // *Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент*, 2020. Т. 10, № 4. С. 174—183.
20. Минат В. Н. Инновационная деятельность и пространственная структура обрабатывающей промышленности США // *Инновации*. 2020. № 10 (264). С. 82—94.
21. Минат В. Н. Стимулирование экспорта США: структура, динамика, результаты // *Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент*. 2021. Т. 11, № 1. С. 38—48.
22. Минат В. Н., Соколов А. С. Вторая мировая война — главная антикризисная мера развития американского капитализма (1929—1945 гг.) // *Свободная мысль*. 2020. № 3. С. 63—76.

23. Минат В. Н., Чепик А. Г. Внешнеторговые отношения и инновационная деятельность США // Международная торговля и торговая политика, 2020. Т. 6, № 2 (22). С. 5—21.
24. Минат В. Н., Чепик А. Г. Вторая мировая война как главная антикризисная мера развития американской промышленности (1939—1945 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 6 (440). Экономические науки. Вып. 69. С. 151—160.
25. Минат В. Н. Федеральное финансирование научных исследований и разработок в США: объем, структура, перспективные направления // Известия Саратовского университета. НС. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 256—265.
26. Минат В. Н. Эволюция финансирования промышленных НИОКР в США: динамические и структурные особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021. Т. 23, № 1. С. 177—189.
27. Педреро М. Коррупция. Клоака власти: как и зачем нами манипулируют / пер. с исп. Г. Сахатского. М.: Столица-принт, 2008. 320 с.
28. Положенцева Ю. С. Компаративный анализ тенденций межтерриториальной дифференциации: международные сопоставления // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7, № 3 (24). С. 24—26.
29. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / пер. с англ. О. А. Алякринского. М.: Логос, 2003. 356 с.
30. Современные транснациональные корпорации: экон.-стат. справ. / отв. ред. Г. П. Солюс. М.: Мысль, 1983. 246 с.
31. Харченко Е. В., Гейдерих П. В. Циклы и этапы социально-экономического развития общества в контексте процессов созидательного разрушения // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 2 (27). С. 17—30.
32. Циклаури В. Ю., Белоусова Л. С., Деятилова А. И. Теневая экономика в мировом экономическом пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент, 2017. Т. 7, № 3 (24). С. 15—23.
33. Чепик А. Г., Минат В. Н. О возможностях планового преодоления диспропорций и кризисов экономики США в 1920—1940 гг. // Экономист. 2020. № 6. С. 48—56.
34. Экспорт оружия США вырос в 2020 году на 2,8% // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10177747> (дата обращения 23.03.2021).

Сведения об авторе

Минат Валерий Николаевич — кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента Рязанского государственного агротехнологического университета им. П. А. Костычева, Рязань, Россия. minat.valera@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. № 12 (458). *Economic Sciences.* Iss. 75. Pp. 187—198.

MILITARIZATION OF US EXPORTS DURING 1946—2020: STRUCTURE, DYNAMICS, RESULTS

V. N. Minat

Ryazan State Agrotechnological University named after P. A. Kostycheva, Ryazan, Russia. minat.valera@yandex.ru

The purpose of the study is to identify trends in the militarization of US exports in the structural and dynamic changes in the main indicators. Generalization of the experience of researching the militarization of American exports, theoretical and methodological understanding of the evolution of the export of US arms and military equipment. An empirical study of structural and dynamic changes in militarized exports in 1949—2020. The methodology includes a set of traditional methods of statistical and economic research, combined with an illustrative-graphic method, as well as an abstract-logical method used in the analysis of sources. The results reflect the following trends in the militarization of US exports: an increase in the absolute values of militarized commodity groups in US exports, a combination of growing arms and military equipment exports with

the export of “related” goods and related services, creating a multiplier effect for the development of high-tech industries in the US military-industrial complex in the process of many years of militarization of arms and military equipment exports and related goods. Findings. The militarization of American exports is an important tool for pursuing an expansionist foreign policy of the United States, which is growing in its influence with the globalization of social development.

Keywords: *US military-industrial complex, US foreign trade, militarization of US exports, foreign trade expansionism, export of arms and military equipment.*

References

1. Caverley J. Kapstein E. B. (2012) *Foreign Affairs*, no. 5. Available at: www.foreignaffairs.com/articles/138035/jonathan-caverley-and-ethan-b-kapstein/arms-away, accessed 16.03.2021.
2. García-Alonso M. D. C., Levine P. (2007) *Handbook of Defense Economics*, vol. 2, pp. 942—971.
3. Hofmeier P. D. (2019) *The American Economic Review*, vol. 109, no. 3, pp. 956—980.
4. O’Connell A. B. (2012) *The New York Times*, no. 4.
5. The SIPRI Yearbook. Armaments, Disarmament and International Security (1949—2020). Available at: <https://www.sipri.org/yearbook/>, accessed 20.03.2021.
6. Wezeman S. T., Wezeman P. D. (2014) SIPRI Trends in international arms transfers, 2013, Fact Sheet. Available at: <https://www.books.sipri.org/files/FS/SIPRIFS1403.pdf>, accessed 14.03.2021.
7. Barhatov V. I., Pletnev D. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (436), *Ekonomicheskie nauki*, vol. 68, pp. 7—8 [in Russ.].
8. Barhatov V. I., Pletnev D. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 10 (444), *Ekonomicheskie nauki*, vol. 70, pp. 7—9. doi: 10.47475/1994-2796-2020-11001 [in Russ.].
9. Bystrova I. V. (2010) *Izvestiya Vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*, no. 1 (13), pp. 36—43 [in Russ.].
10. Ezhegodnik SIPRI 2016. Vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost’ (2017) [SIPRI Yearbook 2016. Armaments, Disarmament and International Security]. Moscow, IMEMO RAN, 1010 p. [in Russ.].
11. Zimenkov R. I. (2018) *SSHA & Kanada: Ekonomika — Politika — Kul’tura*, no. 10, pp. 21—35. doi: 10.31857/S032120680001073-4 [in Russ.].
12. Zimenkov R. I., Sokolova E. N. (2011) SShA na mirovom rynke vooruzhenij v nachale XXI veka [USA in the global arms market at the beginning of the XXI century]. Moscow, Scientific book. 240 p. [in Russ.].
13. Istomina E. N. (1971) SShA v bor’be za rynki [USA in the struggle for markets]. Moscow. 240 p. [in Russ.].
14. Kuz’mina V.M., Molodova A. S. (2019) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 9, no. 6, pp. 10—21 [in Russ.].
15. Kur’erov V.G. (1980) *Vneshnetorgovaya strategiya SShA [The foreign trade strategy of the United States]*. Moscow. 228 p. [in Russ.].
16. Lebedeva L. F. (2020) *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, no. 1 (21), pp. 20—27 [in Russ.].
17. Minat V. N. (2020) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 10, no. 6, pp. 20—31 [in Russ.].
18. Minat V. N. (2020) *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, vol. 6, no. 4 (24), pp. 44—62 [in Russ.].
19. Minat V. N. (2020) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 10, no. 4, pp. 174—183 [in Russ.].
20. Minat V. N. (2020) *Innovacii*, no. 10 (264), pp. 82—94 [in Russ.].
21. Minat V. N. (2021) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 11, no. 1, pp. 38—48 [in Russ.].
22. Minat V. N., Sokolov A. S. (2020) *Svobodnaya mysl’*, no. 3, pp. 63—76 [in Russ.].
23. Minat V. N., Chepik A. G. (2020) *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, vol. 6, no. 2 (22), pp. 5—21 [in Russ.].
24. Minat V. N., Chepik A. G. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (440), *Ekonomicheskie nauki*, vol. 69, pp. 151—160. doi: 10.47475/1994-2796-2020-10618 [in Russ.].
25. Minat V. N. (2020) *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo*, vol. 20, iss. 3, pp. 256—265 [in Russ.].

26. Minat V. N. (2021) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, vol. 23, no. 1, pp. 177—189 [in Russ.].
27. Pedrero M. (2008) *Korrupciya. Kloaka vlasti: kak i zachem nami manipuliruyut* [Corruption. The cloaca of power: how and why we are manipulated]. Moscow, Stolitsa-print. 320 p. [in Russ.].
28. Polozhenceva Yu. S. (2017) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 7, no. 3 (24), pp. 24—26 [in Russ.].
29. Rouz-Akkerman S. (2003) *Korrupciya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reform* [Corruption and the state. Causes, effects, reforms]. Moscow, Logos. 356 p. [in Russ.].
30. Solyus G. P. (ed.). (1983) *Sovremennye transnacional'nye korporacii* [Modern transnational corporations. Economic and statistical reference book]. Moscow, Mysl'. 246 p. [in Russ.].
31. Harchenko E. V., Gejderih P. V. (2018) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 8, no. 2 (27), pp. 17—30 [in Russ.].
32. Ciklauri V. Yu., Belousova L. S., Devyatilova A. I. (2017) *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*, vol. 7, no. 3 (24), pp. 15—24 [in Russ.].
33. Chepik A. G., Minat V. N. (2020) *Ekonomist*, no. 6, pp. 48—56 [in Russ.].
34. *Ekспорт oruzhiya SShA vyros v 2020 godu na 2,8%* [U.S. arms exports are up 2.8% in 2020]. TASS [TASS]. Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10177747>, accessed 23.03.2021 [in Russ.].

Уточнение

В выпуске 72 «Экономические науки» «Вестника Челябинского государственного университета» № 3 (449) за 2021 г. информацию об аффилиации к статье «Противоречия развития и роста нефтегазодобывающего северного региона в кризисных условиях» на с. 62 следует читать так:

Е. В. Воронина¹, Н. Н. Мильчакова^{1,2}, И. В. Сергеева¹

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

²Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия